

ХАНТЫ-МАНСИЙСКАЯ ОКРУЖНАЯ
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ»
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД «ДОРОГА ЖИЗНИ»

ЭРИНТУР (ПОЮЩЕЕ ОЗЕРО)

Окружной литературно-художественный альманах

Литературный фонд «Дорога жизни»

Санкт-Петербург / Ханты-Мансийск
2019–2020

УДК 821.161.1 – 1
ББК 84

Некоммерческое издание

Э 77 Эринтур (Поющее озеро): Окружной литературно-художественный альманах. 2019–2020/Ханты-Мансийская окружная общественная организация «Союза писателей России», Литературный фонд «Дорога жизни». – Санкт-Петербург – Ханты-Мансийск: – с. 608

Редакционная коллегия:

В. М. Волковец, С. С. Динисламова, С. А. Луцкий, В. Л. Михайловский, М. М. Рябий, Р. Н. Шайхулов, Т. В. Юргенсон

Редакционный совет:

Е. Д. Айпин, М. К. Вагатова, Д. А. Мизгулин, И. А. Ширманов
(Олег Яненагорский)

Главный редактор В. Л. Михайловский

Обложка Р. Н. Шайхулов. В дизайне обложки использован фрагмент картины Г. С. Райшев. Богатырь на холме. Из триптиха «Перекличка богатырей». 1980. ДВП, м. 54x60

Рукописи не возвращаются.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.
При перепечатке ссылка на альманах обязательна.

Адрес редакции:

628011, г. Ханты-Мансийск, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области, ул. Комсомольская, 31.

ISBN

© Коллектив авторов

ХАНТЫ-МАНСИЙСКАЯ ОКРУЖНАЯ
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ»
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД «ДОРОГА ЖИЗНИ»

ЭРИНТУР (ПОЮЩЕЕ ОЗЕРО)

Окружной литературно-художественный альманах

Литературный фонд «Дорога жизни»
Санкт-Петербург – Ханты-Мансийск
2019–2020

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

А. Игумнов	8
И. Цуприков	18
П. Бармин	34
М. Вагатова	42
В. Волковец	47
В. Михайловский	52
Д. Мизгулин	68
Н. Шамсутдинов	75
А. Кузьмина	86
Н. Сочихин	90
С. Козлов	97
А. Бецко	107
С. Абрамов	112
В. Андреев	124
М. Александрова	133
В. Акимов	139
Б. Карташов	144
С. Юрченко	160
Н. Лексина	165
Т. Зуева	169
М. Анисимкова	175
М. Рябий	184
В. Квашнин – дебют	189
И. Северский (Кириллов)	200
Р. Шайхулов	206
А. Смирнов	214
С. Трохименко	217
А. Голозубов	222
О. Милованова – дебют	226
С. Сметанин	258
СОВЕТСКАЯ КОЛОННА	263
НОВЫЕ ИМЕНА	
О. Журавлёвская	271
С. Пахтышева	273
Д. Баянкин	277

ГОСТИ ПОЮЩЕГО ОЗЕРА

С. Фатыхов	279
А. Кердан	289

ДЕТСКИЙ МИР

С. Лихая	295
Л. Такташева	303

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В. Козлов	308
Ю. Шесталов	315
А. Романов	333
П. Суханов	343

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

О. Яненагорский (И. А. Ширманов)	352
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Л. Быков	372
--------------------	-----

КЛАССИКИ О ВРЕМЕНИ СВОЁМ И НАШЕМ

Н. Г. Чернышевский	397
------------------------------	-----

ДЕЛА ЛИТЕРАТУРНЫЕ	408
-----------------------------	-----

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА, КРАЕВЕДЕНИЕ

Л. Миляева	415
С. Пудов	469
С. Луцкий	487

ВОСПОМИНАНИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ,

ВОСПОМИНАНИЯ...	500
-------------------------	-----

В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА

Г. Райшев	584
В. Ливн	598

ЗАЛ СЛАВЫ

Александра Игумнова, Ивана Цуприкова и Павла Бармина связывает война в Афганистане. Война... Не имеет значения, где воевал человек по зову своего Отечества: на фронтах Великой отечественной войны, в Сирии, в Афганистане или в Чеченской операции. Они, воины – участники этих событий, каждый день смотрели смерти в лицо, на их глазах умирали товарищи. Они, присягнувшие на верность Родине, отстаивали её интересы в самых сложных условиях – в условиях войны. Можно по-разному оценивать действия или бездействия политиков, дипломатов, первых лиц государства, их решения о направлении военных контингентов в те или иные горячие точки. Но одно должно восприниматься с достаточной степенью понимания: солдаты, офицеры, выполняя свой воинский долг, не имея права оспаривать эти решения, встав под ружьё, ставили свои жизни, своё здоровье на алтарь будущих побед. Ведь русский воин проигрывать, терпеть поражение, не привычен. История Отечества красноречиво о том повествует. Он обучен одному – побеждать! Побеждать любой ценой. «Мы за ценой

не постоим...» Это идёт от дедов-прадедов, от отцов наших. Так было, так есть, так будет.

В 2019 году исполнилось 30 лет выводу наших войск из Афганистана. Поздравляем всех солдат и офицеров, участников тех трагических событий с этой датой, датой открывшей нашим воинам победоносный путь на Родину.

В творчестве и Александра, и Ивана, и Павла тема войны присутствует, как и подобает любому писателю, на своём горбу испытавшему тяготы войны, получившему ТАКУЮ зарубину в памяти. И эта память всенепреклонно взыскует к воскрешению того, что, может, и хочется забыть раз и навсегда, но, что будет преследовать всю жизнь.

И ещё: хочется поздравить наших дорогих и мужественных воинов с Великой Победой в Великой Отечественной Войне, которая была сотворена нашими дедами, отцами, нашими женщинами военного поколения, нашим великим многонациональным народом весной 1945 года.

С ВЕЛИКОЙ ПОБЕДОЙ!!!

АЛЕКСАНДР
ИГУМНОВ

Александр Петрович Игумнов родился 13 декабря 1956 года в городе Кизел Пермской области. В школе точные науки не любил, а по литературе и истории всегда было «отлично». После окончания Хлебниковской средней школы, окончил Саратовское высшее военное авиационное училище. Во время учебы там (1974–1977) увлекается литературой, пишет стихи.

После окончания училища, по распределению, служил в Забайкальском военном округе до 1982 года. Службу продолжил в городе Бердичеве Прикарпатского военного округа. В 1983–1984 годах участвовал в боевых действиях в Афганистане. Штурман звена Ми-8 Желалабадского вертолетного полка, налетал свыше 800 часов, выполняя боевую задачу – выслеживать оружейные караваны из Пакистана. В составе экипажа В. Козлова, первым из советских вертолетчиков, как было отмечено в приказе Главкома ВВС, совершил, спасая раненых

солдат, ночную посадку в условиях гор. Награждён боевыми орденами и медалями.

В 1990 году его выбрали членом правления Российского Союза ветеранов Афганистана. Печатался в журналах и альманахах России и Тюменской области. Автор нескольких книг прозы. Член Союза писателей России (1999). Член общественного совета еженедельника «Литературная Россия» и журнала «Мир Севера». Лауреат премии еженедельника «Литературная Россия» за лучший рассказ (1997), лауреат премии Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа в области литературы (дважды). Лауреат международной литературной премии «Югра». Живет в Советском.

РЯДОВОЙ ДЖОН

Герою России советчанину Александр Бузину посвящается

Джон был умница. Когда его мама, средних лет овчарка по имени Роза, ласково и нежно облизала четвёрку родившихся щенков, один из них неожиданно твякнул. В дощатую просторную конуру заглянула физиономия человека. Мама Роза наострила уши, бочком прикрыла свой приплод и на всякий случай незлобно рыкнула. Поворчала и позволила молодому белобрысому собаководу взять шевелящийся комочек в руки. Осторожно раздвинув хлипкие лапки щенка, он удовлетворённо хмыкнул и с удовольствием чмокнул губами его в тёплый носик. Роза зарычала, слабо повизгивая, требуя своё чадо обратно. Потрепав свободной рукой по взъерошенному загривку мамыши, собаковод подsunул щенка ей под бок, улыбувшись, сказал:

– С норовом у тебя сынок, Роза, хорошим воякой будет. Назовём Джоном.

Там, в питомнике, и вырос Джон в мощного тёмно-серого красавца. Что он был умница, спору не было. Он быстро научился выполнять команды: стоять, лежать, ползти, бежать, прыгать и прочей собачьей премудрости. Долго фыркал и чихал, привыкая к запаху взрывчатых веществ. Дико вращая налитыми кровью глазами, воротил морду, кусался и визжал, оставаясь голодным на ночь. Его величество чувство голода и лакомый кусок сахара сделали своё дело. В конце концов, наплевав на мертвячий, прелый запах тола, Джон всё же вынюхал эту нечисть, закопанную в землю и, радостно повизгивая, сделал стойку. Его одобрительно погладили по голове и тут же вручили пайку сладостей, которые щенок миглом схрумкал. Что-то, а сахар он любил, особенно хрустящие на зубах леденцы. Дальше всё пошло, как по маслу. Только успевай, Джон, вынюхивай и получай честно отработанный лакомый кусочек.

Умные люди, как и звери, известно, всегда впереди: в жизни, бою и смерти. Полгода напряжённой подготовки, и готов рядовой Джон к службе в армии. Не догадываясь, что его навсегда увозят от мамы Розы и родного питомника, он добровольно прыгнул в дверной проём самолёта, обнюхал дальний угол кабины и примостился на мягком сером рюкзаке. Полёживал и спокойно глазел на молодых солдат, грузящихся в самолёт, ожидал появления широкоскулой физиономии своего хозяина. Какой-то тип по кличке Шурик прикрепил к ошейнику собаки карабин поводка и со вздохом проговорил:

– Повязаны мы одной верёвочкой, дружище, вместе воевать будем. Теперь я твой хозяин. Сиди смиренно, не дёргайся на взлёте, дорогой Джон.

Джон страшно испугался, когда загрохотали двигатели самолёта. Дёрнулся к двери, но был остановлен рывком поводка и командным криком Шурика «Лежать!» Он был дисциплинированным псом и поэтому незамедлительно лёг брюхом на пол, понуро опустив голову на лапы.

Лишь самолёт взмыл в небо, что-то оборвалось в его животе, защекотало в ушах, закапало из носа. Бежать и спрятаться было некуда. И мама Роза куда-то запропастилась. Одни незнакомые лица солдат – равнодушные и сонные. Только Шурик гладил его по голове с жалостью и тревогой. Постаившая и повизгивая, Джон уткнулся мордой в его ноги, замер, зажмурил глаза, опустил уши, доверив свою собачью жизнь этому человеку. Так он обрёл нового и последнего хозяина в своей жизни.

Наконец-то прекратился грохот двигателей, и самолёт замер на стоянке. Александр, подтолкнув коленкой под зад, спустил собаку с поводка. Под оглушительный смех десантуры, ловко юркнув между солдат, пёс пулей вылетел из грузовой кабины, прыгнув, минуя трап, прямо на бетон Кабульского аэродрома. Отбежал в сторону, пару раз чихнул, поднял ногу и презрительно помочился на обетованную землю. Десантура вновь заржала, и Владик, друг Шурика, давась смехом, крикнул:

Ну и псина! Ну и Джон! Себе уже памятник воздвиг не-рукотворный, раньше нас... Молодчина! Так держать! Будете знать русских кобелей, афганские сучки!

Пёс покрутился среди выгружающихся солдат, отыскал Шурика и вильнул перед ним хвостом. Тот благодарно прижал пса к груди и прошептал ему на ухо:

– Вместе воевать будем. И верно, умный ты пёсик у меня.

К вечеру без принуждения собака добровольно впрыгнула в кабину вертушки и полетела с Александром к месту назначения в город Желалабад. Выходит, Рекс, как и его хозяин, пусть по своей псиной глупости, но добровольцем отправился исполнять свой собачий интернациональный долг к чёрту на кулички. Пёс стал бравым воякой. Только штабисты знают, сколько боевых зарядов обезвредила собака, а сколько солдатских жизней спас, не подсчитает никакая статистика.

В тот день шла операция в горной долине, окружённой высокими пиками тысячелетних гор. В вышине парило солнце, и некуда было спрятаться от проклятой жары. Ни кустика, ни деревца, сплошные горячие камни и валуны, да песок, хрустящий на зубах. Усталость в лапах, усталость в глазах, усталость в голове Джона.

– Вперёд, вперёд, – прохрипел, облизывая ссохшиеся от жары губы, Шурик, лениво поправляя на спине ремень автомата и стирая со лба пот.

Пёс неторопливо вышел из-за БТРа на дорогу, взглянул на своего хозяина, который, приспустив поводок ошейника на шее собаки, подбодрил его слабой улыбкой, и Джон привычно уткнулся горячим носом в землю и засеменял по выбитому взрывами грунту. Следом двинулся БТР, на броне которого, держа автомат в руках и свесив ноги, сидел голый по пояс Владик. Позади танк и длинная вереница автомашин. Внизу, в глубоком ущелье, дымились остатки подорвавшейся БМП. В небе урчал вертолёт, увозивший убитых и раненых после подрыва солдат.

Толи опротивели четвероногому сапёру леденцы, которыми с утра пичкал Шурик, толи устал и был рассеян, вспоминая вчерашний роман с косматой сучкой Лорой, или заряд был особенный, закопанный на большую глубину – Джон прошляпил, прошёл мимо, не принял положенной стойки. А хозяин, уверенный в своём поводе, оглянулся назад, махнул рукой, неторопливо отстегнул с пояса фляжку с водой, запрокинул го-

лову, отпил пару глотков, прополоскал рот, выплюнул тёплую жидкость и, не закручивая колпачка, сделал роковой шаг. Земля вздыбилась под его ногами, словно из ада, из преисподней вырвался страшный чёрт, не пожелавший жариться на сковороде. Сильный взрыв сотряс разряженный воздух, и десятки мелких чертей огненным смерчем разлетелись в разные стороны, достав своими смертоносными щупальцами и беднягу Джона. Где-то сверху застрочил пулемёт, ударили автоматы, кувыркаясь, поскакали на дорогу заросшие мхом камни.

– Засада! – успел закричать Шурик, прячась за огромный валун на краю обрыва, строча из автомата в упор по врагу. Гулко бухнула граната, завязался короткий яростный бой. Под прикрытием плотного огня танков раненый в голову Владик и ещё двое десантников осторожно выволокли повизгивающего Джона и тело Шурика из зоны обстрела. Друг Шурика, размазывая по лицу кровавые слёзы, плакал, непрерывно повторяя:

– Всего разнесло... Голова и фляжка, только голова и фляжка, фляжка и голова остались... Если бы не Саня, всех положили, гады...

Он вдруг вздрогнул всем телом, перестал всхлипывать, сощурил глаза, плавным движением правой руки заменил патронный рожок, передёрнул затвор автомата и резко повернулся в сторону полуметровой собаки. С каким-то ожесточением, ненавистью выдавил из себя:

– Ты, псина, виноват, ты... нюхало хренов!

В последний момент Джон на минуту пришёл в себя. Сквозь кровавый туман, застилавший глаза, увидел наведенный на него ствол автомата в руках друга своего хозяина, его колючий помертвевший взгляд. Они долго смотрели друг друга в глаза, человек и собака, два воина, два бойца.

Джон не просил милости: да, он виноват в случившемся и должен понести наказание. Стреляй, Владик, и будешь прав, Джон умница, он всё понимает. Всё, всё... Что прочитал в глазах собаки Владик, останется тайной. Он неожиданно всхлипнул, по-мальчишески хлипнул носом, положил автомат под ноги, присел на корточки, долго гладил понурую голову собаки, встrepенулся и, повернувшись к БТРу, крикнул:

– Серёга, тащи бинт, может, выживет, – он осторожно перевязывал собаку, и его губы непрерывно бубнили:

– Прости, Джон, прости, если сможешь, ещё повоюем, отомстим гадам за Шурика.

По команде радиста взлетевшие несколько минут назад вертушки приземлились на площадку. Перевязанную вдоль и поперёк, тоскливо смотревшую слезящимися глазами вдаль долины собаку, несли на носилках четверо десантников. Позади, еле двигая ногами, плёлся обрызганный собственной и собачьей кровью Владик, матерясь и приговаривая:

– Повоюем ещё, Джон, повоюем, мать духов за ноги.

В вертолёте он бредил, рвал на голове бинты, искал автомат и всё порывался бежать на выручку своего друга Саньки. Он даже не попрощался с Джоном. Владика отправили в госпиталь в Союз, больше в часть он не вернулся.

Собака выжила и через месяц впервые, зажмурившись, взглянула на солнце. Через три месяца Джон превратился в отличного сторожевика, стал грозой местных низкорослых кобелей и любимцем неприхотливых сучек. Но где бы не находился пёс, услышав шум вертолётных двигателей, летел на площадку для посадки и замирал вблизи в тревожном, возбуждённом ожидании. Из вертолёта выходили десантники, весело окрикая собаку. Джон благодарно прижимал уши, вытягивал шею, но не двигался с места. Он искал среди молодых парней долгожданного хозяина, своего Шурика. Не дождавшись, тяжело вздыхал, понуро опускал хвост и осторожно впрыгивал в пустую грузовую кабину, усердно обнюхивал все углы, выискивая запах хозяина, и, не найдя, ложился на броневую обшивку днища вертолёта. Лежал, положив голову на передние лапы, уставившись в одну точку, часами ждал, сам не зная кого, вспоминал и думал о чём-то. Лишь лётчики включали двигатели, Джон впадал в панику, и никакие силы не могли удержать его в вертолёте. Как-то попытались и поплатились за это. Пёс вихрем скакал по грузовой кабине, кусал всех, кто подвернётся под клыки. Борттехник, услышав шум, в недоумении открыл дверь пилотской кабины и был ошарашен прыжком собаки через его голову. Правый лётчик в страхе от бешеного взгляда и рычания Джона механически схватился за ручку сдвижного

блистера и открыл его. Собака, почувствовав струю свежего воздуха, не раздумывая, нырнула в дверной проём и с высоты нескольких метров рухнула на землю. Благо, вертолёт был в режиме висения. Всё обошлось лёгкими ушибами, но больше никто и никогда не шутил с собакой в вертолёте.

Джон же страшно боялся опять лететь на войну, встретиться с тем приторным запахом в земле, после которого что-то вздыбилось под ногами хозяина и обрушилось на собаку градом укусов и жгучей, режущей болью живота. Он больше не желал нюхать эту мерзость.

Прошло время. Войска уходили на север, по дороге пылили БМП, танки и БТРы, на броне сидели знакомые солдаты, кричали, звали к себе Джона. Но нигде не было хозяина и друга его Владика. Он долго бежал следом, иногда обгонял колонну, застывая на месте, внимательно глядялся в весёлые лица десантуры. Весь запыханный, наконец, отстал и, опустив хвост, рысцой вернулся в пустой лагерь, завыл, залаял от непривычной тишины и одиночества. Напрасно тархтела последняя вертушка, и лётчики усердно пытались отловить упрямую собаку. Джон дал стрелкача и спрятался в укромной дыре, выдолбленной в скале. Он удовлетворённо вздохнул, когда хорошо знакомый ему лётчик, обречённо взмахнув рукой, сел в пилотское кресло. Вертолёты сделали прощальный круг над площадкой и улетели догонять автоколонну. Долго и тревожно наблюдал Джон за последней вертушкой, словно понимал, что остался совсем один. Он вышел из-за скалы, огляделся, кругом было пустынно и мусорно: ни людей, ни палаток, несколько пустых строений с выбитыми стёклами да железные решётки вертолётной площадки.

Не было и его жилища, где стояла койка хозяина, под которой на подстилке всегда спала собака. Но рядовой Джон чётко знал свои обязанности. И ещё двое суток его грозный лай отгонял от брошенного военного городка случайных прохожих и любопытных гостей, до последнего он надёжно нёс службу.

А потом пришло много людей в чужой одежде с оружием в руках, радостно палящих в воздух. И это были его лютые враги, стрелявшие во Владика и Шурика, разлучившие Джона с ними. Этих людей он знал, он их помнил, он их ненавидел.

Весь день собака, притаившись, пролежала за скалой, ночью загрызла первого, зашедшего за скалу, тем самым рассекретив своё убежище. Поутру встревоженные люди с ужасом обнаружили товарища с разорванной глоткой и изуродованным лицом, о чём-то с жаром поспорили и по команде чернявого командира окружили скалу.

Джон спрятался в пещере, притаился, готовый к прыжку. Обнаружили его сразу. Постреляли из автоматов, поспорили на непонятном языке, смолкли, наспех сколотили лестницу и приставили к отверстию. По лестнице поднялся заросший бородой человек, отстегнул от пояса гранату, выдернул чеку и метнул её в отверстие пещеры. Раздался глухой взрыв. Беспорядочно строча из автомата, неуклюже и трусливо, как-то боком он свалился внутрь пещеры. Послышался протяжный вой, злобное звериное рычание, пронзительный жалобный человеческий крик. Минутная жуткая тишина, – и бешеная, беспорядочная пальба из всех видов оружия. Кто-то сообразил принести дымовые шашки, собаку решили выкурить из пещеры. Снова по лестнице поднялся человек и одну за другой стал метать «дымовухи» в отверстие.

Постепенно пещеру заполнил едкий тошнотворный запах, напомнивший Джону проклятый запах тола. Он пару раз чихнул, уткнувшись носом в лапы, почувствовал, как побежали из глаз слёзы, защекотало глотку, учащённо забило сердце, от нехватки кислорода сдавило лёгкие, отчётливо понял, что надо выбираться отсюда на волю и солнце.

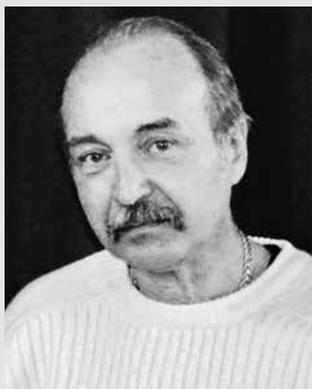
Его ждали десятки жёстких глаз и стволы автоматов. Морда собаки вынырнула из дымовой завесы, Джон прыгнул, зацепив лапами человека на лестнице. Одновременно они упали на землю. Собака успела схватить врага за горло и мёртвой хваткой стиснуть зубы. Кто-то с испугу в упор застрочил в вертящийся на песке клубок с яростно рычащим Джоном и хрипящим, ещё живым, человеком. Чернявый что-то крикнул, схватил стрелявшего за руки, размахнулся и ударил по лицу, быстро повернулся, выхватил из кобуры пистолет и хладнокровно добил собаку.

Пёс и его жертва умерли мгновенно от пуль, беспорядочно выпущенных из автомата и пистолета командира. Последнее,

что промелькнуло в угасающей памяти Джона, это ласковые руки, добрая улыбка и ждущие глаза Шурика. Он удовлетворённо глубоко вдохнул чистый, утренний воздух, обвёл помутившимся, ненавидящим взглядом напряжённые лица врагов, дёрнулся и умер.

Ещё целые сутки на побуревшем от крови песке валялась мёртвая собака, а рядом, на камне, сидел часовой с автоматом на коленях. Приходили люди, с отвращением и страхом рассматривали пса, плевали на его тело. На второй день на солнцепёке Джон стал разлагаться и пованивать мертвечиной.

Совершенно случайно, именно на том месте, где стояла палатка хозяина Джона, вырыли яму и, брезгливо морщась, шестью столкнули собаку на дно. Быстро засыпали яму песком, утоптали ногами, положив сверху могилы огромный камень. Они как будто боялись, что злой дух пса вырвется из могилы наружу, будет мстить и мешать жить людям.

ПАВЕЛ
БАРМИН

Бармин Павел Владимирович родился 27 апреля 1958 года в городе Городок Бурят-Монгольской АССР. Русский.

Окончил Тюменское Высшее Военно-инженерное командное училище (1979).

Служил в Вооружённых Силах СССР (1975–1985). Работал художником-оформителем (1985–1987), в нефтяной отрасли в компаниях ОАО «Варьёганнефть», ОАО «Белые ночи» (1987–1996), корреспондентом, позже заместителем редактора городской газеты «Новости Радужного» (1996–1998), ведущим дизайнером отдела архитектуры администрации города Радужного (1998–2000). Ныне – индивидуальный предприниматель. Печатался в периодических изданиях, журналах России и Тюменской области, в альманахах и литературных сборниках. Автор нескольких книг стихов и прозы. Пишет на русском языке.

Лауреат регионального литературного конкурса «КНИГА ГОДА-

2013» в номинации «Лучшая художественная книга». Прозаик, поэт, бард, художник. Член СП России (2014), член Союза журналистов России (1998). Ветеран Труда. Ветеран войны в Афганистане. Офицер, Кавалер ордена «Красная Звезда». Награждён Почетной Грамотой Президиума Верховного Совета СССР «За боевые заслуги», многими Боевыми и Почетными знаками, в их числе – «За разминирование», 18-тью медалями.

Живет в Радужном.

УБИТЫЕ ДВАЖДЫ

(главы из повести)

ГЛАВА 1

1

... В воспоминаниях иногда перемежаются события, казалось бы, совсем не связанные между собой. Всё произошедшее именно тогда, в тот момент, плотно сплетено со всей предшествовавшей жизнью и со всем тем, что ещё не произошло, но обязательно произойдёт...

Я смотрел на остановившиеся стрелки часов в надежде, что всё-таки хоть что-нибудь изменится, но нет – время исчезло. Оно назло, из принципа не желало слышать моих просьб, скорее даже не просьб, а стенаний о помощи!

Изо дня в день перед глазами одно и то же: белый потолок палаты и край стены такой же белой и холодной, на которой и висели эти злосчастные часы как напоминание о моей беспомощности. Злорадное наваждение, да и только.

Всё, что произошло за последние несколько месяцев просто не поддавалось нормальному, приемлемо-разумному объяснению. Да разве можно понять и принять то, что ещё совсем в недавнем прошлом я мог спокойно крутить «солнце» на турнике, а сегодня превратился в неподвижную полуживую мумию без каких-либо перспектив на будущее!? Паралич – само слово заставляет съёживаться, как от чего-то страшного и шипящего, не говоря уже о конкретном «экземпляре», коим я сегодня являюсь. – «Грустно-то как, девочки».

Лучик – солнца скорее небрежно, чем ласково задел моё лицо. Даже эта небрежность показалась мне оскорбительной. Э-эх ...

– Нет, хватит, не стоит так по-мазохистски усердствовать в жалости к себе. Попробуем выискать нечто позитивное в моём теперешнем положении.

Во-первых, я располагаю уймой времени, чтобы подумать. Жизнь моя, подобно скорому поезду, неслась без остановок на маленьких полустанках. И задержаться бы хоть на минуту, осмыслить происходящее, так нет – только вперёд. Теперь же всё замерло, кроме самой мысли. Осталось только заставить себя не допускать в голову дум упаднических и плаксивых, а вспоминать или мечтать о чём-нибудь приятном. Вспоминать наши встречи с Надеждой. И так...

2

... Ветер тогда, помнится, был очень игривым, крутился волчком вокруг нас, стараясь оголить твои стройные ноги, заставляя тебя тем самым уделять слишком много внимания одёргиванию лёгкого платья. Ты чувствовала себя немного неловко и от этого казалась ещё более родной и беззащитной одновременно. Трогательно и приятно до теплоты в сердце, которая толчками пульсировала, делая меня дурашливо-глупым, наивным и безгранично доверчивым...

Ход моих размеренных, но не менее тревожащих воспоминаний, прервала вошедшая в палату сестра. Белый колпачок или шапочка, не знаю, как там его называют медики, словно приклеенный возвышался на гордой головке. Ох уж эта белизна! – Она любого может свести с ума!

«Стерильность»?!

Даже слова Марины, так звали сестру-сиделку, можно было назвать литературно-стерильными: «Пожалуйс-с-та. Успокойтесь. Как самочувствие?» И от этих увещаний и вопросов, согласитесь, чувствовать себя лучше я не начинал. Скорее даже наоборот: все мои попытки уйти в страну воспоминаний и хотя бы на время забыться, сводились на нет одной фразой: «Как самочувствие?» И хоть звучали её слова далеко небезучастно – в них чувствовались и тревога, и сострадание, а скорее всего жалость, но почему-то раздражали от этого не меньше.

Марина подоткнула край одеяла, поправила полотенце, висящее на спинке кровати и, словно провинившаяся школьница, кашлянула в маленький кулачок, напоминая о своём присутствии. Может она хотела как-то приободрить меня, поддерживать, но вышло всё до такой степени неуклюже, что, чувствуя это, Марина смутилась, затихла, да так и осталась сидеть у изголовья.

3

– Терпи, браток, – скорее угадывал, чем слышал я слова нашедшего полкового медика.

Боль!!! Нестерпимая, раздирающая на части моё тело и... туман – долгий, тягучий...

– Твою в душу! Промедол, живо! – последнее, что дошло до моего сознания...

– Катя! – орал Матвейч, именно орал, потому что просто «криком» этот вопль негодования, сочувствия и отчаяния одновременно назвать было сложно. При этом он не переставал ковырять скальпелем и ещё какими-то специальными крючками в моём бесчувственном теле, чередуя их между собой. Катерина не обижалась, дело привычное, слава Богу, сегодня без матерных слов, а то бывает, так загнёт, что хоть сквозь землю проваливайся!

– Держись родной, осталось ещё с десятков осколочков, – врач незаметно для самого себя перешёл на шёпот и опять: – Катя! Тампон!

Через полтора часа издевательств во спасение моего тела, вливания солидной порции крови, которой вскорости суждено было стать МОЕЙ родной и заставлять стучать МОЁ сердце, Матвейч с чувством исполненного долга отёр рукавом вспотевший лоб и, сдёрнув с рук окровавленные перчатки, закурил, устало опустившись на корточки.

– Не повезло парню, позвоночник зацепило, – с сожалением констатировал медик, – может, с Божьей помощью и выкарабкается. Но в голосе его не было ноток уверенности, отчего глаза Катерины стали влажными, и губы предательски задрожали. Столько операций за плечами, а нет: каждый раз

как будто часть её остаётся здесь, в операционной палатке вместе с отсеченными конечностями, остановившимися сердцами!

– Ладно, иди, отдыхай, – уже почти по-отечески буркнул Матвейч, хотя и был-то лет на пять-шесть старше её, и сел заполнять историю болезни, выводя на казённом бланке одному ему понятные закорючки латыни.

4

Как же всё произошло? Я часто восстанавливал в памяти события тех дней, пытаюсь пересилить себя, перебороть и всё-таки полностью оценить бой, после которого началась «история моей болезни».

... С самого утра шел дождь. Там, «за речкой», он всегда чужой, вечно мешающий дождь, который вымачивает тебя всего, кажется, что даже изнутри ты покрыт каплями просочившейся влаги. Месиво «не нашей» грязищи хлюпало и чавкало под ногами, словно живое. Стряпухам какой-нибудь столовой легче объяснить свойства почвы, по которой нам нередко приходилось ползать, вжимаясь в неё всем телом, лицом, губами – лишь бы плотнее с одной мыслью, что пуля или осколок минует, пройдёт рядышком. И от того, чем ближе ты к земле, тем больше надежды, пусть наивной, но всё-таки надежды. Так вот, уважаемые стряпухи, представьте себе муку, от души сдобренную водой, ну и нас, естественно, в самой, что ни на есть середине всей этой «кулинарии».

Я был командиром сапёрной роты. Это бы звучало привычно слуху, если бы она входила в состав какого-нибудь инженерного подразделения, а тут мотострелковый полк, или проще говоря – пехота. Задачи – самые обычные, то бишь подорвать, разминировать, заминировать, но что самое печальное так это то, что в ходе их выполнения почему-то постоянно приходилось ползать по вышеупомянутой грязи, да в придачу – зачистую под пулями.

Приказ на марш мы уже получили, каждый знал своё место в колонне, и в указанное время «Ч» батальон, выходящий в рейд, должен был находиться в исходном районе. Место моего подразделения – ООД, то есть Отряд Обеспечения Движе-

ния, и не далее, чем следом за разведкой полка. Задача – разминирование путей продвижения колонны, устранение завалов и прочая попутная сему «деятельность». Итак, под дробь дождя в четыре утра колонна выдвинулась к исходному району.

Участие в рейдах принимала не вся моя рота, а только часть солдат сапёрного взвода, но вкалывать и рисковать своей головой им приходилось, пожалуй, за целый батальон. Да и на занятиях работали «на полную катушку» – понимали: за знания и навыки не отметки в журнал получать! Хорошие всё-таки пацаны, каждый, конечно, со своим «вывихом», но надёжные! В боевой обстановке человек виден сразу: те, которые с гнильцой, при первой же заварушке себя раскрывают.

Кряхтя и повизгивая двумя уже давно надорванными двигателями, БТР выехал на взгорok из всё той же слизи и нырнул носом в очередную промоину. Дорога в Афгане одна: Кушка – Кабул, а всё остальное – «пути продвижения». За бессчётное количество рейдов я научился не обращать внимания на явные тяготы армейской жизни. Под нырания и непрерывный гул моторов лучше думается. Можно мечтать о далёком отпуске, о долгожданной встрече с Надеждой. Даже спать и то лучше именно под этот гул.

Колонна давно продвигалась по указанному командиром полка маршруту в район проведения боевых действий, где по данным разведки были определены места скопления банд-формирований. Нанесение внезапного удара по этим самым местам считалось удачным рейдом, но не всегда всё выходило так гладко, как намечалось при разработке операций. За долгие месяцы войны «духи»* поумнели: использовали свою разведывательную сеть, информаторов среди местного населения; даже дети, просящие кусок хлеба, меняющие безделушки на тушенку и галеты и те часто были глазами и ушами какого-нибудь местного курбаши. Так вышло и сегодня. О продвижении нашей колонны уже знали, и как бы в подтверждение этому со стороны оврага зацокал крупнокалиберный пулемёт. Тактика басмачей была проста, но неоднократно оправдана: они подрывали головную и последнюю машины в колонне, заставляя её остановиться, и планомерно жгли технику, обрабатывая из заранее пристрелянных точек всем, что может

стрелять и наносить повреждения. Смешно сказать, но иногда мы изымали кремневые ружья, которые использовались ещё во времена английской колонизации. И что самое удивительное, так это их полная пригодность к ведению огня.

«Ласково» поцокивали пульки по броне. Не зирая на возможность рикошета, верхние люки БТР-а всё-таки оставались приоткрытыми. Причина – в находившемся тут же большом запасе тротила. Положено, правда, перевозить его на отдельной машине, но из-за нехватки техники шли на нарушения. Скажем, угодит кумулятивный заряд в нашу «коробочку», да ненароком, исключительно по счастливой случайности, не попадёт в ящики со взрывчаткой – тогда, просто нанеся урон живой силе, прошьёт её насквозь. А будь то закрытый объём!? Тяжеловато будет найти даже подковки от сапог. Детонация – не слишком приятная штука, особенно когда это касается взрывчатых веществ, находящихся на расстоянии вытянутой руки! Вот и держим люки полуоткрытыми. Наш сапёрный БТР называют ещё и «спальным вагоном», а всё из-за предохранения от того же самого кумулятивного заряда: тому, кто не в курсе всех этих инженерных хитростей, может показаться странной бронетанковая единица, обвешанная панцирными сетками от солдатских кроватей. Но тоже, скажу я вам, вещь необходимая: заставляет заряд срабатывать раньше соприкосновения с броней; кумулятивная струя не прожигает металл, а растекается по нему. И все это благодаря обычной солдатской кровати!

... «Духи» работали слаженно. Вспыхнул и с характерным треском запылал тент на «Урале», который шёл следом за нами, буквально через три машины. Бойцы моего подразделения, оглушённые ударами пуль о броню, с немим вопросом смотрели на рацию, как будто она могла остановить этот шквальный огонь. Словно в подтверждение или в ответ на выжидательные взгляды солдат, раздался голос «Первого»:

– «Крот», ответь!

«Крот» – это мой позывной, не совсем благозвучный, но все давно уже к нему привыкли.

– «Крот»! Ответь «Первому»! – снова затрещало в наушниках. – Быстро в голову колонны! Очистить дорогу от мин и столкнуть подбитую технику в пропасть! Как понял?

Понял я, конечно, хорошо, но от моей понятливости легче не стало. Ребятунки сообразительные, как и их командир, поэтому дважды повторять задачу не пришлось.

– Через боковой люк, в голову колонны и замереть! Дальше разберёмся!

Один за другим четверо ребят выскользнули из БТР-а и, вжимаясь в землю, поползли вперёд, с сожалением в сердце, удаляясь всё дальше от спасительной брони. Я полз замыкающим, пытаюсь определить объём предстоящих работ и степень риска при их выполнении. «Степень риска»! Кто придумал этот термин? Его бы сейчас сюда, «в живую» определить эту самую «степень»!..

Предположительная граница, откуда мы должны были начать «шуршать» – передние колёса подорвавшейся машины. «Как географы, – мелькнуло у меня в голове, – «до селева» изведено, а «от селева» – белые пятна».

Плюх, шлепнулся осколок, совсем рядом с тем местом, где у меня мелькали мысли относительно «белых пятен».

«Пронесло», – и сам невольно усмехнулся от двусмысленности этого слова.

Знаками, еле отрывая подбородок от так полюбившейся грязевой жижи, показал бойцам, в каком направлении двигаться. Что делать – они знали сами: чай, не в первый раз.

Хорошие у меня ребята! От собственной «лени» напридумывали всяких приспособлений для разминирования. Пробовали – класс!

В боевой обстановке тяжело проводить разминирование так, как написано в «букваре». Приходится импровизировать, изобретать, порой даже и «велосипед». И один из результатов этих импровизаций – суперкрючочки. Под свист и грохот выкручивать различного рода взрыватели, выискивать донные растяжки и прочую ерунду в ожидании, когда (не дай Бог, конечно!) рванёт – хлопотно. Можно просто зацепить «кошкой» обнаруженную мину и сдернуть с места, предварительно спрятавшись за каким-нибудь выступом, или уничтожить её накладным зарядом. Только долго это. Вот и пришла в голову идея о «крючочках». Главное не запутаться в мудрёной сети из бечёвки и проволочных «загибулин».

Мы ползли так называемым «уступом», нежно втыкая в грязь специальные щупы. Поначалу использовали и достижения прогресса – миноискатели, пока не наткнулись на мину с противоиндукционным взрывателем. Он не замедлил сработать при поднесении к нему миноискателя. После этого стали действовать по старинке.

– Есть! – на выдохе прошептал Сашка и тут же начал священнодействовать над найденным «сюрпризом».

Младший сержант Александр Махаметдиев призывался из Набережных Челнов. По окончании учебки, попал по распределению в нашу часть. Со мной с первых дней войны. Сообразительный, толковый боец. Невысокий, худощавый, но жилистый.

Мы медленно продолжили движение, чуть расширив зону поисков, беря на себя «территорию» Санька.

– Есть! – раздалось слева от меня, – ещё одна зараза!

Наконец и мой щуп скользнул по стальному корпусу боеприпаса.

– Крючочечки, да вы крючочечки, – то ли пел, то ли бубнил себе под нос дрожащими губами Алёшка Демидов, крепыш небольшого роста с всегда смеющимися глазами. Руки его умело поддели мину проволочным приспособлением, которое оканчивалось тонкой, но крепкой бечёвкой. На секунду он замер, как бы определяя середину зоны поисков, и швырнул в неё моток бечевы, одним концом прикреплённый к шедеврному сапёрному искусству – крючоктворному приспособлению.

Так поступал каждый из нас, нашедший смертельный сюрприз. Получалось что-то вроде связанных мин, крепящихся, в конце концов, к одному канату, который при отходе и дергали, определяя установку боеприпасов на необезвреживаемость и неизвлекаемость. При благоприятном исходе их просто потом сбрасывали в пропасть.

Сто метров позади. Результат – шесть обнаруженных мин. Пора отходить.

– Ох, и дождь сегодня! Какое там «из ведра» – скорее всего, море перевернулось, – ёрничал я, вытирая лицо ладонью.

Грязь вездесущая, хлюпающая в сапогах, забравшаяся под воротничок, раздражала. Даже глаза и те были наполнены этой жидкой субстанцией.

– Действительно кроты, – бубнил Демидов.

По моей команде начали потихоньку отходить. Я – замыкающим. Оставалось только связать концы веревок и прикрепить их к единому канату, что я и пробовал сделать.

Вот тут-то и началось! То ли нас до сих пор не замечали, то ли просто мы сами ни на что не обращали внимания, занятые поиском мин, но огонь до этого велся беспорядочный, так, для остротки. Зато сейчас — как спохватились. Жижа вокруг забулькала и зашипела от впивающихся в неё пуль.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев День, – опять пробубнил Алёшка.

Вжались. Затихли – с той самой глупой надеждой, что минует, не зацепит. Нет, блин, как на ладони! Не пронесёт, если будем торчать тут, словно мишени на стрельбище!

– Потихоньку вперёд! – скомандовал я внезапно осипшим голосом. И грязевые кочки зашевелились, издавая нормальный такой, человеческий мат. Значит пока все ладушки!

По нам били прицельно. Видно, заранее пристреляли заминированное место. Только вот что-то припозднились. Да оно и к лучшему!.. Верёвка намокла, набрякла грязью и связывать её было тяжело. Руки привычно делали своё дело, но медленно, как всё-таки медленно! Казалось, что каждая, пчелой жужжащая пуля летит именно в тебя. Но нет, опять миновала!

– Ещё не вечер, – нервно шепча, продолжал я своё неуместное занятие «макраме».

Оглянулся – для того, чтобы удостовериться, дошли ли мои «гаврики»: до машины ещё метров десять.

– Давайте, давайте. Неужели вам так по нраву эта «грязелечебница», – прошептал я себе под нос.

Дурная привычка разговаривать с самим собой – выработалась у меня в последнее время. Проявляется она, правда, в минуты особого нервного напряжения. Может, для успокоения организм сам назначил себе такую защитную реакцию, а может, просто «крыша» съезжает понемногу? Что в принципе одинаково подозрительно и нездорово.

«Духи», почувствовав, что дело движется к развязке и явно не в их пользу, усилили огонь. Всё вокруг превратилось в шипящее месиво. Свист, к которому невозможно привыкнуть, заро-

ждал противный холодок, поднимающийся откуда-то снизу живота. И сразу в уме – тарабарщина: «животный страх» – производное от слов «живот», «не жалея живота своего» – значит, без страха. Определение этому холодку уже давно было известно, хотя каждый прятал его в запасниках своей души. Именно страх! Он, вкрадывающийся в мозг, заставляет человека забыть обо всём на свете! Мне приходилось видеть, как в подобной ситуации кто-нибудь из ребят не выдерживал, вскакивал и бросался бежать. Но разве можно проскочить через эту сплошную стену пуль и осколков!

Наконец, затянув последний узел, я рискнул приподнять голову. Ровно на середине моего пути до головной машины лежал кто-то из наших. Неестественно вывернутая рука и каска, валявшаяся сбоку, свидетельствовали о несчастье.

– Всё-таки достали, козлы обрезанные.

Досада, боль, злоба слились в единое ощущение: не убежешь! Продвинувшись чуть более пяти метров и уже не думая об укрытии от осколков в случае взрыва, только ещё плотнее вжавшись в грязь, рванул канат. Рванул, что было сил, вкладывая в это движение всю накопившуюся за месяцы войны горечь от нелепости происходящего. На моё счастье, мины были установлены явным дилетантом, которому понятие «донного взрывателя» было неведомо. Взрыва не последовало. Это и радовало и удручало одновременно. Ведь теперь придётся возвращаться назад и убирать мины с дороги. Пополз. «Цвук-хлоп», – пуля ударила о камень, утонувший в грязи, и рикошетом вонзилась в месиво совсем близко от меня. Надо что-то придумать, а то достанут. Слишком долго приходится испытывать судьбу. Как говорится: «И на старуху бывает проруха». Перекатился, добавляя к своему красочному наряду ещё пару килограмм камуфляжной жижи. Нервы, если они ещё имели место быть, напряглись, мне кажется, до предела. Я вдруг ни с того ни с сего загорланил, стараясь переорать шум боя:

– Полюби меня, да таким, как есть, Ведь с лица не пить, Ведь с лица не есть!..

Успевая при этом размахнуться, насколько позволяло моё распластанное положение, и метнуть мину, как дискбол, в сторону расщелины. Пусть подрывается внизу!

– Кто не спрятался, я не виноват, – и очередная мина, сопровождаемая моим диким воплем, понеслась навстречу своему уничтожению. Взрыв, последовавший через несколько секунд за броском, известил: обезврежена!

Ещё три чертовых боеприпаса. Три шанса сыграть в ящик, три возможности доказать кому-то что-то. Но кому? Самое интересное во всей ситуации так это то, что мои промокшие мозги работали сами по себе. Вроде бы они и присутствуют, но совершенно не принимают участия в оценке обстановки, её анализе, выборе наиболее приемлемых решений. Всё происходит как-то само собой, на уровне рефлексов, что ли. Передвигаюсь, если разгребание грязи можно назвать способом передвижения, совершенно произвольно. Вижу мину – ползу по направлению к ней, умудряясь при этом перекачываться, делать какие-то странные движения в стороны, больше похожие на конвульсии эпилептика. А Их Высочество Мозг, в это самое время занят передачей команды непутевому рту, заставляя извергать рычащие и клокочащие звуки типа:

– Раз на свет родился, заплатит изволь, – или того хуже, – Вставай страна огромная!

Четвертая мина, не долетев до края, ударилась ребром о землю, но грязь смягчила удар, что наверняка предоохранило мину от срабатывания и спасло мне жизнь. Пришлось двигаться за ней следом для того, чтобы добавить ей нежный тычок ногой.

– Лети, родная! – сплёвывая грязь, промычал я.

Ещё две, последние. Всё моё внимание сосредоточилось только на цифре «два». И свист пуль, посылаемых в меня «благодарным афганским народом», казалось, отдалился и совершенно не относился к деятельности мирного сапёра, такого как я. Только потом, при зализывании ран, будут обнаружены и пробитая насквозь фляжка, и шинель, рассечённая осколком вдоль всей спины, а пока — «я не я, и мина не моя».

Броску шестого боеприпаса – классическому, с оттяжкой мог бы позавидовать любой олимпийский чемпион. Мина непознанным летающим объектом на бредущем прошла вдоль

края и, сделав невероятный кульбит, всё-таки удосужилась преодолеть Рубикон расщелины, не зацепив его. Теперь – в путь-дорогу!

Самое противное состояние, когда страх начинает догонять тебя. Кажется, что прошло самое опасное, всё, бояться нечего, но он всё равно заползает под гимнастёрку, в самую душу, заставляет запоздало дрожать колени, стучать зубами. И уже шарахаешься от каждого хлюпанья, панически ворочаешь глазами во все стороны и гребёшь, гребёшь руками грязевую жижу под себя. Только бы успеть! Обидно подставиться «после того как»...

Вот и середина пути. Впереди – тело. Кто?

– Эх, Лёха-Алёха, родной ты мой. Как же так?

По его лицу текли струйки воды, оставляя на нём грязевые дорожки. Казалось, что Алёша плачет. Но остекленевший взгляд был направлен куда-то сквозь меня, в глубину уже теперь одному Лёшке ведомой вечности...

5

Утро обрадовало меня новым посетителем – воробей, общипанный, но задиристый и я сказал бы, наглый, забарабанил клювом в запylённое окно палаты.

– Привет, нахалёнок, – инстинктивно делаю попытку повернуться, проговорил я, но острая боль во всём теле сразу же опустила меня на грешную землю, вернув в реальность госпитальной палаты.

«Отход, подход, фиксация» – армейские тренировочные термины при выполнении зачётных упражнений на гимнастических снарядах. «Отход» и «подход» в своей жизни я уже сделал, видно, осталась одна «фиксация». Только вот спортивных разрядов она не прибавит...

Дни проходят чередой один за другим. Врачи при обходе стараются не смотреть в мою сторону, и создаётся впечатление, что и сам обход лишь проформа касательно такого пациента как я. Мной всё чаще и чаще овладевает меланхолия, даже думать и то становится лень. Вернее, сам мыслительный процесс теряет смысл...

– Во, загнул! – «Мыслительный»...«теряет смысл», – передразнил оптимист или ещё кто-то там внутри меня, не до конца потерявший надежду.

– Ой, только не надо об Островском, Маресьеве, Титове, – прогнусавило в ответ пессимистичное «Я».

Неизвестно, долго ли бы ещё продолжался этот внутренний диалог, но настойчивый воробей опять напомнил о своём существовании. Головка птицы, крутилась как на шарнирах или вообще отсутствовал сам факт её крепления к тщедушному туловищу. Бац! – и, наверное, полный разворот на триста шестьдесят градусов как бы подтвердил: так оно и есть. «Чвирк-Бача! Всё нормалёк», – и опять: «Чвирк-Бача!»

Просто наваждение, да и только. Но, не поверите, на душе стало теплее, и даже подобие улыбки скользнуло по моим губам. «Салам, Бача!» – в ответ тихо прошептал я, рискуя показаться смешным или того хуже – отъезжающим в «страну вечных иллюзий». Воробей, выполнив свою приветственную миссию, ещё раз лихо крутанул своей гуттаперчевой «головошей» и упорхнул с подоконника, наверняка, по таким же важным делам.

Пичуга, а сколько разнообразия – пусть и мимолётного, внесла она в мой окрашенный серыми полутонами мир.

«Бача», – смаковал я, это афганское слово, – «Бача!» И опять – как наваждение: будто лёгкий, тёплый, пахнущий верблюжьей колючкой ветерок пробежал по палате, взъерошил мои волосы, сбросил на пол половинку старой газеты с тумбочки и запутался в шторе. Я на самом деле ощутил на своём лице его прикосновение. Почувствовал его запах!.. ... «Салам, Бача!»...

6

– ... Эх, Лёха-Лёха, – не переставал приговаривать я, таща волоком его безжизненное тело к головной машине колонны.

– Назад! Сам дотащу, – скорее попросил, чем скомандовал, заметив, что Санька пополз в мою сторону.

Ещё одна пуля тупо вошла в Алёшкину грудь, но ему это было уже всё равно. Одежда промокла. Лёхины плечи нагребли

впереди себя целый грязевой бруствер, который тоже приходилось перемещать вместе с телом. Казалось, что его раскинутые в стороны руки цепляются за землю – мол, оставь, командир, дай спокойно полежать здесь!

Пятясь задом, я потерял счёт времени. В висках стучало. Вдруг чьи-то сильные руки подхватили мою невероятно тяжелую ношу подмышки и легко переместили за гусеницу головного танка.

– Неужели дополз? – спросил я, ещё полностью не веря в это.

– Да, командир, всё «хоккей». «Первый» уже запрашивал. Пора доложить, – Сашок подал мне танковый шлемофон, конец кабеля от которого уходил в люк механика-водителя.

– «Первый», «Первый», я «Крот»! «Сюрпризы» снял. Есть потери, – и, запнувшись на мгновение, продолжил, – запускаю «тяжеловеса». Тут же переключив тумблер шлемофона на внутреннюю связь, приказал командиру танка:

– Сто метров чисто! Подорванный БТР – в пропасть! Связь постоянная! С Богом! Пошёл!

ИВАН
ЦУПРИКОВ

Иван Валентинович Цуприков, родился 27 августа 1962 г. в г. Саки Крымской области. Выпускник Львовского высшего военно-политического училища, факультет – политическая работа, журналист.

С 1989 года работает редактором корпоративной газеты «Транспорт газа» ООО «Газпром трансгаз Югорск». До этого работал токарем, прошёл школу военной журналистики в десантных войсках и начальника группы пропаганды и агитации в десантной дивизии в Афганистане. Награждён орденом «Красной звезды», медалями.

В его литературной деятельности тема войны очень плотно пересекается с темами гражданской жизни. Основные жанры – это миниатюра, эссе, юмореска, очерк, рассказ, повесть, роман.

В 2008 году Московской организацией принят в члены Союза писателей РФ.

За литературную деятельность награжден дипломом «Золотое перо газовика литератора» (2014 г.).

Публиковался в периодических изданиях Тюменской области и России. Автор детективов «Афера», «В поисках палача», «Тень уходит последней», эпического романа «Секреты Коштых Навей: Агония демона», романов «Кремень», повести «Газотрасса», военных повестей «Операция «Шайтан», «Кобра» в мышеловке», «В маске Черного Файзуллы», «Крещенные Пятью львами», «Шаг до трибунала» (изд. «ЭКСМО» под псевдонимом Сергея Зверева), «Героем быть не назначен», мистических романов «Под крылом Чёрного ворона» и «Последнее слово шамана», сборников рассказов «Лыххо», «Укус Чёрной вдовы», «Операция «Шайтан» (вышла как «В волчьей шкуре» в «ЭКСМО»), «Крещенные пятью львами» («Лейтенант с одной жизнью» в ЭКСМО), «Шаг до трибунала» (заголовок тот же), как и «Героем быть не назначен». в московском издательстве «ГАЗОИЛ ПРЕСС» – 2 книги, в отделении города Советского окружного издательства Югры – 17 книг, готовится еще одна.

В 2019 году награжден губернаторской премией Югры за прозу. Есть грамоты за творческие работы профсоюзных организаций Митопэнерго, «Газпрома» и Московской областной организации Союза писателей России. Живёт в Югорске.

УШИЦА С СЕКРЕТОМ

– Хр-р!

Витькино фыркanye больше похоже на хрюкanye нежившейся в тёплой грязи свиньи, чем на писк выдры. Хотя, кто знает, может и взаправду эти хвостатые рыбоеды похрюкивают? Не знаю. Хорошо если так выдры делают не только на Смоленщине, откуда Витька родом, а и в Германии, или откуда Гитлер понабрал этих солдафонов.

Только бы стрельбу не открыли, да прожектора не включили, или фары, или, что там у них ещё осталось от техники. Три мотоцикла с грузовиком и двумя танками, которые мы подожгли у них пять дней назад, новыми вроде бы не заменили, а больше вроде ничего у немцев кроме пулемётов с миномётом да с парой гаубиц не осталось. Три дня сволочи, покою не давали, у каждого куста по паре мин положили. И вчерашняя вылазка за их кашей опять не удалась, всё минами вокруг себя обложили, из соседней роты трое ребят погибли, четверо ранены. Выбраться бы отсюда.

Июнь, а река студёная, зубы себе места не находят от холода, стучат без перебоя, как Сашкин Максимка. Да, ему бы ещё пару ящичков с патронами, а то. Ладно, хватит думать о плохом, нам нужна рыба, от той же выдры, или какой-нибудь крысы тоже бы не отказался. И откуда Витька выдрал эту сеть. Откуда, откуда, после той последней атаки, с мотоциклов сдернул, маскировочной называется.

Дрожь пробирает всё тело, и волны от неё уже наверное по всей реке пошли. Снова хрюкнул, что он издевается, метров двести прошли по реке и – пусто, пусто. Сам знаю что пусто, была бы сетка размером с тридцать, сорок миллиметров, тогда другой разговор, а то сотка. И зачем только согласился с ним лезть в реку... Нача, придумали же название ей.

– Цс-с, цс-с-с, – ах как распищался. Ну, выдрин сын, ну жели что-то попало. Точно, сеть отяжелела, что-то задергалось в ней, щука или сом? Всё, наконец-то, можно и домой.

– Цс-с, цс-с, цс-с, – три раза, ага, значит, нужно пропустить его вперёд. Д-да куда же он лезет, в камыши что ли? Х-хоть бы мин т-там не б-было. Х-хоть б-бы ям т-там не было. Х-хоть б-бы берег был пуст. Х-хоть б-бы луна выглянула. ...И снова – «цс-с». Раз... и всё? Что же я должен делать в таком случае? Стоять? Точно, стоять. Стою, дрожу...

Камыш шумит, спасибо ветерку, а то на берегу Ганс какой-нибудь из охотничков или крестьян, сейчас стоит да прислушивается – выдра это хоркает или свинья хрюкает, или русский Иван лезет.

– Замри, – шёпот Витьки пригвоздил меня от неожиданности.

Зачем? Вроде слышно, что в воде что-то плеснулось, ну жели немцы? А зачем, мины ставят, или нас решили с реки атаковать?

Витькина рука с силою давит на плечо. Блин, да куда же это, под воду лезть?

– Nun?

Немцы, точно.

Совсем рядом. Мерцание лёгкого серебристого света луны, вышедшей из-под туч, всплеснулось и теперь можно хорошо рассмотреть две тёмные движущиеся к нам фигуры, в метрах пяти друг от друга. Сапёры или рыбаки. Что-то тянут за собой.

Справа что-то плеснулось, и послышался короткий приглушённый смешок и выкрик одного из них: «Necht».

О-о, да это рыбаки, выходит, невод как и мы за собою тянут. А там, значит, щука им попалась, а может и не одна. Сходятся, сетешку поднимают и вроде бы собирают её. Ох, как там что-то заплескалось...

Витькин пинок в плечо привёл меня в себя, и перед моим лицом его нож замер. Всё ясно, вместо щуки двух гитлеровцев ловить будем. Кто из них мой? Ага, тот, у кого спина пошире, как всегда, ну, хитёр бобёр... Ну ничего, мы к этому уже привыкли, красноармеец Семёнов и на медведя ходил.

Витька двинулся вперёд, смотрит на меня, правильно, самое время их резать, пока рыбку рассматривают...

Финка хорошо вошла в его широкую спину под лопатку, и вскрикнуть не успел, только бы удержать его под водой, да-

да, удержать! Неужели в сердце не попал? Ох как сопротивляется, сволочь, ох как... И всё. Фу-у-у.

– В камыш их, – Витькин шёпот приводит меня в себя. Всё, очухался, а то...

– Schnell, – раздался негромкий голос с берега.

Опа, кто-то их ждёт и поторапливает. В принципе так и должно быть. Что делать? В лунных лучах сверкнул нож, который Витька вставил в зубы. Так, понятно, языка ему захотелось, вот работа? За это без приказа можно и под трибунал попасть, как и за рыбалочку нашу. А как к берегу подобраться, вот вроде проход в камыше есть. Стой, стой, Витенька, вон, смотри, видишь, слева камыш заканчивается? Ну, левее смотри, во-от, правильно. Что это ты там показываешь. Да вроде кустарник это, а не человек. погоди, сейчас тучка отбежит, и луна все покажет.

Вот, спасибо тебе ветерок, это кустарник, давай к нему, только бы «лягушек» их там не стояло, а то двух человек от их «попрыгунчика» мы позавчера потеряли, а нам ещё рановато на тот свет собираться. Вот, и Витька так думает. А кустарник-то не свежий, весь в илу, значит течением его сюда снесло. Так, а вот и берег, а вот и немец, ишь какой весёленький, подбадривает. Один? Хоть бы один.

– Schnell, – громко шепнул Витька и делает вид, что что-то из воды тащит и руками бултыхает. А чё правильно, мы немцы, мы невод тянем и хихикаем.

– Отто...!

– На-на, – усмехнулся я сквозь зажатую в зубах финку.

– Gut, gut! – и шумно, бултыхая ногами по воде, бежит к нам.

Вот тебе и «гут», помощничек, получай по горлышку, и – всё. Успокоился? Только бы ты один был.

Виктор оттолкнул вялое тело немца в камыш. Кто же нас ещё ждёт на берегу? Никого. Прокрался к кустарнику и обо что-то сильно ударился мизинцем ноги и это как-то знакомо звякнуло. Рука скользит по спицам колеса велосипеда. Велосипеда? Да не одного. Сколько их тут. Семь, вот те на, это ж кто здесь против нас воевать собрался? Велосипедный взвод, рота, или отделение?

Слева встряхнулась от птичьего взлёта ветка. Это Витькина работа, рядом никого. А на велосипеде ничего нет, чистенький. А на руле второго что? Скорее всего свёрнутый плащ. А это багажник с ящиком, а в нём пулемётная лента с патронами, вот. А к раме третьего пристегнут, что это? Похоже ствол пулемётный. Он, он, точно. Подкрепление, значит, пришло. Где же они, эти велосипедисты? Кто они? Так, а на четвёртом велосипеде что...?

Справа хрустнула ветка. До боли в ладони сжал финку. Тишина. Нет, опять что-то заёрзалось за кустами и раздался протяжный голос: «Я, я, пистолет. А, я, я...»

Фу ты, это кто-то во сне кричит. Тогда всё понятно. И тут же, оттуда же что-то цвиркнуло «цс-с, цс-с-с», прямо как? Опять Витька, выдрин сын. Он или... Тишина.

«Я, я, – опять что-то страшное снится немцу. – А, я, я...»

Сколько их там, интересно.

«Цс-с».

Понял, Витенька, всё понял и, сделав несколько шагов в сторону от велосипедов, замер. Тишина, теперь к кустарнику, крадучись два шажка сделаем, так. Тихонечко, тихонечко, ещё два шажка. Тишина. Ещё...

«Цс-с».

А вот где ты, хорошо. Замираю у окопа. Виктор рядом, присел на корточки и показывает вниз. Что там, землянка? Точно. Нет, нет, это навес из брёвен свежеспиленных, ещё смолой пахнут, а под ними несколько человек спит. Спит? Да, да, молодцы, правильно и делают: минами да бомбами всех окруженных русских за три дня побили, теперь можно и поспать. А лучше всего вечным сном.

«Я, я, ни хт, ни хт! А, я, я...», – голос спящего немца слева, как кипятком окатил меня, но дрожь в теле сразу и не удалось погасить. Вытерев со лба пот, наблюдаю за Виктором, спустившегося в траншею и приблизившегося к беспокойному немцу.

– А, – только и смог тот вскрикнуть, и – тишина. Да, да, кругом тихо, только один из немцев, что под навесом сильно всхрапнул. Ну, что резину тянуть и, тихонечко пробравшись на другую сторону навеса, присматриваюсь. Здесь-то и заканчивается окоп, аккуратненько спускаюсь в него, у стенки лежит

пулемёт прикрытый тряпкой. Прекрасно, а его стрелок рядом, второй – подальше, а третий... Нет никого больше. Ну, где ты там, Витька. Ага, вижу, вижу тебя, ну, давай.

Шестеро. Что-то вас маловато. Велосипедов семь, «усыпили» шестерых, и скорее всего здесь было отделение солдат, или они сменились, или те куда-то ушли дальше, уж больно спокойненько они себя здесь чувствуют: рыбку ловят, спят. А ведь до нашей роты отсюда метров триста не больше, значит, мы где-то глубже находимся в их тылу?

Витька протяжно вдохнул в себя воздух и ткнул меня в бок, и большим пальцем тычет влево. Что он показывает? Один палец и большим проводит по горлу. Я ему в ответ показываю шесть пальцев, а велосипедов – семь. Кивает головой, понял. Разводит руками. Ну, так и я могу.

Сверху что-то хрустнуло и в окоп спрыгнуло две фигуры, присели. А мы спим, я и храпнул. Кто это, немцы. Точно отдышаться не могут. Ну, что, Витенька, неудобно, а нужно. Вот один полез к нам и постукивает по стенке окопа, а за ним и второй, поравнялся, ну и...

– Все, – переводя дух, шепнул Виктор.

– Да, – кивнул я, а отдышаться не могу, словно, боролся с немцем час на матах. А он силен был, может тоже вольной борьбой занимался, и, вытерев нож об одежду немца, взял его шмайсер и полез вверх, но, услышав тяжёлый топот ног, замер. В окоп спрыгнули ещё двое немцев и, не осматриваясь, что внизу, встали и громко дыша и ругаясь подтянули к его кромке что-то тяжёлое и оставили наверху... Сидят напротив нас, поскидывали каски, уперли лица в ладони. Так легче... Тело второго сильно конвульсирует, больно ударил меня сапогом под чашечку колена. У-ух, Витька уже стоит на нём и тянет к себе что-то тяжёлое, то, что, надрываясь, тащили немцы сюда и сбрасывает это вниз.

– Сволочи! – окрестил нас мужик, когда Витька вытащил из его рта кляп. – Ну, сволочи! – но связанные руки и ноги, к счастью, не позволили ему и двинуться с места и наkostenять нам по рылу. Уж больно громаден этот мужик.

– Старшина, ты что ли? – прошептал удивлённый, присматриваясь к связанному мужику, Витька. – Е-кэ-лэ-мэ-нэ, вот

встреча, а, товарищ старшина? – и разрезав верёвку с рук и ног, шепнул, – давай за нами.

За камышом, уняв своё дыхание, Иван Степаныч обнял нас:

– Сам не знаю, как попался, – извиняясь, шепчет старшина. – Мужики...

Но разговаривать некогда, светает, пора домой...

– Ну сколько вас ждать? – как из пушки выпалил из-за куста Гавриленко.

– Ну, ты даёшь! – с перепугу всплеснув водой, Витька поднялся, – так можно и сердце остановить.

– Помоги, – подал я старшине сетку.

– Чё? – не понял он.

– Невод, – на ухо шепчу старшине.

– Дак – дёргается, – с удивлением смотрит на меня Иван Степаныч.

– Так с рыбой.

– Гавриленко! – окликнул старшина солдата.

– Красноармеец!...

– Да тише ты! – рявкнул на него старшина, – тащи рыбу, и чтобы! – приложил палец к губам. – Всё спокойно было?

– Так точно, товарищ...

– Ну!

И когда Мишка Гавриленко, вытащив на берег невод с бьющимися в нём рыбами, потащил его к окопу, старшина обнял нас с Виктором и прошептал:

– Спасибо, мужики, век не забуду. Только об этом, прошу, ни гу-гу, а то сами знаете – трибунал... Через час на уху подниму, идите спать...

И только сейчас заметил, как со лба у старшины течёт кровь...

МАРИЯ
ВАГАТОВА

Вагатова (Волдина) Мария Кузьминична родилась 28 декабря 1936 года в семье оленевода-ханты в д. Юильск Березовского (ныне Белоярского) района Тюменской области.

Окончила Ханты-Мансийское национальное педагогическое училище (1955) и Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена (1971).

Пишет на родном языке. Стихи и сказки печатались в журналах, альманахах и литературных сборниках России. Автор многих книг стихов и прозы.

Член Союза журналистов с 1973 года.

Член Союза писателей России с 1997 года.

Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Почётный гражданин Ханты-Мансийского автономного округа.

Награждена Орденом Почёта, медалью АСПУр «За служение литературе» и другими наградами.

Лауреат премии Губернатора ХМАО, Всероссийской премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка, международной премии «Югра», и других литературных премий.

Живёт в Ханты-Мансийске.

Гранитное сердце солдата

Для солдата из гранита стало солнышко костром.
Голубое небо – крыша.
Лес зелёный – это дом.

Кровь, что вытекла из раны,
Приняла Земля, как мама.
Дух в себя вобрал народ,
Память в сердце сберегая,
От врагов её спасая,
Пусть в веках солдат живёт!

Хоть из камня он, но всё же
Он весне прийти поможет,
Той, что сам когда-то спас...
Неприменно лёд растает,
Зазвонит в урочный час.

В этом звоне, в перекатах,
Слышу я слова солдата,
Несказанные слова:
– Будьте на меня похожи,
Вы ведь все солдаты тоже...
Жизнь прекрасна, жизнь права!

Не жалейте сердца силы
Для Земли родной и милой,
Для своих родных людей.
Даже если вас не станет,
Вас Земля добром помянет,
Сыновей и дочерей.

Пусть Земля залита кровью,
 Человек живёт любовью,
 В ней бессмертным может стать...
 Зацветут цветы, и снова
 Жизнь, что кажется суровой,
 Будет праздником дышать.

Пусть растут спокойно дети,
 Мой народ живёт на свете,
 Мне определивший век,
 Равный возрасту гранита,
 Что стоит, ветрам открытый,
 На виду стоит у всех...

Для солдата из гранита стало солнышко костром.
 Голубое небо – крыша.
 Лес зелёный, это – дом.
 И под каменной бронёю бьётся сердце у него,
 Что сияет ярче солнца для народа моего.

У весны тепло большое

У весны тепло большое –
 Даже камень зацветёт.
 И на ветке сухостоя
 Лист зелёный прорастёт.

Словно женщина рукою,
 Солнце приласкает лес...
 У весны тепло большое —
 От земли и до небес.

Мать возьмёт тепла у Солнца,
 Дочке косы заплетёт.
 Дочка встретит незнакомца
 И своё гнездо совьёт.

И, красивая душою,
 Станет матерью сама...
 У весны тепло большое –
 Много сердца и ума.

Пусть все женщины на свете
 Наполняются теплом,
 Словно Солнце, неизменно
 Освещают каждый дом.

Пусть живёт на земле дух дружбы

Вокруг витает дружеская жизнь,
 Хотя живём мы в самых разных землях.
 Ты сердце друга со своим свяжи
 И слово доброе ему скажи –
 Пусть друг своей душой его приемлет.

На языке любом звучат светло
 Слова, что дружба обращает к людям:
 Мы вместе одолеть сумеем зло,
 И больше зла уже вовек не будет!

Мы здесь живём со сказочных времён,
 Одна Земля народы приютила.
 Мы вместе хлеб едим и воду пьём,
 Нас Бог – един во множестве имён –
 Терпению учит и даёт нам силу.

Пусть дружба вечно на Земле царит,
 На языках различных говорит!

Весна пришла

Река покрыта льдом пятиаршинным –
 Не услышать дыханья бурных вод.
 И ждёт река, что – сказочно-всесильна –
 Красавица Весна вот-вот придёт...

Она цветами землю разукрасит,
 В зубах у Солнца хрустнет чёрный лёд,
 Когда светило на своём облаке
 С Весною вместе к хантам приплывёт.

И запоют речные перекаты,
 И птицы будут их перепевать,
 И девушка, грустившая когда-то,
 Весною перестанет горевать.

Её душа наполнена весной,
 И, как ответ на мучивший вопрос,
 Той девушке колечко золотое
 Любимый этим утром преподнёс.

ВЛАДИМИР
ВОЛКОВЕЦ

Волковец Владимир Михайлович родился 22 февраля 1953 года в п. Чур Якшур Бодьянского района Удмуртской АССР. Окончил Шарьинский сельскохозяйственный техникум в Костромской области (1972) и Литературный институт имени А. М. Горького (1986).

Стихи печатались в литературных сборниках, антологиях, альманахах и журналах России. Автор многих сборников стихов и прозы.

Член Союза писателей России с 1988 года. Лауреат премий Губернатора ХМАО, международной премии «Югра», Всероссийской премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка и других.

Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Живёт в Советском.

Безвестно павшие

Прошла война, но голоса
Слышны:
«Живые не взыщите,
Найдите нас и адреса
Любимым нашим сообщите.

Мы не безвестные для них.
В земле лежим мы, но под небом.
Освобождали Крым и Минск,
Форсировали Буг и Днепр.

Ищите там, где шла грызня
За каждый дом, ползли в атаку...
Найдите по клочку письма,
Штыку, медали "За отвагу",

По каске в огненных следах...
Давно мы всосаны корнями
В садах, деревнях, городах,
Которые прошли с боями.

Найдите нас...»
Во все глаза
Глядим и вспоминаем павших,
Когда взлетают в небеса
Цветы побед весенних наших.

Ветеран

Дорога прогнулась под весом
Прошедших столетий. В пыли
Случайно на склоне облезлом
Найдёшь наконецник стрелы,
Подкову, а рядом на поле
Десяток заржавленных гильз.
Посмотришь взгорок и с болью
Глаза отразят обелиск.
Устало проедет телега
С которой сойдёт у моста
Приезжий с тоской человека,
Забывшего эти места.
Не помнит он это селенье,
Что в сорок втором отстоял.
В какое-то всё же мгновенье
Ему показалось – узнал.
Там танки ползли, громыхая,
Здесь ранило в ногу его...
Смотрел он на всё, узнавая,
И не узнавал ничего.

Фронтальная ложка

Полустёрты края и узоры.
 Как ни мой её, как ни три,
 Запах щей, неожиданно горьких,
 Ощущается изнутри.
 Ветеран пообедаёт, в кружку
 Самодельного кваса плеснёт
 И газетную самокрутку
 Табаком папиросным набьёт.
 И начнёт с хрипотою неловкой
 О друзьях, о боях, о войне,
 Как висела узорная ложка
 Всю войну на потёртом ремне.
 Эту ложку, наверное, мама
 Положила ему в вещмешок:
 – Знай, что горе и радость веками
 Той же ложкой хлебают, сынок.

Железо

По горбатым полям Дубосекова
 Ходят были о прошлой войне.
 Обойти бы окрестность да некого
 Попросить в провожатые мне.
 Да и северный ветер немилостив.
 И впечатаны в красный закат
 Силуэты гранитных панфиловцев,
 Что сказали: ни шагу назад.
 Я вчера между клубней картофеля
 Отыскал, разбирая ботву,
 Тот осколок железа, которое
 Беспощадно рвалось на Москву.
 А за полем низину неторную
 Одинок просёк наугад
 И наткнулся на яблоню чёрную
 И открылся мне вымерзший сад.
 На одном только деревце листьями
 Ветвь шумела, на ветви одно
 Зеленело боками росистыми,
 А на вкус было терпким оно.
 Загадать ли о чём на звезду мою? –
 Безответна вечерняя высь,
 То о смерти погибших подумая,
 То о смерти рождающей жизнь.
 Цвет заката, железа и окиси
 Холодит и горчит на губах.
 Даже яблоко, плод этой осени –
 Заржавелый осколок в руках.

ВАЛЕРИЙ
МИХАЙЛОВСКИЙ

Михайловский Валерий Леонидович родился 13 июня 1953 года в г. Хмельник Винницкой области, Украина.

Окончил Винницкий медицинский институт им. Н. И. Пирогова (1976). Свыше 20 лет работал в лечебных учреждениях Свердловской железной дороги, в том числе в Ханты-Мансийском автономном округе с 1980 года. С 2001 года работает психотерапевтом в г. Нижневартовске. Активно занимается краеведением, социально-демографическими проблемами коренных жителей Севера, вопросами этнологии. Организатор нескольких многопрофильных научно-исследовательских экспедиций. Автор более тридцати научных трудов. Создатель этно-литературного музея «Щука» на стойбище «Карамкинское».

Рассказы печатались в еженедельниках России, Тюменской области, в альманахах, литературных сборниках. Автор многих книг прозы, научно-популярных, по краеведению. Произведения переводились на ан-

глийский, итальянский и украинский языки.

Редактор-составитель коллективного сборника «Экология духовного прикрепления», редактор нескольких книг начинающих прозаиков, поэтической книги Светланы Лихой «Предчувствие», которую издал на собственные средства, главный редактор Литературно-художественного альманаха писателей Югры «Эринтур». Член Союза писателей России с 2004 года. Награждён медалью АСПУР «За служение литературе».

Лауреат нескольких литературных премий, в том числе: Губернатора ХМАО, Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка и международной премии «Югра».

Живёт в Нижневартовске.

ВСЁ НЕ ТАК...

(или всё будет хорошо, Малыш...)

I

Конечно же, ей хотелось, чтобы всё было не так. Она мечтала о белой фате, о белоснежном платье в кружевах, припаленном, подчеркивающим её безупречную точёную фигуру, обязательно туфли на высоких каблуках, чтобы хоть немножко подтянуться к плечу жениха. Он должен быть высок и строен, кудряв, черноволос... С усами... нет, без усов: пожалуй, усы колются... Нет, не поэтому, просто она к усатым мужчинам относилась с настороженностью, может из-за соседа – усатого пьяницы и дебошира. Наружность жениха каждый раз у неё получалась другой: то брюнет с кудрями, то вдруг ей покажется голубоглазый блондин – этаким былинный богатырь... Нет, он не должен быть похожим на скалу, на утёс. И ей уже рисуется элегантный с утончёнными чертами лица русоголовый красавец. Вот он берёт её руку, целует мягкими устами и шепчет... Никогда она не знала, о чём будет говорить с молодым человеком, но знала наверняка, что беседа завяжется сама собой и обязательно он скажет что-нибудь о возвышенном, наверное, о каком-то балете или опере, а может он окажется любителем литературы, а то и вовсе литератором. Тут она обязательно пыталась найти изъян в своём литературном образовании. «Нужно ещё раз прочитать Мольера, да, вот Пушкина выучить, пожалуй, что-нибудь из «Онегина» – так приблизительно думала она в такие минуты. Правда, таких минут выдавалось немного. Шла война, маленькая щупленькая девчушка Надя ... по двенадцать-четырнадцать часов упаковывала снаряды, работая на военном заводе под Ленинградом. Руки автоматически разглаживали упаковочную бумагу, живя, казалось своей заводской жизнью, укладывали боевые снаряды рядками, а девичьи мечты неслись туда, где светло. «Очнись! Взьми!» – это подруга, как всегда не вовремя, прерывает славно сложенные мысли.

«Тринадцать» – говорит в ответ Надя, и они тащат тяжёлый ящик с боеприпасами в склад. «Тринадцать» – подтверждает кладовщица, записывая в свою тетрадь огрызком химического карандаша. Мозг снова заработал чётко, видение исчезло. Она уже и не помнит, брюнет ли блондин пригрезился ей сегодня.

Горечь, вызываемая тротиловой пылью, пропитала всё вокруг: воздух, одежду, кожу... Она, кажется, прилипла к стенам, спускается с потолка тысячью невидимыми нитями, залезает в ноздри, уши; она везде – даже еда в рабочей столовой с примесью горечи.

Как-то странно устроен мир, иногда думалось Наде: Ленинград в блокаде, умирают люди, погибают солдаты, пытаюсь прорвать вражеское кольцо, а я думаю совсем о другом. Эта несдержанность фантазийной части её сознания часто заставляла юную особу краснеть. И она уже обвиняла себя в «преступно-эгоистичном образе мышления», «это непростительная несдержанность мечтательности». Так, наверное, сказал бы тот брюнет или блондин... Она снова запуталась в своих предпочтениях... Нет, он так не сказал бы, а вот Тамара...

В редкие минуты отдыха, когда им было предписано заводским распорядком «подышать свежим воздухом» – так обычно это называлось (меж собой женщины судили по-своему: «пойдём, покашляем»), Надя делилась со старшей подругой своими тайными, несдержанными и легкомысленными мечтами-видениями. Тамара к тому времени была уже замужем, и это обстоятельство в глазах девочки-подростка представлялось ей непререкаемым преимуществом в делах подобного свойства. В ответ Тамара лишь пожимала плечами, а иногда, отвернувшись к кирпичной заводской стене, незаметно смахивала слезу. «От Лёшки до сих пор с фронта писем нет...», – тихо прошепчет своё наболевшее Тамара, и тихо направится в цех: мол, не советчик я тебе ...

Потом был госпиталь. Попала Надя в пульмонологическое отделение прямо из цеха. Вдруг, как ей показалось, выключилось электричество. Иногда такое случалось в цехе, и тогда врубали аварийное, но какое-то время все сидели в кромешной темноте. На этот раз для Нади свет появился только в машине скорой помощи. И только там она поняла, что свет выключал-

ся на этот раз только для неё одной. Диагноз – воспаление лёгких, прозвучал в её восприимчивом мозгу, как приговор. Потом какие-то уколы со странным названием «антибиотик» – совершенно новое лекарство. Доктор сказал, если бы не это чудо-лекарство – не выжить бы ей.

Организм, отнюдь не отмеченный богатырской печатью, слабо боролся с недугом, но жажда жить, а может быть и грёзы, являвшиеся ей и в больничной палате, помогали одерживать маленькие победы, но тут же следовали провалы, сознание туманилось, стены палаты расплывались, и она уже смотрела на себя, будто со стороны, на маленькую двенадцатилетнюю девочку, стоящую среди комнаты. И отдельные, отдающие металлом слова: «вероломный противник», «война»; и заголосившая враз мама, и задрожавший подбородок отца. «Что будет с нами? Немцы в первую очередь пойдут на Ленинград...», – шептала потом за дверью мама. «Мы не пустим их в Ленинград, мы остановим фашистов...», – басил папа, а мама еле слышно всхлипывала, потом наступала тишина, и Надя засыпала в какой-то не детской тревоге.

– Где я? Где я? – шептали девичьи губы.

– В больнице, девочка, в больнице. Очнулась голубушка, – слышит она вдалеке голос медсестры, – потерпи, я сделаю укол... антибиотик...

– Совсем не больно, – пытается улыбнуться Надя.

В изголовье на тумбочке расплывается, теряя очертания, её любимая кукла. «Галя была, где она? Немцы...» – тревожно прошептали сухие губы, и снова потолок пришёл в движение, люстра закружилась. «Антибиотик...»

В тот роковой год объявили, что учебный год сдвигается; школа закрылась, и они с девчонками-ровесницами бежали на берег Ладожского озера, где обычно любили отдыхать не только дети, но и взрослые, но и на берегу тоже складывалось всё не так, как обычно. Вот бегут наши солдаты и кричат, чтобы все уходили в лес, подальше от Морозовки, а то скоро придут немцы и всех перестреляют. И в самом деле, через какое-то время на том берегу Невы – в Шлиссельбурге появились немцы. Не громыхали взрывы, не слышно было никаких выстрелов, только лязг металла, шум однажды нарушил

тишину, а по вечерам громкая иноземная речь, отражённая водной гладью разлетелась в окрест. Надя слышит звуки губной гармошки и весёлые песни на непонятном языке, доносящиеся с того берега. «Они скоро будут здесь, а там и до Ленинграда рукой подать» – шептались взрослые. «Где наши войска? Почему никто не защищает Ленинград? Их сдерживает только Нева».

А вот и наши. Солдаты появились как-то неожиданно. Нагнали много танков, машин. Прошли по домам офицеры, скомандовали уйти за Морозовку в сторону Ленинграда. «Здесь будут вестись боевые действия» – передавалось из уст в уста. И загромыхало! Надя помнит, как страшно ухали снаряды, сотрясая домишко, в котором они остановились. «Дом испугался, – сказала она старшей сестре, – видишь, стекло затряслось». А та заплакала, обняв свою младшенькую Надюшу. «Теперь наши выгонят фашистов», – дрожащим голосом, успокаивая сестру, сказала Галя.

Надя открыла глаза. Рядом сидела Галя, поглаживая её волосы. Больше сознание не покидало больную, и с этой поры изо дня в день ей становилось лучше.

– Это чудо, что ты выжила, – сказала докторша при выписке. Антибиотик помог...

II

Сейчас Надя была близка к тому состоянию в «скорой». Также трясёт, точно также комок сидит в горле противно, будто кто-то сдавил ей шею так, что тяжело дышать. И слёзы так же, как и тогда льются щемяще и горестно. Откуда только берутся? Ей хотелось, чтобы всё было не так...

– Не плачь, Надюша, всё будет хорошо, вот увидишь, – Ваня, теперь уже её муж, нежно держит за плечи. И она чувствует, как он пытается прижать её хрупкую, почти невесомую к себе на очередной ухабине. Этот сильный спортивный парень держит её крепко, но ровно настолько, насколько необходимо, чтобы сгладить неровную дорогу. Трясёт немилосердно...

– Я хотела совсем не так. Совсем не так... – прошептала она тихо, скорее для себя, чем для присутствовавших.

Надежда, теперь уже Черняховская, мельком глянула на Ивана, а тот внимательно всматривался сквозь заплаканное стекло машины, пытаясь следить за дорогой, чтобы очередную выбоину смягчить своей сильной рукой. Конечно, он чувствует свою вину. Он тоже представлял себе всё не так.

Грузовой «зилек» ревел своим многосильным мотором, громыхал потрёпанным железом, но всё же двигался в этой серой взвеси мокрого снега, переходящего в дождь, и надвигающихся сумерек. Дворники усердно процарапывали небольшое окошечко в лобовом стекле только на стороне водителя. С пассажирского места дворник елозил, не убирая грязь и дорогу не видно совсем, но Иван упрямо всматривался сквозь густые грязные капли в никуда.

«Боже мой, – вдруг подумала Надя, – какой нос! Прямо до неприличности длинный и даже безобразный». И она снова вернулась в то далёкое девичье время, когда грёзы были светлыми и такими радужными, когда являлись в её воображении принцы один краше другого.

За Иваном, прижавшись к дверке, как-то скукожившись, сидела его сестра. Она тоже обладательница совершенно схожего профиля, отвернулась, и казалось, что её нос воткнулся в боковое стекло. Надя даже улыбнулась, вытерла глаза.

– Ну вот и ладно, молодец, малыш. Всё будет хорошо, – Иван тоже приободрился.

«Какая у него длинная и худая шея» – снова начала придираться к внешности своего суженого Надя.

Да, она ещё в первую встречу отметила несколько отличавшуюся от других, характерную внешность Ивана: эту долговязость, тонкую шею и крупный, выдающийся клином нос, но никогда не придавала этому значения. Более того, ей всегда нравился и этот нос, и долговязость. Иван умел красиво ухаживать. Нет, он не дарил ей большие букеты цветов. У него просто не было денег для этого. Но как он умел преподнести билеты в театр на оперу или балет, обязательно блеснув эрудицией. Это потом он признался, что специально готовился. Как элегантно он брал её под руку. Конечно, она помнит то состояние невесомости и отрешённости от всего мира, охватывавшее её в такие минуты. Она слушала его приятный голос,

и чувствовала себя если не королевой, то, по крайней мере – принцессой.

Вспомнился и тот курьёзный случай, когда они с Иваном вынарядились в театр, надев, естественно всё самое лучшее со своих тощих гардеробов. Иван перед выходом в свет густо намазал свои ботинки и туфли своей пассии гуталином. Только усевшись в театральные кресла, они ощутили густой запах ваксы. Да такой, что дышать становилось просто невозможно. Народ стал рассасываться и рассаживаться подальше от источника запаха. Вскоре они сидели в гордом одиночестве под бомбардировочными взглядами дальних соседей. Но это не помешало им насладиться театральным действием.

Три года Иван ухаживал за своей любимой, а предложение не делал, что уже в какой-то степени если не расстраивало, то озадачивало его избранницу. Надя понимала, почему тянет её Иван с предложением, и даже пыталась, как говорится, войти в положение. Он хотел заработать денег, чтобы начать семейную жизнь не с пустого места, но год за годом ничего не менялось, и его заработки в том числе. «Дурачок, – думала Надя, – что ж я не понимаю. Мне с ним хоть в шалаше». Но вслух не высказывалась, а Иван никак не мог предложить ей этот шалаш: он надеялся если не на дворец, то хоть на свой угол в какой-нибудь коммуналке. Но и этого ему не светило: очередь нуждающихся на жильё терялась там за горизонтом.

Надя на некоторое время отвлеклась недавними воспоминаниями, но резкий толчок, скрежет железа и негодующее рывканье грузовика, вернули её к действительности. А действительность была такова: едут они в старом самосвале, гружённом песком из ЗАГСа, где только что она стала женой Ивана... И всё случилось не так, как много раз представлялось новоиспечённой жене. Даже погода сегодня совершенно не подходящая торжественному случаю... Всё не так! Глаза снова наполнились слезами.

– Не рви моё сердце, не плачь, малыш, всё будет хорошо.

– Что ты заладил «хорошо», «хорошо». Как же может быть хорошо, если всё не так? – и тут Надежда заревела, не стесняясь никого и ничего.

III

27 января на дворе, а дождь лепит какой-то ноябрьский – нудный и затяжной, не останавливаясь ни на минуту. Конечно, свадьбы справляют и зимой, может быть, но лучшее время, естественно, весна, лето: цветы вокруг, яркое солнце, сменяющееся луной к тому времени, когда начинается или входит в разгар праздничный вечер. Пахнет жасмином... Лёгкая полудрёма тут же вытряхнулась на очередной ухабине. «Боже мой, почему такая погода в январе и именно сегодня, в ТАКОЙ день?» И снова слёзы. Кажется, никогда так она не плакала, не рыдала так горько. Всё не так!

На пороге родительского дома вышедших (в данном случае лучше употребить – вылезших) из кабины грузовика молодожёнов в сопровождении сестры жениха, встретила старшая сестра Нади. Не подозревая ничего чрезвычайного и необыкновенного в этот ненастный день, она обыденно спросила:

– Вы откуда такие заполошные явились? – её удивило только то, что гости появились в будний день. Обычно они приезжали на выходные. Надя перехватила вопрошающий взгляд своей старшей сестры и, запинаясь, произнесла:

– Это... родственница... это родная сестра Вани... Виктория, – она указала на заслонённую худой фигурой Ивана такую же долговязую женщину. Виктория вышла из-за Ивана, склонив голову. – А это моя сестра – Галя, – Надя рукой указала на хозяйку дома, стоящую на пороге с ведром в руке. Виктория шагнула вперёд, качнула головой.

– Ну что ж... будем знакомы, – Галя поставила ведро и протянула руку.

Наступила неловкая пауза.

– Ведро полное, значит – к удаче, – решил разрядить обстановку Иван.

– Это мусор, – Галя снова взяла ведро.

– Вот и хорошо – мусор – это к счастью и к... деньгам, – еле нашёлся Иван. Он ловко подхватил Надю под руку, та вдруг приосанилась, и они подошли вплотную к Галине.

– Вы, прямо, как жених и невеста, – вырвалось у хозяйки дома.

– Ты не угадала, Галя: мы уже муж и жена. Я ведь замуж вышла, – сказала Надя как-то с вызовом, и губы на последних словах нервно задрожали.

– Как?

– А вот так, моя сестрица, – продолжила Надя в том же духе. Потом, смягчив голос, она протянула свидетельство о браке, и уже мягче сказала: –

Галя, серьёзно, мы расписались в Морозовке, вот документ...

Старшая сестра была посвящена в долголетние отношения молодых людей и внутренне была готова к такому результату. Когда-то же должен был набраться решительности этот симпатичный и стройный моряк. Иван часто носил морскую форму, и между собой сёстры называли его моряком. Она и не желала своей любимой сестре другого избранника, они всё уже решили. Более того, Галя, бывало, тонко намекала Ивану, что он так красиво и галантно ухаживает за Надей, что ей это будет нравиться хоть до самой пенсии. Шутки шутками, а дело уже шло к свадьбе, и все к этому были готовы.

– Я поздравляю Вас, – она обняла новоиспечённых молодых, – но я представляла себе всё не так. И она зарыдала, приседая на порог и увлекая за собой младшую сестру. Иван стоял над ними, ощущая руками их дрожащие плечи.

Я раньше ни от кого не слышал этой мелодраматичной истории. Получив приглашение на золотую свадьбу Надежды Денисовны и Ивана Дмитриевича, известных в родственных кругах – тёти Нади и дяди Вани, я тут же вылетел в Питер.

На юбилейную свадьбу пришло много народа: это и подруги-близняшки Надежды Денисовны, с которыми она когда-то работала на военном заводе; это и родственники, и представители администрации города Санкт-Петербурга; и даже депутат городской Думы. Поздравительная церемония проходила в лучшем ЗАГСе северной столицы на Английской набережной. Мы восхищались своей тётей Надей, выглядевшей сегодня счастливой невестой, одетой в розовое платье. Дядя Ваня, повязавший чуть ли не впервые галстук, смотрелся при всём

своём теперешнем объёме, таким подтянутым женихом. Звучала торжественная музыка, юбиляры чинно поднимались по парадной лестнице, за ними шли мы, гости с цветами. Щёлкали фотоаппараты, ослепляя идущих вспышками, работали видеокамеры... Лепные потолки, мраморная лестница, хрустальные люстры и много света...

Потом после торжественных речей и поздравлений, после чтения «молодым» стихов о любви своей «невесте», звучал вальс Мендельсона, и Надежда Денисовна попала в руки своего кавалера, и он завертел её в этих кружевах вальса счастливую и такую озорную. И мы видели эти счастливые лица юбиляров, и слёзы накатывались на глаза, сердца всех присутствовавших гостей наполнялись той радостью, что приходит только в минуты истинного восторга. И не хотелось верить в то, что им по восемьдесят.

По дороге в кафе, где уже были накрыты столы, тётя Надя после моих слов восхищения, радостно сказала:

– Сегодня всё было так, как я когда-то мечтала... – она прослезилась, промокнув глаза платочком, – я об этом мечтала пятьдесят лет назад... и вот – свершилось.

И уже за столом, когда спало напряжение, и наступила та непринуждённая обстановка, когда позволительно приземлить тон беседы до привычного родственного разговора, тётя Надя сказала:

«А ведь пятьдесят лет назад всё было не так, – Надежда Денисовна посмотрела на своего благоверного, – вот этот молодой тогда человек ухаживал за мной уже три года. Я и не надеялась, что он когда-нибудь сделает мне предложение. А тут, как-то приезжает вместе со своей сестрой в Морозовку, и говорит: «Пойдём в ЗАГС, распишемся, я хочу, чтобы ты стала моей женой». Я оторопела: «Ты мне три года о любви говорил, то да сё, а тут пойдём, распишемся», – я немного даже возмутилась такому его обыденному предложению. Я как-то представляла это событие не так: цветы, признание в любви, а уж потом предложение стать женой. Ну, он, правда, поправился: «Ты же знаешь, я тебя давно люблю, давай сегодня распишемся, я хочу, чтобы ты стала моей женой», – сказал он как-то невыразительно, но я то знала, что от души. Это было 27 января 1948

года. День освобождения Ленинграда. В такой день! Как мне было отказаться? Тем более что он мне тоже нравился. На мой вопрос, кто будет свидетелем, он сказал: «Вот свидетель, моя сестра ...» И я не подумав, согласилась.

Иван с сестрой приехали из Ленинграда в Морозовку, где я тогда работала. В местном ЗАГСе в этот день не оказалось заведующей, с которой, оказывается, Ваня уже договорился на тот день. Она, видимо, просто забыла о нас. В ЗАГСе на рабочем месте оказался единственный человек – бухгалтер. Она-то сказала, что начальника нет. «Но я имею право подписи, – сказала бухгалтер, – так, что расписать я вас могу, и это будет совершенно законно. Только вот ключей от сейфа нет, они у начальника, а в сейфе бланки и печать». «А если я открою сейф?» – спросил Ваня. «Если откроете, то всё будет нормально – распишем». И он достал свой ножичек, и открыл замок. Я тогда ещё очень удивилась таким его способностям. «Ну, думаю, и мужёк у меня будет...» Это потом он мне сказал, что замочек там был такой, что любой смог бы открыть отвёрткой. Бухгалтер достала бланк, заполнила его, мы расписались в нужных местах и она, поздравив нас, выдала свидетельство о браке. Вот так обыденно без музыки, цветов и другой атрибутики, сопутствующей таким событиям, произошло то, о чём мечтает каждая женщина. А потом мы вышли на улицу. Шёл проливной дождь. Конец января, а на улице, будто осень. До дома, где я жила тогда, идти было порядочно – несколько километров. Понятно, что под таким дождём нам не уйти. Вдруг едет какая-то большая машина с песком. Ваня её остановил, и этот шофёр согласился подвезти нас к дому. Всю дорогу в этой машине я редела вот такими слезами. Я только потом поняла, что я наделала. Нет, я не жалела, что вышла за него замуж, но я то хотела, чтобы всё было по-другому.

И Надежда Денисовна закончила свой тост словами:

«Я хочу поднять этот бокал шампанского за то, что сегодня всё случилось так, как я мечтала пятьдесят лет назад...»

Иван Дмитриевич поднялся, расцеловал своего Малыша, так он все пятьдесят лет называл свою любимую жену, и сказал: «Я ж тебе говорил, Малыш, что всё будет хорошо...»

Рубинами небо усыпано,
Шарик лунный сверкнув серебром,
Прокатился над мокрыми крышами,
Над победно
сиянным
Кремлём.

По-над алыми звёздами гулками,
Словно в вечность –
на все времена
Синесферный небесный колокол
Поминал,
поминал
имена...

Горько тянет с Запада порохом,
Запахом гари...
– Так пахла война.
Заклинаю вас:
помните, вороги,
какой в сорок пятом
явилась
весна.

2019, С-Петербург

Слеза разбилась о гранит
На разноцветные осколки.
Оркестр духовой гремит
Мелодиями с пыльной полки.

По мостовой чеканят шаг
Седые Родины солдаты,
А над Кремлём резвится флаг
Не тот, что вдохновлял когда-то...

Чужие флаги и гербы
Они простить стране готовы.
Но, не приведи Господь, забыть,
Как громко падали оковы...

Мне не забыть глаза отца,
Его я голос не забуду...
Его глаза – глаза истца,
Мои – свидетельствовать будут.

2007

Слова бросаем инчас невпопад,
Презрительно, как мелочь в шапку бомжа...
И вдруг гусиной сделается кожа,
И помрачится ум
от брошенных
«деньжат...»

Замкнуло разум тысячами вольт:
В короне солнечной рвануло снова!..
О, вразуми нас, Давший
Людям

Слово!!!

Плаутать в витийстве будем мы доколь?

... Сгребу с асфальта брошенную мелочь,
И сдую пыль, и воскресится блеск...
И в наших душах вознесётся крест...
... И доброе
за словом
возродится дело!

2017, Игарка

Я ценностей других приветствовать не смею.
Мой путь давно не мной определён...
С веками лики предков, лишь светлеют,
На грешный мир глядя со святочных икон...

Мой вектор отклонился к северо-востоку
От праздно веселящихся столиц.
Я азиатским бытом сбил к грехам охоту,
К пустым страстям без края и границ.

И помнится, давно, прирождённый туземец –
Вернейший друг, у жаркого костра
Кузьма, поведал мне о том, ЧТО ценит,
О чём душа болит... Мы заболтались до утра...

Я ценностей других приветствовать не смею...
Европа, Запад мне – не компас, не указ...
Уже Кузьма притих, уже рассвет алеет...
... Я крест кладу к востоку...
всякий раз...

2018

Эхо холодного лета 53-го

Не перечить мне роз печальных,
и радостных – не перечить...
Я долго так живу случайно:
ну, так случилось,
так вот есть...

Всё пёстро было изначально,
прошло уже немало лет:
Холодным летом,
не случайно
Я вылутился в белый свет...

Смешалось время,
люди,
плети,
И прерван не один полёт...
Чьё сердце не бивалось в клетях,
Тот и рассудком не поймёт...

Смеюсь я кратко,
плачу – дольше.
... Сто лет хохочем и ревём...
Я рад, что сердцем вышел больше,
чем, сторасчётливым
умом...

Январь, 2019

ДМИТРИЙ
МИЗГУЛИН

Мизгулин Дмитрий Александрович родился 10 сентября 1961 года в г. Мурманске. Окончил Ленинградский финансово-экономический институт им. Н. Вознесенского в 1984 году. Кандидат экономических наук. Председатель правления Ханты-Мансийской общественной организации Союза писателей России.

Президент литературного фонда «Дорога жизни».

Печатался в литературных журналах, альманахах, литературных сборниках России, Сибири. Автор многих книг стихов и прозы. Отдельными изданиями выходили книги на французском, английском, сербском, чешском, украинском, греческом, венгерском, болгарском, татарском, белорусском, немецком, армянском, эстонском языках и на иврите.

Член Союза писателей России с 2004 года.

Член Международного сообщества писательских союзов (2002).

Член-корреспондент Петровской академии наук искусств (2002).

Лауреат многих литературных премий, в том числе им. Д. Н. Мамина-Сибиряка, премии «Петрополь». Лауреат премии Правительства Российской Федерации (за просветительский проект в области литературы «Альманах «День поэзии – XXI век»). Почётный житель г. Ханты-Мансийска.

Не зная, что будет наверно,
На ощупь плетёмся впотьмах,
Мы все преисполнены скверны
И в мыслях своих, и в делах.

И всюду царит непреложно
Немая, безбожная ночь.
Ужели и вправду так сложно
Хоть в малом себя превозмочь?

Ведь всё, что в душе накопело,
Давно исцелил бы Господь,
Когда бы не бречное тело,
Когда бы не глупая плоть,

Когда бы лихой и отважный,
Смирив выраженьё лица,
Молитву, хотя бы однажды,
С душой прочитал до конца...

Мы помним тех, кого забыть должны,
Похоронив под ворохом печали,
Но в глупые, несбыточные сны
Они входить ещё не перестали.

Вороны не боятся ноября,
А журавли курлычут: «Улетаем...»
Мы помним тех, кого забыть пора,
Кого же помнить надо – забываем.

Дни нашей жизни коротки,
А ночи? Ночи бесконечны.
Туман над берегом реки,
А в небе – путь блистает млечный.

А в небе – полная луна.
Молчит листва. Собака дремлет.
Покой вокруг. И тишина
Насквозь пронизывает землю.

Склонюсь к воде – волна легка.
Звезда в руках засеребрится,
И жизнь, как лунная река,
Сквозь пальцы медленно струится.

Прощаясь наспех, навсегда
В столпотворении разлук,
Ты не забудешь никогда
Её по-детски тонких рук.

Пройдёт печальная пора.
Ты будешь жить и не тужить,
Но будут жёлтые ветра,
Как листья, память ворошить.

Конечно, вечность – это вздор.
Ты прав, до срока всё пройдёт.
Но всё же, где горел костёр, –
Трава годами не растёт...

Ангел-хранитель

Со дня рожденья и посмертный час
Приставлен ангел к каждому из нас.
Он нас хранит от горя и от бед
На протяжении беспутных лет.
Он нас хранит и молится с небес,
Чтоб наши души не похитил бес,
И даже под покровом тишины
Следит, чтоб не украли наши сны...
А мы живём безумно и грешим,
И вечностью своей не дорожим,
Не думаем, что может, грянет час,
Когда он навсегда оставит нас.
Покинув утомительный свой пост,
Он воспарит среди погасших звёзд.
Взметнутся два спасительных крыла...
И навсегда тебя ослепит мгла.

Флаги красные весной
По проспектам плыли.
Бог – писали с прописной,
Жили – не тужили:

Собирали урожай,
Путь торили млечный,
Думали, что этот рай
Будет длиться вечно.

В стенах маленьких квартир
Обретали счастье,
Но несокрушимый мир
Рухнул в одночасье.

Мы попали на излом:
 Всё вдруг стало плохо,
 И пошла в металлолом
 Целая эпоха...

Разгулялися ветра
 Вдоль по белу свету...
 Родина была вчера,
 А сегодня – нету...

Нынче плачемся в тоске,
 В мýке бесполезной:
 Был построен на песке
 Замок наш железный...

Путь не близкий предстоит –
 Радости и беды...
 Пусть Господь благословит
 Новые победы.

Чтобы вновь – огонь в глазах,
 Чтобы сердце – пело,
 Чтоб с молитвой на устах
 Мы вершили дело,

Чтобы сын гордиться мог
 Нашей долей славной,
 Чтобы снова слово Бог
 Стал писать с заглавной...

Похоронив отца и мать,
 Тогда не ощутил сиротства.
 У молодости превосходство –
 Без слёз беду воспринимать.

Привычной чередой потерь
 Привык вносить за счастье плату.
 Так отчего же вдруг теперь
 Былую ощутил утрату?

Мне снится мать. И смех отца
 Доносит шум ветров далёкий...
 Ужели своего конца
 Незримо ощущаю сроки?

Об этом думать не хочу.
 И в пустоте дневного храма
 Затеплю жёлтую свечу,
 И помяну отца и маму,

И воспарит душа, легка,
 И зашумит листвою лето,
 И памяти моей река
 Несёт меня навстречу свету.

Такая вот работа:
 Всю жизнь – туда-сюда,
 Ночные самолёты,
 Ночные города...

Полжизни расплескалось
 В чаду случайных встреч.
 И что теперь осталось?
 И что теперь беречь?

Не мучаюсь напрасно
 Об участи такой.
 И звёзды в небе ясном
 Сверкают надо мной.

Насквозь промёрзшим небом
 В морозном вихре мчусь,
 Закусываю хлебом
 И Господу молюсь!

Николай Миркамалович Шамсутдинов/ Николай Шамс – советский и российский писатель (поэт, прозаик, публицист, сатирик, переводчик) родился на полуострове Ямал, Россия 26 августа 1949.

В 1982 году становится первым членом Союза писателей СССР не только города Сургута, но и на огромном нефтяном материке Среднего Приобья, в 2009 году – членом Всемирной ассоциации писателей Международный PEN-клуб и удостоивается в этом же году звания «Почетного работника культуры и искусства Тюменской области», «Заслуженного работника культуры Российской Федерации» в 2011.

Избирается: Сопредседателем Ассоциации писателей Урала, Сибири, Поволжья в 2002, Академиком Российской Академии поэзии в 2018, Сопредседателем Правления Союза российских писателей по Сибири в 2019.

Как руководитель Тюменского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Союз российских писателей» в 1994 году объединил писателей трёх субъектов Российской Федерации: ЯМАЛа, ХМАО-Югры и Тюменской области, в одну писательскую организацию.

За годы творческой работы им внесён значительный вклад в развитие литературы не только Тюменской области, но и, по большому счету, всей страны... Автор пятидесяти двух поэтических книг, включая книги литературно-художественных переводов

НИКОЛАЙ
 ШАМСУТДИНОВ

С 70-летним юбилеем!

на русский язык младописьменных народов Тюменской области и около 400 публикаций в периодической печати. Лауреат Общенациональной премии им. А. М. Горького (Москва, 2007), Всероссийских и региональных: «Литературной премии» Уральского федерального округа (2013), Муниципальной премии города Тюмени (2014), Литературной премии (I степени) Губернатора Тюменской области (2015), Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа за книгу «Арктическая сага» (2019), Регионального конкурса «Книга года-2018», «Книга года-2019» с вручением «Серебряной литеры», (Тюмень) и Международных премий: им. М. А. Волошина (Украина, 2010), «Золотое перо» (Россия, 2011), «Русский стиль» (Германия, 2013), «Югра» (Россия, 2015), «Русские мифы» (Черногория, 2016), Гран-при «Интеллигентный сезон» (Россия, Крым, 2016), специальной премии «Русский Гофман» (Россия, Калининград, 2017), «Славянские традиции» (Россия, Крым, 2017), Всеканадского литконкурса «Взрослые-детям» (Канада, 2017), «ЛиФФТ» с вручением «Золотой медали» (Россия, Сочи, 2018), «За заслуги в культуре и искусстве» с вручением медали Правления Союза российских писателей (Россия, Пенза, 2019), «За выдающиеся открытия и развитие новых эстетических принципов в литературе» дипломом «Нового Мюнхенского форума искусств» (Германия, 2019).

Окна, заплывшие снежными розами,
В оттепель канут, как в небытие...
Не разминуться нам, розным, с морозами,
Дикорастущее бу-ду-ще-е,

Загромождённое – нами? – подобьями...
Небу, отвесному днесь, – до утра
Хлопотно жить новогодними хлопьями:
Ёлки, петарды, шары, мишура –

Для приручающих вечность в одической
Силлабо-тонике, ибо в долгу
У испещрённой дактилоскопической
Строфикой дактиля там, на снегу, –

Ночи с тенистыми тайнами... В наледи
Явочной вечности, к слову,
в глазах

Чисто у музы альпийское алиби,
Вот и вьюжит в её черновиках.

«Мальчик, шампанского!». Эякуляция
Мощной струи в задубевший зенит!
Кто ж там язвит, что в поре девальвация
Вальса?! – он не иссякает, царит

Здесь, на лужайке. В пронзительной свежести,
Периферийными феями пьян,
Снег, если вслушаться, – это снег нежности,
В шёпоте, в шелесте сущего дан.

не исключая приворот парфюма...
 Измор морали? Отдадим условности
 (с готовностью, присущую рисковому...)
 дам полусвета – в боевой готовности
 к раскованности их кульбитов, ковам...

В ночных застольях – очевидна клиника:
 в отвесных откровеньях, вещей жаждой,
 под реноме цианистого циника,
 задабривая плоть, подвёрстан каждый.
 И неофит полнощных игр с прилежностью
 склоняется над гибкой, точно нутрия,
 открыв себя – в переболевшем нежностью
 к купальщице, исчадью целомудрия...

2019

Близ Канн, и под лязг голышей – не стаканов,
 Душой ты в заснеженном детстве – оно
 Трофейными феями киноэкранов
 До сей поры в зимах одушевлено,
 Тем более здесь вот, в виду баркентины,
 Где от откровенных бикини пестро,
 Лукавую маску ночной Колумбины
 Губами жуира снимает Пьеро.

Средь полураздетых,
 но с той из-под масок
 Призывностью, что будоражит умы,
 Уже и не до обескровленных красок
 Сибирской зимы, век обутой в пимы:
 С закушенной розой скорее – latinos,
 Кому ж выпрядает мажорный мотив
 Фемина, чьи попка и перси – навынос,
 Лучистым движеньем тебя залучив?

Здесь нет места мифам... Согласно эпохе,
 Веселый цинизм пикировок, вино,
 Рука на коленке – не взгляды и вздохи –
 Курьеры твоей куртуазности, но
 Потом на песчаном мысу, по резонной
 ли (?) паузе, сводишь объятья, глуша
 Растерянность феи – интонационной
 Ночной интенсивностью фавна, греша

Подчас и гротеском. Выходит, с лихвою
 Проказничая,

 но – грядущий утиль,
 Интрижками взял ты – взбодрённый борьбою
 С её предрассудками... Сумерки... Штиль...
 Она уже, как и предрёк ты, готова...
 И только (голимый до сладости лёд)
 Сосулька из детства, родная, с резного
 Карниза нет-нет да и в сердце кольнёт...

2015

ПАТРИЦИАНКА

Сведущая, по самозабвению, в оттенках
 Элегической логики,

 прошлого знак,
 Упоённое патрицианка в оценках
 Настоящего и наступающего, как
 Ни клянут... Возращена повседневной тщетою,
 Злободневная бедность иссякла, давно
 Вытеснена возвышенною нищетою,
 Изобилующею обидами, но –

не обетами... И, воплощённая твёрдость
 В обобщеньях, она и в пустяшном пряма,
 Как диктует ей высокогорная гордость
 Урожденной стихии. В сходящем с ума

Мире, нафаршированном фальшью, – к забвенью
Вышних заповедей, и лишь истины близ,
Для неё, тяготящейся днями и тенью,
Экспрессивен в своей бестелесности бриз

С моря... На побережье, под вешнюю фигой,
Солон сельский уклад, что ук-ла-ды-ва-ет
Её заполночь, в изнеможении, с книгой
Под обзор зорко вчитывающихся – нет! –
Фабулой увлечённых планет: удалённость
Их – условность. Прозренью сродни, искони
Тон рефлексиям сим – задаёт утончённость
Комментариев к пасквилям черни, как ни

агрессивны они; как, назрев, ни капризно
Вдохновение пифии. Только одна
Роскошью эстетического стоицизма
Мне сродни, прекословя нахрапу, она.
Абстрагируясь от низости, над волнами,
Чей характер и сложен, и непостижим,
Она смотрит на непосвящённых – глазами
Моря... Моря?

Нет! – пристальной дали за ним.

2014

Отчетливое приближенье ангела:
одушевленной, свежестью дыша,
она, «играя Моцарта – как Вагнера,
и Вагнера – как Моцарта...». «Душа...», –

кудесницу зовешь ты в иронической
манере василиска (до поры...),
тевтон, заморожимый тектонической,
исповедальной техникой игры:

давно ли, обуянный пререканием
со здравым смыслом, ты взращивал своё
волненье, наливаясь ликованием –
отдавшись вдохновению её?...

Порою, скептик, с напускною скукою,
ты сам, по экзальтации своей,
зовешь её – «прекрасною докукою»
и, опрометчив, докучаешь ей
ремарками любезника...

Близ Ерголы,
пестуем стужей северных морей
и обращая образы в гиперболы,
выкладываешься, гиперборей,
в полярных сагах...

Но, возрастивший трещину
в душе, чьи упования пою,
верни любви и ликованью – женщину,
переломив язвительность свою.

В забвении у времени, и споры, и
укоры – большей частью, с кондачка:
нет без неё, лучистой, ни опоры, ни
грядущего – душе твоей, пока

в чём, импульсивный, только ни лукавишь ты...
Всепоглощающая и глубока
страсть – лишь с руки в полёт пускают клавиши,
и крепче смычка скрипки и смычка,

когда, напутствуемая пророчеством
домашних пифий, твёрдости верна,
проходит очищенье одиночеством
не в иночестве – на миру, она –

с брюзжаньем за спиною, а не свитою,
с мучительной морщинкой на челе:
душа её предъявлена – открытою
хвале и, доверительна, хуле...

неистоцимо, с приближеньем к осени,
на взлёте, что у черни не в чести,
щемящее вторит ей

многоголосие
вселенной – партитуры взаперти,

с такой неуголимостью внимающей
кудеснице и в гаммах, и в любви,
что упоённей Моцарт, поверяющий
грядущему – рефлексии свои...

2019

... вымучиваем жаждою прозренья,
и посею в протрацию уйдя,
на иждивенье у воображенья,
ты, обрекаем глуму, не судья
её капризам... Золотистым крапом
зелёных глаз томим и обуян
сомнениями,

друг, сердечный клапан
ты вверил безрассудно Кэт Каплан.

В опрятной опрометчивости,

мятым
мышцам лица солиста, наконец,
две ягодки под блузкой – с виноватым
вниманием внимают им... Юнец,
продукт буколик, не без колебаний
отчаянью (?) рефлексиями сдан,

уже – продукт пристыженных желаний,
взращённых безупречной Кэт Каплан.

С годами осатаневают в исках
к судьбе. Но, непредвиденность сама,
ты открываешь суть её – в изысках
изысканности, логики, ума
любезной Кэт... Куда ж тебя заносит,
покуда, оглашаемый (?) изъян,
затмение твоего рассудка носит
отзывчивое имя – Кэт Каплан?

В её мирке и шарм, и нега, в коем,
за кофе, далеко не Эпиктет,
ты дышишь, опекаемый покоем, –
духами недоволенной Кэт
Каплан... Чем ни мучительней, как веред,
жизнь, ты ли оцепеневаешь всей
мощью своей беспомощности – перед
любовью и отрадою своей?

2019

АЛЬБИНА
КУЗЬМИНА

Кузьмина Альбина Семеновна, родилась 17 марта 1953 года в деревне Рынья Тобольского района. Окончила Томский политехнический институт им. С. М. Кирова. Курсы Московского института повышения квалификации работников радио и телевидения.

Публиковалась в газетах «Литературная Югра», «Новости Югры», журнале «Тюмень литературная» и др.; альманахах «Зори Самотлора», «Эринтур».

В коллективных сборниках «Кедровая грива», «Иван-Чай» и др.

Автор книг прозы «Главный лесничий», «На священных берегах Ваха», «Мой Нижневартовск». Автор фотосборника «Дорогами предков по Ваху-реке» и др.

Член Союза писателей России. Руководитель городского литературного объединения «Замысел». Лауреат конкурса «Золотое перо просветителя», награждена Благословенной грамотой Епископа Тобольского и Тюменского Димитрия. Лауреат Литературной премии Губернатора ХМАО (2017).

Кандидат Культурологии.
Живет в Нижневартовске.

ПТИЦА БЬЁТСЯ В ОКНО

Задумалась всего на миг Анастасия Николаевна, как тут же услышала взволнованный голос внучки:

– Птица бьётся в окно, птица бьётся! – кричала она.

Тревога передалась и ей, Анастасии, но тут же тревожное чувство прошло. Сегодня день такой – день памяти... Это тогда было страшно... Как одно мгновение пронеслись перед глазами картины жизни...

Вот она молодая, красивая, выходит замуж за бравого парня своего Серезеньку... Вокруг смех, веселье, улыбки, поздравления. Несутся кони ретивые, разукрашенные дуги, расписная кошева. Гармонь рассыпает весёлыми песнями, частушками да прибаутками...

Вот провожает мужа на фронт... Народу много – не одного его призвали на защиту Родины. Всюду плач, бабий вой, каждый старается перекричать другого, чтоб услышал солдат её... И опять гармонь деревенская душу берedit – теперь плачем заливаётся... Только не проронила Анастасия бабьей слезы и воем не выла, пусть единственному своему легче служится там, на войне...

Вот стоит председательша, с лица побледневшая, с волос поседевшая, рука цепко сжимает в кармане бумагу, что в народе зовут похоронкою... Онемевшая от горя, с душераздирающим криком в груди... Детям ни о чём не сказала... Только вспоминает, как Ему прошептала: вернись мой суженый, супруг мой любимый, ждать тебя буду верно... Вот и ждёт до сих пор.

Окончилась война, пришла долгожданная победа. Только не веселила уже гармонь как прежде, когда с войны вернулись мужчины иные: не те молодые – чуб чёрный в завитках, а седые израненные душой и телом солдаты. Не плакала, изнывала от горя гармошка, когда с войны лишь похоронки шли, многие ведь тогда не вернулись – скорбно молчала гармонь... Тихо

праздновали Победу, чтобы не разбередить печаль-тоску в тех, кто не дождался... Это потом, когда затянулись душевные раны Победу праздновали громко и радостно. Победа же!!!

Вспомнила, что случилось в тот роковой вечер: как и в этот миг, когда увидела птицу.

– Птица бьётся в окно, птица бьётся! – вздрогнула она и закричала:

– Уходи, разлучница, уходи предвестница, уходи!

Будто вторя злomu року, птица, словно потеряв ориентир, билась клювом о стекло рамы. Билась, билась о стекло, клюв в кровь... пока не сползла обессиленная вниз... Так и остались кровавые следы-полоски... Анастасия обхватила голову руками, ужаснулась предвестию, ужаснулась тяжёлому предчувствию: страшное что-то случилось с её любимым...

И всё же она ждала, и каждый раз поддерживала в детях надежду на возвращение отца...

Много времени с тех пор прошло. Состарилась Анастасия Николаевна, но ждать не перестала. Слава богу, разыскали её дети и внуки могилку родного отца и своего дедушки – мужа её любимого, душой своей израненной бившегося в стекло. Пусть называется она братской могилой. Там возведён Мемориал погибшим воинам. Теперь вот и её время настает, пора к любимому собраться, ждёт, не дожждётся...

А в приметы как не верить, они правду говорят: бьётся птица о стекло, – значит, умирает кто-то, одним словом, к разлуке с родными.

Только теперь это не страшит. А о примете она не скажет родным: пусть не тревожат свои души. Если грядёт горе – пусть не знают до поры-времени...

Взволнованный голос внучки возвращает к реальности:

– Бабушка, птицу жалко!

– Дурёха, не понимает она, что выхода у нас для неё нет! Уймись и ты, отойди, не мешай ей! Да шторку задёрни, – сказала внучке.

«Пусть обойдёт беда стороной», – прошептала себе.

Вскоре большая семья собралась на воскресный обед. Никто не знал, зачем мать созвала всех. Обсуждали случившееся. Анастасия Николаевна, усаживаясь за обеденный стол, оглянув мельком собравшихся, медленно произнесла:

– Ну, слава, Богу, собрались. День-то сегодня благодатный.

Фиона начала разливать по тарелкам суп. Взглянув на дочь, мать вдруг сказала:

– Достань-ка мне из заветного шкафчика.

– Мама, что это?

Не обращая внимания на вопрос, Анастасия Николаевна произнесла:

– Наполни мою рюмочку, да и всем налей.

– Мама?! Вам же нельзя!

– Ты не ослышалась, я так сказала.

Ничего не понимающая Фиона неторопливо подошла к серванту, потянулась к стоящей стеклянной бутылки, с названием «Русская». Молча выставила на стол графинчик, наполнила водкой и, разливая по рюмкам, мельком поглядывала на мать: какая-то она сегодня другая...

– Ну, кто ещё поднимет свой бокал за память? – прозвучал довольно жёсткий голос матери.

За столом стояла тишина: ни взрослые сыновья с жёнами, ни дочери с мужьями, ни тем более, внуки, не могли припомнить памятной даты...

Вытирая ладонью внезапно вспотевшее лицо, после напряжённого молчания за столом, Анастасия Николаевна тяжело вздохнула и громко сказала:

– Сегодня день памяти вашего отца и деда. Какие вы, нынешние, беспамятные! Безымянными людей на земле делаете... Жива душа-то, пока помнят...

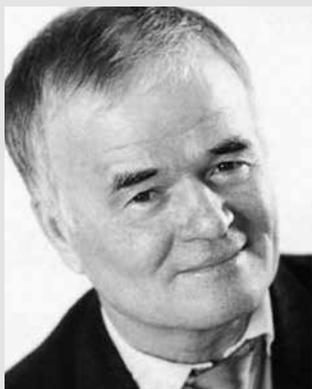
Огладела притихших дочерей и сыновей, зятьёв и снох, внучат. А на них словно прозрение пришло.

Подняла рюмку:

– Помянем... – и резко опрокинула.

А потом вдруг тихо добавила:

– Неужели и меня так легко забудете!? Прости и помилуй, Господи!

НИКОН СОЧИХИН

С 80-летним юбилеем!

Социхин Никон (Николай) Васильевич родился 18 сентября 1939 года в д. Коларово Томского района Томской области. Окончил Тюменский индустриальный институт (1968). Служил в Армии. Первое стихотворение «Утро» опубликовано в 1962 году. Стихи печатались в областной и Российской периодике, альманахах, литературных сборниках.

Автор многих книг – сборников стихов, как для взрослых, так и для детей. Лауреат литературной премии Губернатора ХМАО. Член Союза писателей России с 1996 года. Живёт в Сургуте.

Молитва матери

Был неба край зарёй закапан,
Позёмка жёсткая мела,
А мать молилась. И на запад
Знаменье крестное клала.

Я за подол её держался,
Хотелось плакать – и не мог.
И сердце билось: сжался, сжался,
Над ним, над нами, ты – наш Бог!

И мы просили так немного –
Чтоб воротился в дом солдат.
Но как-то холодно и строго
Смотрел, сходящий в ночь закат...

Стихи о старших братьях

Не дочитывались книги.
В сруб втыкались топоры
Под надрывный плач
и крики
Первогоднешней поры.

Головастые парнишки,
Кем гордился сельсовет,
Наши старшие братишки
За отцами шли вослед.

Был их путь суров и светел,
Встречу им цветы и прах.
От пожарищ дым и пепел
Опадали в волосах.

В славный май земля оттепла,
Взялись книги и топор,
Но никто волос от пепла
Не отмылил до сих пор.

И на сельском обелиске
Втиснены, как в письма,мена,
Имена родных и близких –
Дорогие имена.

Мы жизни ничто не поставим в вину:
Ни сиротство, ни горшее, если случится.
Наши старшие братья ушли на войну
И некому стало с нами водиться.

Пускай обошли нас посты и чины,
Хоть при упорстве могли добиться.
Наши старшие братья ушли на войну
И некому было за нас заступиться.

Но мы на тебя не в обиде, страна!
И сами сумеем, коль гром разразится,
Как старшие братья... И их имена
Не запятнаем.
Могу поручиться!

Каргасок

Здравствуй! Здравствуй, Каргасок!
Я проездом на часок.
Через улицу на пристань
Я иду наискосок.

Твой древесный сельский вид
Мою душу бередит.
Эта пыль прибрежных улиц
Много кой-чего хранит.

Дай-ка встану, постою,
Вспомню молодость свою,
Тех товарищей, что ныне
Бог лишь вест в каком краю.

Сколько нас без пап. Без мам,
Жило здесь по детдомам,
По глухим да по таёжным,
По сибирским деревням.

Ах, товарищ капитан!
Не подумай, что я пьян,
Я давным-давно здесь не был,
От того в башке туман.

Ты возьми уж на «Зарю»,
Ведь не пьян же, говорю.
И причаль у Усть-Чижапки.
– Проходи!
– Благодарю!

Люблю, как приеду в деревню,
Пройтись по окрестным местам,
Где каждая купа деревьев –
Как дивный дворец или храм.
А там, где курья и озёра,
Лучами заката облит,
Большим кафедральным собором
Темнеющий ельник стоит.
И мальчик, руками махая,

Промчится в луга на коне,
 Как будто бы птица какая,
 Дотоль неизвестная мне.
 Я вздрогну. И встану. И долго
 Вослед ему буду глядеть,
 Пока он по краю околка
 Всё будет лететь и лететь.
 И рад я, что здесь я родился,
 Кому-то родней довожусь.
 Пусть где-то я в дело сгодился,
 Но тем, что отсюда, – гордился,
 И может, когда пригожусь.

Элегия

Когда сержусь. Когда грущу.
 Когда... Хоть плачь подчас.
 Я с Вами встречи не ищу,
 Но всюду встречу Вас.
 Когда смеюсь. Когда пою.
 Когда... люблю весь свет.
 Я Вам несу любовь свою,
 А Вас повсюду нет.
 И кто он, силы неземной,
 Не моего ума,
 Так злобно шутит надо мной?
 Иль это – жизнь сама...

Середина лета

Середина лета
 Пахнет клеверами.
 Пряный запах этот
 Властвует над нами.
 С рюкзаком заплечным
 По тропинкам росным

Мы идём к поречным
 Травам сенокосным.
 Высоко над нами
 Распевают птицы.
 В далях над лугами
 Мареву клубится.
 Ах ты, мать родная,
 Родина – Россия!
 Красота какая!
 Голоса какие!
 У костра под вечер
 Посиди. Послушай.
 Это всё, что лечит
 Сердце нам и душу.

Наездница

Какая ладная лошадка
 По людным улицам бежит.
 Её наездницы посадка
 Любого враз заворожит.
 Среди всесветных ссор и сшибок,
 Среди разлада и разлук
 Немного счастливых улыбок
 Встречать приходится, мой друг.
 Но первый майский день воскресный,
 Но свежесть утренней листвы,
 Но вид наездницы прелестной —
 И вот не так уж мрачны вы.
 Пусть всё под этим небом шатко.
 Пусть всё почти что на краю,
 Беги. Беги. Беги, лошадка,
 Неси наездницу свою.

Журавли детства

Люди, скорее! Смотрите, над нами
 Вон – журавли!
 Гордые птицы почти над домами
 Плавно прошли.
 Вот за деревней над старым болотом
 Стали кружить.
 Может быть, – тихо обмолвился кто-то, –
 Будут там жить.
 Но журавли, покружив, улетели
 Вдаль, за леса.
 Долго потом над округой звенели
 Их голоса.
 Вечером мы расходились по хатам,
 Став повзрослей.
 Каждый себя посчитал виноватым
 За журавлей.

Козлов Сергей Сергеевич родился 28 мая 1966 года в г. Тюмени. Окончил исторический факультет Тюменского государственного университета (1990). Служил в Армии. Прозаик, сценарист, редактор.

Первый рассказ «Параллели» напечатан в областной газете «Тюменский комсомолец» в 1989 году. Печатался в зарубежной, Русской и областной периодике, журналах, альманахах и литературных сборниках. Автор многих книг прозы.

Лауреат многих литературных премий России и международных, в том числе международной премии «Югра». Произведения были переведены на сербский, болгарский, азербайджанский и греческий языки. Работал директором школы в г. Горноправдинске, был главным редактором журнала «Югра», избирался депутатом Тюменской Областной Думы. Почётный работник общего образования.

Живёт в Тюмени.

СЕРГЕЙ
КОЗЛОВ

ТО НЕ ВЕЧЕР

Марево стояло над степью – зной, пропитанный гарью. И даже когда июльский день перевалил далеко за вторую свою половину, и даже когда небо смешалось с чадящими дымами и комьями разворочанной взрывами земли, свежее не стало. Ярро-оранжевый глаз солнца пробивался сквозь всё и вся и палил, словно хотел сжечь то, что и без того горело. А ведь где-то за спиной тихий и прохладный Дон...

Старший политрук Пустельга собирался с мыслями. Не так много у него было времени до следующей и последней, как он понимал, вражеской атаки. Вот-вот начнут утюжить с диким воем «юнкерсы»-певуны-лаптёжники, потом миномёты, а потом поползут на остатки полка танки и пехота. И их будет много, а в окопах у него по последней переключке сорок человек, да на них два командира – он, да взводный лейтенант Белозёрцев на правом фланге. И два противотанковых ружья по семь патронов на каждое... И приказ – стоять на смерть. Сколько таких приказов за последний год получил Пустельга, он даже не считал. Но выполнил все. Выполнит и этот. Пусть и последний...

Там за спиной Дон, Сталинград, нефть... Но надо что-то сказать бойцам. И душой политрук чует и глазами видит: никакого тебе марксизма, никаких партийных выкладок, ничего о светлом будущем... Ничего, что он привык говорить. И даже не знает, с чего начать. И пришло в голову то единственно верное, то единокровное, ещё суворовское и крикнулось:

– Братцы!!!

И десятки усталых, закопчённых лиц повернулись к старшему политруку Пустельге. Не было в их глазах восторга, не было веры и надежды, но была смертельная решимость. И врать им не имело смысла...

– Сейчас они снова пойдут!.. – баритон Пустельги летел вдоль окопа. – И... Наверное... Да почти точно – мы все тут поляжем, но отходить нельзя. Там, – он махнул рукой в сторону Дона, – ещё не готова линия обороны, где их точно оста-

новят. Там – точно. Но нам надо остановить их здесь. Так уж сошлось!.. Победа она ведь откуда берётся? Она от того, что кто-то где-то встанет насмерть и не отступит, не взирая ни на что! Да что я вам говорю, вы и сами всё знаете. Предки наши костями ложились, а сегодня наша очередь. – Политрук сбавил и уже тише сказал: – Если кому-то совсем невмоготу, могу отправить в тыл с сообщением, последним сообщением... Одного... – он с надеждой посмотрел на самого младшего в строю – тщедушного и малорослого рядового Бориса Соловьёва, которому и восемнадцати ещё не было.

Но Соловьёв только осмотрелся по сторонам: на кого смотрит политрук? Ну не на него же! Не понял боец... Или не захотел понять. Только теснее прижался к старшине Рябову, суровому дядьке, который и Халхин-Гол прошёл и финскую. И пользовался в полку непререкаемым авторитетом, а также был специалистом по выживанию в любых условиях. Чуть поодаль сидели татарин Газитуллин и узбек Абдураимов. Всегда спокойные и выдержанные. На весь окоп, кроме самого политрука, осталось только два коммуниста – Иванов и Петров. Заводчане с Урала. Эти – не подведут. Ах да... лейтенант Белозёрцев просил принять его в партию... Где он там? Не видно...

– Может, кто-то хочет тоже сказать?! – обратился политрук к тем, чьих глаз не видел. – Есть у кого?!

– Есть, – пробасил совсем рядом Рябов. – Ты прости, товарищ старший политрук, но я вот, что считаю... Братцы, кто помнит, подхватывай!

И вдруг Рябов басом своим, который в этот момент показался Пустельге целым церковным хором, нараспев заговорил молитву.

– Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением, и в веселии глаголющих: радуйся, Пречестный и Животворящий Кресте Господень, прогоняяй бесы силою на тебе пропятаго Господа нашего Иисуса Христа, во ад сшедшаго и поправшаго силу диаволю и даровавшего нам Тебе, Крест Свой Честный на прогнание всякаго супостата. О, Пречестный и Животворящий Кресте

Господень! Помогай ми со Святою Госпожею Девкою Богородицею и со всеми святыми во веки веков. Аминь!

– Аминь! – прямо-таки грянуло в ответ со всех сторон.

Знал политрук, что Рябов из семьи священников, но не думал, что это в нём так глубоко, перечить же не посмел. Рябов, если было надо, поднимался в атаку вместе с ним в числе первых «за Родину», «за Сталина» и, что называется, под руководством партии большевиков. Да и увидел, что крестились во время молитвы почти все... Да все, пожалуй, за исключением коммунистов Иванова и Петрова, а также Гизатуллина и Абдураимова, имеющих, скорее всего, отношение к другой конфессии. Но и те уважительно стянули с голов каски.

Да ежели б к житью, то и сам политрук перекрестился бы обеими руками! Помогите, Господи...

«Певуны» что-то задерживались. Не пунктуально. Не по-немецки. Видать, и у них бывает. И нельзя было допускать давящей тишины, порождающей одиночество, а в нём-то и прячется смертельная тоска. Уж если помирать, так с музыкой! С музыкой?

– Братцы! А ну-ка давайте встретим врага песней! Как деды и прадеды наши встречали! – И запел первое, что и полагалось, по мнению политрука: – Это есть наш последний и решительный бой... – Вроде, как и к месту, да вот не подхватил никто. Более того, смотрели на Пустельгу с пониманием, но той печальной смертной тоской, замешенной на отчаянной решимости, с какой умеют смотреть только русские воины, у которых за спиной одна шестая часть света, а отступить всё равно некуда.

Пустельга смутился, стих, опустил голову на колени, потому как встать в окопе он не мог. Сёк по верхам снайпер. Вот и фуражку его насквозь продырявил.

Старший политрук посмотрел на дырку в этой фуражке, смял её в сердцах, замахнул рукой, дабы откинуть чёрный чуб со лба, да вспомнил, что острижен коротко, рука так и замерла у лица... Зато вспомнилось, зато само из сердца полилось, и Пустельга затянул... И баритон его разлился над дымящей степью под самый круг закатного солнца, откуда должен был прийти враг.

– Ой, то не вечер, то не вечер,
Мне малым-мало спалось,
Мне малым-мало спалось,
Ох, да во сне привиделось...

На втором «мне малым-мало спалось» песню подхватил Рябов, а сверху неуверенно, но точно лёг тенор Борьки Соловьёва. А на повтор пели уже все, пели так, как ни один казачий хор в жизни ни пел! И Гизатуллин и Абдураимов пели, хоть и без слов, на «а-а-а-а», вливая в общий строй переливы и коленца восточных нот, но пели. А вот Пустельга вдруг от такого воодушевления голос чуть не потерял, потому как слёзы подступили к глазам, и комок в горле никак не проглатывался. Ему вдруг захотелось обнять каждого бойца, всех, пока они ещё живые.

Не знал Пустельга историю той народной песни, что ещё до немецкой пули так больно выстрелила в его сердце. Не знал, что она про Стеньку Разина, про сон атаманский вещий, и уже точно не знал старший политрук, отчего так на Руси православною, что теперь уже и на советской отзывается она в душах народных замахом лихим казачьей сабли и в ту же пору той самой тоской смертной, от которой и не уйти никуда, не ускользнуть по степям бескрайним, не уплыть по рекам великим, не зарыться в снега сибирские белые... Не знал старший политрук Пустельга, но, как и весь народ, чувствовал. И не надо было ему этого тревожного, щемящего чувства объяснять. Вот упало оно скупой слезой на дно окопа, а душа уже рванулась вслед за хором новым куплетом:

– Налетели ветры злые
Со восточной стороны.
Ой, да сорвали чёрну шапку
С моей буйной головы.

Налетели и «шарманщики-юнкеры» как раз к этому куплету. Да уже не могли «ревуны» их смутить или перекрыть сиренами своими солдатскую песню. От души бомбили, смешивая степную землю с солдатской плотью, всё дрожало вокруг

и солнце в небе, но песня звучала. И потому, как уменьшался строй голосов, мог бы определить политрук потери, но не суждено ему было. Когда пошли танки, а следом засеменяла пехота, высунулся Пустельга с биноклем, но второй раз немецкий снайпер не промахнулся...

Снайпер не промахнулся, а песня продолжала звучать. В песню снайпер попасть не мог.

– А есаул догадлив был –
Он сумел сон мой разгадать.
«Ох, пропадёт, – он говорил,
Твоя буйна голова».

И с какой оттяжкой, с каким надрывом тянулось навстречу врагу «Ох пропадёт, – он говори-и-и-л...» И пропадали одна за другой. Пока ещё звучал бас Рябова, перебивал его командами противотанковым расчетам лейтенант Белозёрцев, и уже не пел-тянул, а просто кричал «а-а-а-а» навстречу врагу Гизатуллин, один из оставшихся в живых мусульман...

И душа старшего политрука Пустельги, отлетая в небо, трепетала вместе с голосами, трепетала, как птица в полёте, от которой досталась ему фамилия, но уже видела в зареве заката далёкую Победу. Да и могло ли быть иначе, если отозвалось вдруг последней надеждой рябовское «да воскреснет Бог!».

Бой. Сколько он длится? Никто не знает. Часы во время боя измеряют что-то другое. Это где-то у карты генерал может измерять время: когда и кому вступить в этот бой, а для тех, кто находится в самой его гуще, в самой мясорубке, время идёт по-другому. Вот уж где оно точно сливается с пространством, вот уж где не работают никакие законы физики, и время то замирает, то несётся перебежками, как боец, то тянется как длинная нота «ревуна», зашедшего над твоей головой в пике... Не измерить в бою времени. Если и измеряется оно чем, так это ударами сердца. Да и то неровно. И состоит такое время из мгновений длиною полёта пули. Мгновениями, которые кончаются то точками, то многоточиями пулемётных очередей, то паузами после взрывов. Но движение у них не линейное, а хаотичное, и никакое замедленное кино не сможет

полностью расшифровать картину боя, потому как сжавшееся перед опасностью сердце не всегда отмерит следующий собственный удар. И вжавшийся в землю боец ещё не знает, суждено ли ему поднять голову, но за это мгновение он переживает и передумывает столько, что потом не может и вспомнить. Если выживет. Помнятся только рывки тела и души, почти автоматические, машинальные, заученные, иногда спасительные, иногда отчаянные... потому что отступать уже некуда и в твоей груди разрывается точка твоего последнего мгновения. Во всяком случае, здесь. И нет плавной картины, всё рывками, вспышками, клипами... Наверное, боевая выучка штука нужная, но тем, кто пережил бой последний, кажется, что победила отнюдь не она, а неизбежное отчаяние, принимаемое, как вера в свою правоту, отчаяние, которое со стороны называют отвагой. И как правильнее сказать: отчаянный или отважный? Не скажет, пожалуй, никто. А неизбежное отчаяние оно сродни душевной песне.

А песня стихла... И бой стих.

Борька Соловьёв осмотрелся сквозь слёзы.

Никого. Это был не первый его бой, и этот не стал для него последним. Он привык видеть искореженные, изорванные взрывами тела, искажённые смертной болью лица. Но сейчас его товарищи словно уснули. Умерли, как пели. Вон Гизатуллин за пулемётом «Максим» просто уткнулся, задремал. Вон серьёзный и вечно поучающий Петров просто присел на дно окопа отдохнуть... Вон старшина Рябов... Живой! Дышит! Плечо в крови, но живой!

– Товарищ старшина! – бросился к нему Борька.

– Тише, сынок, тише. Видишь, товарищи наши спят. Не буди... – из глаз Рябова тоже текли слёзы. По глубоким, забитым степной землёй морщинам. А седые волосы стали стальными. Отчего так? Серые глаза старшины смотрели куда-то далеко-далеко... И не поймёшь: то ли в прошлое, то ли в будущее, то ли совсем в другой мир. Смотрели и беззвучно плакали.

– Я вас перевяжу... – Борька помог ему сесть, опереться на неровную стенку окопного рва. Свои слёзы он уже размазал по всему лицу, ему уже было легче, он не один. Нащупал индивидуальный пакет, приложил к ране старшины.

– Есть ещё кто? Пробеги вдоль, глянь. Только пригнись, снайпер-то не спит... – прошептал старшина. – Так хорошо пели. В жизни так не пел, как перед смертью. Господи прости... Ну иди же...

Борька буквой «г» ринулся вдоль окопа. Ринулся в командирский блиндаж, где до боя лежали тяжело раненные, но блиндажа не было. Прямое попадание авиабомбы. Только бревна торчали во все стороны. И кругом мёртвые товарищи, как остановленные мгновения. Противотанковый расчёт... В обнимку... лейтенант Белозёрцев сам у второго разбитого взрывом пулемёта... Рот открыт... Зачем? Он поёт! Он поёт, вдруг понял Борька и снова заплакал, не заплакал, зарыдал даже, вдруг закричал, запричитал. Нет, он не бился в истерике, не взывал к небу, никого не проклинал, просто сердце его переполнилось непрожитыми жизнями тех, кто ещё минуту назад прикрывал его собой, как самого молодого. Переполнилось, и пролилось.

С трудом ему удалось себя успокоить. Он вернулся к старшине. Тот всё понял по его глазам.

– Вдвоём, значит. Больше-то не удержим... всё... – попыток старшина.

– Так наши-то что... не придут? – удивился своему вопросу рядовой Соловьёв.

Старшина не ответил. Он молча смотрел на небо.

– Ты вот что, сынок, помоги мне встать... – попросил Рябов.

– Так снайпер же?

– Помоги, Бориска. Надо.

Борька перечить не стал. Помог старшему товарищу подняться. Тот осмотрелся, шатаясь.

– Мне бы там встать, – старшина кивнул на бруствер.

– Зачем?..

– Ты прости меня, сынок. Не уберёт я тебя. И уже не уберу. Они всё равно попрут. Перегруппируются и попрут. Они знают, что нас уже нет. А я вот посмотрел, патронов-то тоже нет... Так чего нам остаётся?

– Чего, товарищ старшина? Молиться?

– Пусть они, гады, молятся, – посмотрел в сторону врага Рябов, – а мы петь будем. Как нам политрук завещал. Понял?

– Понял...

– Сколько сможем, петь будем. Ещё не вечер... – с победной угрозой Рябов смотрел туда, откуда целилась смерть.

Они стояли на бруствере окопа, и пели... Маленький рядовой Соловьёв подпирал собой качающуюся глыбу старшины Рябова. Они пели...

– Ой, то не вечер, то не вечер,

Мне малым-мало спалось,

Мне малым-мало спалось,

Ох, да во сне привиделось...

Снайпер Гельмут Кунц разглядывал последних двух русских в прицел. И не стрелял. Эти двое снова пели, как совсем недавно пели остатки их подразделения. К нему подполз лейтенант Хоффман.

– Почему ты не стреляешь Гельмут?

– Они без оружия. Я не убиваю безоружных и сумасшедших.

– Что они горланят? Какой-нибудь большевистский гимн?

– Нет. Совсем нет.

– Ты думаешь, кроме этих никого не осталось?

– Уверен.

Хоффман хотел было уползти, дать команду к зачистке, но что-то его остановило.

– Знаешь, Гельмут... – он замер.

– Что, Генрих?

– В Европе я такого не видел...

– Я тоже...

– Эти варвары... они такие стойкие.

– Я не понимаю, о чём они поют, Генрих, но мне кажется, у варваров не может быть таких песен. Да и умирают, словно римские легионеры или гладиаторы.

– Да они слов таких не знают!

– Может, и не знают, но только умирать с честью умеют.

– Ты не будешь стрелять?

– Нет. Зачем? Старому осталось жить всего ничего.

– Думаешь, они не будут сдаваться?

– Уверен. Можешь выстрелить по ним из гаубицы...

11 мая 1945 года старшину Соловьёва всё-таки отпустили к рейхстагу, которого он ещё не видел. Повезло же кому-то штурмовать центр, знамёна поднимать. Поджарый, небольшого роста Соловьёв браво вышагивал среди руин, козыряя старшим по званию, позвякивая орденами и медалями на груди. В руке у него была банка с краской и кисть, в голове – пожелания от всего полка. В сущности, пожелания сводились к тому, чтобы найти на стенах свободное место для названия части, проделавшей путь от Сталинграда до Берлина. И так и написать: пришли, мол, от самого Сталинграда. Так старшина и написал, взобравшись на позаимствованную у артиллеристов стремянку. Таких «писателей» вокруг оказалось много.

– Думаешь, сохранится? – спросил, кивая на краску танкист-сержант, что царапал по камню отвёрткой свою фамилию.

– Так это их краска. Надёжная. – Соловьёв прикусил губу. Он как раз старательно выводил букву «с» и раздумывал, что сначала написать – «старшина» или «Соловьёв». И город родной указать или нет. Но тут вдруг услышал где-то совсем недалеко гармонию. Группа бойцов вдруг затынула совсем не победную, но такую родную «Ой, то ни вечер»... Старшина Соловьёв уперся лбом в стену рейхстага. На глаза, не спросившись, выступили слёзы. Все вдруг притихли, перестали увековечивать себя и своих товарищей, кто-то начал подпевать. И пока бойцы пели, старшина Соловьёв стоял так, и слышал совсем другие голоса. Он отвык стесняться слёз, но сейчас не хотел, чтобы кто-то его видел в таком состоянии. Песня в этот день звучала совсем по-другому... Для них, для тех, кто остался жить.

Скрипнув зубами, Борис Соловьёв, приписал слева от буквы «с», буквы «п» и «у», а с другой стороны – «тельга», потом подумал и добавил: «старшина Рябов. 1942 г. Сталинград».

Спустился со стремянки, внимательно осмотрел своё творчество. Ему пора было идти, впереди было много дел. Мирных дел. Ещё не вечер, в конце концов... Сегодня ему предстояло накормить из походной кухни кашей и хлебом Эльзу Кунц, жену снайпера Гельмута Кунца, и двоих их детей. Но об этом старшина Соловьёв не знал...

АНЖЕЛА
БЕЦКО

Бецко Анжела Михайловна родилась 01 июня 1968 года в г. Барановичи Брестской области (Беларусь). Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина.

Автор трёх поэтических сборников и книги прозаических миниатюр. Публиковалась в российской и зарубежной периодике, в том числе в журналах и альманахах «Наш современник», «Неман», «Сибирские огни», «День и ночь», «Эринтур», «Чаша круговая», «Врата Сибири», «Югра», «Буквица», «Наш Филиппок», «Рюкзачишка» и др. Победитель окружного литературного конкурса «Голос Югры» в номинации «Поэзия» регионального журнала «Югра».

Член Союза писателей России (2017).

Живёт в Нефтеюганске.

Мой реквием

Светлой памяти павших в боях за Родину и дедов моих, Гвардии старшины Дащинского Аркадия Степановича, командира отделения 55-ой отдельной Гвардейской разведывательной роты 53-ей Гвардейской стрелковой Краснознамённой дивизии 14-ого Гвардейского стрелкового корпуса 1-ой ударной армии 3-его Прибалтийского фронта, и красноармейца Дунчика Михаила Михайловича, стрелка 252-ого Гвардейского стрелкового полка 83-ей Гвардейской стрелковой Городокской Краснознамённой ордена Суворова II степени дивизии 3-его Белорусского фронта

1

О Победе пою,
о Победе великой и страшной,
о шагавших в строю
на далёкой войне и вчерашней,
о рванувшихся в бой,
о незначащихся в списках вечных,
об унёсших с собой
счастье детское в ранцах заплечных...

2**Мрак**

Мёртвым всё ещё больно.

Въедался мрак в дома и души,
вгрызался в землю,
решетил свинцом пространство –
глубже!
глуше!
зычней!
кровавее! –
когтил,
выпрастывал из крови руку
для «Хайль!» –
и снова в кровь:
все – ниц!
(«Перчатки шлёт,

ремень и сумку
для Fraulein Gretchen Soldat Fritz,
с поклоном и нежнейшим чувством... »)
корявые кресты чертил,
раскладывал пасьянс безумства,
в огне на царствие восходил...

...А Fraulein Gretchen примеряла
перчатки для немецких зим
и, умиляясь, повторяла:
– Освенцим gut...
gut магазин!..

3

Пехота, пехота...
Для смерти работа.
Сегодня, солдатик,
последний твой бой.
Последний бой, третий.
И знает лишь ветер,
где сыщешь, родимый,
свой вечный покой.

Пехота, пехота...
А жить так охота!
Любви не изведал
и жизни не знал.
Пехота, пехота...
Сегодня ты сотый...
И было семнадцать.
И ты воевал.

4

В меня стреляли на войне,
когда в сердца врывались пули,
как пчёлы бешеные в улья,

разбуженные по весне.
 Меня сжигали на кострах,
 что в небо вознесли Хатыни.
 Святее вознесенья ныне
 не знаю и жесточе плах.
 Меня кололи в том бою,
 где у пехоты только песня –
 нет ни штыка, ни пули. Если б...
 И это я ещё пою.
 И это я с передовой
 строчу письмо из пулемёта
 о том, что вечно я живой
 и по весне тону в болотах,
 вгрызаюсь в мёрзлый грунт зимой,
 а летом я пророс травой...
 И мне так хочется домой
 сесть с моей седой вдовой.
 Мой дух из труб печных дымит.
 Мой чёрный номер на запястье.
 И у меня звезда горит
 шестиконечная на счастье...
 Меня...
 В меня...
 Во мне...
 и мой...
 Война в окно убитой птицей.
 Я разминулась с той войной –
 мне позже повезло родиться.
 Но это было всё со мной.

5

Нам

Знаем ли
 упокоенных,
 лёгших без покаянья,
 чести не удостоенных
 в памяти быть,

как в камне?
 Наскоро захороненных
 без домовин,
 молитвы,
 словно перо,
 оброненных?
 Павших на поле битвы
 осенью сорок первого
 или в победном мае?
 Их,
 творцов
 беспримерного
 подвига,
 ныне знаем?
 В жадных болотах тонущих,
 костью к костям лежащих,
 тихо,
 немолчно стонущих,
 мы их найдём,
 скорбящих?
 Мы их услышим,
 жаждущих
 жить в нас,
 тем чутким ухом?
 Мы их заметим,
 страждущих,
 выживших,
 сильных духом,
 вынесших,
 спасших,
 витязей?..
 Люди иного склада,
 мы,
 мира устроители,
 знаем ли,
 что
 им
 надо?

СЕРГЕЙ
АБРАМОВ

С 60-летним юбилеем!

Абрамов Сергей Владимирович родился 6 октября 1960 года в деревне Бугинка, Яркового района Тюменской области. Окончил Троицкое Авиационно-техническое училище Гражданской авиации в 1981 году. Работал авиатехником в аэропорту Рошино города Тюмени. С 1989 года по 2012 год жил и работал на севере Тюменской области в подразделениях Сургутгазпрома: Кс-3; ЗСК.

Автор сборников стихов: «Небесные истоки» (2003), «Верста» (2005), «Задумчивые ночи» (2006), «Родные задворки» (2008), «Мгновенные красоты» (2012), сборник стихов и прозы: «О чём тоскует кукушка» (2016).

С 2002 года стихи публиковались в периодических изданиях «Тюмень литературная»; «Сибирская Православная газета», «Колокол», «Тюменская правда»; в газете «Парадный подъезд» и журнале «Пегас» (г. Санкт-Петербург); в альманахе «Литературный Факел» (г. Москва) и других изданиях.

Член Союза писателей России с 2014 г.

В настоящее время живёт в Уфе.

СЕРЬЁЗНЫЕ МУЖИКИ

Рассказ

Лето перевалило на вторую половину. Жара потихоньку спадала, и на пыльных улицах сибирской деревни Полено становилось оживлённее. Травы в этом году были высокие, густые, и потому с сенокосом управились быстро. До уборки урожая образовалась небольшая передышка. Многие бабы с ребятишками не по разу в день уходили в лес – кто за груздями, кто за ягодами. Мужики с утра отчаливали на лодках от берега с неводами, уплывали на старицы и озёра ловить рыбу: в это время её заготавливали, в основном, на засолку. А ближе к вечеру норовили хоть с часок посидеть возле изб на лавочках, подымить табачком да обсудить дела житейские. Стоило только одному выйти за ворота дома и раскурить самокрутку, как на дымок подходили ещё двое-трое, по тому поводу, что «с чужого-то табачка и сигарка потолще». Лавочки были у каждого палисадника. Даже возле какой-нибудь самой захудалой покосившейся на все углы не избы, а избышки, даже у самого, что ни на есть ленивого хозяина, к палисаднику была приколочена какая-нибудь скамейка. Без неё нельзя в деревне. Без лавочки дом кажется не жилым, пустым и неприветливым.

Большая часть деревенских изб строилась ещё в те времена, когда купцы, охотники, старoverы и разный работный люд, укреплялись корнями в сибирских глухоманях. Строили не по линейке, без всяких генпроектов, а как удобнее, как кому заблагорассудится, «на глазок» вымеряя границы дворов. От этого кондового нестандартта веяло теплом, уютom, вековой осёдлостью, чем-то родным и домашним.

В тот вечер на улице, начинавшейся от совхозных амбаров и тянувшейся по краю деревни до взвоза реки, возле дома тракториста собрались посидеть-покалякать трое мужиков. Сам тракторист – сорокалетний рыжеволосый мужичок с детскими конопушками на худощавом лице по имени Паша-Саша, которое он получил ещё при рождении от разногласия родителей,

и два его соседа: Алексей, или проще, Лёшка, освободившийся из колонии, где он отбывал срок за избиение сотрудника рыбнадзора, и Степан, недавно переехавший из соседней деревни в купленный им дом неподалёку.

– Ты свежую картошку-то ишшо не подкапывал? – повернувшись вполборота к Степану и, одновременно скребя пятернёй колено под штаниной цвета солидола, спросил тракторист, смакуя самосад.

– Да пробовал... мелковата ишшо, – тот нехотя ответил, прижав затылок к тёплой стене дома, и щурясь от лучей закатного солнышка. Он не курил, но ему нравился запах табака.

– А ты чо там у себя на ограде колотишься? – допытывался у него Паша-Саша.

– Да горбыля нынче выписал в конторе... надо забор поставить со стороны огорода, а то собаки повадились.

– На рыбалку-то не ездил?..

– Да нет... некогда. – Степан отвечал сразу, как бы зная заранее, о чем спросят.

Паша-Саша испытующе посматривал на Лёшку, ожидая, что и он что-нибудь скажет, но тот сидел возле лавочки, на берёзовой чурке, курил, и в разговор не вступал, а просто слушал, не убирая с лица слегка надменную не то улыбку, не то усмешку.

– Смотрите!.. Игнатъич с рыбалки идёт, прёт, как танк. Похоже, опять «два мешка карасей наловил, да один на озере забыл...» – желая привлечь внимание больше на себя, чем на идущего Игнатъича, скороговоркой выпалил Паша-Саша.

Леонид Игнатъевич Осинников, человек, как говорится, пенсионного возраста, но ещё крепкий по своей натуре, наделённый лицом мужественным, таким, как бабам нравятся, быстро подходил к воротам своего дома, что стоит напротив. Одет он в тонкую брезентовую куртку, армейские бриджи и болотные сапоги. На спине покачивался солдатский вещмешок, наполненный до половины. Он был один из тех немногих, у кого не было прозвища. Те, кто чуть помоложе, одногодки и те, кто старше, обращались к нему всегда по имени отчеству, или просто по отчеству. Ходил он всегда быстро, чуть наклонив вперед своё сильное тело, почти не утратившее мужицкой крепости,

не подчинившееся ни возрасту, ни многолетней тяжёлой работе. Привычка так ходить осталась ещё с войны, когда он был разведчиком. В деревне его уважали за то, что мужик он был хозяйственный, «справный» и не жадный. Но самое главное его достоинство было в умении подшутить над кем-нибудь так по делу и к месту, что потом вся деревня не один год с улыбкой вспоминала об этом случае.

– Игнатъич, не беги, посиди с нами, соври чо-нибудь, а мы послушам!.. – крикнул механизатор, хитро улыбаясь, поворачивая свою конопущечную голову то к соседям, то на дорогу.

Игнатъич глянул быстро в их сторону, но тут же отвернулся: мол, тороплюсь, не до вас... На лице его блуждала таинственная озабоченность, какая бывает у завскладом перед ревизией.

– Некогда, некогда, мужики... в магазин «Север» привезли... – быстро ответил бывший разведчик и, не сбавляя ходу, скрылся за высокими воротами своего двора. Ошарашенные новостью, мужики переглянулись меж собой и, встав с лавочки, как по команде, двинулись мелкой трусцой с ускорением к своим домам. Заначки, значит, свои опустошать.

В магазине обеденный перерыв был с двух до четырёх, а стрелки на часах фирмы «Ракета», болтавшиеся на руке тракториста на кожаном ремешке мазутного цвета, показывали, что продавщица, Елена Петровна, откроет через десять минут. Слух о том, что привезли папиросы, которые в последний раз привозили только к новому году, быстро пролетел по всему селу. Из прилегающих к сельмагу улиц и переулков к магазинному крыльцу, мусоля в карманах шаровар рубли и трёшки, подходили по одному, по двое-трое, яростные любители «второго хлеба». Продавщица, женщина высокая, стройная и никогда не унывающая, показала на другой стороне дороги у калитки «сельпо». Шла с обеда не спеша, как лайнер в тихих водах безбрежного океана.

– Вон, смотрите, мужики, Петровна кандыбаёт, щас откроет, табачком запасёмся, – сообщил кто-то из собравшихся.

– Мужики, ну вы, как на демонстрацию собрались?! – подходя к магазину, громко, то ли спросила, то ли объявила продавщица, доставая ключи из кармана. Ей было уже за тридцать,

и она умела запросто общаться со всеми, как с ровесниками, и очень ценила в себе это свойство характера. Открывая контрольный замок, слыша за спиной разговоры, Лена мгновенно сообразила, в чём тут дело. Войдя в магазин, быстро накинула в подсобке поверх синего платья белый халат и встала за прилавком. Покупатели первым делом упёрлись взглядами в полку, где обычно стояли папиросы, но там было пусто. Первого, стоявшего в очереди, звали в деревне Толя-очкарик. Он, как и все, доверяясь слухам больше чем своим глазам, с заискивающей улыбкой тянул трёхрублёвку продавщице:

– Петровна... мне «Севера»... на все.

– Какого ишшо севера?

– Папиросок, говорят, тебе привезли... – скромно, потупив глаза в пол, ответил Толя.

– Да нету папирос-то... вы чо, мужики...табачной продукции и на базе нет, – удивилась Елена Петровна.

– Как нет?.. Ты, Лена Петровна, дефициту под прилавок не прячь, давай выкладывай... знаем, что привезли! – завозмущались почти все, кто стоял в очереди.

– А кто вам сказал, что привезли? Сёдня машина из «райпо» была утром, но никаких «северов» не привезла, потому что нету. Заместо табаку лучче б продуктов купили... вон мармелад какой хороший, свежий...– напористым тоном, она предлагала выгодный для неё вариант, но он был отвергнут категорически.

Первыми из магазина стали бочком выходить виновники табачной информации, за ними и все остальные. Останавливались на ступеньках крыльца, посылая не совсем литературные слова в адрес первоисточника слухов:

– Ну, Игнатъич, ну, баламут... обмишурил нас, как чебаков на кулан подцепил, – слышался голос с хрипотцой из-за спины Толи-очкарика, – ну, погодь, устроим мы тебе... устроим... – и дальше шел неудобоосознаваемый мужицкий диалект в разных вариациях, от которого побелка на штaketинах магазинного палисадника начинала желтеть и краснеть от стыда.

Приняв тактическое решение, несанкционированный сход потихоньку стал расходиться по своим домам, то ругаясь, то подсмеиваясь друг над другом.

А бывший разведчик сидел в избе за столом с узорчатой клеёнкой, пил из большой фарфоровой чашки чай вприкуску с оладьями и поглядывал в окно, из которого был виден весь деревенский перекрёсток и часть улицы. Из кухни за перегородкой слышался голос супруги – пышнотелой, добродушной женщины, которая допекала оладьи на углях, краснеющих на шестке русской печи:

– Игна-а-тьи-ич, а ты не знаешь, по чё это мужики в магазин побежали?

Супруга часто обращалась к мужу по отчеству, а особенно, когда имела в себе доброе расположение духа, а оно было в ней почти всегда. Потому и жили они, как говорится: душа в душу.

Леонид, растягивая удовольствие, глотнул, смакуя, очередную порцию чая и ответил, повернув голову в сторону кухни:

– Да почём мне знать-то, Надюха... моот, они ГТО сдают.

Надя не видела через перегородку, как он улыбается, но поняла в словах и в нотках его голоса, что шутит.

– Ты вечером отнеси Зинке пару щурагаек да карася, а то Паша-Саша у неё, сама знаешь, какой рыбак, – добродушно добавил муж, уже не ради шутки.

Он снова повернулся к объекту своего наблюдения и увидел, как идут обратно домой мимо палисадника два его соседа, изредка поглядывая на окно, и негромко разговаривая между собой. «Чо-то они затевают... знать бы...» – подумал он, но голосов с улицы не было слышно, да и от пышных оладушек хотелось прилечь вздремнуть на часок. Но надо идти в амбар, поискать пару старых сетей, перебрать их, починить, чтобы завтра поменять уже порядком затянутые тиной на озере.

Домашние заботы, дела в деревенском хозяйстве, которые начинаются ещё до зари, замедляют ощущение хода времени; они наслаиваются друг на друга, сглаживают память, чувства, переживания, создают некое спокойствие в душе, если душа эта не изломана, не озлоблена, как у нашего героя, Игнатича. Перебирая сети до темноты, он изредка улыбался «про себя», вспоминая, как он ловко подцепил мужиков не ради злой шутки, а... надо же хоть как-то разнообразить существование своё и земляков. Но со временем забылось и это, забылось... до поры.

Почти весь сентябрь, не переставая, моросил дождь. Дороги раскисли настолько, что даже тяжёлые самосвалы, гружённые зерном, с трудом преодолевали глубокие лужи. Но ближе к концу месяца небо высветлилось, как бы извиняясь за свою слезливость, и установились тёплые, погожие дни. Подсыхали лужи. Измоченные дождями деревянные избы потрескивали на солнышке, светлели и выглядели новее, чем были до непогоды.

Игнатъич сидел на крылечке дома, заряжал патроны, загодя готовясь на тетеревиную охоту по первому морозцу, когда вдруг звякнул притвор калитки и в растворенный проём, вбежала, запыхавшаяся от бега, девчужка, Людка

– Дядя Лёня, дядя Лёня!.. там... там твоё сено горит!..

Сначала оторопел на долю секунды, потом ругнувшись, Игнатъич быстро встал со ступенек и кинулся одевать сапоги, стоявшие тут же, возле крыльца. Прикрыв на ходу дощечкой ящичек с патронами, и схватив двулопастное весло, стоявшее у стены амбара, выбежал со двора, но почти сразу перешёл на быстрый шаг, – стог, если горит, то уже не потушишь. Дойдя до берега реки, увидел на другой стороне, над верхушками прибрежного леса, полосу серого дыма. Тушить было уже, конечно, нечего, но Игнатъич, всё-таки, с ходу столкнул свою «ласточку» на воду и поплыл через реку, надеясь хотя бы по следам найти того, кто поджег. Лёгкая на ходу лодочка-двухместка, которую он сам смастерил из еловых досок для рыбалки, шла уверенно, не смотря на сильное течение тёмной осенней воды.

Причалив к берегу, он заметил вдалеке, ниже по течению, двоих отплывающих на лодке от устья речки Чембоирки: наверно, охотники – подумал Игнатъич, поднимаясь по утоптанной дороге на крутой берег. Он прошёл по дороге через прибрежный тал, потом ещё сотню шагов по луговине и, пройдя через ручей по жердям, поднявшись на пригорок, он увидел, что стога его стоят целые и невредимые, а дым валит от большого костра, разожжённого на полянке возле кустов. На горящие сухие палки была набросана сырая осока, она и дымила так сильно. Сразу всё стало понятно, тут и гадать не надо: подсутили мужички, отомстили за «Север». Он сразу вспомнил

тех двоих, пливших на лодке. «Наверно, они тут постарались... только кто? – не распознал издали, – вот и следы от сапог... хитро придумали...» – Игнатъич достал из внутреннего кармана армейского френча папиросу и спички, прикурил. Он стоял, дымя «севериной» – папиросами его снабжал сын, живущий в городе, – и улыбался «про себя», он не умел злиться и уважал смекалистых мужиков. Но в голове его уже зарождался новый стратегический план...

Первый снег выпал за неделю до Покрова, но сразу растаял; земля ещё не промёрзла, ещё хотелось ей немного понежиться под лучами солнышка, прежде чем улечься в снежной берлоге на долгую зиму. Но мороз с каждым утром прижимал всё сильнее и сильнее. В одно такое утро ледяным зеркалом покрылась река, ушла до весны в затвор от ветров и холодов. Через пару дней лёд окреп уже настолько, что выдерживал не только детей, но и любого взрослого человека.

На реке – то тут, то там, – стали появляться торчащие во льду жерди-тычки; к ним подо льдом крепились сети. В это время хорошо ловились язь и нельма. Ловили, правда, не долго, с неделю, не больше, а потом начинались рейды рыбнадзора. У некоторых местных рыбаков были «свои уши» в инспекции, и они успевали снять свои снасти загодя, да и других предупредить, хотя не всегда и не всех. Уезжали «рыбнадзоры», и сети опять ставились в свои продолбленные пешнями лунки; это продолжалось до самого «загара», пока рыба не переставала ловиться. Рыбой деревня жила круглый год. Лишнего не брали, не хапужничали, только для себя. Потому запасы реки Тавды, и впадающих в неё речек, и стариц не иссякали.

Каждую ночь с неба подсыпало понемногу снежку, и уже не осталось тёмных пятен на дорогах, на лугах, на огородах... У Игнатъича сети на реке сняли инспекторы. Он подходил к ним, просил вернуть, потому, как пенсионер он и ветеран войны – не вернули, сказали: иди за реку на озёра, там лови, а тут не суйся, – запрещено! Будешь ещё просить – оштрафуем, мало не покажется. Немного погоревав о снастях – одна сеть была совсем новая, сам вязал, – он сложил на санки пешню, сак, фитили и пошёл на другой день раненько поутру на озеро с названием Перелёвное.

Ходьбы до места было с получаса. Хотя на улов особо-то не надеялся. Карась в это время залегает в тину так, что ничем его не возьмёшь, но... кто его знает, карася-то... год на год не приходится. На озере продолбил пешней во льду две майны, поставил фитили. Работал почти до сумерек. Возвращался домой уже ближе к вечеру налегке, – всю рыбацкую амуницию оставил под валежиной у озера, чтоб зря не таскать. На пригорок, на краю которого дровенником к реке стоял дом Антипы Столбового, Игнатъич поднимался, часто поглядывая вперёд. Поглядывал он по той причине, что на «пяточке», напротив дома, стояли и громко ругались местные заядлые рыбаки – Иван Шагов и Коля Иглин, – ругали рыб инспекторов, хотя сами на Тавде не промышляли, больше по озёрам. Дойдя до них, остановился, сняв стежонные рукавицы, поздоровался.

– Здорово, Игнатъич! Ты откуда кандыбаешь? – первым начал разговор Иван, пытающим взглядом посматривая на обледеневшие обшлага игнатъичева полушубка.

– Да на Перелевном ловушки поставил; может чо и попадёт... На реке-то всё, отловился, последние добрые сети забрали, – как бы нехотя ответил бывший разведчик, прищуривая глаза по привычке.

– Да не ври-и... у тебя в амбаре-то ещё, наверно, штук десять провязов лежит... – но, не дождавшись ответа, Иван быстро переметнулся на деревенские новости:

– А слышь, чо говорят: на Смирновском-то повороте рыбадзоры не шерстили ноне, а знашь почо?..

Но Игнатъич не стал его слушать, мельком глянул, как бы сбоку, на Колю Иглина, стоявшего чуть в сторонке, и двинулся по улице в сторону дома. Уже на ходу отвечая, что знает... что это все знают и, мол, нечего об этом и толковать.

Через день, ближе к обеду, на «пяточке», как на посту, мужиков было уже четверо. Они стояли, разговаривая между собой, кого-то ждали и дождались: на другом берегу реки появился человек, спускался с противоположного берега реки. Чем ближе он приближался, тем разговоры становились оживлённее. А человек этот был Игнатъич; он уже пересёк половину ледяного пространства реки, часто поправляя лямку, соединяющую

его с рыболовными санками. К санкам был привязан кусками алюминиевой проволоки большой мешок.

– Ты глянь-ка, глянь... не пустой идёт... тащит чой-то... – толкая локтем в бок рядом стоящего Колю Иглина, возбуждённо говорил Иван Шагов. Ему поддакивал Серёга Рокин:

– Не зря, видать, Игнатъич таскался в такую даль, однако, не зря... есть карась на Перелевном...

– Есть карась-то?! – выкрикнул Шагов в сторону поднимающегося разведчика.

– Е-е-есть! – долетело до мужиков.

– Айда к нам, покурим! – крикнул во всё горло Серёга.

– Некогда, некогда, мужики! – Игнатъич остановился, передохнул коротко, и пошагал, натягивая бечеву.

Когда наш герой, Игнатъич, поднимался на гору, – на «пяточке» уже никого не было. Он спокойно, не торопясь дотащил свой воз – большой, местами обледеневший, мешок на санках, – до своего двора и, уставший, пошел в избу пить чай.

А в это время по направлению к реке из улочек и переулков уже выходили деревенские рыбаки: кто-то катил санки с рыбацкой поклажей, кто-то топал с пешней на плече и к ней привязанными фитилями, спеша быстрее всех занять место поулостее. Все ринулись на озеро за карасём. Само озеро было саженой двести в длину, да в ширину саженой семьдесят; оно тянулось по низкой болотистой кромке небольшой возвышенности с реденьким лесом. Обливаясь потом, мужики долбили пешнями лёд, вычищали саками ото льда образовавшиеся окна тёмной воды, и ставили снасти до позднего вечера. На озере почти не осталось пустого места. Везде вдоль берега были продолблены майны и торчали тычки.

Зимой снасти не проверяют каждый день; рыба в холодной воде дольше сохраняется в живом виде и потому пошли через день. Снова долбили лёд, но теперь уже степенно, с перекурами, предвосхищая будущий улов. Немного покачав в разные стороны осиновые тычки, стали вытаскивать на лёд, привязанные к ним, ячеистые бочонки-фитили, вязанные из капроновой нитки и посаженные на кольца из краснотала или алюминия. Но лица у мужиков, раскрасневшиеся от работы, становились всё мрачнее и мрачнее; настроение у всех начало

кренить в сторону минуса, когда обнаружили, что все ловушки были пустыми. Только у Серёги Рокина два мелких щурёнка застряли в ячеях, да один небольшой карасик каким-то чудом залез в ловушку Мишки Малого. Из всех, один только Мишка, никогда неунывающий парень, не доросший ещё до тридцатилетнего возраста, всё время смеялся, подшучивая над собой и заодно над всеми:

– Хорошо порОбили, а, мужики! Кто за пол-литра побегит?.. Такое дело обмыть надо...

А мужики, поняв, что обмишурились, опять поддались на хитрую провокацию и, боясь даже самим себе признаться в своей глупой доверчивости, усердно посылали в адрес Игнатъича чрез эфирное пространство очень много всяких разных «ласковых» слов, – все их не перечислишь и не запомнишь, да и не стоит запоминать, особенно маленьким детям. У прибрежных кустов и берёзок долго дрожали веточки от выплескиваемых в эфир мужичьих архи-эмоций. Но с Мишкиной идеей о пол-литре все были единогласны. Это предложение становилось всё важнее и главенствующее. А когда здоровенный амбал, Гришка, сказал, что достанет из подполья пять солёных стерлядок на закуску, то ещё быстрее засобирались мужики в обратную дорогу. Дорога была уже изрядно укатана санками, и по ней идти, – было одно удовольствие.

... Эх, были времена!

Давно уже растаяла горка льда – та, которую тащил на показ из озера Игнатъич, и вывалил из мешка в сугроб за воротами своей ограды. Растаял лёд, и тонким звенящим ручейком скатился по канавке вдоль дороги, мимо кладбища, по пологому спуску с горы в озерко на поскотине. Не одна весна да лето прошло...

На горе, на деревенском погосте, подросли деревья, и каждый год появляется всё больше и больше новых могил. Но, как и прежде здесь тихо так, что даже воздух, пропитанный запахом трав и черёмух, кажется осязаемым. А при каждом лёгком ветерке начинают панихидно трепетать листочки берёз

и тополей. Одна могила выделяется из всех своим памятником, изготовленным в виде небольшой стелы-монумента с красной звездой на вершине.

Приходят время от времени на кладбище с серьёзными, скорбными лицами и соседи: Лёшка со Степаном да Пашей-Сашей, то Толя очкарик забредёт, то рыбаки Мишка Малый, Коля Иглин, Иван Шагов да Серёга Рокин... Погрустят-погрустят, выпьют по рюмке, ещё погрустят...

Огрустнело село, осиротело без старшего товарища. Все в том признаются, вспоминая остроумные и поучительные для молодой поросли проделки ветерана.

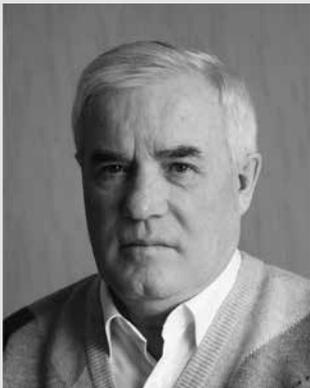
– Да-а-а, нет Игнатъича, – Мишка Малый хихикнет глухо, прикрыв рот, – некому карасей таскать на Перелевном.

Также приглушенно хохотнут товарищи его, и будто перхнутся, смолкнув скорбно.

С выцветшей фотографии смотрит на односельчан, слегка лукаво прищурив глаза, ветеран войны, Леонид Осинников. И будто слышится в шелесте листьев: «некогда, некогда, мужики...» И незаметно будто улыбнётся, бывший разведчик.

– Царствие тебе небесное, Леонид Игнатъич! – прошепчет кто-то.

Опрокинут рюмки серьёзные мужики, не чокаясь, тихо, покаянно, да и разойдутся по домам.

ВЛАДИМИР
АНДРЕЕВ

Андреев Владимир Петрович родился в 1947 году в д. Мордовские Каратаи Татарской АССР. Окончил Тетюшский сельскохозяйственный техникум (1967), Казанский государственный университет (1976) и Северо-Кавказский государственный технический университет (2000). Служил в рядах Советской Армии. Работал агрономом центрального отделения совхоза «Корноуховский», заведующим сельхозотделом районной газеты «Красное Знамя», инструктором орготдела Камско-Устьинского РК КПСС, нефтяником, заместителем председателя Радужнинского горсовета, избирался главой города Радужного.

Пишет свободным стихом.

Публиковался в альманахах, журналах и литературных сборниках России.

Автор многих поэтических книг.

Член Союза писателей России.

Лауреат премии Губернатора ХМАО в области литературы, премии Уральского федерального округа.

Живёт в Нижневартовске.

Знамя Победы

Легендарному поколению победителей

О чём думаешь, Великий стяг,
сотканный
из дыма разбойных пожарищ
городов и деревень;
горького плача
поруганных жён и невест;
из стога бессилья
безоружных солдат;
из смертельной тоски
вражьего плена;
из тихих молитв
почерневших от похоронок
матерей;
из звериного рыка
штрафных батальонов;
из боевого клича
«За Родину! За Сталина!»;
из единого духа
сплочённой страны?
Вспоминаешь свой кумачовый полёт
над горящим рейхстагом?
Или миг победы,
когда вражьи знамёна бросались
под твоё реющее полотнище?
Приходят на память те,
кто хотел бы вытереть о тебя сапоги,
трусливо забывшие, как в лапах фашистов
верещал, точно заяц в петле?
Ты, наивысшая гордость Красной площади
в майский победный день,
ты, вобравший слёзы и радость
былинного народа,
особенно задумчив
в дни навязанной скорби,
когда Отчизна корчится от непонятной войны:

не видно врага,
 не видно народа,
 вместо него – испуганная толпа,
 что смотрит в насильно приставленный к глазам
 калейдоскоп лжи.
 А страна отступает и отступает,
 как в кровавом сорок первом,
 и нет тому отступлению конца!
 Кто подпишет указ, чтоб ни шагу назад?
 Кто во имя священной памяти предков,
 поднимет тебя, как великую Надежду,
 и соберёт под твоим покровом разрозненный народ?
 Настало время,
 настало,
 настало...

О чём ты думаешь, седой богатырь,
 Великое Знамя Победы
 в пыльном чулане времени?

апрель 2005

Метаморфозы победителей

Святому поколению победителей посвящается

Они, едва успевшие познать
 горести и радости новой эпохи,
 наступившей после выстрела «Авроры»,
 и обретшие в кои разы надежду
 на новое солнце всенародной мечты,
 под плач гармошки, причитания и прощальные слёзы,
 как заведено на Руси,
 уходили на Страшную Войну.

Потом,
 исполнив до конца свой ратный долг,
 одна половина из рукотворного ада вернулась домой,

а вторая осталась в объятьях смерти,
 так и не увидев реюший над рейхстагом
 Красный Стяг Великой Победы,
 как грозное предупреждение будущим врагам.

Помянув погибших и выпив за Победу,
 они, засучив рукава и по-мужицки поплевав на ладони,
 на зависть и удивление всему миру,
 в считанные годы из пепла возродили великую страну:
 поля сражений превратили в золотые нивы,
 заставили дымить новые фабрики и заводы,
 укрепили в ущерб себе боевую мощь отчизны.

Они первыми снарядили русского парня
 в первый внеземной полёт
 и его глазами взглянули в бездну космоса,
 удивившись великой тайне.
 Они сделали бы во сто крат больше,
 если б их Вождь был бессмертным
 и на его место не пришли продажные болтуны,
 при которых страна заболела душевной проказой,
 и всё встало с ног на голову.

Но даже и тогда не могло присниться
 в самом дурном сне,
 что доживут они до позорных дней,
 когда крючконосая небритая шваль их сравнит
 с гестапо и СС,
 СССР с людоедской Германией,
 а Человека,
 чьи войска спасли мир,
 поставят рядом с Гитлером.
 Вдобавок и свои придурковатые внуки
 будут укорять Победой в сорок пятом,
 а власть лицемерно вспоминать о них однажды в год!

Что возмущение стариков,
 кого оно страшит и кого совестит?

Они продолжают по-прежнему скромно жить
и тихо уходить к своим друзьям,
имея одну единственную привилегию,
данную не властью, а Богом:
апостол Пётр их без очереди впускает в рай...

ноябрь 2009

Поздние слова

*Александр Васильевичу Терентьеву,
солнечному человеку*

В нас самое умное заблуждение –
вера в причал бессмертия,
и потому будущее ставим рядом с настоящим,
как ложку возле тарелки,
уверенные в правоте ежедневных поступков.
У Бога своя логика: он не гадает на кофейной гуще.
Ему не по нраву стремление подобия
сравниваться с ним.
Если бы я в то время не сверял часы по будущему,
мы бы встретились,
Васильич!
Ты, как и я, скучал по беседе,
где душа, обняв родственную душу,
искренне распахивается,
словно послегрозовое небо с искрящимся солнцем,
и беседа превращается в ласковый полдень,
когда наиболее тонко чувствуешь
полноту бытия.
Теперь между нами – равнодушная вечность.
Суть не в том, что мы разделены тем,
за чем не видно лица, не слышно слов
и не знаешь, кто где находится.
Это планида всех живущих.
Боль истины в том,
что беседа так и осталась ноющей мечтой.

Ты, наверное, уже предстал перед Тем,
чья вечная любовь обжигает человека жизнью
и остывшего
снова берёт под своё крыло;
познакомился с моими родителями,
как и ты,
детьми Христа;
обнял боевых друзей,
из той, Великой войны?
Мне тоскливо,
Васильич,
что ваше легендарное племя
тихо уходит в небесное царство,
и после вас остаётся пугающая пустота,
будто с вами вместе уходят совесть и добро,
и территории былой Великой страны
уготована участь
озлоблённого бессовестного пространства.
И никто из нас не видит,
как покаянная мельница вечности
размалывает наши поздние раскаяния.

Спасибо, Васильич,
что ты был...
Встретив тебя, я в который раз убедился:
как редко солнечные люди!..

Во мне душа безымянного солдата...

С годами я всё больше и больше убеждаюсь,
во мне душа того,
кто был для родины щитом
и погиб, не дождавшись главных салютов,
безымянным солдатом Великой войны.
Потому во мне так много печали
по тем ожесточённым годам,
что не редко непрошенные слёзы

текут, не стыдясь, по немолодым щекам.
 Потому вдруг перехватывает горло,
 когда я слышу песни войны
 и в лицах, освещённых огненным смерчем,
 вижу лики русских святых.
 Откуда бы мне знать о сокрушаемом аде
 и как престарелый ветеран
 страдать от донимаемой памяти,
 если б душа моя там не была,
 не видела,
 не пережила,
 не запомнила,
 не вошла
 в меня пожизненным судьёй.
 Потому она, познавшая терпение и ненависть
 яростных славян,
 кому смерть красна в миру,
 навечно обожествила тех мёртвых,
 что спасли будущее
 для поколений живых,
 шею свернув врагу.
 Душа моя, желанный подарок справедливых небес,
 невидимый жаворонок бытия,
 я иду тобой ведомый без забрала за истиною в бой,
 как тот солдат из второй мировой,
 заслонивший меня собой,
 и чья душа моею стала
 и я обязан завет исполнить предыдущий –
 другому оставить душу незапятнанной, чистой,
 не стыдясь в прошедшем ничего.

ноябрь 2010

Сталинград

В ту судьбоносную жесточайшую зиму
 на имя твоё молилась атеистическая Русь
 и умное человечество молилось на всех языках,
 поддерживая и ободряя тебя.
 Ты высился тогда неприступной скалой,
 где шла непримиримая битва тьмы против света,
 чтобы навсегда изгнать любовь из сердца человека
 и посадить на царство земное гения тёмных сил.
 Такого побоища не видели и не помнили
 ни старые, ни новые боги, ни люди.
 Там, в самом центре воюющей планеты,
 цепенел разум от половодья крови,
 пожираемой беспощадным огнём
 и облекаемой смертью в клубы тошнотворного дыма,
 сонмища хрупких человеческих вселенных,
 разрывались ненавистью в клочья,
 сонмища безвременно осиротевших душ,
 кружили над расхристанным полем брани,
 потоки слёз безутешных невест и вдов,
 падали горестным снегом на сожжённую землю,
 забывшей в аду своё цветущее лицо.
 За стоявшими насмерть защитниками твоими
 корчилась от боли разбомблённая Волга,
 ставшая священным заградотрядом.
 Ты воевал на Курской дуге и Днепре,
 освобождал порабощённые страны,
 взвил над рейхстагом Знамя Победы!
 Это потом вовремя не расстрелянные сволочи,
 пылая местью к твоему великому имени,
 спрятали тебя от нас, но не вытравили из сердец.
 Коварная подлость не уничтожаема
 ни примиряющим временем, ни слабеющей памятью,
 поэтому ждут, не уставая, на Мамаевом кургане
 погибшие воины и их верный маршал Чуйков,
 ждут прославленные полководцы в Кремлёвской стене,
 ждёт Сталин за Мавзолеем, ждёт народ,

многожды после тебя обманутый и преданный,
когда, словно солнце на гранях русского штыка,
вновь засверкает имя твоё, Сталинград,
имя, как символ отваги, на бесконечные века!

март 2012

Александрова Марина Григорьевна родилась 24 октября 1960 года в городе Ленинабаде Таджикской ССР (сейчас город называется Худжанд).

Окончила школу № 10 в городе Чкаловске, потом НФ МХТИ имени Д. И. Менделеева.

Первая подборка стихотворений напечатана в газете «Варта» в январе 1998 года.

Автор нескольких сборников стихотворений.

Стихи печатались в журналах «День и ночь», «Тюмень литературная», коллективных сборниках и альманахах «Круговая чаша», «Эринтур», «Интеллигентный сезон», «Лит-Эра», «Иван-чай», «Самотлор», «Зори Самотлора» и других.

Участник, дипломант, лауреат всероссийских и международных литературных фестивалей «ЛиФФт», «Интеллигентный сезон», «Славянские традиции», «Пристань менестрелей», «Алые паруса», «Центр Европы», «Созвездие духовности» и других. Член Союза Российских писателей.

Награждена Памятной медалью года литературы от Организационного комитета по проведению Года литературы «За особый вклад в книжное дело», Москва.

Лауреат литературной премии УрФО «Урал промышленный, Урал полярный» (2017)

МАРИНА
АЛЕКСАНДРОВА

С юбилеем!

Россия

Тебя по крохам увозили,
Тебя домысливали в снах,
Земля заветная России.
Тебя проматывали в прах.
Тебе слагали гимны-были,
Тебя ругали в Бога-мать...
Но как любили! Как любили!
И за тебя шли умирать.
И для тебя рождались дети,
Сады весенние цвели.
И ничего на целом свете
Дороже нет родной земли.

Время

Что время, если вечность есть?
Что вечность, если нет минуты?
Я постараюсь всё успеть,
Секунды бьют, года идут, и:

Огромный мир вдруг станет мал,
Ребёнок маленький – огромным,
А тонкий луч, что нас связал,
Стальным канатом тонкоствольным.

Вдруг станет сеть вокруг Земли
И осязаемой, и прочной:
Дороги, чувства, мысли, дни
Опугает прицельно-точно.

И шестерёнками часов,
Связуемы и уязвимы,
В сети останемся для снов,
без дел, без времени хранимы.

Долина духов

Шепчет сердитый ветер,
Облаком гонит пыль.
Духи поют: «Согрейте,
Троньте седую бль».
Жертвенный жаждет камень.
Но не поймёшь – не тронь.
Жертву отдай словами.
Добрыми. Посолонь.
Дремлет и дышит сила.
Богатырей хранит.
Помни, что раньше было...
Ветер в горах звенит.

25 ноября 2011г. Алтай

Разговоры

Женский век цветенья короток...
Хохотало всё село:
«Будет Нюшка снова порота,
Эх, как крышу-то снесло!»

Понимаю бабу глупую.
У самой пришла беда:
Страсть настолько всё запутала,
Что не ведаю стыда.

Мне намёк бы только, повод бы,
Разговоры про кровать...
Хоть на встрече и на проводах
В щёчку Вас поцеловать!

Всё твердит подруга лучшая:
«От любви ты не беги!»
Муж её, глаза колючие,
Слышит сплетни – шепотки.

Как легко всем было сетовать:
«Что творит её сосед?!»
Но поймёшь соседа этого,
Если бабе сорок лет.

Шутка

Я шла по Нижневартовску
В денёк весенний, мартовский.
Летели облака.
Был день простой и будничный.
А я смотрела сумрачно.
В душе была тоска...

Та боль снежком истаяла.
По улице Чапаева
Шагала я одна.
Деревья не посажены,
Канавы не разглажены,
На сердце тишина.

С руки пылинку сдунула...
Как только я подумала:
«Мой круг – работа, дом.
Мой спутник – одиночество,
А быть одной не хочется,
Печально всё кругом».

Тут двери открываются,
И кто-то появляется:
Он вышел на балкон.
И мне он улыбается,

К себе звать пытается,
Рукой мне машет он.

Нет больше одиночества!
Запомню, как пророчество:
Не надо унывать,
А надо по Чапаева,
По улице Чапаева
По снегу и проталинам
Шагать себе, шагать...

Гиперборея

Милый мой Север,
Старые мхи.
Всё узнаваемо.
Ветра аккорды.
Кроны деревьев.
По тропкам глухим
К нам возвращается
Воздух свободы.

Да, это Север.
Камень основ.
Тот, что всегда
Остаётся на месте.
Всё повторяется.
Храм праотцов
Новые храмы
Вознёс в поднебесье.

Те же? Другие?
Дарила Земля
Юных и смелых,
Любимых и мудрых.
Племя, страна,
Поселенье, семья –

Ветер любим
Расшевеливал кудри.

Где вы теперь,
Созидатели дней?
Вы растворились
В культурах и странах.
Люлька качается.
Снова над ней
С запахом млечным
Склоняется мама.

Акимов Валерий Юрьевич родился в 1949 г. в г. Новомосковске. Срочную службу проходил в погранвойсках на финской границе. После окончания МХТИ им. Д. И. Менделеева в 1978 г. переехал в Нижневартовск, где работал в нефтепереработке.

Печатался в коллективных сборниках «На зелёном холме» (Тюмень, 2001), «Голоса» (Нижневартовск, 2001), «Иван-чай» (Нижневартовск, 2002); альманахах «Эринтур», «Самотлор», «Зори Самотлора»; газете «Тюмень литературная».

Член Союза журналистов России, Ветеран труда России.

Автор нескольких поэтических сборников.

Почётный нефтяник.

Живет в Нижневартовске.

ВАЛЕРИЙ
АКИМОВ

С 70-летним юбилеем!

Герои

На праздник дома вновь не усидели:
Гражданский долг сумел их обязать.
Идут ещё, но, правда, еле-еле...
А мне нельзя о павших не сказать.

И дяде благодарен я, и деду,
И Бог простил, им отпустил грехи:
Они отдали жизни за победу,
Чтоб я на русском смог писать стихи.

Грусть

Всё так, а не иначе,
Я утверждать берусь:
Забыла об удаче
Расхристанная Русь.

Тут проводы и встречи,
Восторженность и грусть...
Полна противоречий
Моя бедняга Русь.

Зайдусь в похмельном плаче
И рукавом утрусь...
Всех краше и богаче
До слёз родная Русь.

Первый дозор

Не зря июль тот в памяти хранится!
И, как сейчас, хоть столько лет прошло:
В дозоре я на линии границы.
А солнце так безжалостно пекло.

Рот пересох, язык шершав, как тёрка,
Под рацией спина, как не моя.
От пота почернела гимнастёрка,
И нет спасенья в тучах комарья.

Давно уже утихли разговоры,
Во фляге нет ни капельки воды,
В болоте не найти земной опоры,
Ложатся в мох усталые следы...

Уводит память –
в прошлое тропинка.
И мне уже из белой полосы
Привиделась июльская картинка
Со звоном отбиваемой косы!

Свод неба, словно
синей гладью вышит.
В зените солнцу быть уже пора
И лучики его сквозь щели крыши
Высвечивают, как прожектора,

Пространство сennика,
pronзая косо.
И перезвон меня заморозил:
Лежу, малец,
вернувшийся с покоса,
Где с бабами я сено ворошил.

Мастер

Он по-другому просто не привык:
 Руками видя лучше, чем глазами,
 Корпит над заготовкою старик,
 Как будто сам себе сдаёт экзамен.

Весь род его с металлом испокон:
 Рождались в Туле, там же умирали.
 Опилки напилки – террикон,
 Когда бы их за годы вдруг собрали.

Никто его работой не страшал.
 И так – из поколенья в поколенья
 Всю жизнь чужие мысли воплощал,
 Но в этом находил он упоенье.

И пыл свой не убавив ни на миг,
 Блестя подслеповатыми глазами,
 Орудует напильником старик!
 И сам себе опять сдаёт экзамен!

Русский язык

Видно сразу – был Богу угоден,
 Ведь не клёкот, не лай и не рык:
 Помогли нам Кирилл и Мефодий
 Сохранить чистым русский язык.

То смирён, то на подвиг зовущий,
 Зря ль ему посвящается год!
 И великий он, и всемогущий,
 Им владеет такой же народ!

Как родителя взрослые дети,
 Мы сумели в невзгодах сберечь,
 Чтобы звучала всегда на планете
 Наша славная русская речь!

С нами в праздники и среди буден
 Просветитель, боец и шутник.
 И тебя мы достойными будем,
 Наш великий могучий язык!

БОРИС
КАРТАШОВ

Карташов Борис Пантелимонович родился в семье репрессированных (кулаков) 11 июня в 1951 году в посёлке репрессированных лиц «220-ый квартал», Серовского района, Свердловской области. Впоследствии, его именовали «Печёневка», «Боровой». В данное время посёлок ликвидирован. Окончил лесотехнический техникум, Высшую партийную школу при ЦК КПСС – факультет журналистики. Служил в рядах Советской армии. Работал в леспромхозах Томской, Свердловской областях, Ханты – Мансийском автономном округе, корреспондентом в газете, директором районного книготорга, стропальщиком на строительстве газопровода Уренгой – Помары – Ужгород, директором типографии.

Повести и рассказы печатались в журналах «Проталина», «Уральский следопыт», «Зверобой», «Югра», альманахе «Эринтур», сборниках «Под созвездием Кедр».

Автор книг «220-ый квартал», «Историю не переделать», «Разорванная память», «Мне дороги эти имена», «У берегов овечки и турпана», «История продолжается, традиции остаются», «Теперь облака между нами», «Без корня и польнь не растёт», «Девятый барак», «3,62», «Газетчик, как состояние души», «Газотрасса: там, за большим Атлымом».

Член Союза писателей России.

Умер 18 января 2019 года

УЗЕЛКИ НА ПАМЯТЬ (воспоминания о прошлом)

Человек помнит свою жизнь по наиболее ярким событиям и эпизодам – смешным, трагическим, поучительным, обидным. Они, как репей, если вцепились в память, душу – не отдерёшь. И странная вещь человеческая память – стоит только потянуть за ниточку, и клубочек начинает разматываться, а события, казалось, напрочь стёршиеся, возникают вновь перед глазами столь явно, как будто то было только вчера.

ПОСЁЛОК ДЕТСТВА МОЕГО

В 1947 году Сотринский леспромхоз, что на севере Свердловской области, открыл новый лесопункт в 220-м квартале согласно лесотаксационной карте Серовского района. Туда после ликвидации комендатуры НКВД моя семья (уже не спецпереселенцев, а политически не преследуемая – свободная как все советские люди, переехала на новое место жительства). Отныне не надо было каждый вечер отмечаться у местного чекиста, что ты дома – не сбежал и ничего не натворил с точки зрения закона.

Вообще система уничтожения человека как личности, превращение его в «винтик» государственной машины была в то время очень изодрённой и сволочной. Так, например, с 1930 по 1947 годы наша семья раскулаченных четыре раза переезжала с места на место. Причём делалось это всегда насильственно.

Отец рассказывал, что первый раз привезли в тайгу километров за 15-20 от железной дороги и приказали через неделю не только основать поселение, но уже заготовлять древесину. По шесть кубометров на человека в день. Причём дерево надо было свалить, очистить от сучков, раскряжевать на шестиметровые брёвна и сложить в штабель. Только тогда выдавалась суточная пайка еды на работающего. Не выполнил норму – ничего не получил.

Всю неделю рыли землянки, строили шалаши. Шёл декабрь, надо было выживать самим, потому что человеческая жизнь «врагов народа», кулаков, ничего не стоила. Папка вспоминал, что «хохлы», приехавшие с ними с Украины, отказались валить лес, мотивируя тем, что они хлеборобы и не умеют работать на лесосеке. Жгли костры, питались тем, что привезли с собой. Но вскоре еда кончилась: стали пухнуть с голоду, ослабели до того, что не могли вставать. Мороз заканчивал дело. Каждое утро несколько трупов «активировали» и куда-то увозили.

– Хорошо, что мы с мамой тогда ещё не поженились, и детей не было, – говорил отец, – а вот у других и дети умирали.

С муками, невероятными трудностями, но поселение поднималось. Весной раскорчевали лес, посадили картошку, построили бараки, обзавелись живностью. Через три года это был уже крепкий посёлок. Тяжело, но жить можно. Однако, как только власть это замечала, тут же отдавался приказ – осваивать новое место жительства. Обязательно километров за 30-50 от прежнего, ещё дальше в тайгу. И всё повторялось заново. Только люди уже имели опыт: адаптировались на новом месте быстрее.

Вот так мы осваивали лесозаготовки в четырёх населённых пунктах, пока советская власть не решила, что переселенцы стали лояльнее к ней и милостиво разрешила жить там, где мы желаем. А желали мы жить в 220-м квартале, который позднее стал называться «Печеневкой», «Боровой».

... Итак, главной задачей «Двадцатого», так сокращённо называли его жители посёлка, была заготовка леса и частичная его переработка. В лесосеках вначале валили деревья поперечной пилой, затем – лучковой. Кстати, лучковая пила в своё время сделала революцию на заготовке. По сравнению с поперечной (с которой управлялось два человека), производительность увеличилась в два раза.

Забыл сказать, что тогда не было бригад, каждый трудился на своём переделе работ – сучкоруб, вальщик, помощник вальщика, отгребщик снега и т. д. И соответственно зарплату каждый получал независимо от результатов другого труженика.

Позже появились электропилы и бензопилы. Трелевали лес, то есть вывозили с демян и укладывали в штабеля сначала с помощью лошадей, потом лебёдками, первыми газогенераторными тракторами.

Зимой по «ледянке» – это дорога, которую поливали водой. Посередине делалось углубление шириной сантиметров 30-40 и глубиной до 20. На однополосные сани накладывались брёвна, и лошадка тянула воз в посёлок. Там он либо отгружался в вагоны МПС, либо разделялся на доски, шпалы, тарную дощечку и т. д. Причём, вначале брёвна в вагоны тоже грузили с помощью лошадей. С годами их заменили лебёдки и консольно-козловые краны.

Спустя время от ледяных дорог отказались. Стали строить узкоколейные железные (УЖД) и деревянные лежнёвки, по которым на автомашинах вывозили хлысты. А по УЖД – на паровозах, мотовозах в специально оборудованных турникетах.

Вот в таком посёлке прожили мои герои почти полвека. Сейчас это богом забытый уголок без всякого производства, где уже никто не живёт.

О том, что здесь когда-то бурлила жизнь, напоминает только размытая дождями и временем надпись «220 квартал», когда-то старательно выписанная белой краской на крыше лесопунктской конторы.

ДЕВЯТЫЙ БАРАК

Он всегда был горячей темой для разговоров, вносил в размеренную жизнь лесопункта разнообразие и добавлял головной боли начальству. Там проживала молодёжь – выпускники ФЗО и ремесленных училищ, слушатели различных курсов, вербованные. Все холостые.

– В воскресенье вечером в девятом бараке фэзэушники опять передрались со слесарями из гаража, стекла все повывшибали, – докладывала комендант посёлка начальнику.

– Чем закончился мордобой?

– Как чем? Совместным распитием водки.

– Помирились, значит?

– Вроде, помирились.

– Ну и ладно. Окна застеклить! За их счёт! Проследить, чтобы прогульщиков не было. Об инциденте участковому докладывать не нужно.

Через неделю комендант доложила «наверх» о краже в девятом бараке: у помощника машиниста паровоза пропала майская получка вместе с костюмом. Вора нашли, набили морду.

Нередко случались там и всеобщие гулянки. Тогда, что называется, рекой вино текло, и музыка играла. А местные бабы цепко держали своих мужиков возле себя, зорко следили, чтобы никто из них не попал в этот пчелиный улей. От греха подалее.

Но не только такими громкими делами славилось это место. Вспоминали о нём, когда речь шла о каком-либо его выдающемся обитателе.

– Вот Дизель из девятого... Вечером у клуба подбросил свою гирю тридцать пять раз, – сообщил новость во время перекура рабочий нижнего склада Виктор Печенев.

– Дурная сила! Лучше бы лес грузил, – упрекнули товарищи по работе.

Речь шла о Вовке Лазарькове – здоровенном парне, который постоянно демонстрировал свою силу. У него была трёхпудовая гиря, противовес от железнодорожной стрелки. С этой тяжестью он ходил по посёлку.

– Что Дизель... белокрысый Одегов на спор целый час чечётку отбивал, – вставил крановщик по фамилии Пепа.

– А Горбунов с Кокориним! Истинные артисты – и поют, и танцуют, и на гитарах играют. Такими талантами никто из местных не похвастает.

Девятый барак, вернее, его постояльцы, словно магнитом, притягивали к себе и нас, детвору. У каждого там был свой кумир. Вокруг Вовки Лазарькова-Дизеля, всегда крутилась лесозаводская ребятня. Он работал слесарем на пилораме. Пацаны с нашей улице гордились знакомством с ним, подражали ему. Зареченские же, в отличие от нас, пропадали в комнате Лёньки Одегова. Он прекрасно резал по дереву, конструировал, зажигательно танцевал.

Взрослел с обитателями девятого барака и я. После занятий в школе с Витькой Ефименко, Сашкой Серебрянским

и Петькой Фадеевым бежали к Кокорину и Гобунову. Они занимали отдельную комнату. Там мы осваивали гармошку и гитару, играли в карты, распевали блатные песни. Нам нравилось общаться с взрослыми: здесь ничего не запрещалось.

Шло время. Холостяки женились, переходили жить в барак для семейных. Их место занимали другие, постоянными оставались только новые группы поселковых ребят, крутящихся у девятого барака.

РОГОЖКИН, БЕСОНОГОВ И ДЕД ПАДЕРИН

Колоритных, по-своему интересных личностей было много. В лесопункте они появлялись с каждым оргнабором. Местные копировали их повадки, привычки, над ними посмеивались. В своём большинстве это были люди беззлобные, услужливые и одержимые. В хорошем смысле слова.

Одно время жили у нас «конструктор», «авиатор» и «геолог». Первый всем рассказывал, что вот-вот сконструирует машину – робот, которая будет замещать лесорубов на деляне. Дело осталось за двигателем, который сжигал бы не больше литра бензина за рабочий день. Так и конструировал он несколько лет мотор, пока не закончился контракт по вербовке. Уехал.

Второй – «работал» над сверхсекретным дирижаблем. Третий – всё искал спрятанное золото Колчака. «По интуиции» – так он сам определил свой метод изысканий.

А вот Рогожкин, Бесоногов и дед Падерин в поселке запомнились не творческими изысканиями, а оригинальностью поведения и манерой разговора.

Рогожкин хотя и имел начальное образование, работал на лесопункте мастером нижнего склада. По местным меркам этой высокой должности сподобился благодаря членству в партии. Вступил в КПСС на фронте. В те времена, все «партийные» при «портфеле» были. Привлекал внимание маленьким ростом, огромной плечиной на голове и суетливостью. А что представляла его речь? Это был быстрый набор нечленораздельных звуков, перемешанных матерными словами, ко-

торые понимал только он сам. На любых собраниях Рогожкин всегда просил слова и «светился» за трибуной до тех пор, пока председательствующий не начинал стучать по стакану, мол, хватит, твоё время вышло.

О чём говорил мастер-оратор? Разобрать, как уже говорилось, было трудно. Но отдельные слова: «поняешь» и «ептать» слышались отчётливо. Первое слово он употреблял так часто, что в посёлке его очень скоро стали называть «Поняешь».

Ещё деталь, мат у мастера был «трёхэтажный». Не каждый мог, например, додуматься до сложнопостроенных, втиснутых в одно слово матерщинных слов. Рогожкин мог! И такие многоэтажные, как этажерки матвыражения слетали с его уст легко, без запинок, звучали беззлобно и даже как-то безобидно.

Жизнь «Поняеша» оборвалась неожиданно. После очередного запоя он застрелился. Для всех это был шок. Рогожкин любил жизнь. Почему наложил на себя руки, никто толком не знал. Может, свёл счёты с жизнью «Поняешь», что так и не поняли его. Многие сельчане винили в этом водку. Искренне жалели незлобивого и неугомонного человека.

Николай Бесоногов, худосочный, с солдатской выправкой мужчина. В будние и праздничные дни не расставался с солдатской гимнастёркой, на которой тускло поблескивал «иконстас» из орденов и медалей. Такого обилия наград не было ни у одного жителя посёлка. Фронтовиком был настоящим: провёл в окопах не один год войны.

Как и многие воевавшие, любил выпить, выставить напоказ награды. Делал это своеобразно. После стакана водки пред собеседником обычно стучал себя в грудь, да так, чтоб медали звенели. Старался также во всех делах показывать личный пример. Первым бросался разнимать дерущихся, заступался за слабого, оказывал посильную помощь нуждающемуся.

А как он подстригал!? Это была песня. Любую мужскую причёску мог, что называется, с закрытыми глазами соорудить. Никому не отказывал.

– Война этому научила, – не без гордости говорил.

Погиб фронтовик нелепо, на субботнике. Молодёжь решила возле клуба построить спортивную площадку. Устанавливалась мачта для аттракциона. Неожиданно столб начал па-

дать. Бесоногов сразу же бросился к нему, пытаясь удержать. Не получилось. Лесина со всего размаха обрушилась на него. Судьба.

Как оказался в посёлке дед Падерин, откуда его к нам занесло, никто не знал. Как и не знали, кем он работает. Одно время будто бы обслуживал водокачку, затем сторожил на нижнем складе. Но ни там, ни там, в рабочие часы его никто не видел. Зато летом перед закрытием магазина всегда стоял с ведром грибов. Продавал недорого – лишь бы хватило на флакон «тройного одеколona». На замечания поселковых, отвечал лаконично:

– Тройной – это дёшево и сердито.

Что интересно, сильно пьяного деда никто не видел, но запах тройного от него исходил постоянно. Потом его, наполовину ослепшего и больного, увезла неизвестно откуда приехавшая дочь. И если вспоминали Падерина, то всегда подчёркивали: «Классный грибник был» или «тройной – это дёшево и сердито».

БАНКА АЛЫЧОВОГО ВАРЕНЬЯ

Поселковские любили собираться вместе. Охотно принимали участие во всех мероприятиях, проводимых руководством. Особое предпочтение отдавали выборам в советы депутатов трудящихся. Знали, значимее политической кампании для них нет, и что в этот день будут продавать дефицит. Поэтому с 6 утра на ногах не только избирательный участок, но и жители. Люди, едва продрав глаза, поодиночке и группками спешили в клуб, стараясь проголосовать первыми, а значит, получить возможность отовариться дефицитными продуктами в клубном буфете и магазине, «пока не кончилось». Купить можно было сухое вино, шоколадные конфеты, колбасу, сгущёнку. После обеда этих деликатесов уже на прилавках не было.

... Клуб, как никогда, наряден. На его фасаде различные транспаранты и лозунги. Герб СССР. Из громкоговорителя громыхает музыка. Торжественным выглядит зал голосования.

На видном месте – портреты Ленина, руководителей правительства. Оформлен «Уголок избирателя». Для брата-избирателя выстланы красные напольные дорожки; кабины для тайного голосования обтянуты красным кумачом, строгие лица членов избирательной комиссии. Это создаёт праздничную торжественность.

Проголосовав, люди, без преувеличения, бегут – напрямиком в буфет. Здесь уже яблоку негде упасть. Вокруг шум, звон граёных стаканов, подвыпившие голоса. То же самое в магазине и столовой.

К 21.00, за исключением лесника Ивана Северина, проголосовали все жители. Последний наотрез отказался выполнить свой гражданский долг: вчера его жене в магазине не досталось алычового варенья.

После долгих уговоров лесник выдвинул ультиматум: отдаст голос только тогда, когда купит сладкий дефицит. В поселковой избирательной комиссии инцидент отнесли к разряду чрезвычайного. Доложили в район. Оттуда поступила директива: требование избирателя выполнить любой ценой!

Тут же состоялось экстренное совещание триумvirата в лице начальника лесопункта, начальника отдела рабочего снабжения и участкового милиционера. После упорных поисков алычовое варенье всё же нашлось в подсобке столовой соседнего поселения. Через сорок минут председатель избирательной комиссии с несколькими банками стоял в прихожей дома Севериных.

– Жалко, что выборы не каждый месяц, – проворчал довольный лесник.

НАТЮРМОРТ

В детстве считал, что вкуснее отварных макарон с жареными яйцами ничего нет. Мы со сверстниками всегда кружили у рабочей столовой. Она будоражила всеми известными, но не всегда доступными для нас запахами варёного мяса, жареной рыбы, печёных пирожков. Не говорю уже об аромате ячменного эрзацкофе, от запаха которого начинала приятно

кружиться голова. И с удвоенной энергией работали слюнные железы. Иногда я видел, как посетители оставляли недоеденный кусочек мяса в тарелке, булочку с повидлом. Не понимал этого. Удивлялся, когда Вадька Калачев, сын повара, выбрасывал пенку кипяченого молока из стакана.

К ужину в столовую заходил ещё и потому, что случалось заработать. Я высматривал столик, за которым мужики распивали спиртное. «Светился» перед ними. Ждал, когда у них закончится водка, чтобы сбегать в магазин за следующей.

Помню, бежал из магазина с бутылкой, а в голове билась мысль: «Отдам водку, и если дядьки не пожадничают, сдача останется у меня. Обязательно куплю кулёк карамели». Однако не пришлось полакомиться конфетами: деньги отобрал местный хулиган Васька Фадеев.

В памяти осталась картина, висевшая в столовой на стене. На ней – ваза, наполненная фруктами, среди них гроздь винограда. Большая, чёрная. Я никогда не видел настоящего винограда и не пробовал его. Представлял единым плодом и был удивлён впоследствии, что он состоит из отдельных ягод. Кто-то назвал эту картину натюрмортом. Мой словарный запас пополнялся...

ОЧЕРЕДЬ

– Завтра в магазине будут продавать муку, – по секрету сказала соседке Муська Канакова, продавщица. Та под честное слово – зятю. Тот – товарищу по работе. Через два часа страшную тайну знали все жители посёлка.

Очередь стали занимать с вечера. Чтобы не замерзнуть, ночью разожгли костёр, кипятили в ведре чай, вели разговоры о скором светлом будущем – нужно только потерпеть немного. С этим соглашались... но не все.

Наша семья тоже заняла очередь. Сначала у магазина дежурила мама, потом – сестры. К утру в очередь встал я с братом, поскольку было воскресенье и не нужно идти в школу.

Возле магазина появилась Верка Тарасова, местная скандалистка и матерщинница.

– Кто последний?

– Все первые сегодня, – съязвил старик Пантюхин.
 – Помолчи, пердун старый, – не осталась в долгу Верка. –
 Спрашиваю: кто последний!?
 – Я, – отозвалась Люська Поливцева.
 – За тобой буду!
 – Сейчас вся очередь переругается – Верка появилась, – заметила тетя Феня, техничка из конторы.
 Как в воду смотрела баба! Не прошло и часа, Тарасова уличила соседку в том, что та, якобы, не стояла в очереди.
 – Я её утром дома видела! Не могла она оказаться впереди меня, – стала оттеснять её с крыльца магазина.
 – Уйди, стерва! – заорала соседка, – чай домой пить ходила. Как и все, всю ночь простояла. Подтвердите, люди.
 – Вроде стояла, – неуверенно проговорил дед Пантюхин.
 – А-а-а, стояла... вроде, – не отступала Тарасова, – значит, не было!
 – Да перестань, Верка, морочить людям голову, – ввязались в склоку бабы с лесозавода. – Уйди.
 – Что значит – уйди! Я за справедливость.

Постепенно нашлись сторонники и противники скандалистики. Ругань набирала обороты. Вспомнили «добрым словом» всех, кто любил отовариваться без очереди.

– Муська идёт! Магазин сейчас откроется.
 Взвинченная ночным бдением толпа ринулась в помещение. В мгновение ока меня внесли в магазин и придавили к прилавку.

– А-а-а, – невольно вырвалось.
 – Ребёнка задавите!
 Толпа замерла, но уже через секунду вновь так сдавила, что дыхание остановилось. Увидев моё состояние, стоящий рядом мужчина, стал расталкивать очередь.

– Выпустите мальчонку на улицу!
 Не помню, как оказался на крыльце магазина. Мука всё же мне досталась. Болели ребра и голова. Подошла мать и увела домой. Муки в тот день хватило не всем. Растрёпанные и злые бабы расходились по домам, на чём свет костеря неизвестно кого, а больше всего – Верку.

ЗНАТОК

Дмитрий Баранов работал лесником. Дом его стоял с самого краю посёлка. Премудрости своей профессии знал досконально. Особенно, когда дело касалось выбора леса для строительства. Каждый односельчанин, прежде чем поставить дом, обязательно советовался с ним в выборе подходящего материала. Заготавливать древесину лесник советовал только зимой. После просушки она самая крепкая и стойкая. Летняя – из-за обилия соков рыхлая и подвержена гниению. Зимой, оказывается, дерево запасается крахмалом. Если облить его йодом, сердцевинные лучи сразу окрасятся в синий или фиолетовый цвет. На летней заготовке останется лишь тёмно-жёлтое пятно от самого препарата. Кроме всего прочего, качество древесины Дмитрий определял и на слух. Приложившись к концу стены, он предлагал напарнику обухом топора постучать по срубу на противоположной стороне. Здоровое дерево звенит. Если звуки не доходят – древесина, значит, больная внутри.

РЫНОК

После полочки почти весь наш поселковый люд в воскресенье устремлялся в районный центр. Он находился в пятидесяти километрах от лесопункта. Там можно было посетить комиссионку, гастроном, в привокзальном буфете выпить пива. Этих мелких радостей в посёлке не было.

Отец наш, конечно, исключением не был. Однако его слабостью в райцентре был рынок. Он обязательно обходил там все торговые ряды, приценивался к товару, снимал пробы, заводил разговоры. Домой возвращался в хорошем настроении, но с ненужными в хозяйстве покупками. Однажды даже привёз ножницы для стрижки овец, которых у нас не было. Мама ругала отца, но тот стойчески отмалчивался.

Когда мы подросли, папка стал брать нас с собой в город. Атмосфера рынка гипнотизировала, привлекала обилием разнообразных продуктов и вещей, раскованным поведением посетителей. Мне почему-то запомнились жалостливые песни под гармошку вчерашних участников Великой Отечественной

войны – безногих, грязных, оборванных. К сожалению, было и такое в те годы. Бросив несколько пятаков в засаленную фуражку гармониста, мы подолгу стояли возле него – слушали, как шуршали пальцы по клавишам, часто спотыкаясь; как тоскливо тянулась бесконечная песня. Отец не мешал нам. Однажды сказал:

– Учись играть на гармонии. В лихое время этот инструмент не даст умереть с голоду.

На гармошке мы с братом играть научились. Но, слава Богу, наши музыкальные навыки не пригодились для выживания.

ЛАМПОЧКА

Электричество появилось у нас в доме в конце 50-ых. До этого в доме была трёхлинейная керосиновая лампа. (Линия – старинная мера длины, равная 1/10 дюйма – авт.)

Помню, как ежедневно перед сумерками мать снимала стекло с лампы, брала чистую тряпочку и тщательно протирала. Убедившись, что оно безукоризненно чистое, клала на полотенце. Принималась за фитиль. Маленькими ножничками аккуратно обрезала нагар, измеряла уровень керосина. Ставила стекло на место и зажигала лампу. И сразу же на стенах комнаты причудливыми тенями начинали двигаться наши силуэты.

При свете трёхлинейной лампы мои старшие сёстры готовили уроки, читали книжки, вышивали. Мы сидели с братьями рядом и внимательно наблюдали за ярким язычком пламени, который то уменьшался, то увеличивался в размерах, то вспыхивал, то тускнел. Почему так происходит, мать отвечала просто: это делает Боженька. Потом добавляла:

– Если он доволен нами, язычок светит ярче и пламя его выше, если нет – светит тускло.

Мы старались не расстраивать Боженьку своим поведением. Хотели, чтобы в доме всегда было светло. Но на «Двадцатом», куда мы переехали, наша лампа больше не понадобилась. Впервые здесь я увидел электрическую лампочку. Она висела высоко под потолком. Часами разглядывал её со всех сторон. Мучил вопрос: почему так ярко светит и потухнет ли, если подует сильный ветер?

Однажды, когда в доме никого не было, подтащил к абажуру стол и взобрался на него. Роста не хватало. Поставил табурет. Теперь она была перед лицом. Я набрал полные лёгкие воздуха, и что есть мочи подул на неё. Лампочка не потухла. В комнату вошла сестра.

– Ты лучше лбом об стенку... Может, тараканов меньше было бы в доме! – рассмеялась она. – Слазь, невежа!

Вскоре у нас появилось радио – большая чёрная тарелка из плотной бумаги. Отец прикрепил её к стене на кухне, объяснив, что она также работает от электричества. Глядя на неё, у меня уже не возникало желания экспериментировать.

КРИК ТАРЗАНА

Одним из развлечений у нас было кино. Крутил его вечно пьяный Васька Круглов. Он вывешивал возле рабочей столовой объявление с названием фильма. Затем шёл на конный двор выпрашивать лошадь. Кинобанки-то с лентами нужно было доставлять с узловой железнодорожной станции. Путь неблизкий, туда и обратно – двадцать километров. На это уходило полдня. Так что к моменту появления киномеханика у клуба стояла толпа. Детей, как всегда, было больше, чем взрослых.

Билеты Васька продавал у входа в зал. Вместо стульев в помещении стояли скамейки, и каждый размещался там, где хотел. Нам, ребятам, обычно доставалось место на полу, у экрана.

Аппарат устанавливался в углу. Там же аккуратно укладывались и бабины с фильмом. Мигала несколько раз электрическая лампочка, подавая сигнал о начале показа картины, и зал погружался в темноту. Начинал трещать движок, на самодельном экране-простыне появлялись первые изображения. Все затихали.

Неизгладимое впечатление оставил четырёхсерийный фильм «Тарзан». За много лет люди, может быть, впервые увидели на экране свободного от всяких идеологий человека. Он жил в полной гармонии с природой. Привлекала нас его полуголая атлетическая фигура, накачанные мышцы. Всех просто умиляло то, что герой умел разговаривать с животными. Дикий человек не знал фальши, страха. Он был справедлив, ловок, умён. Ему хотелось подражать.

Каждую новую серию «Тарзана» жители ждали с нетерпением. Клуб набивался битком. В ходе демонстрации фильма, когда случались заминки в работе аппаратуры, рьяные киношники уже не кричали: «сапожник», не свистели. Народ балдел от увиденного. Всю следующую неделю только и было разговоров о просмотренном фильме.

Лучше, чем пятнадцатилетний цыган Ибрагим, по-тарзаньи никто не кричал. Голос у него был сильный и звонкий. Зычно трубил он, когда возвращался с друзьями из леса или с рыбалки.

Коронным номером местного «Тарзана» было купание в водоёме возле клуба. Ибрагим подходил к воде, издавал боевой клич, как его киношный кумир, в чём был, нырял в пруд. Зеваки с восхищением смотрели на новоиспечённого свободного человека наших североуральских джунглей.

ТАНЦПЛОЩАДКА

Если просто сказать, что летняя танцплощадка была очагом культурного отдыха, значит, ничего не сказать. Слишком многое связано с ней у каждого жителя: и досуг, и личная жизнь, и самоутверждение. Она появилась в середине 50-х возле клуба. И сразу же внесла свежую струю в воскресный выходной и праздничные дни.

Ровно в семь вечера заведующая клубом Полина ставила пластинку на радиолу «Минск» и из динамиков над танцевальной площадкой разливалась музыка. Первые посетители – мелюзга. Они гроздьями висят на перилах, любопытствуют, дурачатся. К восьми часам вечера «подгребали» обитатели девятого барака – бывшие фезеушники и вербованные. Парни крепкие и статные. Многие из них отлично пели, хорошо танцевали.

Особенно выделялся Иван Горбунов, Леонид Одегов и Вовка Шинкарецкий. Ни одно общественное мероприятие, будь то субботник, концерт художественной самодеятельности или спортивное состязание, не обходилось без активного участия этих ребят. Да и на танцплощадке они – вне конкуренции. Любая девушка с удовольствием составит им пару.

Группками подходят девчата. В ситцевых платяцах и парусиновых тапочках, тщательно натертых мелом. Они вначале

держатся обособленно, но уже через полчаса вместе с юношами кружатся в вальсе. Завклубом строго следит за чередованием танцевальных ритмов. После вальса обычно звучит танго, а затем – фокстрот. Иногда понравившуюся всем мелодию «крутят» дважды подряд. Время от времени объявляется «белый танец».

Начинают надоедать комары. Молодёжь отмахивается от них берёзовыми ветками. Всякого гнуса здесь хоть отбавляй. Самое эффективное средство от него – натёртый чеснок. Однако молодёжь пахнуть чесноком не желает, поэтому предпочтение отдаёт веникам.

Случались на танцплощадке, как, видимо, везде и заворушки и драки, тем более, что публика была довольно разношёрстной. Но каких-то страшных поножовщин не случилось. В посёлке знали цену свободе. И такие эксцессы обычно заканчивались мировой.

К середине вечера танцплощадку навещало, так называемое, пожилое население. Мужики и бабы чинно усаживались вокруг танцующих, лузгали семечки, наблюдали за происходящим.

Среди них выделялся Владислав Стажевский. Ему далеко за пятьдесят, но он строен и подтянут. У мужчины светлые бриджи (таких больше ни у кого нет), заправленные в хромовые сапоги, военного покроя френч. Выглядит щеголем. Он любит вальсы, не пропускает ни одного тура. Любую девушку закружит.

– Чистый кавалер, хотя и старый, – шепчутся бабы.

– Завидуете, – парируют старики, – молодец Владислав! Не каждый в его возрасте так может.

Музыка слышна по всему посёлку: «Рио-Рита», «Цветущий май», аргентинское танго. За полчаса до окончания мероприятия влюблённые парами начинают расходиться в разные стороны.

– Нам тоже пора, – спохватываются старики и старухи, кряхтя, отправляются по домам.

Гаснет прожектор над танцплощадкой, замолкает музыка. Завтра рабочий день...

СТАНИСЛАВ
ЮРЧЕНКО

Юрченко Станислав Георгиевич родился 18 июня 1948 года в семье военнослужащего в г. Кривой Рог Днепропетровской области.

Окончил Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта. Служил в армии.

Стихи и проза печатались в журналах, альманахах, в литературных сборниках России и Тюменской области. Автор нескольких книг стихов и прозы.

Член Союза писателей России с 2001 года.

Награждён орденом «Знак Почёта», ему присвоено звание «Заслуженный строитель Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» (2010), «Почётный гражданин Советского района» (2013). Живет в Санкт-Петербурге.

Утро 9 мая

Весенний ветер, утренний, ядрёный,
пропитанный смолистым потом елей,
в вершинах,
ранним солнцем озарённых,
гаддящих птиц прерывистые трели.
Проснулся мир,
он вновь беспечно молод,
как Феникс, возродившийся из пепла,
и ветерок, ворвавшись в юный город,
в раскрытых окнах занавески треплет.
Ещё машин не слышно и прохожих,
на кумачах горят слова святые,
и застарелой раною тревожат
у Вечного огня цветы живые.
Встречая день, не забывайте, люди,
метели злой, что над Россией дула,
когда страну чеканисто разбудит
торжественная поступь караула.

Ветеранам

Свой долг они отдали до конца:
ни совести, ни чести не предали.

Потёртые на кителе отца
поблескивают орден и медали.
Он стал ему велик и мешковат,
свидетель той войны и славы вечной,
но как-то приосанился солдат,
накинув китель на сухие плечи.
В ноябрьском, окровавленном снегу
ты выстоял под матушкой-Москвою...

Благодарю, Создатель, что могу
обнять отца и нынешней весною.

2004

На могиле отца

Рывкнув зверем, застыла машина.
Над гольцом в синеве облака.
По откосу тропа на вершину,
а внизу, между падеи река.

Здравствуй, папа!
Давно я здесь не был.
Закурю, хоть лет пять не курил.
В Забайкалье бездонное небо,
всё такое же, как ты любил.

Летом Шилка всё так же ленива,
но весной, сбросив панцирь из льда,
скалы рвёт.
Я мальчишкой сопливым
в первом классе приехал сюда.

Забывал на реке о науке,
и визжал от испуга, когда
поднимали отцовские руки
над урезом, где билась вода.

Ночи сеяли звёзды в затоне,
тлел, мерцая, костёр у ключа,
точно так, как у бабушки в доме,
под иконой мерцала свеча.

Мы ловили у берега раков,
запекали в огне, а потом
ели красные шейки со вкусом,
запивая парным молоком.

В понизовье сплавлялись с тобой,
мимо плыли отроги и сёла,
на прижимах под берег крутой
гнал ты плот, молодой и весёлый.

И глазами небесной лазури
ты глядел на роскошества лета,
в междуречье казачьей Даурии,
где туманом одеты рассветы.

Звёздный купол тебе был открыт
самодельным стеклом телескопа,
как Лаплас, на меня был сердит,
если я что-то, где-то прохлопал.

А сейчас на гольце, между гор
я стою у чугунной решётки
и смотрю на бескрайний простор
горизонтом очерченный чётко.

Воздух свеж на скалистом столпе,
запах травный пронзительно тонок.
Я с тобою, как прежде, ребёнок,
потерявшийся где-то в толпе.

Орден твоих не оторвать
от гранитной плиты за оградой.
Мы с тобою увидятся рады,
жаль, не можем теперь поболтать.

Вечер летний от зноя устал,
солнце где-то за лесом укрылось,
ты когда-то лежать здесь мечтал,
и мечта твоя, кажется, сбылась.

Слава Богу, что ты не один,
рядом те, кто осилил эпоху,
кто в строю боевом до седин,
до конца, до последнего вздоха.

Широко Забайкалье твоё,
и прекрасно, как в детстве, не скрою,
вам вечерняя птица поёт
в тишине, поминая героев.

Ну, а мне бы успеть привести
внуков-правнуков выросших – к деду,
и наглядно до них донести
смысл великого слова «Победа»!

До свиданья, отец, не грусти!
Я в свои возвращаюсь пенаты,
что не часто бываю, прости,
перед совестью не виноват я.

Ты сейчас между звёзд, в тишине
созерцаешь небесную ниву.
Там, конечно безумно красиво,
как у нас на Югре по весне.

2012

НИНА
ЛЕКСИНА

Нина Ивановна Лексина родилась в Тетюшском районе Татарской АССР. Окончила Тетюшское педагогическое училище и Казанский педагогический институт (историко-филологический факультет).

Член ЛИТО «Замысел» г. Нижневартовска. С 1990 года по настоящее время преподаватель русского языка и литературы в Нижневартовском нефтяном техникуме. Очерки, статьи, рассказы и стихи печатались в городских, региональных изданиях Тюменской области, Татарстана и региональных изданиях, в альманахе «Эринтур», литературных сборниках.

Автор поэтического сборника «Верю в Твою Благодать» (2018 г.), сборника рассказов «Живый в помощи» (2019 г.).

Лауреат Международного литературного фестиваля «Серебряный луч», Лауреат регионального конкурса в области литературы «Книга – 2014» (г. Тюмень), дважды Лауреат Всероссийского конкурса «Под Российским флагом в номинации стихи и проза (г. Москва).

Живет в Нижневартовске.

ДЕДУШКИНА КУЛЬТЯ

*Памяти деда, Силантьева Ивана Семёновича,
ветерана Великой Отечественной войны.*

– Девчонки, марш на печку: дедушке надобно раненую ногу лечить, – коротко приказала бабушка Катя мне и сестрёнке Танюшке. – И занавеску на печке задёрните – тут вам смотреть нечего...

Не подчиниться было нельзя, поэтому мы быстро оказались на лежанке.

– Тань, а как это бабушка будет деду ногу лечить, у него ведь её нет? Он же на войне её «оставил»?

– Не знаю, – ответила она и тут же нашла себе занятие.

А я никак не могла понять, как это бабушка будет деду «лечить» ногу, если ноги-то нет, а вместо неё пристегнут протез, которого все дети в деревне боятся. Нет, тут что-то не так...

Бабушка на самом деле умеет лечить людей, и я с интересом всегда за ней наблюдаю, потому что мечтаю стать врачом, когда вырасту.

Теперь мне непременно хотелось увидеть, как бабушка будет «лечить раненую ногу».

Но вести наблюдение мне мешала печная занавеска.

Может, попроситься на улицу под любым предлогом, тогда всё в окно и увижу? Но как послушаешься – нельзя... И на улице сегодня холодно, сыкотно, хотя конец апреля, да и вечер уж близится. Что же делать-то?

И тут, подвинув подушку, заметила я внизу на занавеске дырку, маленькую такую...

Не медля ни минуты, я сунула в дырку мизинец, потом – средний палец, крутанула им в дырке несколько раз – готово! И – замерла: а вдруг дедушка и бабушка заметили? Но они были заняты своим разговором. Оглянулась на Танюшку: она спала в обнимку с котом.

Любопытство разбирало меня всё больше и больше.

Прильнув глазом к дырке, будто это была подзорная труба, я увидела деда, сидящего на кровати. Дед мой вовсе не похож на деда: бороды он никогда не носил, а только чапаевские усы, щёки чисто выбриты.

Широк дед в плечах. Никогда не сутулится и не горбится, «прямоспинный», как говорит бабушка.

На нём полосатая рубашка-косоворотка, ворот расстёгнут, и на широкой груди медный нательный крестик кажется детским.

Он был в светлых кальсонах, обе штанины были подвёрнуты выше колен, и мне показалось, что обе ноги у него были на месте.

Но почему тогда протез лежит рядом, на полу возле кровати?

Полностью видеть его ноги мне мешала бабушкина спина. Я ждала, замирая от страха быть замеченной.

– Эх, Ваня, Ваня, пятеро сыновей у нас с тобой, а только вот где они? – Город забрал... Были бы они с нами, не насадил бы ты свою бедную ногу, забор поправляя, – со слезами в голосе участливо говорила бабушка Катя.

– Лето уже скоро, до отпусков рукой подать – съедутся, помогут.

Крышу на сарае перекрыть надо. Да сенокос начнётся, как крутая гора. Что-то силы совсем поубавилось, Катюша, а тут ещё подвела культя... – сокрушался дед.

Он морщился от боли, сжимая руками края железной кровати, а бабушка тихонько всхлипывала, приговаривая: «Ироды, что сделали, ироды...»

Мне не терпелось поскорее увидеть раненую ногу, которую дед называл почему-то «культёй». Тут бабушка резко повернулась вправо, чтобы взять травяной настой и мазь в банке, и я едва не вскрикнула: у деда левой ноги, чуть ниже колена, совсем не было, а вместо неё – страшный, бледный обрубок, но с багровыми рубцами и кровавыми мозолями.

Так вот она, культя...

Я отпрянула от занавески, не в силах осмыслить до конца, что же произошло там, на войне, с моим дедом, но в то же время чувствую, что совершилось что-то страшное, непоправимое, если плачут даже взрослые люди.

Сердце моё бешено колотилось, зубы стучали, я кусала губы и пальцы, чтобы не закричать, не расплакаться вслух.

И зачем я только подглядывала?

На другой день в моём классе был урок чтения. Учительница, Анна Петровна, дала мне задание: прочитать рассказ о черномор-

ском матросе-герое Шульге, потому что «Родную речь» я всю прочитала ещё до школы.

Прочитав рассказ, я стала смотреть в окно, в школьный сад.

Серый, слякотный день. Ветки деревьев ещё голые, но почки уже набухли, вот-вот проклюнутся листья. А вон клён изувеченный: самая большая ветка сломана и валяется в стороне, оттого дерево кажется кривобоким.

Вчерашняя история с «культёй» живо припомнилась и не шла у меня из головы.

Бедный дедушка! Надо ещё больше любить его и помогать по хозяйству.

Анна Петровна спросила меня: «Ну что, прочитала рассказ? Так что же такое война?»

Вопрос застал меня врасплох, и, встав, я выпалила: «Война – это дедушкина культя...»

Позади меня хохотнул второгодник Сашка, по прозвищу Батя. Ещё несколько человек засмеялось.

Я села на место и громко, навзрыд, заплакала. Рекой лились мои вчерашние невыплаканные слёзы.

В классе наступила тишина...

Анна Петровна подошла ко мне, положила руку на плечо:

– Не плачь – твой дед живым вернулся с войны. Ты радоваться должна, гордиться им.

И, обращаясь ко всем, тихо попросила:

– Встаньте те, у кого с войны не пришёл дед или ещё кто-то из близких родственников.

Я вытерла слёзы, огляделась: большая часть учеников стояла.

И тогда учительница сказала незабываемые слова:

– Запомните, дети, война – это не только геройские поступки, но это смерть и кровь, раны и увечья.

И ты, Нина, правильно сказала: искалеченная дедушкина нога – это тоже война.

Тогда все снова поглядели на меня, но никто уже не смеялся.

А через год деда не стало: он умер в больнице – на этот раз врачи его не спасли...

Я решила: когда вырасту, стану учительницей.

ТАМАРА
ЗУЕВА

Зуева Тамара Трофимовна родилась 11 марта 1952 года в городе Белогорске Амурской области.

Окончила Благовещеский государственный педагогический институт им. М. И. Калинина, факультет иностранных языков, франко-немецкое отделение.

Печатается в газетах, в региональных литературных альманахах, в коллективных поэтических сборниках. Автор нескольких поэтических сборников. Член литературного объединения «Замысел» города Нижневартовск, член Новомосковского литературного объединения Тульской области.

Член Союза писателей России.

Живёт в Нижневартовске.

Баллада об отце

*И шла война путями торными
В кольце шибящихся трасс...
А облака-то были чёрными.
И это — правда. Без прикрас.
Сергей Островой, 1985 год*

Ни он, ни я – мы были незнакомы.
Июнь сжирала страшная война,
Кружила смерть, цепляясь за погоны,
А я ещё была не рождена.

Угрюмые спускались ниже тучи,
А он во имя жизни на земле
Своих однополчан от пуль колючих
Ташил под рёв орудий в дымной мгле.

Придя к нему девчонкой нерождённой,
Его просила выжить под огнём,
Злодейка-смерть металась разъярённой,
Время костями, как стражница при нём.

Готовилась к прыжку, звеня косою,
Но девочка из будущего шла
С распущенной пшеничною косою,
Пред нею – чистый ангел против зла.

Смирясь, притихнув, смерть ушла погреться,
А он минуты даром не терял,
С бессмертьем рядом и с горячим сердцем,
Спасённых жизни Господу вверял.

Строчили немцы в цель остервенело,
«Капут» не забывая зло орать,
В душе всё клокотало и кипело,
И очень не хотелось умирать...

Он свято верил, что, собой рискуя,
Вдыхал в бойцов живительный глоток,
От храбрости хмелел и, не пасуя,
Как чёрт, был страшен и красив, как Бог!

Чужой язык гортанной речью слышен,
Пришёл незванным в синие снега,
А наш родной звучал всё тише, тише,
И стар, и млад шли, молча, бить врага.

Согнутой костью месяц портил небо,
От гроз свинцовых трескалась земля,
Пугала был, не кануть чтобы в небыль,
От ран стонали русские поля.

Быть может, это в наших русских генах,
Без лишнего героизма – он герой,
Текла отвага у мальчишек в венах,
Страшна была не смерть – страшил покой.

Не допуская мысль о пораженье,
Скрестить солдатам руки не давал,
В ту ночь кроваво-адского сраженья,
Других спасая, смерть переиграл...

Неистово упрашивая время,
Под градом пуль к ней возвращался вновь,
Страх оседлав, затягивал он стремя,
Фонтанить заставляя жизнью кровь.

Игра с костлявой кончилась наградой
В глазах им не оставленных друзей,
Берёзы обступали, дав прохладу,
Средь капель крови маковых полей.

Не потому ли красные поляны
Влекли к себе после войны ребят,
Тот запах трав исповедально-пряный,
Где маки алой памятью горят.

Оглохнув, ночь истерзанная пала,
Пришла заря – дочь ранней тишины,
Кукушка щедро лет накуковала
С укромной беззаботной вышины.

На час ушли войны круговороты,
Заплакал где-то тихо соловей,
Рукой в бинтах крутил сигарку кто-то,
Печаль неслась с обугленных ветвей.

К нему всё та же девочка бежала:
«Я жду, отец!» – был слышен детский крик.
Им встретиться ничто не угрожало,
И хрупкий образ растворился вмиг.

Ни он, ни я – мы были незнакомы,
Пришла, звеня, победная весна,
И жизнь звала в цветущие хоромы,
Чтоб я была когда-то рождена...

p.s.

По лугу весело шагали двое,
Шли под руку, июньский день начав,
И планов новизна кружила роем,
А ветер поднимал пустой рукав.

Хотя им было лет совсем немного,
Мужчину с уваженьем звали «дед»,
Той грозной ночью иней лёг до срока
На голову бойца, и он стал сед.

С объятьями навстречу дочь бежала,
Волос пшеничных золотился цвет,
Вся луговина маками вставала,
Напоминанием суровых лет.

А время быстро мчалось вольной птицей,
Вперёд летело, неизменно ввысь,
А «деду» часто смерть в лохмотьях снилась,
В боях с которой отстояли жизнь!

Моложе, чем я и чем ты...

Они молодыми навеки
Остались за гранью черты
В том прошлом двадцатом веке
Моложе, чем я и чем ты...

Где страшных четыре лета
Смертью грозили живым...
Торопятся мальчики где-то,
В плену оставаясь у зим...

Идти им Вечностью к Маю,
Меж нами сгорели мосты,
Они из войны шагают,
Моложе, чем я и чем ты...

Сыны, убитые войной...

Свобода сильной вольной птицей
Родную землю облетела
И песнь победную пропела
Во все концы, во все границы!

Ушла тяжёлая война
 Далёким маем долгожданным,
 И вешним тихим утром ранним
 Провозгласила жизнь весна!

И разлилась повсюду тишина,
 Устали грохотать снаряды,
 У яблонь пышные наряды,
 Состарила мальчишек седина.

В печальных недождавшихся глазах
 Слеза с надеждою застыла.
 «Вернись», – сыночка мать просила
 С печатью скорби на устах.

А над могилами солдат,
 Навек уснувшими мечтами,
 Над безымянными крестами
 Плакучей ивы грустный взгляд.

А сердце матери всё ждёт
 Цветущей мирною порою
 В лесу, в степи и за горою,
 Когда же сын её придёт!

Сыны, убитые войной,
 Навек остались молодыми...
 Идут, усталые, сквозь зимы,
 Спешат, убитые, домой...

МАРГАРИТА
 АНИСИМКОВА

Мargarita АНИСИМКОВА / ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Анисимкова Маргарита Кузьминична (1928– 2013) родилась 20 апреля 1928 года в г. Ивделе Свердловской области.

Окончила Свердловский государственный педагогический институт (1963).

Печаталась во многих еженедельниках, журналах, альманахах, литературных сборниках.

Автор многих романов, книг прозы, мансийских сказов.

Почётный гражданин городов Ивделя и Нижневартовска.

Заслуженный работник культуры РФ.

Член Союза писателей России.

Лауреат премии Губернатора ХМАО, Всероссийской литературной премии им Д. Н. Мамина-Сибиряка и международной премии «Югра».

НЕВЕРОЯТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВОГУЛА ЕРОФЕЯ АНЯМОВА

(главы из книги)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПАРОВОЗ

Перемены, связанные с призывом в армию по случаю начала Великой Отечественной Войны, ввели меня в оторопь. Но я быстро сообразил что к чему и, как многие, отправился громить германских фашистов.

Там, на войне, бывали со мной разные случаи. Стоит признаться, что при всей моей смекалке, ловкости и хитрости лиха я хватил немало, но, благодаря Торуму, остался жив. От взрывов снарядов, огня и пожарищ, когда, казалось, земля смешивается с небом, из головы вылетели многие приключения. И только по прошествии лет, ко мне мало-помалу воротилась память.

Вспомнил, что, увидев первый раз паровоз, я побежал по рельсам, как напуганный олень. Не знаю, сколько времени бежал, но помню, что поднялся сильный ветер. Скорее всего, он прилетел из наших мест, и по-свойски подхватив меня, забросил на крышу одного из вагонов.

Лежу я на крыше, гляжу на небо. Облака плыли, как мне показалось, в нашу сторону. Так хотелось вскочить на облако, но я не смог. Паровоз бежал, фыркал дымом, рельсы грохотали, и у меня в голове стоял шум.

Вдруг увидел: в небе летят большие чёрные птицы. Я таких от роду не видел – самолётами называются. Вижу: из них чёрные яйца на землю посыпались, бомбами называются. Только успел подумать: как будет в воздухе птенцы выпариваться?

А чёрные-то яйца коснулись земли, да как бабахнули! Затряслась земля, загорелись деревья и травы.

Я успел вскочить на летевшую к крыше вагона бомбу и закричал: «Поворачивай, дура, обратно!» Она и полетела за самолётом, да как даст со всей силы по крылу, оно и переломилось, а я обхватил бомбу руками и кричу: «Догоняй другую чёрную птицу!» – и начала бомба догонять и сбивать самолёты.

С высоты вижу: паровоз остановился, стоит на рельсах, пыхтит, пары пускает, а сдвинуться с места не может. Я подлетел на бомбе (заряд-то успел выбросить!), прицепился тросом за трубу паровоза, и потащил его по рельсам. Тут опять подхватил меня ветер, оттащил в сторону, и очутился я сидящим на дереве. Дерево незнакомое: на нём вместо шишек кедровых красные шарики растут – яблоками называются.

Я их никогда не ел, но голод не тётка – попробовал. Понравились. Так на том дереве просидел я дней пять в раздумьях, а потом пошёл искать паровоз.

Увидев меня, машинист стал просить сесть вместо него, и вести паровоз дальше к фронту, но я наотрез отказался.

ТЫНЗЯН

Признаюсь: я мало что помню о военных событиях. Их было так много, и таких кровопролитных, что страшно рассказывать маленьким детям. Я умудрился выбросить их из своей головы, но кое-что помню.

Вспоминается мне переправа через реку Днепр, такую же могучую, как наша Обь. В ту пору я служил в разведке. Задание дали: во что бы то ни стало достать «языка»! Я, не раздумывая, ударился головой о колесо пушки и тут же превратился в селезня. Плыл днём, нырял, старался попадать под гребни волн, и к вечеру доплыл до вражеской стороны.

А немчуры там было, как комаров на болоте. Всё высмотрел, запомнил, что надо. Вернулся к своим, доложил всё чин по чину. Не забыл сказать, что по берегам растут камыши выше человеческого роста.

Ночью с группой разведчиков переплыли реку, затаились в камышах. Я смекалистый, помню, как арканом ловил в стаде

олений. Недолго думая, достал из кармана нож, нарезал травы, и стал плести из неё верёвку с петлёй на конце. У нас дома её тынзяном зовут.

Как только стемнело, я с товарищами, раздвигая камыш, пополз к передовым позициям противника. Ползу, тащу за собой сплетённый тынзян. Земля мокрая, камыши сырые. Вся одежда промокла, но об этом солдату думать некогда.

Видим – костёр горит, немцы возле него греются, по-своему что-то лопочут, у всех пулемёты в руках – не подойти. Стрельба начнётся – тогда дело провалено.

Я присмотрелся к пузатому фашисту, который стоял ближе всех к камышам, размахнулся со всей силы, и бросил тынзян. Просвистев в воздухе, он опоясал толстобрюхого фашиста. Тот с перепугу только крикнул, задёргал ногами, а я его к себе поволок, натолкал ему в рот травы и потащил. Тут и товарищи подоспели. Притащили «языка» в штаб.

Вскорости наши орудия открыли такую стрельбу, что дым пожарац закрыл всё небо. О заарканенном мною «языке» долго говорили на передовой, искали находчивого солдата, но я человек скромный, об этом никому не рассказывал. Вот первый раз перед вами только обмолвился.

На фронте и не такое бывало!

СТРЕЛА ИЗ КАРМАНА

Как известно, на войне нет времени путешествовать, но я иногда превращался в какое-нибудь животное или птицу и совершал небольшие путешествия, хотя это было небезопасно, к тому же надо было соблюдать воинскую дисциплину.

Однажды, когда мы уже выгнали захватчиков с русской земли, победоносно освобождали страны Европы, я шибко затосковал о родном крае. То ли в Румынии, то ли в Венгрии я услышал в небе гогот гусей и догадался: летят они на мою родину. Не раздумывая, ударился головой о землю, обернулся гусем и прибил к стае. Долго летели, на озёрах отдыхали, кормились, а я всё дивился: как далеко наша северная сторона! И вдруг меня будто молнией ударило: как же я посмел передовую оставить? У меня от страха, даже все перья с груди выпали.

Как там без меня обойдутся? Ведь скоро надо брать Берлин!

Полетел обратно. А там такие бои! Самолёты бомбят, танки грохочут, пушки, пулемёты строчат безостановочно, крушат всё на своём пути. Я кружу в небе, своих товарищей найти не могу. Пушечный снаряд перебил мне крыло. Я потерял силу, начал снижаться и ударился головой о гусеницу танка, сразу стал Еремеем Анямовым. Ту и подхватили меня товарищи.

Опомнился, огляделся вокруг, а впереди большущий город – дома похожи на горы. Из окон строчат пулемёты, бьют зенитки, пламя и дым, стоны и крики: «Рейхстаг, рейхстаг!» – слышу со всех сторон голоса. Не знал я, что это главный дом в Германии.

А пулемёты с крыш строчат не переставая. Ниоткуда к ним приступа нет. Тут и вспомнил я про костяной наконечник от своей стрелы, сделанный из дерева моего зуба. Засунул руку в карман, нащупал, и, не знаю – откуда, там оказался мой охотничий лук. А из лука я стреляю без промаха! Прицелился, и, пущенная стрела начала валить наповал всех пулемётчиков, засевших на крыше рейхстага. Скоро смолкла стрельба. Все закричали «Ура!» – и я тоже. Не мог же я хвалиться, что это была стрела, сделанная из моего зуба. Не такой я человек.

ВОЛОСЯНАЯ ДОРОГА

Не все, наверное, знают, что по вогульскому поверью из волос с головы можно выстроить дорогу хоть к Торуму, хоть в Нижний мир.

– Я на всякий случай сберёг клочок волос, когда дрался с шаманом Прокопкой. Меня ведь, как и всех новобранцев, призванных в армию, обрили наголо. Плакали мои волосы! Но я умудрился взять с собой крохотный пучок, про который давно забыл. Оказалось, что мои волосы пригодились.

Война уже шла к концу. Немецкий рейхстаг полыхал, пламя добралось до купола, тучи дыма закрыли небо. Все жили ожиданием – увидеть поднятое над рейхстагом Знамя Победы!

Глаза у меня всегда были зоркие. Я первым увидел, как карабкаются с этажа на этаж под градом пуль наши бойцы со знаменем в руках. Нащупав в кармане клочок волос, срезанный

ножом возле правого уха, сплёл из них еле заметную волосяную нить и, размахнувшись, набросил её на купол рейхстага, а другой конец попал в руки солдату. Схватившись за мою волосяную дорожку, боец быстро перелез на этаж, а другой конец бросил товарищу. И так по невидимому канату из моих волос рядовые солдаты Егоров и Кантария добрались до купола и водрузили там красное полотнище – Знамя нашей Победы!

Громкоголосое: «Ура-а-а!» содрогнуло воздух, пальба орудий изрешетила небо. Над головами одна выше другой летали солдатские фуражки, пилотки, шапки. Я тоже подбрасывал в небо свою фуражку с красной звездой. Вдруг она очутилась возле моих ног вместе с волосяным канатом. Я сдуру этот волосяной комок, обгорелый и измазанный копотью, чуть было не бросил в огонь, но вовремя спохватился – ведь надо было возвращаться домой.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Незадача, конечно, вышла: на парад Победы я опоздал. Кажись, много молока выпил, брюхо заболело. Когда оказался в Москве, даже испугался: народищу там, как мурашей в муравейнике. Пожалуй, больше, чем деревьев в нашем бескрайнем Елизаровском бору.

Дошёл до Красной площади, когда маршал Жуков мимо меня на белом коне проезжал. Я только успел ему честь отдать.

Иду по площади, задумался и вдруг слышу: «Рядовой Ерофей Анямов, подойдите ко мне!» Сами понимаете, удивился. Кто меня в Москве знает?

Иду и вижу: сам Клементий Ефремович Ворошилов возле Кремлёвской стены картошку окучивает. Я глазам своим не поверил, а он мне машет рукой. Подхожу.

– Чё, солдат, на парад опоздал? – спрашивает. Я боюсь на него взглянуть. Знаете ведь, кто такой Ворошилов. Товарищ Ворошилов – народный комиссар...

Я чётко ответил:

– Так точно!

А он мне:

– Ничё. Парадов ещё много будет. Главное – фашистов разбили. С Победой тебя! Откудова родом?

– Из Сибири, – ответил, – с Югорской земли.

Ну-у-у-! – потянул, – сибиряки – народ добрый.

Поднял голову, взглянул, а он стоит весь в орденах и ремнях, как наш колхозный жеребец, и спрашивает:

– Ты картошку окучивать умеешь?

– Запросто – бойко ответил я и хотел уже взять из его рук тяпку, но он не позволил. Поставил тяпку возле Кремлёвской стены и говорит:

– Пойдём, солдат, к Сталину чай пить.

Я испугался, слова сказать не мог, только головой кивнул в знак согласия. И повёл меня Ворошилов к самому Сталину чай пить...

Ну, тут уж прямо систый смех!

В ГОСТЯХ У СТАЛИНА

Всем известно, человек я не трусливый, но когда согласился с Ворошиловым к Сталину идти чай пить, напала на меня оторопь: коленки подкосились, ноги задрожали, но я виду не подаю.

Идём, разговариваем, подошли к кремлёвским воротам. Везде часовые стоят. Ворошилов говорит им:

– Это рядовой Ерофей Анямов, с ним к товарищу Сталину чай пить идём, – а сам меня вперёд себя в кремлёвские ворота толкает... Я в Кремле не бывал, дороги не знаю. Нашупал в кармане волосяной клубок, бросил впереди себя, он пополз по ограде, по настилу, по ступенькам. Клубок-то маленький, никто, кроме меня, не замечает. Возле дверей Ворошилов догнал, запыхался, пот со лба вытирает. Постояли немного. Тут Ворошилов нажал какую-то пуговку, звонок послышался, дверь сама распахнулась.

Впереди коридор длинный, по нему ковровая дорожка тянется, по сторонам солдаты стоят, не шелохнутся, как неживые, только глазами моргают. Идём, под ногами половицы скрипят. Тишина. Только слышно, как бабы по машинкам пальцами тычут.

Заходим в большущий кабинет. Стол длинный, и стульев полно – сосчитать не успел. Вижу – за столом человек сидит. Я сразу узнал Сталина – столько портретов висит везде! Сидит трубку курит, дым кольцами пускает.

Ворошилов так запросто говорит ему:

– Вот привёл тебе рядового Ерофея Анямова – рыбака, охотника из Сибири.

Я отдал честь, смотрю на стол, чайник стоит, а даже куска хлеба нету. С чем чай пить? Я достал из кармана червонец, подал Ворошилову. Он сразу смекнул чё к чему – побежал за хлебом.

В это время Сталин встал из-за стола, стал прохаживаться по кабинету от стены до стены. Ходит, курит, сапоги блестят, и спрашивает:

– Это из ваших рек привозят мне сосьвинскую селёдку?

Я обрадовался, закивал головой:

– У нас не только в реке Сосьва, но и в Лозьве водится такая серебряная рыбка! Этакая вкуснятина! Царская рыбка!

Он хотел ещё о чём-то спросить меня, но в кабинет, захавшись, вошёл Ворошилов. Видно, ему хлеб дали без очереди. Сели, стали пить чай. Горячий чай смородиновым листом пахнет. Я сижу, молчу и чувствую – Ворошилов меня локтем в бок тычет. Я ничего понять не могу, он приклонился к уху, шепнул:

– Уходить пора. Скоро все генералы к Сталину собираться станут.

Я пыливый, сразу встал из-за стола, распрощался со Сталиным. Он руку мне пожал. Так и расстались. Я дух перевёл только, когда оказался за кремлёвскими воротами. Сам не знаю, от чего меня пот прошиб!

Ну, прямо, систый смех!

ОРДЕНА В КОРОБКЕ

– Потому как я храбро воевал, – моим наградам нету счёта! Все они у меня в коробке в охотничьей избушке лежат, – говорил Ерофей, когда видел у возвращавшихся с войны мужиков грудь в орденах.

– Вы же не знаете, какие они тяжёлые! Мне их сам Михаил Иванович надевал, когда я в Кремле был. В тот день, простив-

шись с Ворошиловым, шёл я по коридору, всё думал о встрече со Сталиным. Вдруг проходивший мимо небольшой человек с длинной бородкой окликнул меня:

– Рядовой Анямов, приветствую вас!

Я сразу узнал в нём Михаила Ивановича Калинина – Всесоюзного старосту.

– Чё это у вас так мало медалей на гимнастёрке? – спрашивает.

Я сразу не нашёлся что ответить, пожал плечами.

– Пойдём со мной, – сказал Михаил Иванович. Я пошёл за ним. Подошли к двери, обитой железом, он открыл её, включил свет. И вижу я – кабинет длиннющий, а по стенам всё железные шкафы прибиты. Достал он из кармана большую связку ключей и стал открывать шкафы.

Открыл один шкаф, а там ордена с орденами Красной Звезды. Он достал коробку, вынул орден и – бац! Мне прямо на гимнастёрку, и дальше пошёл. Я за ним. Открыл другой шкаф – там орден Суворова. Бац – мне на грудь! И молчком открыл другой. А там медаль «За отвагу». И её нацепил мне на гимнастёрку. Столько навесил наград, что я еле на ногах стоял.

Посмотрел на меня и говорит:

– Это тебе за геройство!

И пошёл по своим делам. Все мои ордена и медали лежат у меня в избушке, в берестяной коробке.

Однажды увидел возле избушки сороку. Сидит она на ветке, а в клюве у неё что-то блеснуло. Пригляделся, а это медаль «За храбрость!» Вытащила, воровка из коробки и летает.

Я как заорал: «Отдай, воровка главную солдатскую награду!» А она поднялась на крыло и полетела. Я – за ней, думаю: обронит куда-нибудь в болото или озеро. Разве найдёшь? Стрелять в воровку хотел, да жалко её. Сороки в наших краях редкие гости. Кричу ей: «Клади медаль на кочку или пристрелю!» Она, видать, поняла: залетела в сосновый бор, бросила медаль возле пенька, а сама потерялась из виду.

Взял я ту медаль и опять положил в коробку.

МИХАИЛ РЯБИЙ

С 65-летним юбилеем!

Рябий Михаил Михайлович родился 22 ноября 1954 года в городе Комсомольске-на-Амуре Хабаровского края.

Окончил филологический факультет Комсомольского-на-Амуре государственного педагогического института (1976). Кандидат филологических наук (1993).

Автор более 120 публикаций, в их числе статьи о творчестве писателей Югры. Автор пяти книг по литературоведению, критики.

Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Член Союза писателей России.

Лауреат Всероссийской литературной премии «Югра» в номинации «Литературная критика», Всероссийской премии имени Мамина-Сибиряка.

Награждён почётным знаком и медалью «За заслуги перед малочисленными народами».

В настоящее время живёт в селе Купанском.

Не добежав до амбразуры,
Упал солдат – хватило пули,
И вечер был дождливо-хмурым,
Когда его земле вернули...

Над ним не реяли знамёна,
И ни речей, и ни салютов:
Его могила на безлюдье,
И не найдёшь – их миллионы...

Он отдал жизнь ради Победы,
В полку Бессмертном это вспомнят,
Хотя в строю уже не деда,
Но строй, как прежде, крепко сомкнут...

Сердце – лодкой на реке –
бьётся и качается! –
А ты – в гриме, парике
пред людьми кривляешься...
Хватит!
Струны сбереги –
сколько жить останется?
Там, на берегу реки,
может,
и расстанемся...
Что лукавить нам теперь,
брат мой,
неприкаянный?
Человек без веры –
зверь,
иль сосуд
запаянный...

Вспоминая Батюшкова

На лодке надувной
 По океану жизни,
 Чтоб ключик золотой
 В дверной замочек втиснуть,
 Плыву и не тужу,
 Хоть дверь мне только снится,
 И с грёзами дружу,
 Где дом заветный мнится...
 А мир вокруг – вода,
 Да небо голубое,
 А суша, господа,
 Мне будет дно морское...
 И всё же я плыву
 На лодке надувной,
 Хоть чудаком слыву,
 Но Бог всегда со мной!

Собратьям по перу...

Слова согнал в столбец приятель,
 Гонитель их свобод и чувств,
 И долбит мысль за мыслью, дятел,
 Трясёт, давно отцветший, куст...
 Смотрю с тоской на эту муку,
 На живодёров и отлов,
 И скорбно познаю науку,
 Как мир нелеп и бестолков...

Из леса слов, колю себе дрова –
 На радость тем, кто ныне правосудье,
 Но коли я – поэт, то есть права
 На тонны вторсырья, а проще –

словоблудья.
 Что ни полено – деревянный перл,
 Поддаст он жару в творчестве немало,
 Ну, а случится, – стих дотла сгорел,
 Зола в печать отдам, чтоб даром
 не пропала!

Заигралось с бездной небо,
 Зазвездилось до утра,
 И осталось без ночлега,
 Будто чёрная дыра...
 Мне в глаза глядит смущённо:
 Ты, дружок, меня прости!
 Головою сокрушённой
 Просит косы заплести...
 Так нелепою работой
 Занимался день с утра,
 Обливался липким потом:
 Вечно с небом маета!
 А оно, ребёнком резвым,
 Упорхнуло из окна,
 Чтоб картину помпезной
 Всё запечатлеть до дна.

Моей собаке

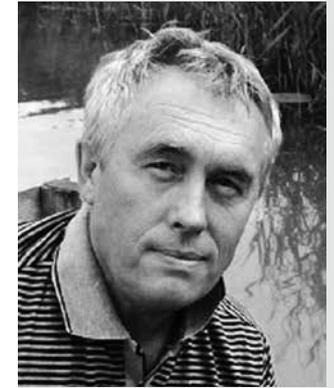
Мой пёс вздыхает тяжело –
 Что видится, что снится?
 В какие дали увело,
 Какие встретил лица?

А я завидую ему:
Он полон сил и страсти –
Недавно суке на пруду
Хвостом вильнул: мол, «здрасьте!»

Я преданность твою ценю,
Порой по шёрстке глажу,
Мечты собачьей на корню
Не загубил ни разу!

В домашнем не вздыхай тепле,
Хозяйничай, повсюду,
А я устроюсь во дворе...
Хоть так тобой побуду.

Накатило вдруг одиночество,
Неожиданно, как запой,
Ничего в этой жизни не хочется –
И, особенно – быть собой...
К черту всю суматоху явлений,
Жизнь распята опять на кресте,
И не будет, увы, вознесений,
И не вспомнят ни эти, ни те...
Устаёшь от всего огрызаться,
И отбилась совесть от рук,
Даже силы нет нализаться
И не видеть мерзавцев вокруг...
Только пёс мой лизнёт и ободрит –
Он хозяином дышит да ждёт, –
Когда тот на него посмотрит,
И, наверное, что-то поймёт...
И собаку рукой погладив,
Ощутишь, что не так одинок,
Что даётся не всё Христа ради,
А затем, чтоб понять себя мог...

ВЛАДИМИР
КВАШНИН

Дебют в Эринтуре

Владимир Александрович Квашнин родился 1 августа 1958 года в посёлке Саранпауль Берёзовского района Тюменской области. Окончил Тобольский рыбопромышленный техникум по специальности ихтиолог-рыбовод, Тюменский государственный университет по специальности биолог-охотовед.

Печатался в журналах, альманахах и литературных сборниках.

Автор сборников стихотворений «От сердца – к сердцу» (2014), «Синегорье» (2019).

Лауреат Международной литературной премии им. Игоря Царёва (2014), победитель Международного Конкурса «Север – страна без границ» (2014), Международного литературного конкурса «Лохматый друг» (2018), Лауреат премии в номинации ПОЭЗИЯ литературного портала «Изба-Читальня» (2018).

Живёт в п. Саранпауль.

БОГОМ ЦЕЛОВАННЫЙ

*Промысловику-охотнику
Роману Семяшкину посвящаю.*

Есть, есть ещё на земле Югорской места родниковые, где Испокон веков люд жил и живёт от реки да от леса. Она – земля родимая – кормит здесь человека, а не власть копеечная. И хотя богаты недра земли нашей, только местному-то человеку, увы, никакого прока от этого нет, а то, что иноземец нашим газом греется, на нашем газу ездит, а мощна чья-то там тучнее прежнего становится, так что тут сказать – и слава Богу, и на здоровье. Не хлебом единым и тем паче не мощною жива ещё Сибирь-матушка, есть, скажу я вам, кое-что и поважнее.

Вот смотришь порою хрустальным-то утречком с яра-пристаньки на дали синие, сентябрём расписанные, да на горы дальние белоснежные, и так иной раз сердце-то ёкнет, аж слеза наворачивается. И кажется, что прямо под Богом раскинулся край наш Ляпинский с одним селом, в полторы тыщи душ, да таёжною волюшкой на все четыре стороны. А возьми-ка, к примеру, жителя городского да нахрапистого, так ведь в большинстве-то своём и не знает, сердешный, даже соседа по лестничной площадке, не то что по дому. Вот, а вы говорите – корни. А нашего спроси, так он не то что про своего прапра, а и про чужого все его три колена со всеми их вывертами назовёт. И каждый-то на селе знает каждого, и шутку-то любят, и словцо, крепкое да острое. И через одного да у каждого к имени прозвище имеется, потому что Серёг да Вань много, а вот Серёга-грузин или Ваня-барабан – на всё село по одному.

Ну и живите и здравствуйте, милые моему сердцу люди добрые! Это, как говорится, присказка, а сам сказ-то ещё впереди...

Романыча на селе народ знает как человека спокойного, рассудительного, весёлого и, главное, незлобивого. И вот ведь тут, что самое-то интересное, если больше чем у половины жи-

телей, а это в маленьких поселениях наблюдается повсеместно, имеются всякого рода клички и прозвища, то Романыч – только Романыч, и больше никак, настолько цельной души человек. А ведь прозвища-то порою и обидные бывают, это, как родимое пятно – приклеится с детства и, считай, на всю жизнь сургучинка. Ещё деревенская повитуха, когда он родился, сказала его матери: «Это ж надо – в рубашку да на два раза пуповиной бантиком перевязала его безнося, а он – вот он! Жив-здоров! Не иначе как Богом целованный!» Посмеялись все на радостях-то, да вроде, как и забыли. И рос да рос себе мальчонка, не хуже и не лучше других. А тут как-то одну зиму, помню, снегу навалило, ну ни пройти ни проехать. А у ребятишек в эту пору одна забава – а с конька крыш в сугроб сигать! Ох, как дух-то захватывает, аж до визга, да и себя вроде как трусишкой показать-то не хочется, так что прыгали все – и мальчонки, и девчонки. Прыгнул и наш Ромка, так штакетина-то, представьте, под фуфайчонку сзади и вошла пикой. Вот тогда и вспомнила матушка-то Ромкина – тетя Катя – слова ведуньи старой. И не раз за 48 лет его жизни приключалось с ним всякое, на грани, так сказать, «дефолта», а ведь всё легким испугом отделялся. Вот так к пятидесяти годам и состоялся наш простой русский мужик, коренной сибиряк – Роман Романыч.

Ростом – не высок, статью поджар, жилистый, скор на ногу, с чистопородными, то бишь – здешненародными чертами лица. Как и все в деревне, работал он в зависимости от сезона – летом сено ставит на лошадь да двух коровок, осенью рыбу ловит, шишку-ягоду собирает, зимой пушнину промышляет. А иной-то работы боле и нет: ни казённой, ни колхозной. А всё – рынок, как сказывают глобалисты-экономисты: сейчас он правит миром. О, как! Всю-то жизнь считал Романыч, что труд правит, оказывается – рынок. А кто и что на этот рынок принесёт, не изготовив или не вырастив, а, глобалисты-экономисты? В общем, чем дальше думал Романыч, тем больше запутывался. Однако держался по жизни своей линии: как потопашь – так и полопашь.

Табакон мужик отродясь не баловался, выпивал горькую только по праздникам да на свадьбах и то, как говорится, для куражу, чтобы двухрядка в руках пела, а не кирпичом

висела. Правда, была у него одна черта характера, которую он старательно скрывал от всех, даже от близких, потому как уж больно её стеснялся. Какая? А такая. Вот вроде и охотник до мозга костей, и зверобой, и лисятник, и соболятник, а на мураша-труженика наступить не может! Мышку дома по настоянию жены поймает, а на улице возьмет да и выпустит, про себя думая: «Не я тебе жизнь давал, не мне и отбирать!». На улице оглянется по сторонам – и на столб – кошку спасать. Без лишней надобности талинку не срубит и ветку не сломит. Вот такой парадокс в мужике. Жалко, говорит.

А ведь Боженька и впрямь его любит, вот любит и всё тут! И жену, спутницу верную да работающую выделил, сына послал, и двух дочек-кровиночек, послушных да ласковых. Ладно бы, так ведь старшая-то дочка ещё и замуж вышла, и зятя доброго в дом привела, и, что самое-то светлое, внука-богатыря они ему родили! Живёт большая семья в большом, его руками рубленом доме, дружно и весело, обдумывают вечерами, как второй дом молодым построить, да и здоровьем вроде как не обижен, так чего ещё желать-то?! Живи да радуйся в заботе да ласке. Вот и живёт наш Романыч с собой в согласии, по совести, да трудами своими. А коли на дворе конец ноября и декабрь на носу, то и работа у него на сегодня получается одна – промысел, проще говоря – охота.

Вот представь, дорогой читатель: Африка, сафари, джип, штуцер 8 калибра, восемь помощничков с каждого боку, носорог. Бум-бум! Карашо? Гуд! Это охота? Охота! – говорят.

А вот другая ситуация: Сибирь, декабрь, мороз, ну пусть хоть под 30-ть, путик с капканами 15 км. Лыжи. Вышел из зимовья в темноте в 8 утра и зашёл в той же темноте в 8 вечера. Охота? А? Вот то-то и оно... Это, скорее, работа. Трудная и опасная. А если и охота, то самая что ни на есть настоящая, промысловая, на своём поту, своих ногах, а порою и крови. И напарник надёжный в этой охоте – первое дело. А его накануне отъезда на промысел срочно вызвали в Ханты-Мансийск на аттестацию, будь она неладна. А так как он человек

государев, от казённого ведомства, то собрался в пять минут – да и на вертолёт. Столько вроде было споров, сборов, разговоров об охоте и – бац! Натё – один. Но Романыч – человек настырный, решил, как отрезал: один, так один! Не раз приходилось и одному осеневать, бывало и по два месяца, кроме верных лаек, ни одной души рядом. Заправил с утраца свой старенький «Бурашек», как ласково он называет снегоход ещё того, советского, выпуска, прицепил сани-самоделки со скарбом, попрощался с родными, перекрестился на родные ворота – да и тронул. Собачек, первых помощниц своих, не взял, так как снега уже много, а по лыжне бегать, да харч проедать ума много не надо. А надо сказать, что ехать ему на свои уголья по реке (благо застыла по морозам) – далекононько будет, считай за сотню вёрст. Так ведь сам себе в предгорьях Уральских уголья и выбирал, никто, как говорится, не неволил.

Вот, кажется, чего проще – на охоту уехать. Ан нет, дорогие мои, тут особая, так сказать, песня. И снегоходы в полыньях топили – река-то горная, своенравная, и сани, а на них... Ладно бы рюкзаки-спальники там какие, а собачки привязаны, так в воду, вместе с санями... Сам-то ещё скатишься, да отползёшь, а вот... А в наледях сколько мучений. Благо, по всей реке избушки да балаганы рыбацкие понаставлены. На следующий-то день, конечно, всё добро своё повытаскиваешь берёзовым воротом, да только... Нет, дорогой читатель, что-то я совсем о грустном, давай-ка мы ближе к Романычу.

А что Романыч? Приехал наш Романыч! Ни шатко ни валко ехал, да и ехал с мыска на мысок, где по бережку, где по закраинке полыньи да и приехал на уголья свои без всяких поломок и приключений, и в избушке родимой уже печку сушнячком еловым топил, да чай смородиновый из термосочка попивает.

И надо было видеть, как же они с избушкой радовались-то друг дружке, ну, чисто – мать с сыном. Он – ходит по избе, бревнышки её поглаживает да похлопывает, тенотки смахивает, мох по углам подтыкает да разговоры с ней всякие разговаривает, а она – поскрипывает, потрескивает, вздыхает, словно жалуется да слёзы по стеклу оконному в три ручья льёт, вот как оба-то за год пососкучились...

В остатке светового дня быстренько наладил Романыч свой немудрёный охотничий быт: дровишек напил, водицы с ручья принёс, приготовил ужин, включил приёмничек ВЭФ, тот, советский (сейчас-то все китайские, так китайцев своих только и ловят), лампу затеплил керосиновую и поставил посреди стола бутылочку «Кедровой». Так в думках да раздумках под вздохи родной, всё понимающей избушки и прошёл вечер таёжника.

А подумать есть о чём. Много непонятого стало в окружающей его жизни. Люди, коих знал десятки лет, изменились почти до неузнаваемости. Нажива да корысть в каждом поступке на первом месте стали. Ну, тут каждый сам себе, как говорится, и судья, и ответчик, а свою совесть Романыч прогибать не собирался. Нет, тут другая заботушка его печалила.

Беда ведь с тайгой-то. Ладно бы от Божей искры пожары, так ведь и сами стали поджигать, чтобы осенью самим же и выхлестнуть опалённый кедрач да деньгу заработать. А с животиною что? Пролетят на «Бомбардирах», да на «Ямахах» неизвестно кто по твоим же следам да угожьям, по долинкам кормовым, где лоси-олени зимуют, да всех с одного захода и положат из прицелов лазерных под самую весну-то. Как-то встретил таких – кто, откуда? Не поймёшь – все в масках. Примчались на своих импортных конях через перевалы, спрашиваю: «Откеля будем, сердешные, как отыскиали места заветные?» «А вот – по джипизским», – отвечают. Посмотрел, а это приборчик такой с ладошку, как компас, но – электронный какой-то. А оружия-то у них сколько?! Армию можно вооружить!

А почему такой произвол в тайге? А потому что охраны никакой нет. А ведь была, была егерская-то служба при ругаемой-то власти и всех браконьеров в окороте держала. И лоси к деревне приходили, и куропаток на огородах силками ловили. Сейчас всё это – только в прошедшем времени. Зачем, скажите, люди добрые, сократили всех егерей и охотоведов. Зачем, скажите, убрали препоны нечисти всякой. Можно об этом у губернатора ли, президента ли спросить?

И никак не укладывалось в голове Романыча такая простая мысль: вот, президенты, губернаторы и другое начальство – не из живого ли мира вышли? Так, что ж вы предаёте своих родственников дальних: медведей, глухарей да лосей. Гляньте им в слёзной поволоке глаза: они же вашей защиты ищут.

Много ли времени надо опытному охотнику, чтобы поднять и зарядить капканы на годами хоженым путиках? За одну неделю пустил в работу семь маршрутов, по 15 км каждый. У промысловиков они путиками называются. И даже сподобился поймать пару соболюшек. А в капканном промысле что главное? А чтобы приманки было в достатке. А соболя-то, соболя в этом году!

Идет Романыч по своим сопочкам-притопочкам и душой не нарадуется! Вот что значит – быть в прошлом году, да и в нынешнем, урожаю кедровой шишки – результат налицо! И, слава Богу! Давненько такого не случалось, как-никак это прибыток в дом, а не из него, что чаще всего и бывает у охотников.

Всю неделю стояли ядреные, под 35 градусов, морозы. Вроде и холодно, а снегу подсыпает. Как ни проснётся Романыч, а 3-4 сантиметрика добавилось, уже и по колено, так что пришлось ему вставить на свои лыжи самодельные широкие, лямпами их манси называют, это, в общем-то, для любого охотника-промысловика дело привычное.

Проверив с утра путик и сняв соболя, явно тобольского кряжа, Романыч на всех парусах полетел к своей избушке по проторенной лыжнице. И тут, на заросшей мелким тальником болотинке, его лыжню пересёк осыпавшийся след сохатого. Нет, вы можете представить – осыпавшийся?! Вот тут-то он и задумался...

И потропить вроде как охота, и погода самая та – невзрачная, снежок с ветром, и лицензия есть, а вот со временем не густо: два-третий час, – а в 4 уже смеркается, декабрь как-никак. «А, была – не была, рискну, уже с лета дома ни кусочка мяса. Авось повезёт. В рюкзачке всё необходимое есть – котелок, топорик и оселок, и обойма запасная, ну и спички, так что, если

затемняю, не пропаду», – снимая лыжи, решил Романыч. Пешочком-то скрадывать зверя куда надёжнее – ни скрипа тебе, ни шороха. Ну и пошло-поехало.

А лось как шёл, пощипывая тальнички, так и идёт, и знать не знает, и ведать не ведаёт, что вызвал своей персоной жгучий гастрономический интерес. А тут ещё и снежок загустел – всё в масть, думал Романыч, полукружьями идя по следу. А зверь, он и в Африке зверь, идёт по самым непролазным местам – торфяным буграм, тальниковыми зарослями да гнилыми ручьями. Так проползли они километра четыре, и стало у Романыча закрадываться беспокойство: местность абсолютно незнакомая, а обратно по своему следу, уже задумому на буграх, за-светло выйти не успевают. Значит, надо бросать это дело, найти хоть какой знакомый ориентир, определиться с направлением и топтать по прямой в зимовьё. А снег-то всё гуще и гуще.

Смеркается. И вдруг где-то в подсознании Романыча мелькнуло: а ведь этот распадочек ему вроде как и знаком. «Если по левому рукаву, то выйду на старую оленеводческую стоянку, а значит – выберусь», – думал Романыч. В тупике болота, на котором эта стоянка, должна быть его лыжня, а по ней, как по проторенной тропинке, – и до избушки. «Да, устроил ты себе, Рома, экстрим. Бег, так сказать, с препятствиями под старую задницу... Лишь бы не ошибся, сколь таких вот распадочков в жизни-то повидал», – размышлял охотник, обходя очередное болотце, и замер... Стоит! Стоит красавица! В берёзовом колочке, голову рогатую поднял и слушает. А что услышишь, когда ветер-то уже кнутом насвистывает.

Всякого оружия за свои 48 лет подержал в охотничьих руках Романыч: и «вепри», и «сайги» и «К-44» – «коопзверопромхозовский», а лучше, чем короткоствольный «тигр», который держит уже с 96-ого года, не признаёт – настолько крепкая и надёжная машина. Одного выстрела со 150 метров хватило, чтобы коронованный сохатый подломил колени и рухнул. «Да, действительно, красавец. Ты уж прости меня, волка безродного, что забрал душу твою. Уж так жизнь устроена, милый.

Может, и меня с космоса сейчас кто-то вот так же выцеливает...» – размышлял Романыч, глядя на чёрную горбину носа лесного великана, слепо уставившегося в серое небо индевеющим зрачком.

Ладно. Время. Лирика лирикой, а надо делом заниматься. Когда Романыч выпустил внутренности животного, уже, действительно, темнело. Идея обдирать зверя при отблесках костра, мокрющему от пота, да ещё на 30 градусном ветру, его не прельщала. Как-то сам собой вспомнился рассказ Джека Лондона, как, где-то на Аляске, охотник вот так же добыл лося, и чтобы не замёрзнуть, взял, да и залез в его утробу. Там он вроде как отогрелся, ну, и уснул. А лось-то за ночь застыл, застыли и ребра, которые он свободно раздвинул, забираясь внутрь... Брр... Нет уж... Надо выбирать. И чем быстрее, тем лучше. Завтра приедет на снегоходе и всё сделает красиво, а сейчас только вперёд. Движение – жизнь, в самом, что ни на есть прямом смысле.

И память не подвела старого охотника: уже в сумерках он всё же отыскал стоянку оленеводов и в почти полной темноте вышел на болото, в конце которого было его спасение. Наверное, это болото показалось самым длинным в его жизни. Километр чистого пространства он двигался в темноте, как в тумане, с какой-то внутренней уверенностью, что идёт правильно. Падая и отступаясь, он скорее тащился, чем шёл, вспоминая, как утром в самый последний момент передумал надевать лёгкие сохны – охотничью обувь из кожи, сукна и войлока, – а натянул резиновые с металлическими шипами и капроновыми голенищами бахилы.

Наверное, любой каторжанин прошлого века, посмотрев на него, радовался бы своим кандалам, так как провалившаяся в болото нога на 30-ти градусном морозе моментально становилась пудовой гирей изо льда и снега. Будь он сейчас в сохнях, давно бы уж не чувствовал своих застывающих мокрых ног, а так, подтаскивая поочередно «гири» к ближайшей сосёнке, он с двух-трёх ударов разбивал их и шёл с редкими остановками дальше. В принципе, торопиться уже не было смысла. Сейчас перед ним стояла задача сохранить силы и дойти до своей лыжни. «Даже если будет совсем худо, заползу в лес и разведу

костёр, благо, есть топорик и спички, а там всё в руках Божьих», – размышлял Романыч, с трудом передвигая одеревенелые ноги. И тут он наступил на спасительную твердь своей лыжни.

В полной темноте, оступаясь то влево, то вправо, спотыкаясь и падая, основательно задубев, он прошёл по лыжне ещё шесть километров и сплошной ледяной глыбой ввалился в свою избушку, в которой было ещё относительно тепло. В один присест влив в обезвоженный организм полчайника холодной воды, он снял с лампы стекло и полез во внутренний карман за спичками. В свете налобного фонарика Романыч, наверное, с минуту смотрел на лежащий в его застывшей ладони коробок спичек, тот самый, на который сегодня поставил свою жизнь. А это был не коробок, это была мятая, сырая бесформенная лепешка.... Какой-то горький комок застрял в горле охотника, он даже не мог и вспомнить того момента, когда достал из рюкзака и положил, для пущей надежности, под самое сердце эту коробочку последней надежды. Он благодарил Бога, за то, что не оставил, не бросил на погибель. Кто-то утверждает, что Бога нет. Нет для того, кто в него не верит. А Романыч верил. Верил в высшую справедливость, и ему этого было достаточно, чтобы жить в согласии с собой и окружающим его миром.

Поздний вечер. Уютно посапывает печурка. По приёмнику весело заливаются Надя Бабкина. При жёлтом свете керосиновой лампы Романыч на пялке не спеша мездрит шкурку соболя. На душе его светло и покойно... А за стеною избушки на еловых жердочках лежит аккуратно сложенное мясо сохатого, которое привёз сегодня на своём «Бурашке». Кстати, он никогда не пользовался в лесу санями, а вывозил мясо прямо в лосиной шкуре, снятой вместе с ушами. Сложив куски мяса в шкуру, он зашивал её по животу верёвкой и, продев в ушные отверстия фал, цеплял её за снегоход. Вот так, в одиночку, он и вывозил мясо к избушке из любого бурелома.

Когда он выехал на то самое болото и по своим следам летел на снегоходе к ждущей добыче, то, как человек наблюда-

тельный отметил какие-то чёрточки с боков от своего следа. Такое чувство, будто как прутиками чертили по снегу. «Да, наверное, зацепился в темноте, вот от этого и черточки», – хоть как-то объяснил сам себе Роман.

И откуда он мог знать, что это Боженька, который видит всё и всех, послал ему этого лося. И не самку или бычка, сеголетка какого несмышлёного, которых он, Романыч, и стрелять бы не стал, чисто из-за своей жалости, а девятигодовалого хору, у которого сынов и дочек по всей этой лесной округе столько, что и не сосчитать. Что это Боженька в самый последний момент его переобул, зная, что ждёт впереди. Что это Боженька, видя его тяжёлое положение, отправил ему ангела-хранителя, который и сидел у него на плече, и вёл его по лесам и болотам в полной темноте, и это его крылья чертили по снегу. Что это Боженька с самого рождения помогает ему во всех его, Романа, начинаниях, а он, особо даже и не задумывался о первоисточке своей жалости, а точнее любви ко всему живому. Он просто знал, что всегда будет бережно и уважительно относиться ко всем встреченным на своём жизненном пути и свято верить в высшую, его, Бога, справедливость. Брать от Природы столько, сколько необходимо для жизни, и стараться успеть отдать ей как можно больше.

А снежок всё подваливал, да подваливал, укрывая бескрайние леса тёплой шубой, выдавливая наледи по километровым плёсам реки и радуя своим теплом боровую птицу. «Надо бы в посёлок с добычей выбираться, семью накормить да друзей-соседей мяском угостить. А родни сколько? Пусть понемножку, а – всем». Он всегда радовался, как ребёнок, когда была у него возможность с кем-то поделиться или помочь: рублём, делом, словом. Любому – ближнему, дальнему, воробью или мальку в обсохшей луже...

«Вот только расстояние-то, ох, не пустячное, – уже почти засыпая, думал Романыч. – Ничего, выберусь. Обязательно выберусь, с Божьей-то помощью всё по плечу»... «По плечу, сына, по плечу», – шептала, убаюкивая его, родная избушка.

ИГОРЬ СЕВЕРСКИЙ (КИРИЛЛОВ)

С 65-летним юбилеем!

Северский (Кириллов) Игорь Викторович родился 1 декабря 1954 года в городе Красный Луч Ворошиловградской области.

С 1973 по 1975 года служил в Советской армии.

С 1976 года живёт в Ханты-Мансийском автономном округе. Работал в газете «Нефть Приобья» и в нижневартовской газете «Ленинское знамя» заместителем главного редактора.

В 1987 году закончил Уральский государственный университет, факультет журналистика.

Печатался во многих журналах, альманахах, коллективных сборниках России и Тюменской области.

Член Союза журналистов России и член Союза российских писателей.

«Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа Югры».

Живет в п. Сингапай.

Накануне

Ночь взорвана – броском рассечена.
Как булка хлеба чёрного разломлена.
Всё по боку – что прожито и пройдено –
В судьбе зияет рваная дыра.
Зияет в небе чёрная дыра.
Была звезда и вот её не стало.
Теперь – ты приложение к Уставу
И жить тебе возможно до утра.
Что ж? До утра, так значит до утра.
Ты остальных не лучше и не хуже.
Мощь сочетания: мужчина и оружие
Измерена лишь горечью утрат.

Измерена лишь тяжестью утрат
Испепеляющая горечь поражений.
Но ты в строю и нет иных решений.
Сам чёрт тебе ни сват, да и не брат.
А ты солдат, и за тобой страна.
Она зачухнет без твоей отваги.
Хмельным азартом выброженной браги
Ночь взорвана – броском рассечена.

Ночь взорвана – броском рассечена.
За мной пыхтит надежда человечества.
Нет, нет – не будет мёртвых,
Покалеченных.
Всё впереди: беда, вина, война.

Плач

Над рекой,
На крутояре.
Одинокая берёза.
По весне, на этом месте
Слышно пение капли.

Под берёзой – холм могильный.
 Каска с красною звездою.
 И лишь только пригревает
 В полдень мартовское солнце,
 Как жена о павшем муже
 Плачет старая берёза.
 Той военною порою,
 Здесь на этом крутояре,
 Насмерть взвод стол стрелковый.
 И невестушкой своею
 Звал берёзу парень русый.
 Но зазубренный осколок
 От фашистского снаряда
 Грудь его пробил навывлет
 И застрял в стволе белёсом.
 Так они и повенчались...
 Смертью, вражеским осколком,
 Их судьба соединила.

И как только пригревает
 В полдень мартовское солнце,
 Как жена о павшем муже
 Плачет старая берёза.

К жизни

Эти свадебные сани –
 Две дорожки параллельно.
 Я с любимой – ветер с нами.
 Щёки милые алеют.
 У моей любимой ножки
 В шубу кутаны соболию.
 Мчатся свадебные сани
 В чистом поле,
 В чистом поле.
 У моей любимой очи,
 Будто кто светёлку вымыл,

Да зажжёт огонь поярче,
 Переливами играют.
 Никого на белом свете,
 Только я да ветер вольный,
 Наши свадебные сани
 Мчатся в поле,
 В чистом поле.
 А очнулся – стол холодный,
 Сизый свет идёт от лампы.
 Госпиталь и люди в масках.
 Достают большой осколок.
 Кто-то рядом тихо стонет,
 Кто сквозь стоны шлёт проклятья...
 Ну а где-то в чистом поле
 Сани свадебные катят.
 Льются песни, выются гривы,
 Заливается бубенчик...
 Но откуда вдруг разрывы –
 Ими санный путь помечен.
 Я пытаюсь докричаться,
 Рот натужно раскрываю.
 Как же тут не испугаться,
 Ведь меня там убивают.
 И любимую с гостями,
 Теми, кто пришёл на свадьбу.
 «Мы его, считай, горстями
 Собирали за усадьбой», –
 Это молвил старый доктор.
 Пот сестрица промокнула...
 Что ж, удача и сегодня
 Никого не обманула.
 Продолжает доктор штопать:
 «Этот жить, как будто будет,
 До Берлина сможет топтать,
 Победим, и выйдет в люди.
 У героя мы на свадьбе
 Непременно погуляем».
 Слышу, как вскипает ярость,

Каноида нарастает.
 Доктор остроумно шутит
 Под тяжёлые раскаты.
 Ну, а где-то в чистом поле
 Сани свадебные катят.

Босиком

Босиком по воде,
 По земле,
 По траве...
 По опавшей листве,
 По ребячьей судьбе.
 По болотам за ягодой,
 По камышам
 Пробегают погодки –
 Три крепыша...

А потом –
 В том далёком сорок втором,
 Их по снегу вели
 На расстрел...
 ...Босиком...

А он без усталости ей Пушкина читал

А он без усталости ей Пушкина читал.
 На плавных поворотах терренкура.
 Он пламенно любил литературу,
 Когда-то он её преподавал.
 И было это
 В тесной сельской школе.
 Он молод был, скучал
 И поневоле
 Читал запоем, всё запоминал.
 Затем, военкомат, вокзал, война.

Ранение и медсестра-голуба.
 На уцелевшей чудом сцене клуба
 Собратьям раненым он Пушкина читал.
 Прошли года, остались ордена и седина...
 Целебных вод источник
 Да Пушкина пленительные строчки –
 В них – тайна времени,
 В них – русская судьба...
 А девушка – букетище цветов!
 С такой бы никогда не расставаться!
 И чувствуешь, что сбросил лет так двадцать,
 И в слове каждом властвует любовь...

Она ему внимает чуть дыша,
 За каждый звук могла б отдать полмира...
 И царствует здесь пушкинская лира,
 И к звёздам устремляется душа...

РАМАЗАН
ШАЙХУЛОВ

Шайхулов Рамазан Нурисламович родился 14 декабря 1961 года в дер. Худайбердино Белорецкого района Башкирской АССР в семье известного башкирского писателя Нурислама Шайхулова. Окончил Аркалыкский государственный институт, художественно-графический факультет в 1984 году.

Доцент Нижневартковского государственного университета, кандидат педагогических наук.

Печатался в альманахах и коллективных сборниках Ханты-мансийского автономного округа.

Автор двух книг прозы: «Неоконченный этюд» и «В верховьях реки Зилим». Книга «Неоконченный этюд» была признана лучшей дебютной книгой в 2008 году в Ханты-Мансийском округе.

Член Союза дизайнеров России.
Живёт в Нижневартовске.

ПЕРЕПРАВА

Рассказ

Памяти дяди – Кутлугаллямова Хурмата

«Тигр», лязгая гусеницами, неотвратно приближаясь к траншее, практически в упор расстреливал из пулемётов позиции Хурмата. Пули, улетающие плотными очередями из разгорячённого и бешено подпрыгивающего ППШ, как горох, отскакивали от брони с ненавистными крестами. Танк надвигающейся стеной, медленно, но с какой-то наглой настырностью всё приближался и приближался. Окровавленные пальцы судорожно искали в холодном и мокром подсумке гранаты, но танк уже навис над бровкой, обдавая его солярной гарью. Скрежет железа вперемешку с грохотом чужого двигателя противно оглушали всё вокруг. Всё исчезло, и ничего будто нет во всём свете, кроме застывшего белый свет танка и этого металлического лязга. И тут раздался оглушительный взрыв, и Хурмат, ослеплённый оранжево-синей вспышкой, проснулся.

Опять эти сны... Косые лучи утреннего солнце, пробивающиеся сквозь белые кружевные шторы, обласкав изрытое морщинами лицо, разбудили уже изрядно постаревшего ветерана. Давно не снилось такое...

Стараясь не разбудить жену, растирая раскальвающуюся с похмелья голову, оделся, и, пошатываясь, вышел на улицу. На дворе со всей страстностью бушевала весна. Улицу, по которой ещё недавно с гор неслась талая вода, по всей её длине избородило глубокими канавами. Поток воды ещё не иссяк, и ватага мальчишек отчаянно боролась с этим потоком, строя из снега плотины. Обочина с южной стороны уже подсохла и покрылась свежей зелёной травкой. У самых заборов грязными сугробами таял снег, добавляя в мутные потоки свою долю талой воды. В садах набухали почками черёмуховые и калиновые кусты, всё пробуждалось к жизни, обновлялось.

Хурмат смотрел на весело прыгающих мальчишек, и тихо радовался начинавшемуся дню, вспоминая своё довоенное детство. Прогулявшись у околицы, он зашёл к соседу Фари-

ту. До войны Фарит работал трактористом. С самого детства, как только появились первые трактора, его просто захватили эти мощные машины. И всё им нипочём: и бездорожье, и огромные грузы, и даже крутые склоны местных гор. Он таскал на делянке хлысты из срубленного сельчанами леса, вывозил для погрузки на лесовозы. Фарит всегда почитался селянами, как самый полезный человек: сколько дел мог осилить своим железным конём. Поэтому и воевал он механиком-водителем. Но, вернувшись домой, не смог опять сесть за рычаги мирного трактора. Всё – и запах солянки и рёв мотора напоминало ему о жестоких боях. Поэтому он устроился слесарем в леспромхозовский гараж. Там и проработал до самой пенсии.

Общая тема сближала Хурмат и бывшего танкиста: с ним поговорить есть о чём. Не то что с этой молодёжью. Как фронтовики, они с полуслова понимали друг друга. Оба не любили фильмы о войне, не любили рассказывать об этом в школе, и старались избегать приглашений на устраиваемые встречи с учениками. Только вот так, сидя напротив друг друга за стаканчиком горячительного, они могли обмениваться своими переживаниями об ужасах войны.

Ну вот как бы Фарит, механик-водитель легендарной тридцатьчетвёрки, рассказал бы детишкам, как он при штурме Берлина, подчиняясь приказу, вёл свой танк напролом сквозь толпу простых жителей города. Он всё помнит, помнит вопли, помнит, как даже через толщу металла он ощутил подминаемые человеческие тела. Умом понимал, что другого выхода не было ни у него, подпираемого следующими за ним танками, ни у людей, выставленных гитлеровцами живым щитом. За их спинами трусливо ошетинились автоматчики, скрывающиеся за наспех сооружёнными баррикадами. Приказ есть приказ... Война есть война...

И в тёплые летние дни, особенно ближе к старости, Фарит ходил по дому в шапке, в толстом, грубо вязаном свитере и в тёплых рукавицах. За пять лет войны он так намерзся внутри железной брони, что его уже ничего не согревало. Особенно сильно зябли руки, набравшиеся от железа холода, казалось на всю жизнь. В сенях брякнуло пустое ведро. Это не хозяйка, угадал Фарит.

– Кто там? – спросил громко.

Вошёл Хурмат, ссутулившись, он буркнул:

– Да я это, я, – не рад что ли?

– Как не рад? Проходи, – Фарит прикрыл плотно дверь, – не май месяц...

– Май, май, Фаритка, как же не май, – пролепетал Хурмат, как бы подчёркивая свое не случайное появление у друга.

Сняв рукавицу, Фарит поздоровался за руку, глядя из-под кустистых бровей серыми глазами на своего постоянного собеседника. И без слов поняв состояние соседа, достал из шкафчика початую поллитровку. Он с каким-то особенным удовольствием до краёв наполнил два гранёных стакана. На столе возникли солёные огурцы, грузди со сметаной и крупно нарезанным луком, чёрный хлеб, наломанный неровными кусками.

– Ну, с Победой тебя, Фарит.

– С Победой.

Скупно поздравив друг друга, выпив и закусив, они посидели молча. Каждый погрузился в свою думу. Каждый о своём подумал, своё снова пережил.

Из радио лились бравурные военные марши, вышибая слезу.

– Не могу вспомнить, как вчера с митинга вернулся, – начал Бахытгарей.

– Как это не помнишь? А через Зилим как перебрался? А я забыл, ты же Одер форсировал, что тебе Зилим, – пошутил Фарит.

... Вчера утром деревенские ветераны, вооружившись шестами, направились в соседний посёлок на очередное празднование Дня Победы. Шесты нужны были для перехода через разлившуюся реку Зилим. Летом спокойная и не совсем широкая и шумная, не то, что ниже по течению, река весной затопляла прибрежные луга. И в этом году унесла всё, кроме одного бревна от моста, в сторону посёлка.

К утру река вернулась в свои берега, но, ещё полноводная и бурная, облизывала оставшееся нижнее бревно, перекатываясь мутным весенним потоком. Вот по этому бревну и переходили с берега на берег селяне. Опершись на шест, тихо и осторожно переставляя его по каменистому и скользкому дну реки, балансируя, с опаской по очереди перебрались ветераны на другой берег, оставили шесты на берегу для обратного пе-

рехода. Позвякивая орденами и медалями, прошли через крутую гору и сосновый лес по извилистой тропинке на митинг у пришкольного обелиска.

– Вот хоть верь, хоть не верь – не помню, – сипло увещевал товарища Хурмат, – я уже побывал на берегу. Вода так и не падает. Бревно-то в воде. Как прошёл? Не пойму.

Хурмат вдруг вновь ощутил этот пьянящий запах прелой травы, пробуждающейся зелени, исходящий от прогревающейся зелени по обочинам. Он узнал на противоположном берегу лежащий шест. Он узнал его по свежесоструганной коре с толстого конца под руки. Он долго и недоумённо смотрел на стремительное течение, и скоро показалось, что он вовсе не стоит на берегу реки, а стремительно плывёт на корабле-береге, отчего у него опять закружилась голова и он, испуганно отвернувшись, зашагал к деревне.

– Да, ты же Хурмат не пошёл с нами домой, а завернул к своему шуруну и там, видимо, добавил, – прервал мысли ветерана Фарит.

Только теперь стало хоть немного проясняться. После обязательного застолья в столовой, Хурмат, расчувствовавшийся и уже заметно захмелевший, зашёл к брату своей жены. Хозяева не хотели отпускать его одного, но он расшумелся, мол, жена его потеряет, будет беспокоиться, и, опрокинув стопку «на коня», пошатываясь и спотыкаясь об кухонную мебель, направился домой. Шурин сам уже потерявший почву под ногами, позволил уйти ветерану. Уже в самом конце улицы его догнал посланный хозяевами сын Айрат, худой и долговязый юноша, почитавший своего дядюшку чуть не святым.

На митинге Хурмат не сводил глаз с этого красавца-десятиклассника. Айрат был разводящим школьного почётного караула, в который брали самых лучших учеников. Вот он, чеканя шаг, в белоснежной рубашке, в отутюженных чёрных брюках, в красной пилотке и с красной лентой через плечо, с учебным АКМ, ведёт к обелиску смену караула. Отработанными до мелочей и автоматизма движениями караул становится лицом к лицу, и Айрат, подтянутый, сосредоточенный, отрешённый от происходящего, тихо и чётко командует: «На по-о-ост шаго-о-ом марш!» И, как часовой механизм,

красиво и чётко меняется караул. Айрат опять командует: «С поста шаго-о-ом марш!» Каждый раз Хурмат пытался перехватить его взгляд, улыбнуться и подбодрить его, но юноша был, как и положено, серьёзным и сосредоточенным, никаких лишних движений и эмоций.

Несколько лет назад Айрат написал и отправил на районный конкурс сочинение о Хурмате. Маленький и лопоухий, приехал к ним на лыжах, чинно с ними пообедал и начал расспрашивать о войне, о том, за что дали его дяде орден Красной Звезды.... Сказал, что берёт интервью. Слово-то какое-то неизвестное, но красивое, так себе определил тогда Хурмат, дававший первое в своей жизни интервью. А теперь – вот какой вымахал. Орден его интересует...

Не любил Хурмат этот орден, казалось, что все пять кончиков звезды наполнены кровью его однополчан, что это от крови пролившейся, он такой красный. Официально, как он обычно рассказывал на встречах, его подвиг выглядел так: их подразделение получило приказ – форсировать Одер и закрепиться на другом берегу, обеспечив наступление основных сил; потеряв треть однополчан, они переправились, но там неожиданно появился «Тигр» и стал в упор из крупнокалиберных пулемётов расстреливать наших бойцов; командир приказал Хурмату уничтожить танк, он смог близко подойти к танку и подбить его, а затем огнём из автомата уничтожил всех выскочивших из него фашистов; наши бойцы пошли в атаку. Вот за это и получил он свой орден.

На самом деле, конечно, всё было гораздо трагичнее... Форсирование студёного, разлившегося, бурного Одера, несущего ещё обломки льда и обстреливаемого миномётами, напоминало ад. Ненадёжные, наспех связанные плоты разлетались в щепки от прямых попаданий мин и снарядов, и десятки солдат мгновенно уходили на дно. Студёная вода, мокрое обмундирование с полной выкладкой, оружие затачивали бойцов под плоты, тянуло вниз, в глубину. Хурмату повезло: их плот первым пристал к берегу, и бойцы рассредоточились для атаки.

Но только командир махнул – вперёд, и первый ряд солдат рванулись в атаку, как тут же рухнула под градом пуль. Их поливали с неожиданно появившегося «Тигра». Всё подразделение

вжалось в грязь и прибрежную топь, спасаясь от пуль, вползало в студёную воду. Прикрытия никакого не было. От шквала прицельных очередей не было спасения, и один за другим обмякали тела незащищённых бойцов. Командир, сжав зубы, посылал на верную смерть одного за другим бойцов со связками гранат, но они, не достигнув и предела досягаемости броска гранаты, замирали. Нужно было во что бы то ни стало подавить огневую точку, то есть уничтожить танк.

Наступила очередь Хурмата. Мысленно попрощавшись с матерью, с родными, до боли сжав зубы, пополз, прячась за телами убитых. Он полз, всем телом и каждым нервом ощущая пролетающие над ним пули. Казалось, что от беспощадных очередей сырой весенний воздух над ним раскалится и обжигает спину. Вот позади тела однополчан, упавших от первой очереди пулемёта танка. Впереди цепочка слегших до него однополчан. Он полз от тела к телу, разворачивал их, как щит, и самым страшным было именно это. Позже он как-то услышал слова из песни Высоцкого: «Как прикрытие используем павших...» – его тогда ужаснула горькая правда этих строк. Вот он развернул на бок и подлез под очередного погибшего, им оказался Вася из первого взвода – балагур и насмешник, всё говорил, что он заговорённый и подтрунивал над подавленными перед атакой бойцами. Даже сейчас казалось, что вот он хитро подмигнёт и что-нибудь да выдаст, но нет, уже не раз прошила его тело очередь, и он навечно замолчал. Оставив Васю, Бахытгарей дополз до следующего тела – это был богобоязненный дедок из Сибири, молчаливый и угрюмый, всё делающий основательно и правильно. И дальше Рахмон из Узбекистана, азербайджанец Рауф... Он помнит их всех, их мёртвые тела защищали его от пуль. Толкая перед собой Рауфа, он дополз до небольшой канавки, местами полной воды и пополз по ней. Пули взрывали бровки над канавкой, распарывали шинель на спине, но он полз и полз, не чувствуя ни холодной воды, ни царапин на лице от острых камушков на грязной земле. Канавка расширялась и углублялась, и он дополз до расстояния, достаточного для точного броска и, чувствуя, бешеный стук сердца от ярости, как на учениях, метко бросил связку. Замолчал пулемёт, занялся огнём танк. И уже совсем легко было почти в упор рас-

стрелять выскакивающий из танка экипаж. Когда упал четвёртый танкист, Хурмат без сил сполз на дно канавы, и рота уже без него заняла вражеские траншеи.

Ротный представил его к ордену Красной Звезды, и когда его торжественно вручали, перед боями за Берлин, и после войны он не испытывал особого восторга от этой награды. Перед его глазами были те его полчане – братцы его, хлопчики, проложившие для него дорогу к ордену своими телами. Они погибли, а все почести достались ему... Эта самая жестокая несправедливость войны угнетала его всю жизнь – он испытывал жгучее чувство вины перед погибшими, за то, что он чудом выжил и продолжает жить, растить детей и радоваться... А тем, кто погибал, спасая жизнь другим, уж ничего не надо...

А тогда Айрат написал хорошее сочинение и как один из лучших его маленький труд опубликовали в районной газете. И когда Айрат, догнав Хурмата, подставил своё плечо, растроганный ветеран от уверенности, что теперь дойдёт до дома, во все расслабился.

Нахлынувшие воспоминания о той переправе и медленно проясняющийся рассудок, вызвали к жизни и вчерашние события и, вспомнив, как всё было, Хурмат громко расхохотался:

– Ай, племянник, ай, молодец. Вот додумался же, – и он всё смеялся и смеялся, не обращая внимания на удивлённого соседа.

И только чуть успокоившись, вытер слёзы, продолжил:

– Меня же вчера племянник провожал, Айрат. Так вот, он довёл меня до моста. Стоим мы, смекаем, как же мне по брёвнышку через реку проковылять. Он же не сможет меня поддерживать: бревно-то узкое. И он, стервец ушастый, возьми да и скажи мне: «Бабый, ты же Одер форсировал – неужели через маленький наш Зилим не пройдёшь?!» Его слова меня будто отрезвили, посмотрел я на него удивлённо, отодвинул от себя, освобождая дорогу, и пошёл по бревну, ни разу не качнувшись, как по мостовой.

Теперь уже смеялись оба ветерана, обнимаясь, и наливая повторно за Победу. А с тех пор выражение «ты же Одер форсировал» стало в деревне крылатым...

2008

АЛЕКСАНДР
СМИРНОВ

Александр Николаевич Смирнов родился в Горьковской области 30 мая 1959 г. В Советском живёт с 1968 года. Окончил Челябинский институт культуры. Печатался в литературном сборнике «Под созвездием кедра».

Лауреат регионального фестиваля авторской песни «Барды за ...», дважды Лауреат фестиваля бардовской песни «Таёжный романс».

Занимается изобразительным искусством – живописью.

Автор сборников поэзии «Дорога в осень» и «В своём гнездовье».

Награждён почётной грамотой Думы ХМАО за «Многолетний и эффективный труд и значительный вклад в развитие культуры ХМАО – Югре».

Член Российского союза писателей. Работает в библиотеке.

Живёт в г. Советский.

Деду

Немецкая каска Второй мировой
Лежит на столе – реквизит театральный.
И вспомнился сразу же образ печальный
Любимого деда – навек молодой.

Он без вести сгинул в сорок втором,
Кузнец дед Иван, двадцать семь ему было.
Лишь мама да бабушка знают о том,
Что нет похоронки, а значит, могилы.

Наверно, о внуке он втайне мечтал,
Когда пролетали гусиные стаи.
И странно до боли – меня он не знал,
Не знал и не ведал, а я его знаю.

Религий дурман, политический бред...
Открыта повсюду на души охота...
Всё это химеры, дороже мне дед
В будёновском шлеме на стареньком фото.

Кочегары

Был кочегаром Николай Рубцов,
И Виктор Цой работал кочегаром.
Да всякий кочегар – из мудрецов,
К огню их манит что-то же недаром?

Когда один ты греешь сотни душ
Углём, дровами, пламенем словесным,
Жилища праведных и подлецов, –
Не стоит ждать и благостей небесных
Ни от мирян, ни от святых отцов.

Моим пожилым землякам

В бабье лето, на Окунёво
Я попал с пожилыми людьми.
Видно, участь такая Смирнова –
Коротать с ними целые дни.

Не сказать, чтоб совсем пожилые,
Коль по бодрости духа судить.
Бьют копытом дедки удалые,
Те, что могут без клюшки ходить.

Бог погодой сентябрь не обидел:
Солнце, неба бездонного синь,
С прелью сытные запахи леса,
Златорыжесть берёз и осин.

Сыроежки, обабки, грузочки,
Бурошляпые боровички...
Меж берёзок мелькают платочки...
– Не такие уж мы старички!

Возвращались из леса моложе
Лет на двадцать. Не меньше никак...
И счастливей, и было, похоже,
Что порох у них не иссяк.

И плясали, и смачно шутили,
Пели частушки на все голоса,
А про возраст и вовсе забыли...
Разве это не чудеса?

СЕРГЕЙ
ТРОХИМЕНКО

Дебют в Эринтуре»

Трохименко Сергей Михайлович родился 23 октября 1961 года в с. Почапинцы Черкасской области на Украине. Там же окончил среднюю школу, получил специальность механизатора. Служил в армии.

С 1982 года на Севере. Работает в нефтяной сфере водителем. В 2016 году победил в городском конкурсе на звание лучшего водителя г. Нижневартовска.

Состоит в литературном объединении «Замысел». Печатался в различных альманахах и литературных сборниках Тюменской области, в том числе в «Тюмени литературной».

Живёт в Нижневартовске.

В год суровый – сорок первый,
По брусчатке, у Кремля,
Проходил парад военный,
В честь седьмого ноября.

В припорошенной шинели,
С автоматом на плечах,
Шёл солдат к священной цели,
Отчеканивая шаг.

Гордо шёл, осознавая,
Как закончится парад,
Ждёт окоп, передовая,
И дороги – нет назад.

Насмерть встать и быть заслоном,
На последних рубежах,
Неприступным бастионом,
Презируя слово страх...

Лишь спустя четыре года,
По Кремлёвской мостовой,
Шёл героем – Сын Народа!
Шёл, держа Победный строй!

Рассказ ветерана

День Победы. Девятое мая.
Светлый Праздник для множества стран.
Как сложилась судьба боевая,
Нам поведал седой ветеран.

Задрожал подбородок невольно,
Покатились слезинки из глаз,
Было видно, как трудно, как больно,
Начинать свой нелёгкий рассказ:

– Август сорок четвёртого года,
Гимнастёрки в пыли и в поту,
Мы шагали на запад с востока,
За верстой отмеряя версту.

Рядом Женька, мой друг закадычный,
Парень с виду простой, сибиряк,
Ко всему в этой жизни привычный,
Балагур заводной, весельчак.

Мы с ним вместе от матушки Волги
Прошагали до самых Карпат.
У войны не простые дороги.
Для меня он стал ближе, чем брат.

Фотографию маленькой дочки,
Талисманом носил на груди.
Написал ей: «Соскучился очень».
Обещал, – до Берлина дойти.

Утро плакало ранней росой,
По долине стелился туман.
Тишину разорвало грозою,
И пронёсся свинца ураган.

Нас в траншее накрыло снарядам,
Помню только пронзительной вой.
Жизнь прошла между раем и адом.
Друг погиб... Ну а я вот живой...

На параде, девятого мая,
 Ветераны уже не в строю...
 Со слезами войну вспоминают,
 Словно вновь побывали в бою...

Бабушкин дом

Память словно в полудрёме:
 Детство в бабушкином доме...
 Лавка, стол, икона, свечка,
 Сундучок в углу. У печки –
 Чугунки и рогачи,
 Кот мурлычет на печи...
 Запах ряженки, сметаны –
 Дух приветливый, желанный.
 Рушником калач накрытый,
 Тесто в липовом корыте
 Отдыхает до готовки...
 Прядка с ниточкою тонкой,
 Козья шерсть, веретено...
 Было это так давно...
 ...Но эскизы тех картин
 Сохранились до седины.

В родном краю

Деревня. Лето. Сеновал.
 И не унять души тревогу.
 Я так по родине скучал!
 Дождался. Отпуск... Слава Богу!

Встречай, родимая земля,
 И с распростёртою душою,
 Я еду, радость не тая,
 Чтоб снова встретиться с тобою,

Вдыхать душистый аромат,
 И, наслаждаясь красотой,
 Шальное детство вспоминать,
 Где отчий дом, там всё родное.

Акварельная жизнь

Наш бранный мир –
 и в нём всему свой срок,
 Заведомо непредсказуем, зыбкий.
 История преподаёт урок,
 Но, человеку свойственны ошибки.

Пройдут года, и жизни акварель
 Безжалостно размоется дождями.
 Я не пророк... Я не открою дверь
 к иным мирам – они нагрянут сами.

Этюды, что мелькают каждый миг,
 Не появляются внезапно, ниоткуда.
 Они являются сплетением интриг,
 А мы воспринимаем их, как чудо.

В них ищем ту неведомую нить,
 Что связывает судьбы воедино,
 И просим Бога за грехи простить,
 Рисую акварелями картину...

АЛЕКСАНДР
ГОЛОЗУБОВ

С 60-летним юбилеем!

Александр Фёдорович Голозубов родился 11 июля 1959 года в с. Зорино Обоянского района, Курской области.

В 2001 году окончил Тюменский Нефтяной Университет по специальности инженер автомобильного хозяйства. Работал много лет в нефтяной промышленности.

Печатался в альманахах и литературных сборниках Тюменской области.

Автор краеведческой книги «Обоянские страницы Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг.».

Состоит в литературном объединении «Замысел». Живёт в Нижневартовске.

День скорби на Курской земле

День скорби по павшим солдатам
Сегодня на Курской земле,
Здесь немцы огнём автоматов
Творили бесчинства в селе.

Шли фрицы походкой вальяжной
По улицам узким толпой.
Над степью лавиною страшной
Летели Люфтваффе стеной.

Они разбомбили заслоны
Советских стрелковых частей,
И слышались раненых стоны
В окопах под грудой камней.

А вечером зорькою мгlistой
Собрали весь честный народ,
И, выявив всех коммунистов,
Пустили несчастных в расход.

Сожгли на окраине хаты,
Лишь трубы остались одни.
Развесили всюду плакаты
О новом порядке в те дни.

Силком отбирали скотину
У мирных рабочих семей,
Грузили поспешно в машину
Для фронта нацистских зверей.

Каратели днём задержали
Не местных мальчишек в селе,
Жестоко штыками пытали,
А после зарыли в земле.

За чистые души подростков,
За гибель невинных сельчан,
Той ночью в избе отморозков
Взорвал слободской атаман.

Как волки фашисты взбесились,
Искали в селе партизан,
На всех истерически злились,
Топили в колодцах крестьян.

Но люди упорно молчали,
Не выдали им никого.
До смерти тогда истязали
Ещё паренька одного.

И молча, стояли сельчане,
От гнева их разум кипел,
Когда на колхозной поляне
Амбар с детворою горел.

Вот так продолжалось полгода,
Чуть кто-то нарушит закон,
Того при собранье народа
На смерть отправляли под склон.

А там две глубоких траншеи
С телами убитых людей,
У тихой кленовой аллеи,
Где холодный струился ручей.

Но скоро пришло избавленье
От вражеских подлых чертей:
На Курск началось наступленье
Ударных советских частей.

Бежали германцы трусливо
Под натиском русских солдат.
В лесной полосе у обрыва
Погиб легендарный комбат.

За смерть удалого комбата,
За смерть неповинных детей,
Пред боем решили солдаты
Бить пуще кровавых зверей.

Бои через день откатились
За ближний Суджанский рубеж,
Но быстрые танки пробились
Сквозь фланги с бригадою СМЕРШ.

Они разгромили пехоту
Немецко-фашистских частей,
И заняли станцию сходу,
Разбив в пух и прах палачей.

Все планы нацистов сорвались
На выступе Курском тогда.
Россия врагам не сдавалась,
Так было, так будет всегда!

ОЛЬГА
МИЛОВАНОВА

Дебют в «Эринтуре»

Ольга Эдуардовна Милованова родилась 10 июля 1969 году в городе Асбесте Свердловской области. Получила высшее музыкальное образование в Уральской государственной консерватории и 30 лет преподавала в системе дополнительного образования.

Основала и 15 лет посвятила детскому музыкальному театру «Белоснежка» при ДШИ №1 г. Асбеста. Писала пьесы, ставила спектакли.

С 2010 г. живёт в г. Ханты-Мансийске.

Преподаёт в «Центре искусств для одарённых детей Севера».

Занимается научной деятельностью по искусствоведению.

В 2017 году выпустила сборник «Раннее творчество Н. Я. Мясковского. Взгляд современников. Материалы, статьи, персоналии».

Публиковалась в Научном вестнике уральской консерватории «Музыка в системе культуры».

Писать прозу начала в 2018 году. Электронный журнал Союза писателей Москвы «КольцоА» в № 127 (Июнь 2019 г.) опубликовал первую новеллу «Бед нет».

В 2019 г. выпустила первую книжку «Бед нет».

ТАНЬКА

I

Танька умирала. Она лежала на своей узенькой кровати у окна уже полгода и ждала смерти. Худенькая, жилистая, за свою долгую жизнь она ничем серьёзно не болела, её просто покинуло желание жить.

Мир сузился сначала до размеров домашнего хозяйства. Она перестала выходить за ворота, потому что на родной с детства улице не встречала больше ни одного знакомого лица. Да и сама эта улица изменилась до неузнаваемости. Неизвестно откуда на ней выросли каменные дома, резные наличники заменили пластиковые стеклопакеты, а цветущие палисадники замуровали глухими заборами.

Потом во дворе ей тоже стало скучно. Дочь и внучка успевали несколько раз обернуться с делами, пока она только собиралась задать корм курам.

Все вокруг постоянно куда-то спешили. Им было не до долгих обстоятельных разговоров, которые хотелось вести Таньке. Её сознание не поспевало за их быстрой речью, новыми непонятными словами, и она перестала их слушать. Родные решили, что у неё проблемы со слухом, и говорили с Танькой громко и отчётливо, как с сумасшедшей.

Еда потеряла вкус, и Танька ела, только если ей напоминали об этом.

Даже солнце, как будто потускнело, и больше не грело старые Танькины кости.

Танька ещё какое-то время бесцельно топталась по дому, переходя от окна к окну. Она неизменно останавливалась на пороге комнаты, не входя и не выходя, и, молча, наблюдала за домашними. А их ужасно раздражали и её молчаливое любопытство, и постоянное препятствие на пути. Тогда Танька и решила лечь, чтобы никому больше не мешать. Но смерть не спешила.

Дочь – сама уже пожилая женщина – ещё работала, силясь прокормить изрядно разросшуюся семью. Младшая внучка Ольга, наконец, развелась со своим непутёвым мужем и верну-

лась в отчий дом, приведя с собой трёх ладных белоголовых панчат-погодков. Пятое поколение семьи прочно обосновалось в стенах крепкого, построенного на века дома, наполнило его живой суетой и гомоном детских голосов. В Танькиной голове их лица смешались между собой, с лицами младших братьев и сыновей, когда-то таких же ладных и белоголовых. Она постоянно путала их, называя именами ещё живых или давно ушедших родственников. Для мальчишек это стало новой увлекательной игрой. Они нарочно спрашивали старую бабулю, как их зовут, а когда та в очередной раз ошибалась, шумно веселились. Танька замолкала и отворачивалась к стене. Маленьким озорникам доставались подзатыльники от матери или бабушки. Но это не помогало, и вскоре игра начиналась заново.

Радовали Таньку только сны. Всё теперь было там: детство, юность, молодой влюблённый муж, дети, подруги. Невзгоды и предательства за давностью лет забылись, затёрлись. Прожитые годы казались необыкновенно счастливыми, наполненными событиями и добрыми, понимающими людьми. Она погружалась в эти сны, путая их с явью. Реальная жизнь казалась серым бесконечным кошмаром, от которого только там можно было укрыться.

II

Дом отец построил перед самой войной. Танька хорошо запомнила тот день, когда он торжественно запустил в новые, пахнущие свежеструганным деревом сени, едва стоящего на лапках чёрного котёнка с жидким хвостиком. К слову сказать, этот задохлик вырос в красивую, полную достоинства кошку. Мурка оказалась умницей и отличной мышеловкой. Каждое утро она гордо демонстрировала на крыльце свой вклад в семейный бюджет – задавленную мышь. Все попытки детей поиграть с ней она пресекала шипением или осторожным ударом лапой без когтей. Но если вдруг хозяйка набрасывалась на своих провинившихся чад с руганью, Мурка громко мяукала и легонько кусала мать-кормилицу за ноги, заступаясь за сорванцов.

Третий младший брат родился, когда отца уже забрали на фронт.

Отец как-то торопливо попрощался, будто боялся размячтиться и не дай Бог пустить слезу. Последние слова он прокричал уже из кузова тронувшегося грузовика:

– Берегите себя! Ждите! Не плачь, Танька!

Он так прокричал видимо потому, что все уже проревелись раньше, а Таньку только прорвало, и она зарыдала громко, надрывно, припав к уже зародившему новую жизнь животу мамы. О том, что родится третий, мать узнала уже потом.

Война добралась до их дома в конце октября. Она громко заявила о себе сначала грохотом тяжёлых орудий, от которых они прятались в глубоком погребе за домом. Потом бесцеремонно встала на пороге группой шумных офицеров в серых добротных шинелях. Немцы расположились в доме, выселив хозяйку с детьми в сарай.

Они не были злыми эти чужие люди. На глазах у Таньки они героически расправились только с десятком кур, которые оставались в хозяйстве, пустив их на жаркое и суп. Впрочем, жилистого петуха, они благородно отдали хозяйке, кормить детей. Рыжий веснушчатый ганс с выпирающим кадыком на тощей шее внимательно осматривал дом и постройки, одобритительно приговаривая: «Gut, sehr gut»¹. Иногда он даже брал в руки топор и колот дрова, желая размяться. Другой не старый, но уже седой пару раз передавал матери бутерброды с колбасой, покормить маленького, чтобы тот не кричал. Третий просто не замечал их существования, занимая своё свободное время чтением книг и написанием писем. Впрочем, иногда по вечерам Танька видела, как оставаясь один, он расхаживал по комнате и что-то громко ритмично говорил, помогая себе резкими и взмахами правой руки. Танька догадывалась, что это стихи. Но, поскольку, её школьного курса немецкого хватало только на «Ich heiÙe Tanka»², она не смогла понять, чьи они. Себе она придумала, что немец читает свои стихи. Впрочем, у неё не было времени особенно об этом заботиться.

Остальные слишком часто менялись, чтобы их запомнить. Одни отправлялись на передовую, другие ехали на короткий отдых в тыл.

1 Хорошо, очень хорошо – (нем.)

2 Меня зовут Танька – (нем.)

Мать стирала немцам бельё, топила печь и мыла полы в доме. Работы было много. Незваные гости не обременяли себя заботой о чистоте, оставляя везде окурки, огрызки, ошмётки грязи с сапог. Она вынуждена была брать с собой Таньку. Хотя той шёл уже четырнадцатый год, из-за своего малого роста и чрезвычайной худобы, она выглядела совсем ребёнком. Но мать всё равно, опасаясь взрослых мужиков, давно оторванных от дома и семьи, прятала худые Танькины ноги под длинными бесформенными юбками, и низко до самых бровей надвигала ей платок на лицо. К счастью, ни изработанная до черноты мать, ни дурнушка-дочь не вызывали похотливых желаний у постояльцев. Они скупно, но исправно платили за работу, обычно продуктами. Жестяные банки с консервами, брикеты галет и шоколад мать прятала. А из крупы варила кашу, изредка добавляя в неё кусочки мяса.

Вскоре начали распространяться упорные слухи, что молодых парней и девушек немцы забирают на работы в Германию. Слухи подтвердились. И вся улица огласилась неистовым воем сотен осиротевших матерей. Про мелкую Таньку и тут не вспомнили.

Так прошли почти два года. Семья выживала, питаясь скудной материнной подработкой и картошкой, которой засаживали весь огород. Обязанность ухаживать за ним легла на Таньку и сыновей. Даже самый мелкий, только став на ножки, уже копался в земле, выбирая драгоценные клубни.

О делах на фронте они узнавали из официальных немецких сводок, хвастливо докладывающих о взятии городов, развёртывании наступлений и массовом переходе советских солдат и офицеров на сторону немцев. Но верить хотелось листовкам, которые всё чаще стали появляться на улице: «Полицай и старосты! Готовьте себе кресты», «Мужчины, пейте самогон и прогоняйте немцев вон!», «Женщины! Готовьте квас и собируйтесь встретить нас!», «Немецким прихвостням «капут», везде и всюду вас найдут!»

Соседи шёпотом передавали друг другу новости о партизанах и зверствах карателей. Слава Богу, немцев в чёрной форме они так и не увидели.

В конце лета канонада с востока уже не прекращалась. А в начале сентября немцы резко засуетились и, громко пере-

ругиваясь, стали спешно упаковывать вещи и документы. Мать бросила корыто с недостиренным бельём. Она наказала Таньке и старшему из сыновей собирать тёплые вещи и побольше воды, а сама кинулась за младшими. Дети поспешили в сарай. Нагрузившись одеялами, старыми полушубками, бутылками с водой и свечами, они уже готовы были выскочить за дверь, как увидели в тёмном углу Мурку. Под её мягким боком копошились три пушистых слепых комочка. Кошка накануне совершенно некстати окотилась. Танька, не раздумывая, подхватила всех, и дети побежали вслед за матерью в погреб.

Там они просидели все дни наступления Красной армии, питаясь припасёнными матерью консервами, галетами и шоколадом. Изредка в минуты затишья мать осторожно приоткрывала крышку погреба и смотрела на дом, который чудом всё ещё оставался цел.

Однажды Мурка прошмыгнула у неё между ног и выскочила наружу. Танька хотела было за ней, но мать не пустила. Котята, оставшись одни, беспомощно мяукали, тыкаясь слепыми мордочками в руки детей.

Той ночью была особенно ожесточённая перестрелка. Разрывы снарядов слились в сплошной непрерывающийся гул. Земля поминутно сотрясалась так, что уже привыкшие к обстрелам дети жалась к матери и тихонько подвывали от страха.

Под утро вдруг наступила необычайная тишина. На негромкое мяуканье и скрежет когтей, Танька приоткрыла тяжёлую крышку и увидела умницу Мурку. Та, как ни в чём не бывало, старательно умывалась, вылизывая свою мягкую лапку. Перед ней лежали три дохлые мыши.

Мать посчитала это добрым знаком и разрешила детям выйти наружу.

Первым делом они бросились осматривать дом. Конечно, он пострадал. Ударом снаряда снесло крышу и развалило печную трубу. Выбитые окна, в щепы разлетевшаяся дверь, выщербленные пулями глубокие раны на крепких брёвнах. Всё это были тяжёлые, но не катастрофические разрушения. Сарай был сметён начисто прямым попаданием. От соседнего дома осталась только закопчённая печь посреди пепелища. Глубокая воронка взры-

ла огород совсем близко от их укрытия. Мальчики нашли в ней запёкшиеся картофелины, оставшиеся после уборки.

Танька обошла дом и увидела распластанного у дороги немца. Она с трудом перевернула его на спину. Это был их поэтичный постоялец. Мёртвое лицо его показалось Таньке удивительно молодым, глаза задумчиво смотрели в небо, а в руке он держал обрывок фотографии. На клочке было видно только часть лица седовласой, благообразной женщины, а на обороте – начало подписи: «Mein lieber Sohn...»³ На миг сердце сжала непрошенная жалость. Но Танька отогнала её. Она не звала этого мальчика в свой дом, не отрывала его от красивой, может быть, доброй женщины. Он пришёл сюда сам. И нет Танькиной вины в том, что он никогда больше не сможет расхаживать по комнате и, помогая себе резкими и чёткими взмахами правой руки, читать свои загадочные стихи.

Вдалеке слышался нарастающий скрежет и лязг. Отовсюду стали выбираться из своих укрытий соседи: рано постаревшие женщины, до срока повзрослевшие дети, несколько растерянных стариков. Все они нерешительно топтались посреди раскуроченной улицы, прислушиваясь и гадая. Танька оставила немца и побежала вместе с другими детьми на разведку. Навстречу им из-за поворота выкатилось вонючее железное чудовище. Грозно выставленное вперёд оружие ещё дымилось, а из огромной башки высовывался похожий на чёрта мужик в шлеме. На его лице, перемазанном сажей и мазутом, выделялись ярко блестящие глаза да задорный белозубый оскал.

– Наши! – неистово заорали мальчишки, и тут только Танька увидела красную пятиконечную звезду на броне танка.

Они выжили.

Отца семья дождалась всё в том же погребке. Он вернулся в начале 44-го.

Первые слова его были обращены к дочери. Видимо, в лихую годину не раз вспоминал надрывные вопли своей любимицы:

– Вот видишь, Танька, папка твой вернулся, как и обещал. Вот только не целиком вернулся, – он взглядом кивнул на пустой рукав.

Пустой правый рукав его гимнастёрки был заправлен под ремень. Вместе с сыновьями и такими же, как он демобилизовавшимися по ранению, калеками они переложили печную трубу, закрыли крышу. Со временем дом заулыбался стёклами окон и резными наличниками.

В благодарность за сохранённых детей отец одарил мать ещё одним сыном.

Время шло, мальчишки подрастали и покидали родное гнездо, разлетаясь по разным сторонам большой страны. Они редко навещали стариков, занятые своими взрослыми неотложными делами.

Рядом оставалась только Танька. Она выправилась, округлилась, где нужно налилась робкой девичьей красотой. Нашлась пара и для неё, родились дети. Супруг, быстро осознав острую нехватку мужского населения после войны, ударился во все тяжкие. Гулёна всегда возвращался к своему «воробышку», винился, каялся, клялся, но через короткое время очередная соседка гордо вывешивала его стиранное исподнее в своём дворе.

Беда случилась от того, что муж пристрастился прятаться от угрызений совести в алкогольном дурмане. Однажды после особенно немалой дозы он просто замёрз под забором дома очередной зазнобы.

Один за другим ушли отец с матерью, оставив Таньку хозяйкой в большом доме.

Сыновья выросли и в своё время, так же как и их дядья когда-то, отправились покорять большой мир. Жизненный круг замкнулся, и Танька осталась доживать свои дни с дочерью, тоже рано овдовевшей.

Давно уже для окружающих она перестала быть Танькой. Татьяной Васильевной её называли в сельсовете, когда вручали заслуженный орден. Постепенно переходя от «мамочки» к «бабуле», она дожила и до «старой бабули». И вот не осталось на этом свете человека, который помнил её Танькой.

3 Моему дорогому сыну... (нем.)

III

Танька медленно возвращалась к реальности, сегодня смерть снова обошла её стороной.

Кошка мирно дремала, свернувшись клубочком, в её ногах. Которое по счёту поколение Мурок жило в их доме, никто точно не мог сказать. Каждая из них была умницей и мышеловкой. Только белые пятнышки варьировались, оказываясь то на шейке, то на лапках, то на кончиках хвоста или даже ушей очередной пушистой красавицы.

В зале привычно бубнил телевизор. Олька гремела посудой на кухне. Мальчишки по случаю солнечного майского дня носились с криками по двору.

Олька принесла завтрак. Впихнув в себя три ложки каши, Танька медленно перетирала её у себя во рту беззубыми дёснами, уставившись пустым взглядом прямо перед собой.

Дочь уже месяц как уехала в Киев к своей старшенькой. У Нютки там родился поздний выстрадавший ребёнок. Новорожденная-кесарёнок и её мать нуждались в помощи, уходе.

День тянулся и тянулся, неотличимый от вчерашнего. Танька несколько раз проваливалась в свои сны, просыпалась и снова уходила в прекрасное забытьё. Словно сквозь туман она слышала, как Олька загоняла пацанов домой поесть. Несколько раз внучка тормозила её, чтобы перевернуть, обработать и покормить. Танька молча подчинялась грубовато бесцеремонному обращению с её опостылевшим телом. И, как только её оставляли в покое, мгновенно уходила в свои сны о прожитом.

Она проснулась внезапно. Очередной сон об артобстреле был настолько реальным, что её кровать даже всколыхнулась от ударной волны. Танька открыла глаза. За окном только занимался рассвет. Но горизонт пламенел не от поднимающегося солнца, а от отблесков пожарища. Вдалеке мерно бухали пушки.

Олька выскочила в залу полуодетая растрёпанная с обезумевшими глазами. Она металась от окна к окну, пытаясь понять причину трясения земли. Младший бегал за ней, отчаянно вопя от страха. Старшие мальчишки, пока молча, стояли посреди комнаты, но худенькие тела их сотрясала крупная нервная дрожь. Олька рванулась было к двери...

– Цыть! – вдруг раздалось из угловой коморки, где уже полгода лежала безнадежная старушка.

Все замерли от неожиданности.

Потрясенная Олька с открытым от удивления ртом прошла к бабуле. Та сидела на своей кровати и смотрела на внучку совершенно осмысленно.

– Цыть, малявки, я сказала!

Олька уже забыла, когда в последний раз слышала голос бабули, а уж такого приказного тона та вообще никогда себе не позволяла.

Но Таньке было не до её удивления. Она чётко раздавала указания.

– Мелкого давай мне! Закладывайте подушками окна, чтобы стёкла не повывлетали! В погребе обстрел пересидим, а дальше, как Бог даст! Набери воды во фляги! Возьми одеяла! Собери еды! Сама оденься, детей одень! Да потеплее! Мне подай халат и боты! Да палку мою найди! Газ перекрой! Электричество отключи, лучше рубильником! Свечи, свечи возьми! Там они, у меня в комод!

Олька со старшими детьми носились по дому, полностью отдавшись неожиданной власти Таньки.

Наконец, они выбрались из дома и, пригибаясь, двинулись к старому погребу. Танька брела последней. Она тяжело опиралась на палку, с трудом переставляя отвыкшие от ходьбы ноги. Решительно отвергнув помощь внучки, велела ей идти обустроить детей. Когда Танька добралась до убежища, Олька уже соорудила из одеял лежанки в освобождённых от картошки ларях, укрепила в консервной банке свечу и раздала мальчишкам по куску хлеба с салом. Устроив бабулю, внучка и ей протянула нехитрый перекус. Танька положила в рот сало, и с неожиданным удовольствием долго перекачивала его во рту, вспоминая забытый вкус. Кошка пришла последней, и ей тоже досталась доля. Она аккуратно подхватила розовеньким язычком свой кусочек, несколько раз жевнула, широко раскрывая пасть, и через полминуты уже довольно облизывалась. Хотя далёкие взрывы всё ещё сотрясали их укрытие, невозмутимо вылизывающаяся Мурка, неожиданно всех успокоила. Дети перестали вздрагивать и даже задремали.

Бабуля навела ревизию картошке, морковке, свёкле. Банок с заготовками к весне осталось достаточно много. Дети, избалованные покупными сладостями, практически не ели варенья. Из засолок к столу хорошо шли только огурцы. Помидоры, квашеная капуста, закутки из баклажан и кабачков стояли почти не тронутые.

– Теперь всё уйдёт! – подвела итог Танька.

Обстрел закончился часа через два. Первой наступившую тишину почуяла Мурка и настоятельно запросилась на выход. Люди осторожно вышли вслед за ней. Поднявшееся солнце еле пробивалось сквозь плотный чёрный дым.

Дом, покинутый в спешке встретил их разгромом и сумраком от плотно закупоренных окон. Олька попыталась включить свет, но электричества не было. Газовая плита тоже больше не подавала признаков жизни. На экране простенькой кнопочной Nokia не высветилось ни одной палочки связи.

Молодая женщина обессиленно опустилась на стул. Только боязнь напугать детей сдерживала в ней, готовый вырваться наружу, беспомощный крик.

Танька подошла к ней и протянула деньги, завёрнутые в платок. Её спокойный деловитый голос привёл Ольку в чувство.

– Вот деньги! Беги до магазина!

Олька попыталась возразить, деньги эти были, тщательно откладываемые с пенсии, бабулины «гробовые». Но Танька замахала на внучку руками:

– Бери, говорю! Сейчас они нужнее! А вы меня и так похороните, на земле, поди, не оставите!

Олька нехотя взяла деньги и стала собираться. Танька продолжала наставлять её:

– Купи тушёнки, растительного масла, муки, спички, мыла и чая. Сахара, если денег хватит. Хлеба побольше, лучше ржаного. Белый пышный, да пустой внутри. Сухари из него делать бессмысленно, весь рассыплется крошками. Старшеньких возьми с собой, пусть помогают! Брось ты эти пакеты! Сумки, да рюкзак бери!

IV

Олька с детьми убежала, а Танька решила осмотреть печь. Огромная и добротная она стояла в самом центре дома, её оштукатуренные бока белели во всех комнатах. Устье на кухне давно было накрепко закупорено за ненадобностью. После того как в дом провели газ, дочь и внучка постоянно уговаривали Таньку снести печь. Дескать, и места она много занимает и толку от неё теперь никакого. Но Танька была непреклонна, пока она жива, печь останется, мало ли что в жизни может приключиться.

Танька послала мелкого принести полешко от бани. Сообразительный четырёхлетний малыш, отдуваясь и покраснев от натуги, притащил сразу три. Старушка настрогала ножом тонких щепочек, сложила их шалашиком внутри печи и подожгла. Но огонь не занимался. Танька проверила поддув, ещё раз задвинула и выдвинула заслонку, но ничего не помогало.

Старый да малый, уморившись безрезультатными хлопотами, уселись рядышком. Тут в дверь робко постучали и, не дождавшись ответа, в дом вошёл мужчина. В полумраке он не сразу разглядел обитателей дома. Танька же с трудом узнала в нём Андрейку – пропащего мужа внучки. Она давно его не видела, да и почти во все их последние встречи молодой мужчина был беспробудно пьян. Сейчас около двери робко топтался вполне приличный человек. Лицо его было немного отёкшим, но гладко выбритым, а глаза смотрели ясно и виновато. Мальчик его просто не помнил. Мать развелась, когда тот был слишком мал. А родитель не очень заморачивался встречами с сыновьями, занятый поиском дешёвой выпивки.

– Здравствуйте, вам! Есть кто дома? – спросил вошедший.

– Кому надо, все тут! – грубовато ответила Танька.

Глаза Андрейки привыкли к темноте, и он увидел в глубине кухни бабулю с прикорнувшим к ней младшим сыном.

– Николенька! Колобок! Это я, папка твой! – голос Андрейки предательски дрогнул.

Малыш глянул на него недоверчиво из-под белёсых бровей и постарался спрятаться за сухой спиной старенькой бабули.

– Что принесло этакого ясно-сокола к нам? – язвительно поинтересовалась Танька.

– Ночью обстрел был. Хотел узнать, как вы? Может помощь какая нужна?

– Нужна! – быстро сообразила Танька. – Печь не разгорается, верно, трубу забило. Почитай уж лет тридцать, как не топили. Надо на крышу лезть, трубу прочистить. Справишься? Не то я сама, как-нибудь.

– Ты, бабуля, на крышу только на метле сможешь добраться, – вернул подколку Андрейка. – Давай, чем в трубе шуровать. Сейчас всё сделаем.

Танька послала Андрейку в сарай за длинной верёвкой, да велела найти крепкий камень.

Верёвку привязали к широкой жёсткой щётке, а к ней ещё камень, как грузило. Андрейка, радостный, что его не выгнали, что он может быть полезным, что сын, увлечённый необыкновенными приготовлениями, ходит за отцом по пятам, полез на крышу.

Осторожно добравшись до трубы, он спустил в её жерло нехитрое приспособление и начал энергично двигать им вверх-вниз.

В трубе зашуршало, застучало, и на под повалились ошмётки саж, мелкие камушки, перья, ветки и даже целое птичье гнездо.

Танька охнула, перекрестилась и начала совком выгребать весь этот мусор из печи.

Когда сорный дождь практически иссяк, Танька велела правнуку сказать отцу, чтобы слезал.

Малыш бросился на улицу и, задрвав голову, истошно заорал:

– Папка! Папка! Бабуля сказала, чтобы ты слезал!

Андрейка, не веря своим ушам, буквально слетел с крыши, подхватил сына на руки и начал истошно его целовать.

– Да, папка! Щекотно! Перестань! – увёртывался от неприличных ласк сын.

– Оставь его, идол! – ворчала Танька, стоя в дверях. – Смотри, всего ребялёнок в саже извозил, чёрт!

– Бабуля, а ты сама-то на себя в зеркало посмотри. Если я чёрт, то ты – моя родная бабушка! – Андрейка расхохотался, вслед за ним раскатился звонким смехом и Колька.

Танька глянула в зеркало у входа и ахнула. Она была перемазана не хуже Андрейки. Лицо, руки, волосы, выбившиеся из-под платка, сам платок и халат были в грязных разводах пыли и саж.

– Чего припёрся?! – в разгар веселья во двор вошла Олька.

Мальчики волокли за ней раздувшиеся сумки, плечи женщины оттягивал тяжеленный рюкзак.

Андрейка подскочил к бывшей жене, ойкнув, стянул с её плеч ношу и понёс в дом.

Старшие сыновья отца помнили, к сожалению, слишком хорошо. Поэтому они не бросились к нему, а, молча, прошли вслед за родителями, насторожённо прислушиваясь.

Новости, которые принесла Олька от магазина, были тяжелее её сумок.

– Это война. Киевская армия начала наступление. Во время ночного обстрела один из снарядов попал в подстанцию, оставив всех без света. Газа сказали совсем не ждать. А связь есть только в центре.

– Я маме позвонила. Сказала, у нас всё в порядке, чтобы не беспокоилась, – голос Ольки был глухой и тихий. – Ещё говорят, что обстрелы будут ещё, может даже авианалёты.

Танька никак не могла взять в толк. Какая киевская армия? Какое наступление? Кто обстреливает? Американцы? Немцы? Украинцы? Свои?

– Волки поганые им свои! – Андрейка сплюнул и грязно выругался.

Он рассказал Таньке всё то, что она пропустила в своём предсмертном лежании. Оказалось, в Киеве в феврале случился переворот. Новую власть жители их рабочего края не признали и объявили себя независимыми от неё. Многие хотели войти в состав России, как Крым.

– А что с Крымом? – Танька не переставала удивляться.

– Когда новая киевская власть пошла вразнос, русские аккуратно ввели войска и провели референдум о вхождении Крыма в состав России. Народ проголосовал «за». В Киеве только зубами щёлкнули, а корабль-то уже уплыл.

– А нас они, что ж не возьмут. Я тоже за Россию проголосую, – заволновалась Танька.

– Не знаю. Говорят, они нас, по любому, не оставят.

Андрейка вздохнул и повернулся к Ольке: – Я что пришёл. Наши ополчение собирают, воевать. Я записался. Вот хотел повидаться. Там стреляют, может, больше и не свидимся.

Олька всё это время разбирала сумки, украдкой с удивлением разглядывая трезвого бывшего. Но старая обида переселила, и она жёстко ответила:

– Тоже мне, вояка нашёлся. У тебя ж руки с перепую трясутся.

– Я, это... Олька... Я завязал.

– Завязал он. Слышали мы уже этот баян.

– Ну, правда! Детьми клянусь!

Олька взорвалась:

– Как ты можешь, пустозвон, детьми клясться! Да когда ты их последний раз видел, пьянь подзаборная! Ты знаешь, что они едят? Где спят? Во что одеты?

Андрейка не оправдывался. Он молчал, низко опустив голову. В словах Ольки была горькая, унижительная правда.

Олька ещё немного побушевала, но, не получая отпора, довольно скоро унялась.

Андрейка, видя, что гроза миновала, снова робко обратился к ней.

– Я тут немного денег принёс.

– На что мне теперь твои деньги, – уже без злости ответила Олька. – Магазин, как вымели. Мы не одни такие умные оказались, все с баулами, да рюкзаками. Там сейчас шаром покати. Люди всё похватали.

– Давай, Андрейка, ещё пригодятся когда, – вступилась за мужика Танька.

Андрейка осмелел от неожиданной поддержки:

– Можно я к вам буду заходить когда? Там, трубу прочистить, или дров наколоть? Мы тут недалеко расположились, километрах в двадцати. Раз, и я у вас.

Мальчишки, не сдержавшись, рассмеялись от неожиданного каламбура отца. Тот подмигнул им и заговорил с Олькой уже степенно, по-мужски.

– Обещаю! Если жить останусь, пить брошу! Вас заберу! Всё заново начнём!

Олька покачала головой:

– Обещалкиных на свете и без тебя навалом. Поживём, увидим, – потом глянула в его родные когда-то глаза и тихо закончила. – Ладно. Получится, заходи.

Андрейка сгрёб своих пацанов, расцеловал их, наобещал принести гильз и стреляных патронов, велел беречь и защищать мамку со старой бабулей. Он хотел было обнять и Ольку, но та резко отстранилась от него. Андрейка махнул всем рукой и выскочил из дома.

V

Без газа и электричества дел в доме прибавилось. За водой теперь приходилось ходить к колонке. Умерший без питания насос больше не качал её в трубы.

Пользоваться большой печью Олька не умела, она выросла при газе. А плиту в летней кухне давно ликвидировали, пользуясь тем, что она была далеко от старых Танькиных глаз. Теперь внучке пришлось учиться растапливать печь, выгребать угли, ловить момент, когда пора закрывать заслонку, чтобы тепло не улетело в трубу. Сама Танька ничего делать уже не могла. Но её цепкая память неизменно пригодились Ольке в очередной непростой ситуации.

Беда была с посудой. Новомодные лёгкие кастрюли и сковороды просто плавилась в печи. Единственный чугунок был такого размера, что Олька даже пустой поднимала его с трудом. Её мать пользовалась им вместо груза для заквашивания капусты. Приспособились так. С вечера в чугунок закладывали овощи: картошку, лук, морковь, четвертину курицы (тушёнку не тратили; мяса и молока не видели с начала войны, ведь жители улицы, привыкшие к продовольственному достатку, давно уже не держали скотины во дворах, а заводы в магазин почти прекратились). Всё это солили, щедро заправляли зеленью, и Олька осторожно, укрывая лицо от жара, проталкивала чугунок вглубь печи. Она сгребала вокруг него угли и оставляла на ночь томиться. Утром ещё тёплый чугунок вытаскивали и целый день ели настоящее в печи варево, разнообразя его

заготовками из погреба. Удивительно, но такое простецкое блюдо неизменно оказывалось необычайно вкусным. Кусочки курицы женщины делили между мальчиками. Олька уверяла сыновей, что мясо она совсем не любит. А Танька просто улыбалась, демонстрируя свой беззубый рот.

Единственная, чудом сохранившаяся чугунная сковорода, в противоположность, оказалась совсем маленькой. На ней запекали яйца и небольшие караваи хлеба, который теперь тоже делали сами. Закупленные буханки аккуратно порезали, высушили на печке и сложили вместе со всеми припасами в погребе. А умница Мурка следила за их сохранностью от мышей.

В дом вернули старенький умывальник, доживавший свой век на огороде. Посуду мыли в тазу с подогретой водой. Запёкшийся жир в чугунке оттирали песком и золой. Порошок пока не кончился. Но чтобы его выполоскать, нужно было слишком много воды, потому стирали теперь редко и только самое необходимое.

Мальчикам стало не до игр. Они усердно таскали воду. Стругали щепочки для растопки. Их обязанностью было искать и собирать яйца, которые несучки откладывали в самых непредсказуемых местах. Огород тоже лёг на их ребячьи плечи. Прополоть, полить, нарвать зелени, ягод, обобрать с картошки колорадских жуков. Олька с удивлением подмечала, как повзрослели её сыновья. Они совсем перестали капризничать, драться и жаловаться друг на друга по пустякам.

Андрейка несколько раз выбирался к ним. Справлял тяжёлую мужскую работу и снова отправлялся на передовую. Он стал непривычно молчаливым и собранным. Прощаясь, отец обязательно притягивал к себе по очереди сыновей, целовал их в выгоревшие макушки, кивал Ольке и уходил.

Подстанцию несколько раз восстанавливали. Свет ненадолго возвращался в дома. В такие дни Олька старалась под завязку зарядить телефон. Наслаждалась холодной водой из крана и кипятила её в электрическом чайнике. Смотрела нерадостные новости по телевизору, неторопливо растолковывая их Таньке.

Раза два в неделю Олька выбиралась в центр, чтобы позвонить матери. Связь была ужасная. Они торопилась сказать,

что дом цел, они живы и пока не голодают.

Мать попыталась прорваться к ним, но пересечь линию фронта так и не смогла. Ей пришлось вернуться в Киев к старшей дочери.

Каждую ночь начинался обстрел. Маленькая семья с кошкой привычно укладывались спать в обустроенном погребе. Мальчики уже не просыпались от разрывов снарядов. Кошка безмятежно мурчала в ногах у старой хозяйки.

VI

Но и этому ужасу без конца настал предел.

В начале июля обстрелы заметно усилились. Теперь они могли начаться в любое время дня и ночи. Несколько раз над самой крышей дома с угрожающим рёвом пролетали самолёты. Бомбардировок пока не было. Но фронт настолько приблизился к их дому, что шальные пули уже несколько раз вгрызались в толстые брёвна, разбрызгивая вокруг острые щепки. Целыми оставались окна только с восточной стороны.

Олька уже не выпускала детей из погреба.

Там их и нашёл Андрейка. Голова его была перевязана, грязные бинты пропитала кровь.

– Укры наступают! Нам не удержать фронт! Надо бежать! – задыхаясь, сказал он.

– Куда бежать-то? – зло спросила Олька. – В какую сторону?

Действительно, разрывы снарядов слышались уже отовсюду. Их привычное укрытие казалось сейчас гораздо надёжнее, чем неизвестное блуждание под смертью, летящей с неба.

– Ты ступай, сынок! – подала голос Танька. – Не тревожься за нас, мы тебя здесь дождёмся. Еда у нас есть, водой запаслись. Мурка с нами. Мы не пропадём. Не впервой.

– Иди. Справимся, – примирительно подтвердила Олька.

Андрейка встал, оглядел дорогие лица:

– Сберегите себя, родные! Я живу только ради вас! Простите, что не смог защитить вас! – злые бессильные слёзы катились по его заросшим щетиной щекам. Дети тихонько заскулили на одной высокой ноте. Олька прижала их к себе и укрыла на-

кинутым на плечи одеялом, как крыльями. У неё слёз для этой войны больше не было.

– Да ступай уже, вояка! – вспыхнула Танька. – Что толку сейчас от сырости! Даст Бог, и это переживём!

И она буквально вытолкала Андрею из погребка.

Ночь выдалась особенно беспокойной, бухали пушки, с воем совсем рядом легли несколько бомб, основательно потрянув землю. Мальчики больше не плакали, они смотрели на мать и старую бабулю до ужаса спокойными недетскими глазами. Мурка, чувствуя тревогу людей, переходила от одного к другому, лизала руки и щёки, тёрлась, мурлыкала, нежно топталась лапками, – в общем, всячески демонстрировала свою любовь и преданность.

VII

К утру фронт передвинулся далеко на восток. Пули уже не свистели, снаряды не вспахивали землю. Танька с Олькой решили выйти и осмотреться, может, удастся растопить печь и приготовить горячее детям. Мальчики пока отсыпались после бессонной ночи.

Их дом почти не пострадал, ударной волной снесло только крышу с сарая, но многие соседские лежали в руинах. На улице голосили, видимо не всем соседям удалось пережить эту ночь.

Танька поплелась в дом растапливать печь, а Олька собирала разбежавшихся по двору кур. Заметив приближающуюся со стороны огородов группу вооружённых людей, Олька побежала в дом и сбивчиво начала втолковывать бабуле о новой опасности. Но та неожиданно быстро всё поняла. Она стянула со своей седой головы платок, сунула его Ольке, показала на вешалке старый материн плащ, в котором выходили только в огород да до бани в дождливые дни. Спешно обрядив внучку, Танька залезла рукой поглубже в печь и щедро мазнула сажей ей по лицу.

Несколько минут спустя на пороге уже стояли четыре солдата в странной незнакомой форме, давно небритые, с красными воспалёнными глазами.

Снова война пришла в Танькин дом.

– Эй, старушня! Кто щэ дома е? – грубо спросил старший.

– НикОго нема. Одни мы, – Танька незаметным движением надвинула Ольке платок до самого носа и встала, заслонив её от вошедших.

– Мужики дэ? Воюють?! – старший неспешно оглядывался.

– Наши мужики своё уже отвоевали, – отозвалась Танька.

– Чого ж так тЭмно? Колорадив ховаэтэ?

– Что ж их ховать? Вон они всю картошку пожрали, окаянные!

– Ты дурую нэ прыкыдывайся! – мгновенно взъярился старший. – Жыво в расход пуцу! Я тебэ пока по-доброму пытаю, террорысты дома е?

– Террористов немае, – уверенно ответила Танька.

С улицы в дом вбежал ещё один. Его мотало из стороны в сторону, лицо перекошилось, глаза безумно вращались, а зрачки расширились так, что радужка не видна была вовсе. Он подскочил сначала к Таньке, потом к Ольке, близко наклонившись, в упор разглядывал их лица. Он тяжело дышал прямо в нос нестерпимой вонью гнилых зубов и перегара. Олька в ужасе попятилась, пока не упёрлась в бок печи. Она шарила глазами по кухне в поисках хоть какого-нибудь оружия. Но нож лежал на столе напротив, и дотянуться до него не было ни единой возможности. Она отвернулась и зажмурила глаза, стараясь дышать через раз.

– Ну, и жаба! – медленно и раздельно произнёс вновь прибывший, потом резко развернулся, да так, что чуть не упал. С трудом выровнявшись, он обратился к своим.

– Муха бачыв, як в дом молодка заскОчыла! Дэ вона?

– Мухе одни бабы мерещаться! Курытэ всяку дрянь! – недовольно буркнул старший.

– Мужыкы, вы точно не гоньтэ? Я не гордый! Я и в чэргу встану! – заканючил новенький.

– Можешь без очереди любу из цых мумий! – заржали остальные.

Они давно уже разбрелись по дому, открывая шкафы и выдвигая ящики, их содержимое бросали на пол и топтали грязными сапожищами. Женщины обречённо смотрели на разгром.

Добыча оказалась негустой. Несколько Олькиных золотых колечек, да пара серёжек, которые её матери покупал когда-то

отец. Деньги и документы Олька по настоянию бабули всегда носила с собой.

Обшарив дом, банда выкатилась во двор. Не обнаружив и там ничего ценного, старший велел забрать кур. Трое солдат завернули автоматы за спины, закатали рукава, и пошли в сарай. Куры подняли гвалт. Они взлетали, над стенами невысокой постройки, оставшейся без крыши. Некоторым удавалось их перемахнуть и, приземлившись, они разбегались по двору, отчаянно кудача и теряя перья. Оставшиеся ловили обезумевших птиц и сворачивали им шеи. Из сарая вышли довольные «победители», перемазанные экскрементами и кровью, облепленные перьями, яичной скорлупой. В каждой руке они несли за лапы по несколько птиц. Те ещё трепыхались.

Танька тоскливо слушала истошные крики кур. Вспомнилось то время, когда в отцовском дворе хозяйничали немцы. Что-то спугалось в голове, что-то вокруг стало не так. Это же не фрицы! Как они смеют! Потом не выдержала, велела Ольке не высовываться, а сама вышла на крыльцо.

Увидев следы кровавого побоища во дворе, она заорала изо всех своих хилых силёнок:

– Что ж вы наделали, ироды! Пошто всех кур извели?! А нам, что с голоду подыхать?

От отчаяния она даже замахнулась на старшего своей клюшкой.

– Мовчы, старая кошёлка! – он выхватил у неё палку и легко сломал о колено. – Воинам-гэроям тоже исты хочеться. И щоб террорыстам не досталась.

– Да где ж ты террористов-то увидел, немчура проклятая?! Я что ли, террористка?!

– Ты, карга, язык прыдержы! Швыдко в бубэн схлопочэш! Скопытишься и не крякнешь! – начал заводиться старший.

– Кишка тонка! – зло процедила Танька. – Я ещё простужусь на твоих похоронах! – Она сплюнула под ноги старшему.

Тот не успел ничего ответить. Обкуренный, который до этого, сидя на лавке у бани, глядел в одну точку и мерно раскачивался, вскочил и, рыча, ринулся на старуху. До его затуманенных мозгов видимо дошла мысль, что колорады не слишком почтительны с бравыми защитниками Отечества. Он бы снёс

Таньку, но из-за дома с отчаянным визгом выскочил мальчик и бросился обкуренному под ноги. Тот споткнулся и растянулся в полный рост, пропахав носом землю. Он так и остался лежать, будто его сразила вражеская пуля. Другой солдат схватил ребёнка за шиворот, приподнял над землёй и сильно встряхнул. Но тут сам дико заорал, бросил мальчишку и начал что-то сдирать со спины. Когда он развернулся, все увидели, что в него всеми своими когтями вцепилась разъярённая чёрная кошка. Товарищи поспешили ему на помощь, но хватать её голыми руками никто не решился. Они попытались прикладами сбить зверюгу, но несчастный так вертелся, что несколько весомых ударов пришлось по нему. Мурка держалась крепко, и отпускать свою жертву не собиралась. Наконец, старший догадался обмотать руку тряпкой. Он подловил момент, сгрёб своей ручищей кошачий загривок и резко рванул. Кошка отцепилась с воем и шипением, начала изворачиваться, чтобы вкогтиться в руку новому противнику. Но старший размахнулся, и шмякнул её об угол дома. Что-то хрустнуло, и Мурка упала на землю безжизненной меховушкой.

Мальчик бросился к кошке, присел около, заглядывая ей в глаза, тихонько гладил, шептал что-то ласковое, растирал кулаком слёзы на грязных щеках.

Внезапная развязка отрезвила разъярившихся мужиков. Они смущенно отводили глаза и бесцельно топтались на месте.

– Ну, что, вояки, победили! И с курами справились, и со старухой, и с мальцом! Даже кошку, и ту осилили! – Танька говорила тихо и смотрела прямо в глаза старшему. – Как же ты матери своей об этом расскажешь, сынок?!

Она тяжело вздохнула, и устало опустила на крыльцо.

Старший обвёл взглядом небольшое войско.

Обкуренный уже оклемался и сидел на земле, поминутно оттирая кровавые сопли. У пострадавшего от кошки, разорванный в клочья камуфляж на спине побурел. Остальные выглядели не намного лучше.

Старший сжал губы и нахмурился, потом скомандовал внезапно охрипшим голосом собирать кур и двигаться в расположение части.

Они ушли.

Из дома, таясь, выглянула Оля. Она охнула, увидев расплывающийся под глазом сына огромный фингал. Побежала в дом, вынесла влажное хозяйственное мыло, поставила мальчика перед собой и начала осторожно намыливать место ушиба. Это средство Танька опробовала ещё на своих братьях, потом сыновьях, и оно их семью никогда не подводило.

Мальчик терпеливо выносил процедуру, глядя матери за спину. Поэтому он первым увидел, как у Мурки внезапно дёрнулись лапы, голова, потом она приподнялась и совсем неграциозно уселась.

Сын взвизгнул, вырвался из рук матери и побежал к спасительнице.

Бережно приподняв Мурку, он принёс её к крыльцу и положил между матерью и старой бабулей. Кошка незамедлительно начала вылизываться. Но, видимо, это доставляло ей нестерпимую боль. Она останавливалась, пережидала, но всё равно вновь принималась за обязательный туалет.

Женщины смотрели на бесстрашную Мурку, пережитые страхи и горести постепенно отступали от них, наполняя новыми силами и надеждой на лучшее.

– Вы с Муркой настоящие герои! – сказала Танька, погладив правнука по мягкой голове.

Тот хитро глянул на неё:

– А как меня зовут?

– Петечка? – неуверенно сказала Танька.

Мальчик расхохотался.

– Петька – это средний! А я Сашка! Сашка! – мальчишка захлёбывался в смехе. – Какая же ты, бабуля, у нас беспамятная!

Оля рассмеялась было вслед за сыном, но осеклась. Взглянула тревожно на бабулю, не обиделась ли та, как обычно. Но Танька хихикала, взвизгивая и мелко подрагивая щуплым телом.

На их веселье из погреба выбрались младшие мальчики. Они всё проспали, измученные тревожной ночью. Теперь же вертели головёнками, переводя растерянный взгляд с матери на брата, на бабулю. Но им никто ничего не мог объяснить. Любая попытка открыть рот заканчивалась новым приступом смеха. Малышам пришлось просто присоединиться к родным.

Разбирать разгром в доме не стали. Пусть новые мародёры, которые, несомненно, ещё не раз придут в их дом, видят, что тут им поживиться уже нечем.

Оля истопила печь, протолкнула в её жаркое нутро чугунок с похлёбкой. Устроила Мурке на тёплой приступочке мягкую подстилку.

Скромно поужинав, семья впервые за много дней устроилась спать в доме.

VIII

Шли нерадостные летние дни. Оля отчаянно экономила неуклонно таящие запасы. Банку тушёнки она растягивала на четыре похлёбки. В хлеб добавляла рубленую зелень. Картошку начали подкапывать с середины июля. Выручали ягоды. Мальчишки объедали незрелые яблоки, чтобы заглушить постоянный голод.

В середине августа обстрелы снова усилились, теперь автоматные очереди и удары пушек чаще доносились с востока.

Семья опять переселилась в погреб.

Одной особенно беспокойной ночью фронт в очередной раз перекатился через Танькин дом.

Весть о том, что всё закончилось, принёс Андрейка. Он ворвался в погреб, сгрёб в охапку мальчишек и вынес их на свет. Отец целовал их чумазые, исхудавшие личики, теребил отросшие, давно не мытые волосы.

Из погреба, щурясь на солнце, вышла Оля. Андрейка подскочил к ней и обнял. Оля не сопротивлялась. Муж гладил её плечи, руки, голову, целовал, говорил, что теперь всё будет хорошо, что они турнули укров далеко на запад и теперь им не очухаться.

Оля все эти тяжёлые дни держала себя. Иногда ей казалось, что слёз в ней нет больше вовсе. Но тут она обмякла и глупо, по-бабски, разревелась с воем и причитаниями. Андрейка стойко пережидал поток её слёз, прижимал к себе, гладил, шептал бессмысленные и ласковые слова.

Танька увела мальчишек в дом. Там она велела им натаскать воды. Новую жизнь следовало начинать с чистоты.

Несколько дней упорных трудов привели дом и его обитателей в относительный порядок. Вставить выбитые окна пока было несбыточной мечтой. Электричество обещали вернуть на днях. Магазин открылся, хотя продукты в нём были только самые необходимые. В центре раздавали гуманитарную помощь из России.

Однажды в дом влетела Танькина дочка. Вместе с двумя ещё безумцами, которые оказались на другой стороне и потеряли связь с родными, они прорвались через линию противостояния. Разбитая фара старенькой копейки и следы пуль на багажнике свидетельствовали, что они реально рисковали.

После бурной встречи Танька, дочь, внучка и её дети сидели в зале. Ольга буднично рассказывала матери о пережитом. Та охала, плакала, поминутно старалась обнять и поцеловать каждого.

Танька встала, сказала, что устала и пойдёт, ляжет. Дочь проводила её до комнаты, помогла раздеться. Уложив Таньку, она села рядом, взяла руку матери и прижала губам.

– Спасибо, мамочка, что сберегла детей!

Танька улыбнулась в ответ.

Дочь встала, хотела задёрнуть штору, но Танька попросила оставить так. Она любила смотреть в окно. Мурка запрыгнула на кровать и привычно устроилась в ногах у хозяйки.

Через пару часов Санька заглянул в комнату старенькой бабули, чтобы позвать её пить чай вместе со всеми. Дочь привезла полную сумку продуктов, зная о бедственном положении семьи. Дали электричество и женщины успели приготовить прямо праздничный стол.

Мальчик подошёл к кровати. Танька лежала спокойная, её губы сложились в лёгкую улыбку, казалось, она спала.

Санька позвал её несколько раз, осторожно потербил, подёргал за рукав, но бабуля не отзывалась. Мурка подняла голову и впервые зашипела на своего любимца, отгоняя его. Санька почуял неладное и побежал искать мать. Мурка несколько раз лизнула себя, поправляя никому не видимые изъяны своей гладкой шерстки, и довольная улеглась. Она должна была до конца выполнить свой долг, охраняя последний сон Таньки.

ГОСПОДИ, ПОМИЛУЙ!

– Стой! – внезапно ударил в спину хриплый окрик.

Стас замер.

– Руки давай подымай! Чаго ждёшь?! – второй голос показался более молодым.

Стас медленно поднял руки, и хотел было обернуться...

– Твою ж мать! Стой, где стоишь! Кому сказал?! Холера!

Сзади послышался хруп крупитчатого февральского снега, неожиданным выстрелом хрустнула ветка, и в рёбра упёрся ствол, несколько смягчённый тулупом.

Чьи-то руки бесцеремонно охлопали его, залезли в карманы и за пазуху, но добыли немного: горбушку хлеба, луковицу, да шмат сала, завернутые в тряпицу – всё, что успела сунуть жена. Собираться пришлось быстро. Братов свояк прибежал под утро... Чего тоже ждал? Думал, поди – бежать, не бежать. Трясся, морда немецкая... Да ладно, предупредил, всё ж таки. Спасибо и на том...

Фима Фрайнберг – кучерявый, обильно посыпанный ранней проседью, смоляноглазый с унылым сливовым носом – выглядел совершенным евреем, как истинный русский без меры пил самогон со Стасом и его братом (их жёны были родными сёстрами), по документам же выходил чистым немцем. В комендатуре дотошно, вдоль и поперёк, изучили его метрики, послушали, как он бойко шпыхает, со скрипом, но признали таки Фиму почти за своего – фольксдойчем и взяли в комендатуру переводчиком.

Именно Фима осенью 41-го помог Стасу устроиться на станционную водокачку, а вчера, пересилив страх, прибежал предупредить друга о готовящемся аресте...

– Теперь вертайся. На морду твою поганую глядеть буду. Только медленно. Дёрнешься, живо в расход пущу!

Стас осторожно развернулся.

Прямо в лицо ему смотрело дуло обреза.

– Кто таков?! Чего по лесу шастаешь?! Вынюхиваешь?! Гнида! – заросший до бровей густой рыжей бородой мужик глядел недобро, его чёрные, лихорадочно горящие глаза грозили Стасу не хуже его винтовки.

Второй стоял чуть поодаль и пока помалкивал, всматриваясь. Судя по жидкому клочковатому пуху, который еле скрывал его румяные, как у девушки щёки, он был гораздо младше.

Плохонькие тулупы, подвязанные валенки, косматые с залысинами ушанки свидетельствовали скорее, что мужики свои – из какого-нибудь партизанского отряда, коих немало развелось за последний год в густых непроходимых для немцев белорусских лесах и болотах. Они состояли из солдат, попавших в окружение, но не сдавшихся и продолживших войну в глубоком тылу противника, из местных жителей, которые, опасаясь расправ фашистов, уходили в леса целыми деревнями. Но больше всего из таких же, как и Стас, не успевших попасть на фронт – новобранцы дошли только до Борисова, когда их отрезали немцы. Призывники разошлись по домам, и стали жить дальше, пытаясь привыкнуть к новым порядкам.

Немецкие агитаторы на собраниях, на которые сгоняли всех жителей, бодро кричали о победоносном шествии освободительной армии Вермахта, о том, что офицеры и солдаты великой Германии уже гуляют по улицам Москвы и Ленинграда, а Сталин трусливо бежал в Самару.

Верить этому страшно не хотелось, но кроме смутных слухов, которые порой казались страшнее самой лживой немецкой пропаганды, ничего больше не доходило из-за линии фронта. Мужики мрачно молчали и ожесточённо сплёвывали, бабы охали и тихонько подвывали, ребятишки, лупясь на родителей испуганными глазёнками, готовы были в любую минуту удариться в рёв.

В ноябре с первыми морозами на улицах стали появляться листовки, отпечатанные на коричневой обёрточной бумаге:

«К оружию!

Под ударами Красной Армии немецкие войска отступают и уничтожают на своём пути всё, мобилизуют мужское население и угоняют в Германию, расправляются с женщинами и детьми, как хотят, безоружных мужчин, которые по сути хуже слабых женщин, ведут на убой, как телят.

Чтобы всего этого и здесь не случилось, довольно вам сидеть под бабскими юбками, на горячей печке выгриваться, поднимайся на борьбу с немецкими собаками, организуйте партизанские отряды, добывайте своими средствами оружие; на Бога не надейтесь.

Прочитай и передай товарищу».

Листовки срывали, оглядываясь, прятали поглубже, дома осторожно доставали, расправляли, и много-много раз перечитывали, заучивая наизусть. Делиться опасались, так как с приходом новой власти отношения между людьми непредсказуемо изменились. Всплыли старые обиды, и соседи тайком мстили друг другу за них, строча доносы в комендатуру.

Те, кому Стас верил безоговорочно, он мог пересчитать по пальцам одной руки, и первым из них был брат Иван. Поэтому, когда поздним вечером от него пришёл незнакомец в форменной промасленной тужурке, Стас принял его без сомнений. Незнакомец рассказал, что он машинист из Орши, что у них есть группа железнодорожников, что руководит ими «Дядя Костя», что минами, замаскированными под каменный уголь подпольщики подорвали уже больше десятка паровозов, заметно затруднив немцам подвоз военных грузов к фронту. Теперь они хотели создать систему складов для хранения «угольных мин» вдоль всей ветки железной дороги – на Минск и дальше до самой границы. Водокачка, которой Стас заведовал, удачно располагалась в ста метрах от станции, и идеально подходила для такого склада.

Стас не колебался и вскоре в углу небольшого пристроя у подножия круглой кирпичной водонапорной башни появилась аккуратная горка первосортного антрацита. Пристрой заведующий запер на огромный амбарный замок, стерёг пуще глаза и грозился лично прибить любого, кто посягнёт на него. А в машинном отделении между станинами водяных насосов, кинув на каменный пол старые одеяла и телогрейки, частенько стали ночевать всякого рода незнакомцы. Начальник был крут и несдержан, поэтому связываться с ним не рисковали, тем более что все знали про его свояка в комендатуре.

И теперь, когда Стас слышал об очередном подрыве на железной дороге, он с гордостью думал, что в этом есть и его заслуга.

Но знать об этом никому не полагалось, даже Фиме – закадычному дружку Стас не открылся ни во время частых застольных посиделок, ни той ночью, когда тот прибежал предупредить его об аресте...

Мужики, остановившие Стаса на безлюдной лесной дороге могли быть и провокаторами, поэтому он поостерёлся и ответил уклончиво.

– Я человек.

– Вижу, что не волк! В лесу что делаешь?!

– Иду. Лес-то он для всех.

– Ах, ты вымесок собачий! – взъярился рыжебородый и передёрнул затвор.

– Не дури. В Соколовичи иду. Вот. Заплутал малость. Боялся, засветло уже не дойду. Хорошо, что вас встретил. А то волков развелось, страсть, – Стас тараторил, стараясь отвлечь его.

– Воуки тяперь сытыя. Вон им войну сколько жрачки дармовой подкинула. Хошь немец, хошь русский, а хошь итальянец какой-нибудь. Волку-то без разницы каго грыбть, – неожиданно встрял молодой.

Рыжебородый зыркнул на него, тот осёкся и замолчал.

– Нынче человек человеку страшнее волка будет! – буркнул он и снова пристально посмотрел на Стаса. – Я в Соколовичах всех знаю. А вот твою рожу там ни разу не видел.

– Так-то уж и всех, – ухмыльнулся Стас.

– А ты не скалься! – снова вскинулся рыжебородый.

– Михеич, слухай! А я его, здаецца, знаю! – снова вступил молодой.

– Ну, – рыжебородый чуть обернулся к нему, не теряя, впрочем, Стаса из виду.

– Так из Крупок ён. На станции вадакачкой загадвае. Кажуць злыи, як чёрт.

– Ах, ты падаць фашистская, – прошипел рыжебородый и сплюнул на снег тягучей коричневой слюной.

– А ящё собек у яго у камендатуры немцам толкуе, – выпалил парень.

Тут Стас испугался не на шутку.

– Мужики, вы чего?! Свой я! В отряд иду!

– Ишь ты! В отряд он идёт! А тебя там ждали-звали? – рыжебородый заговорил неожиданно спокойным голосом и широко улыбнулся, разверзнув чёрный провал в бороде.

От этого Стасу стало ещё страшнее.

– Нет. Я так иду, – совсем неуверенно ответил он.

– А раз «так», то и делать тебе там нечего! Сейчас мы тебя хлопнем, да и дело с концом. Верно, Прошка?

– Вернее некуда, Михеич, – не моргнув, ответил тот.

Глаза Стасу обожгли непрошенные злые слёзы. Как же так?! От немцев ушёл, а от своих пулю придётся принимать. Господи! Где твоя справедливость?!

Странно, что именно теперь он вспомнил о Боге.

Мальчонкой мать учила его молитвам и водила в церковь. Там он, одурманенный запахами воска, горящих свечей и елея, недоверчиво всматривался в печальный лик Страдальца за род людской и никак не мог принять в толк его слова: «Тебя ударят по одной щеке, а ты подставь другую».

Как это?

Когда старшак Пётр раздавал мальчикам подзатыльники, чтобы не вертелись под ногами. Надо было что? Идти к нему за добавкой?

Или в драке с хлопцами из Слободы надо было опустить кулаки и ждать пока их с Ванькой отходят дрыном.

Да никогда не бывать этому!

Стас привык всё в жизни выгрызать, помогая себе руками и ногами, не оборачиваясь и ни полагаясь на чью-то милость.

Постепенно позабылось всё то, чему учила его когда-то мать. В том храме давно хранили зерно, и Спаситель печально смотрел теперь на равнодушно суетящихся жирных мышшей, да птиц, свободно пробирававшихся внутрь через разбитые окна и проломы в крыше.

Бог умер на этой земле и почти никто не заметил этого. А если и заметил, то благоразумно промолчал, оставив своё мнение при себе...

– Именем Союза Советских Социалистических Республик, я верный сын героического белорусского народа приговариваю

тебя к расстрелу, – торжественно проговорил рыжебородый, поднимая обрез.

– Мужики! Братишки! Товарищи! Ну, послушайте! – заорал Стас.

– Заткнись фашистская пагань, – вставился младший.

Стас с тоской поднял глаза вверх. Чёрные ветки деревьев чертили пронзительную глубину неба, по его глубокой синеве стремительно неслись растрёпанные кучевые облака, обещающая скорую перемену погоды. В воздухе уже пахло той неуловимой свежестью, которая предваряет весну. Скоро вернуться птицы, зазеленеет лес. Родится и вырастет, никогда не узнав своего отца ребёнок, которого носит под сердцем жена.

Всё будет снова, всё будет по-прежнему.

Не будет только его – Стаса.

– Господи! Если ты есть! Если ты слышишь! Спаси и помилуй меня грешного! – горячо взмолился он...

Стас резко пригнулся и нырнул за раскорячившийся рядом пенёк. Грянул выстрел, и его осыпало щепками. Он быстро поднялся и бросился прочь, петляя и прячась за деревьями. Сзади, матерясь и грозя, тяжело топали мужики, клацал затвор ружья, несколько раз со звонким шмяком в дерево вгрызались пули рядом с его головой. А он всё бежал...

Погони больше не было слышно.

Стас давно потерял дорогу и брёл по заметённому межлесью наугад, проваливаясь по пах в глубокий снег, с трудом вытягивая ноги, до крови обрезав голые руки о заледеневший на солнце наст. Он не заметил, когда потерял меховые рукавицы, да и шапку, но ему было так жарко, что он готов был сбросить и тулуп, который, казалось, безжалостно вдавливал его в снег, не давая ступить ни шагу.

Время будто остановилось. Солнце уже целую вечность висело над самой кромкой леса, который никак не хотел приближаться.

Потеряв последние силы, Стас ещё раз взгляделся в недоступный лес, и ему померещилось едва заметное движение. Он поднял руку и хотел крикнуть, но из горла вырвался лишь сип...

Стас осел на снег. Вокруг царил тишина и покой. Солнце, наконец, упало за деревья и ветер начал заметно холодить

мокрую голову, прохватывать грудь. На него навалились вдруг такая апатия и безразличие...

– Вот и всё, – спокойно подумал он и мягко опрокинулся спиной на снег...

– Вот он...

– Кажись, дышит...

– Голову ему держи...

– Разворачивай, куды ж ты ногами-то прёшь!...

– Рогожу сюда давай...

Стас слышал голоса, как сквозь воду. Он заставил себя выкарабкаться из цепкого плена морока и приоткрыл глаза. Над ним навис человек с неуловимым расплывающимся лицом, Стас смог рассмотреть только ворот замасленной форменной тужурки.

– Очнулся, Стас? Вот и хорошо. В Крупках облава на наших была. Мы думали, что всех взяли. А тут ты. Ну, ничего. Сейчас в отряд приедем...

Что-то дёрнуло, послышался скрип полозьев по снегу. Мягкое покачивание убаюкало, и он снова провалился в спасительную пелену небытия...

СЕРГЕЙ
СМЕТАНИН

Сметанин Сергей Егорович родился 25 мая 1952 года в Стерлитамакском зерносовхозе (ныне с. Октябрьское) Стерлитамакского района Башкирской АССР.

Окончил музыкальную школу в г. Омске. Окончил факультет иностранных языков Башкирского Государственного университета (1975) в Уфе. Специальность: филолог (немецкий язык).

Стихи публиковались в литературных сборниках и альманахах. Автор нескольких поэтических книг.

Член Союза писателей России с 1995 года.

Лауреат международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А. Н. Толстого, лауреат Международного конкурса «Золотое перо Руси 2007», один из победителей VI Московского международного конкурса поэзии «Золотое перо 2009», победитель конкурса газеты «Правда» в номинации «Стихотворение» 2013.

Я не видел войны. Я боёв не слышал...

Я не видел войны. Я боёв не слышал.
Я на ратные темы не спорю.
Мне ли случай винить, что не каждому дал
Испытать на себе это горе?
Не застал меня в Бресте чужой миномёт,
И салют средь берлинских развалин:
Мне родиться ещё предстояло за год
До того, как скончается Сталин.
Но, наверно, виновны в том гены отца,
Повидавшего горькие виды,
Что дрожит в моём сердце движенье свинца,
Отголоском большой панихиды.
Пусть победы спешат по дорогам весны,
Как дошкольники в праздничном марше –
На суровые годы прошедшей войны
Наши дети – и те будут старше.

Я не видел войны. Я ни грешен, ни свят.
Я не жду ни наград, ни прощенья.
Просто скорбная память погибших солдат
Растянулась на три поколенья.

1988 г.

Военные письма

Чередую нечаянных строчек,
Откровеньем древесной молвы
Рвутся в мир из берёзовых почек
Треугольнички первой листвы.
Будто с грустью ранимых и бранных
Тихо тычутся прямо в глаза
Треугольнички писем военных,
Не нашедших свои адреса.
Будто в мир, где всё пляшет и дышит,

И восход непохож на закат,
 Из земли к нам всё пишет и пишет
 Поколение павших солдат.
 Я листок растираю меж пальцев,
 Отрясаю нахлынувший стих.
 Разве мало солдат и скитальцев?
 Я и сам рядовой среди них.
 И весной надо мной, оживая,
 Точно так же пробьётся росток,
 Для кого-то в себе сохраняя
 Нежность ясных и ласковых строк.

2005 г.

Про Победу в сорок пятом

Дед Иван ещё ребятам
 Много былей рассказал
 Про Победу в сорок пятом –
 Он подробно вспоминал.
 Партизаны и солдаты
 Обнимались, победив,
 Были радостью объяты:
 Как же мирный день красив!
 Горько плакали о павших,
 Похороненных друзьях,
 И о без вести пропавших
 На неведомых фронтах.
 О погибших, о невинных,
 Об истерзанной стране,
 О родной земле в руинах,
 Об утратах в той войне,
 Только всё же счастье это –
 В мае праздничный салют
 На полнеба, на полсвета...
 Дней таких недаром ждут!

Спасибо, батя, что ты был,
 Что на коня меня садил.
 Спасибо, батя!
 Спасибо, батя, что ты был,
 Что петь по-русски научил.
 Спасибо, батя!
 Спасибо, батя, что ты есть,
 Что по отцу и сыну честь.
 Спасибо, батя!
 Спасибо, батя, что ты был,
 Что Мать-Отчизну ты хранил.
 Спасибо, батя!
 Спасибо, батя, что ты был,
 Что на коня меня садил.
 Спасибо, батя!

За поля

*Памяти родителей Егора Фёдоровича
 и Любови Тимофеевны Сметаниных*

Детство. Лето. Солнце на излёте.
 Папа с мамой возятся в саду.
 Брат смешит сестру на звонкой ноте,
 Ждёт меня, когда я к ним приду.
 На баяне гаммы доиграю,
 Сброшу с плеч горячие ремни,
 Побегу за мальвами к сараю,
 И за мною ринутся они.
 Но, пожалуй, сразу не догонят.
 Время – длинноногий журавель –
 Унесёт меня от их ладоней
 За поля, за тридевять земель.
 Я вернусь на влажную поляну,
 Покажусь им прежним, да не тем,
 Только баянистом я не стану,

Чем разочарую насовсем.
 А пока – знакомая прохлада,
 К западу летящий солнца шар.
 И за миг вовек не рассчитывать,
 Обронив слезинку на футляр.
 Папа, мама, вы не огорчайтесь!
 Вы сейчас, как мальвы на виду.
 Для меня вы благ не добивайтесь,
 Кроме счастья быть с собой в ладу.
 Вскину пальцы на последней ноте,
 Уроню альбомы впопыхах,
 Но зато вы больше не умрёте
 У России в будущих стихах.

2011 г.

СОВЕТСКАЯ КОЛОННА (г. Советский, литературное объединение «Кедр»)

Александр ГУБАНОВ

Отцу

Запаханы давно поля сражений,
 Но каждой ночью, как немой поток,
 Безвестные герои окружений
 Идут на громяющий Восток.
 Они идут небриты и усталы,
 Поднявшись от болот и переправ.
 Уж тридцать лет, как без вести пропали,
 Уж тридцать лет, как им прийти пора.
 Вы слышите – ещё снаряды рвутся,
 Ещё идут жестокие бои.
 Вы ждите их – они ещё вернуться
 Такие не вернуться не могли.

Матери

В том памятном,
 Святом,
 в том сорок пятом –
 Какой надеждой лица женщин жгло!
 Вот письмецо, и вот она, та дата –
 – Дошли мои молитвы, пронесло!
 И где ей знать, что врёт уже бумага.
 Что шёл в атаку юный командир
 На улицах спасаемой им Праги,
 Когда Победу праздновал весь мир.
 Он не дошёл.
 В горячей гимнастёрке
 Чужую землю горестно обнял...

А мать читала радостные строки
И май над всей планетой ликовал.

Андрей ГАВРИЛОВ

Фронтвые пластинки

Возникает шипенье иглы,
Из линиях конвертных
синек.
Выйдут к нам, как солдаты
из мглы,
Боевые шеренги пластинок.
Голосами обугленных лет
Нас придирчиво строго
спросят:
Как храним завоёванный
свет?
Виноградов. Шульженко,
Утёсов.
Тёмной ночью Смоленсков, Одесс,
Сталинградских полей и
Берлинов,
Нас расспросит негромко
Бернес.
Как живём и на что
тратим силы?
Песни той, незабвенной
поры –
Боль и радость, и верность
святая,
Немудрёны, а всё же
мудры,
В нашей памяти не
умирают.
Модным дискам до них,
как до звёзд!

Им в динамиках
Стереофонов
Не греметь.
Но волнуют до слёз
Голоса фронтовых патефонов.
Людмила Ветрова

Идут ветераны

Спокойно, нужными словами
Поставят их в почётный строй.
Их, исчезающих с годами,
Отметят красной полосой.
Плечом к плечу, не пряча сердца,
Они несли народам жизнь,
Вот и теперь под гром оркестра,
Как дети, за руки взялись.
Сыны земли, к земле склоняясь,
Они шагают не спеша,
Живут, как будто извиняясь,
За то, что, память вороша,
Слеза невольно покатилась,
За стон ночной, неверный шаг,
За всё, что с ними б ни случилось,
Кто, кроме них же виноват.
Кто виноват, что их дорога
По этой жизни тяжела,
Что рано молодость ушла,
Оставив память у порога.
Они привыкли быть в тени,
Не требуя прямых ответов.
Их благодарные сыны –
Отцовским подвигом согреты –
Поднимут тост под новый год
За них, состарившихся рано...
Спокойно ветеран идёт
Среди таких же ветеранов.

Геннадий ШУКЛИН**Комбат**

Поднялся занавес, и вот
 На клубной сцене затемнённой
 Пошёл в атаку третий взвод –
 Живая горстка батальона.
 Спектакль давали о войне,
 И было тихо в душном зале.
 Закатный луч горел в окне,
 Украдкой женщины вздыхали.
 Разрывы дыбились вдали,
 Всё реже били автоматы.
 На плащ-палатке принесли
 Бойцы убитого комбата.
 Сидели в зале старики,
 Все три войны припомнив снова.
 Старухи – тёмные платки,
 И парни года призывного.
 Сидел, помолодевший вдруг,
 Как будто снова в сорок пятом,
 Из местной школы военрук,
 Войну закончивший комбатом.

Николай БАКАЛОВ**Молитва**

... На много лет я пережил отца,
 Погиб он под Москвою в 41-м.
 Не помнящий родителя лица
 Я жмусь к нему всю жизнь сыновьим телом.
 Суровой правды я не утаю:
 Когда война гремела у порога,
 Когда я только начал жизнь свою,
 В четыре года я молился Богу.
 Война на Запад покатила вспять,
 Всё дальше с дымом унося тревогу,
 А я перед иконой Божья Мать
 Усердно трижды в день молился Богу.
 И вот победу празднует страна,
 А мать моя всё смотрит на дорогу.
 С надеждой светлой мужа ждёт она,
 Я ж как и прежде бью поклоны Богу.
 Однажды прибежал с реки домой,
 Чтоб подкрепиться кукурузной кашей,
 За дверью слышу жуткий женский вой
 И зов невыразимый: – Яша! Яша!
 Рыдала мать. По имени отца
 Она звала и горько причитала...
 Я понял всё – жестокости творца
 Такой моя душа не ожидала...
 Когда затем зашёл я в отчий дом,
 Ребьчьим сердцем в миг осиротевшим,
 По-новому воспринял всё кругом,
 Я стал взрослей и заново прозревшим.
 Сияли как и прежде образа,
 И взор святых таким же был лучистым,
 Но я на них не поднимал глаза –
 В семь лет от роду стал я атеистом.
 Прошли года, и вот я средь могил
 Стою и голову склоняю низко –

Нашёл-таки того, о ком молил,
 Нашёл отца в граните обелиска.
 Святой огонь над прахом трепетал,
 Как будто виноватый за разлуку.
 А я молитву новую шептал,
 Чтоб встал сержант и посмотрел на внуков.

Элла РЮГЕР

Наша память

Наша память запомнит рассказы
 Ветеранов великой войны,
 Кто сражался в боях с автоматом,
 Кто работал на пользу страны.
 Кто стоял до последнего на смерть,
 Кто не дрогнул в жестоком бою,
 Кто пожертвовал жизнью когда-то,
 Защищая Отчизну свою.
 Нам в наследство осталась задача –
 Сохранить память тех страшных лет,
 Чтоб и завтра, как в том сорок пятом,
 Мы гордились за прожитый век.
 Вырастая на памятных датах,
 Нашей Родины славной сыны,
 Чтоб, как те в сорок первом солдаты,
 Встали все на защиту страны.

Василий КУПРИН

*участник боев на Курской дуге, гвардии
 капитан запаса*

На Курской дуге

Июль сорок третьего года
 Был жарким в минувшей войне,
 В дыму задыхалась пехота
 На огненной Курской дуге –
 Здесь насмерть скрестились две силы;
 Всё было в крови и огне.
 Враги получили могилы
 От русских на русской земле.
 Был бой и суров, и неравен,
 Смерть сердце сковала во мне:
 В окопе я был захоронен,
 Под танком, на Курской дуге.
 Но, к счастью, друзья откопали,
 Меня увезли в лазарет.
 Врачи осмотрели, сказали:
 «Он жив и вернётся на свет».
 Обрёл я второе рождение,
 Жизнь вновь забурлила во мне.
 Вовек не забуду сраженье
 На огненной Курской дуге.

НОВЫЕ ИМЕНА

ОДЕРЖИМЫЕ СЛОВОМ

В конце позапрошлого года (2018) в Ханты-Мансийске состоялся окружной семинар молодых литераторов, может быть, впервые за полтора десятка лет. До этого семинары проходили в разных городах и весях, практически во всех городах округа. Руководители семинаров сами выезжали к своим подопечным. Приходили на обсуждение более всего люди пожилого и предпенсионного возраста со стихами к различным юбилеям своих друзей и подруг, к памятным датам. Говоришь им, что ваши творения никакого отношения к поэзии не имеют, получаешь в ответ: а людям нравится... Или приходят школьницы, которые не могут отличить ямба от хоря, но однажды порадовавшие своих учителей литературы парой-другой срифмованных строк.

Двухдневный семинар состоялся. Люди разные были, до или чуть больше 30-ти лет, ожидающие помощи, понимания, разбора их творчества. Чем я, как руководитель, занимался. Построчно. Подробно. Неблагодарно.

Что меня сугубо насторожило с первых же часов общения: незнание классической русской поэзии, а также современной и, тем более, региональной. Ребята мало начитанны. Пожалуй, это не их вина, а школы, учителей, которые сейчас занимаются не образованием учеников, а натаскиванием на ЕГЭ. Отсутствие культуры чтения – это общая тревога нашего времени. Ещё лет тридцать назад молодёжь погружалась с удовольствием в книгу, сейчас все воткнуты в смартфоны.

Нет бескорыстно одержимых поэзией, литературой, то у одного, то у другого выявляется чреваточина корысти: я не такой как все, значит, и отношение ко мне должно быть особенным. От таких настроений падает общая культура раз-

говора. Да и, вообще, культура, которая, как известно, не только выставки шитья из бисера и изделий из бересты, шаманские пляски и походы по музеям, но и глубокие литературные произведения о жизни нашего края.

На семинаре интересно выделялись члены литературного объединения «Югорские ваганты», многие имеют публикации: Елена Капитанова, Алла Иштимирова-Посохова, Валерия Куликова, Сергей Ремизов. Про себя отметил стихи Дарьи Ярушиной из Мегиона.

Но в альманахе хочу представить тех, кого пока мало знают в Югорском крае, кто не избалован публикациями.

Владимир Волковец

Олеся ЖУРАВЛЁВСКАЯ

пгт Мортка, Кондинский район

Дети Севера

Дети Севера спят. А дождливый, порывистый ветер
Клонит кроны деревьев таёжных на юго-восток.
Имя каждого спящего в строгом хранится секрете.
Отдаваясь от стен, чуть доносится их шепоток.

Детям Севера снится тайга с вековыми кедрами,
Снится им белый мох под босыми бегущими стопами,
Золотые бора на грибы и на ягоды щедрые,
И таёжный дневник, что исписан звериными тропами.

Дети Севера слишком давно не ходили на капище.
Снится им Золотая Богиня Конды – Сорни Най.
Укрывает их сон, будто мягкой медвежьей лапищей,
Шепчет, словно лесной ручеёк: вспоминай, вспоминай...

Пытаюсь не думать, чтоб стало полегче.
Вон кот на заборе меня поджидает...
Но свитер кусает за шею и плечи
И даже в живот потихоньку кусает.

Верблюда я очень хотел бы увидеть,
Мечтал на горбах на его покататься,
Но лучше уж кот! Я уверен, что свитер
Из шерсти котовой не стал бы кусаться.

Живописец

На животе распустились цветы
Розово-жёлтые с красным оттенком,
Синее море на правой коленке,
А под коленкой кусты,
Чайки, летящие вдаль над котом...
В ухе я тоже писал, но не знаю,
Что получилось. Пусть угадают
Мама и папа потом.
И много премного травы на руках
Ярко-зелёного свежего цвета...
Это фломастеры на табурете
Моя позабыла сестра.

Когда у меня просят зелёный карандаш

– Какой это цвет?
– Этот? Свежей травы,
И кактусов важных
В пустыне далёкой,
И лапы еловой, которую вы
Украсили шариком в блёстках. Сорока
Любуется им целый вечер в окно...
Ещё это цвет светофорный немного,
Когда вместе с мамой идём из кино,

На этот сигнал переходим дорогу.
Арбузовый он, только не изнутри,
А с круглой, как мячик накачанный, кожей.
И в доме напротив – горят фонари
Сияньем своим на него же похожи.
Я верю и радостно мне оттого,
Что в Африке, солнечным светом согретой,
Гуляет жираф. И глаза у него
Такого же ярко-зелёного цвета.

Моё солнышко

На веснушки мать-и-мачехи
Любовалось солнышко.
Рыжей лентой косы схвачены,
А в глазах до доньшка
Родником искрился радостно
Голубой простор,
Юбка-колокольчик с ландышем
Заплелись в узор.
Залетело на мгновение
Лето в воротник,
В невесомом оперении
Закружился стих,
И расцвёл, когда от дождика
Напитался всласть.
Вдруг отчаянно художником
Захотелось стать.

Зонты

Этот день закончился печалью,
Хлынувшей на выгнутые спины
Спицами растянутых зонтов.
Каждый зонт, как семафор, отчаянно
Вспыхивал. И в тишине пустынной

Загорались пятна жарких слов.
 Гнойно-жёлтый: ноющая жижа
 Склизко облепившего «не верю».
 Разъедающе-зелёный: боль.
 Красный: крик, звенящий «ненавижу»,
 Размозжённый хлопнувшей дверью.
 Синий: стон, стекающий в бемоль.
 Взгляд за пятна яркие цеплялся,
 Чёткими штрихами рассекая
 Белое молчание в груди.
 Дождь устал и медленно кончался,

Тщательно оттенки размывая
 В серо-безнадёжный: «уходи».

Когда погода станет совсем плохой.
 Растянет колючий день суровую нить.
 Ты выйдешь в море, чтобы искать покой,
 А мне останется думать, жалеть и жить.

Как плесенью белой затягивать будет снег
 Серые проплешины берега у воды,
 В замёрзшую жижу впечатанный насмерть след
 Как компас укажет мне, что оставил ты

Любимую кружку на мостике над водой
 И шарф, небрежно брошенный на причал.
 Зачем мне море? Только бы быть с тобой.
 Вот только ты никогда бы меня не взял.

Дмитрий БАЯНКИН

г. Ханты-Мансийск

Завари мне чаю с бергамотом.
 И садись поближе – так теплей.
 Снял пальто и шарф уже размотан.
 И решил, что буду чуть смелей.

Знаешь, ты сегодня мне приснилась,
 И под вечер я решил зайти.
 Небо моей жизни прояснилось,
 А на нём звездой сияешь ты.

Может, я спешу. Признаюсь честно,
 Чувство так не просто обуздать.
 Но тебя безумно интересно
 Как науку жизни постигать!

Стоит ли расписывать по нотам
 То, что вместе мы переживём?
 Завари мне чаю с бергамотом.
 С этого, пожалуй, и начнём.

Давай ходить в кино по понедельникам?
 Ты очень любишь этот день недели.
 Прикинемся, что мы с тобой – бездельники
 И спрячемся от нашего безделья.

Давай гулять по белым снежным улицам,
 Ловить снежинки в тёплые ладони.
 Прохожие от непогоды хмурятся,
 А нам смешно, мы в сумерках утонем.

Давай с тобою просто разговаривать
 О чём угодно, обо всём на свете.
 Звонить по пустякам и этим радовать,
 И искренне смеяться, словно дети.

Давай с тобой заглядывать в грядущее,
 Не вспоминая ни минуты прошлого.
 Возьмём с собой в дорогу только лучшее!
 Давай с тобой придумывать хорошее.

Давай с тобою будем просто счастливы,
 В конце концов, что будет – неизвестно.
 И не смотри, что мы с тобою разные.
 Так, согласись, намного интересней.

Чёрная ночь нам с тобой подарила
 Первый несмелый октябрьский снег.
 Время собрать нам отчаянно силы,
 Чтоб разбежаться уже, наконец.

Не перепрыгнуть глубокую пропасть
 Непонимания. Холод сильней.
 Счастье прошло. И закончилась осень.
 Зябко с утра. Одевайся теплей.

САЛИМ
 ФАТЫХОВ

Салим ФАТЫХОВ / ГОСТИ ПОЮЩЕГО ОЗЕРА

Фатыхов Салим Галимович родился 4 июля 1947 года в Магнитогорске.

Общественный деятель, учёный, писатель. Профессор Челябинского института культуры. Автор многочисленных работ, автор основополагающего труда «Мировая история женщины». Автор многих книг прозы и поэзии, а также многочисленных научных работ, монографий.

Член Союза писателей России.

Член Союза журналистов.

Заслуженный работник культуры РФ.

Награждён многими знаками отличия и медалями за достижения в области культуры, литературы.

Лауреат многих литературных премий.

Живёт в Челябинске.

ДЕДУШКА И АЛИМ

(новелла)

«Смотрю на хрупкий глиняный сосуд...
Здесь трёх тысячелетий был приют,
которым противопоставил
Ты обжиг свой, – и каждый век оставил
Внутри тебя, храним твоим покоем,
Частицы тонкой пыли, слой за слоем...»

Тудор Аргези

I

Из-под каменной туши горы, пройдя карстовые лабиринты, просочившись сквозь лессовую жижу, пробиваются к толстым корневищам тысячелетних чинар родники. От их упругой силы вода в пруду пенится, тускло мерцает и неожиданно падает в долину через овальное отверстие круглого полированного камня. Огромные листья чинар, как чаши для плова, лениво кружатся в лёгком водовороте и бросают косые тени на песчаное дно, где в сонном дурмане гибко колышется родниковая рыба.

Удивляясь однообразию её существования в закольцованном чинарами пруду, Алим наблюдает. Давным-давно, говорил дедушка, поселились у родников люди. Они называли рыбу аулия-балык, святая рыба. А что в ней святого? Жирная, ленивая, ловить её нельзя... За это дед может запросто отходить по спине палкой.

Алим обернулся к каменной супе, угнездившейся под широкой кроной чинары. Дедушка сидел, уставив взгляд на свои пыльные хромовые ичиги. Низко свисал, почти касаясь камней, конец белой, мастерски повязанной чалмы. Мягкая бородака прильнула к голубому халату, пригрелась в узком столбике солнечного луча. Сбоку на супе, придерживаемая высохшей рукой, лежала суковатая палка, почерневшая, покрытая блеском старины.

– Дедушка, – позвал Алим, – дедушка, пойдём домой.
Дедушка вскинул белые дуги бровей:
– Пойдём, пойдём, Алимджан. Вот сейчас... Эх, старый чёрт, совсем расклеился... Поправь, душа моя, хурджуны на нашем Ураке.

Урак, покорно ссутулившись, жевал пучок подсохшего клевера. Набросив кебанок, Алим оторвал от земли кожаные мешки. Толчок коленом – хурджуны, словно коромысло, легли поперек Урака... Ах, дедушка! Ты позабыл, что Алиму ещё в мае стукнуло одиннадцать, он вправе считать себя настоящим мужчиной. Разве мужчина может допустить, чтобы во время привала поклажа оставалась на спине осла? Спина запрет, тогда Урака обязательно одолеет хворь...

– Де-е-душка...

– Поправил? Поспешим, поспешим, душа моя. Пересохнет глина. Святой Хызр, не отними у бедного горшечника его рук и глаз.

Дедушка с трудом поднялся с супы, протянул вперёд руку с палкой, пристукивая ею, согнувшись, пошёл по тропинке.

Каждый раз, когда Алим с дедушкой, покидая обволоченный мучнистой пылью кишлак, поднимался в горы в чинаровую рощу, к родникам, восторг пронизывал его выдубленное солнцем тело.

Здесь был загадочный, непознанный мир. Пламенела золотом бликов листва. Чинары, одичалый виноград переплелись толстыми ветками. Шустрые агамки жгутиками шныряли по полированным скалам, замирали на мгновение, поводя настороженно головкой, и быстро исчезали в сырых расщелинах. Пелицикады. Порхали, щебеча в упоении, какие-то птицы. Жуки, пауки, мошки, ящерики, змейки, травы, деревья, листья, хрусталём переливающийся стремительный ручей, серый камень с причудливой вязью непонятных букв, древний мазар, заросший мхом, увенчанный грубой корзиной аистового гнезда, – всё здесь было на своём месте. Каждую мелочь, каждый камушек природа наделила неповторимым штрихом, цветом, формой, запахом, теплом или холодом, сумела пронзить чудодейственной родственной нитью. Алим смутно сознавал, что и сам связан с многообразным миром той же нитью, и дедушка тоже, и ослик Урак.

II

По тропе спустились быстро. Взору открылась знакомая панорама полуденного кишлака. Оглушённый жарой, он лениво лежал в долине, оцетинившись радио- и телевизионными антеннами, бумажными змеями, парившими в голубой зыби неба. По жёлтому взгорью пылила отара, выбирая среди острых камней старые тропки. За кишлаком пестрели ровные квадратики табачных плантаций и виноградников.

Дедушка шёл впереди и его согнутая спина была похожа на крутую спинку рыбы.

– Отчего рыба в нашем пруду святая, – спросил Алим, подгнав Урака ближе к дедушке, чтобы расслышать ответ. – Отчего, дедушка?

Но дедушка промолчал. Он, как никогда, сосредоточенно обходил острые камушки, прощупывал подолгу палкой тропу, будто шёл по ней сейчас в первый раз.

Так и добрались до улицы. Пахнуло застоялым течением неторопливого кишлачного быта. Встречные почтительно здоровались с дедушкой, он в ответ кивал каждому. Спрашивали, достал ли в горах нужный камень? Дедушка снова наклонял голову в молчаливом ответе.

Не онемел ли дедушка? За всю жизнь не приходилось Алиму видеть, чтобы кто-нибудь не обмолвился словом на привычное приветствие прохожего. А тут родной дедушка! Нарушает укоренившийся обычай! «Ассалому алейкум – мир вам», – приветствует человек встречного. И тот непременно должен ответить: «Ваалей-кум ассалом – и вам мир!» Ну, кому это не ясно...

III

Томительный дух доходящего на малом огне плова кружит голову. Безропотно семенит к дому ослик, поскорей хочет освободиться от груза. А Алим думает о поведении дедушки. Никто его не понимает. И мать Алима не понимает, и бабушка, и старший сын дедушки – дядя Кадыр. Дедушке под восемьдесят, а он, как говорит бабушка, такой же «дивана», чудак!

Был дедушка давным-давно хорошим кулогаром-горшечником. Ни сна, ни отдыха, ни дня, ни ночи! Возил с гор камни, растирал краски, глазурь, на камышовом пуху замешивал глину, месил до кровавых ран на ногах, вертел на гончарном кругу хумы, кумганы, касы, кувшины-офтоба, чаши-ляганы, поливал глазурью и красками, выставлял после длинных причитаний-заклинаний на обжиг. Зато вся округа – от Ургута до Самарканда, от Китаба до Пенджикента – пила, ела, мылась из его посуды.

Жизнь замела эти годы пылью невозвратных дней. Давно потеряли спрос дедушкины горшки, кувшины-афтоба, чаши-ляганы. На полках кишлачного хозяйственного магазина полным-полно фарфоровой и эмалированной посуды.

А дедушке всё одно. Не отступается. И райисполкомовский фининспектор сколько раз грозил обложить налогом, просто так, лишь бы бросил старик кустарничество.

Разное люди говорят про дедушку, хоть и уважительно, но... Живёт бог вещь каким днём. О благополучии не думает. Внучка к ненужному делу приучает. Мудро ли теперь глину месить, краски натирать, горшки лепить, когда у всех в кишлаке есть телевизоры, холодильники, кое-кто хрустальными сервизами пользуется...?

Советовали дяде Кадыру – главному кормильцу семьи – уговорить отца бросить дело. Пытался – навлёк на себя гнев. Больше не пробовал.

– Плюну вверх – свои брови, плюну вниз – своя борода. Куда мне деться, – вздыхал дядя Кадыр.

Сам он давно работал в совхозе, даже в бригады вышел. За каждый килограмм табака получает четыре рубля! Большой семьёй обзавёлся. Племянника – сына рано умершего брата – не забывает, кормит, поит, одевает, поучает.

IV

Добрались до дома. Разгрузились. Помылись. Дедушка как-то торопливо юркнул к себе. Алим взобрался на плоскую крышу дома, чтобы понаблюдать за змеями. В глубинах голубого зноя парили они, пушенные мальчишками, превращались

в сказочных дивов, добрых, злых, страшных, не страшных. И пришла на крышу дедушкина сказка.

«... Вдруг откуда ни возьмись, чёрная туча закрыла небо. И земля почернела. Появились четыре вихря-смерча и подлетели к дереву – под ним отдыхал царевич. А когда подлетели, рассеялись, превратились в дивов с длинными, как минарет, ногами. Со страху залез царевич на дерево и притаился. Дивы уселись на землю и стали спорить.

– Раз мы сами решить не можем, надо кого-нибудь справедливого позвать. Где только его найти? – говорит один.

А другой ему отвечает:

– Его искать не надо. Он здесь рядом сидит. Эй, джигит, слазь с дерева.

Пуще прежнего затаился царевич, страхом наполнилось его сердце...»

Чу! Сказка или нет? Чей это голос слышен с земли?

– Слазь, говорю, с крыши. Чей, мальчик, будешь?

V

...Зарывшись жёлтыми сандалиями в мучнистую пыль до роги, стоял внизу незнакомец в больших тёмных очках. Толстрыл, в белой шёлковой безрукавке, повторяющей рябь чрезмерного живота, на котором покоились, поблескивая кожей и никелем, кинокамера и фотоаппараты.

У Алима сердце замерло.

– Ты чего на крышу забрался? – спросил незнакомец по-русски.

– Змеи, – невнятно пробормотал Алим.

– Помню, помню... «И превратились вихри в дивов, и завели свой глупый спор...»

Ещё больше забило сердце. Рыжий знает дедушкину сказку, он провидец...

– Григорьев, археолог, – протянул снизу руку толстяк. – Будем знакомиться.

– Алим, – пролепетал Алим.

– Внук усто Джуракула? – Археолог тяжело присел на корточки, прицелился фотоаппаратом: щёлк, щёлк. Блеснула на солнце линза объектива...

– Прыгай ко мне. Птичка улетела. Дивы улетели. Улетела синяя птичка Симург. Малыш, все мы о ней мечтаем!

VI

Присели на корявое тутовое бревно у ворот. Археолог пытел толстыми губами, утирался поминутно большим платком.

– Царевич, где твой дедушка?

– Лихорадка его трясёт, – вспомнив странное состояние дедушки, ответил Алим.

– Домой пригласишь?

– Проходите, – степенно приложив правую руку к халатнику, сказал Алим.

У мастерской, где в беспорядке лежали непроданные дедушкины горшки, чаши, толстяк остановился, присел, стал перебирать руками каждую вещь, внимательно осматривал узоры и рисунки.

– Пожалуй, здесь и подождём...

– А фининспектор дедушку ругает. И бабушка, и дядя Кадыр.

– Слепцы, – пробормотал толстяк, ещё пристальней всматриваясь в рисунки. Повторил: – Слепцы. Твой дедушка большой человек, художник.

– Художники картины рисуют.

– И картины... И стихи пишут. Они – чародеи. Хранители.

– Что же они хранят?

Археолог снял сползшие на нос очки, долго обтирал лицо платком.

– Что, говоришь? Гм... Например, красоту, тайну... Вот ты, каким был пять лет назад?

– Забыл.

– То-то. А кто помнит, какими люди были много веков назад? Никто... Художники только. Посмотри сюда, – толстяк протянул Алимину чашу.

– Кресты, колечки... Дедушка умеет красиво рисовать. Но где тайна здесь?

– Вот тебе тайна. Эти три колечка – символ богини-матери Анахиты. Была такая у древних людей. Они верили в небо, зем-

лю, огонь. Хромой Тимур почитал Анахиту. У него печать-пай-цза с тремя кольцами.

– А крестики?

– Крестики? Это огонь. Круглые пятна – солнце, соляные знаки. Волнистые линии – вода.

– Дедушка и барана рисует!

– Так-так... Это фетиш, родовое животное, тотем. И ещё баранчиком солнце считали. Сушки ел?

– Ел.

– Их русские баранками называют, потому как они похожи на круглые рога горных баранов и на круглое солнце. Выходит, и мы, славяне, светилу поклонялись.

– А дедушка про крестики, кольца ничего такого не рассказывал, – огорчённо вздохнул Алим.

Толстяк улыбнулся, похлопал его по плечу.

– Очень даже понятно, малыш. Ведь он и сам не знает об этом...! Мы у вас за горой вчера раскоп сделали, нашли блюдо. Точь-в-точь как у твоего дедушки. Тысячу лет назад поклонялись здесь люди солнцу и огню. Если бы мы не нашли чашу, кто об этом бы рассказал? Что бы рассказало? Только блюдо дедушки твоего...? Вот так-то.

У Алима заколотилось сердце. Дедушка – волшебник... Волшебник!

VII

Дедушке полегчало, и бабушка позвала археолога в дом. Гость просидел допоздна, а, прощаясь, подарил Алиму красивый значок. Алим прибежал с ним к дедушке. Дедушка был слаб, но счастлив. Усевшись на супу, он расставил под ногами свои блюда и кувшины. Щёлкал языком, радостно улыбаясь.

– Душа моя, – погладил он Алима по жёстким коротким волосам. – Ты спросил, почему люди называют родниковую рыбу святой?

– Это я утром...

– Аулия-балык – сердце нашего родника. Через камни пробивается вода к людям, не будь рыбы – зарос бы родник водорослями, тиной, пропал бы. Аулия-балык хранит наш родник, очищает...

– Дедушка, а ты тоже хранитель?

Но дедушка уже не слушал, потому что умер. Его обмыли и быстро, всем кишлаком, пошли хоронить к старому мазару на горе.

Алим бежал в гору за процессией и совсем не замечал, что люди движутся по его и дедушкиной тропе, мимо родников и чинар, мимо камня с овальным отверстием, мимо тёмных скал. Но когда пение птиц напомнило ему о полуденных прогулках, он сел на камень у могилы деда.

– Дедушка, а как же я, а ослик? Дедушка...

VIII

Через сорок дней дядя Кадыр позвал соседа. Они взялись за кетмени и ломы. Вывезли со двора глину, приготовленную дедушкой для кувшинов и чаш. Сломали лачугу, где ослик Урак с перевязанными глазами ходил по кругу, растирая мельничным камнем свинцовую руду на краску. Быстро был разобран ветхий навес-айван, под которым сушилась сырая посуда. Двор стал просторным, пустым.

Бабушка плакала.

Когда дядя Кадыр подошёл с ломом в руке к мастерской, чтобы ломать печь, Алим неожиданно для самого себя подскочил к нему и ударил кулаком по спине.

– Зачем ломаете! Это дедушкино... – слёзы брызнули у Алима из глаз.

– Оббо! – сказал тогда сосед и озадаченно почесал затылок. Потом посмотрел на плачущую бабушку и ушёл восвояси.

Опустились руки и у дяди Кадыра. Озабоченно качая головой, он отправился в чайхану рассказывать приятелям о непочтительности племянника. Неслыханно!

IX

Вечером с гор потянуло теплом и арчевой хвоей. Алим зашёл в дедушкину мастерскую. К горловине обжиговой печи свисала с потолка маленькая, засиженная мухами лампочка. Когда-то дядя Кадыр, ещё не оставивший гончарного ремесла,

провёл её сюда. Она тускло освещала гончарный круг с одиноким комочком высохшей глины.

Ночь за стенами была тёмной и звёздной, непрерывно журчала в арыке вода. Квакали лягушки. Люди сидели в чайханах и говорили о новостях. Смотрели телевизоры. Ложились спать. Смеялись и переругивались. Укладывали детей. У жены фининспектора родился сын, и отец, счастливо улыбаясь, весь вечер угощал друзей и соседей пловом. За полночь, перелетев гору, ворвался в кишлак гул реактивного самолёта. Потом затих. Алим не выдержал и заплакал. С ним не было рядом дедушки, и он не знал, где сейчас добрый толстый археолог.

... Долга была ночь, и долги были слёзы. Они скатывались по щекам мальчика на серенький комочек высохшей глины и она после каждой слезинки размокала всё больше и больше. Вскоре серый цвет растворился в фиолетовых, жёлтых, розовых и синих оттенках. Глина ожила, потеплела, как лицо дедушки. Алим, не отрывая уже сухих глаз от одинокого комочка земного праха, осторожно дотронулся до шершавого гончарного камня. Камень дрогнул от прикосновения человеческой руки. Он будто вспомнил что-то, а потом закружился...

Ургут, 1977

АЛЕКСАНДР
КЕРДАН

Александр Борисович Кердан родился 11 января 1957 года в городе Коркино Челябинской области.

Окончил высшее военное училище, военную академию и адъюнктуру Военного университета. 27 лет прослужил в Вооружённых Силах. Полковник запаса.

Доктор культурологии.

Автор 67 книг стихов и прозы, вышедших в России, Азербайджане и США.

Заслуженный работник культуры РФ.

Лауреат Большой литературной премии России, всероссийских и международных литературных премий.

Сопредседатель Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала.

Живёт в Екатеринбурге.

К новым европейцам

Вы теперь говорите иное –
 Позабыли какую ценою
 В сорок пятом, победной весною
 Заплатили, чтоб жить в тишине...
 И полезла вся нечисть из схронов,
 Развернула нацистов знамёна,
 С факелами шагает колонной
 Прямо к новой всемирной войне.

Ну, а мы? Изменились мы сами,
 И бессильно разводим руками,
 Всё талдычим про совесть, про память...
 Толерантность... Господь, нас прости!
 А случится подняться в атаку,
 «Толерантные», сможем без страху,
 На груди по-отцовски рубаху
 Распластав, до Берлина дойти?..

2018

В рядах «Бессмертного полка»

«Бессмертный полк» – из края в край –
 Во славу наших предков...
 И ты, мой друг, в ряды вставай,
 Твой дед служил в разведке.

Мой дядя тоже – боевой,
 Брал в сорок пятом Прагу...
 С войны пришёл он чуть живой
 С медалью «За Отвагу».

А вот знакомый депутат,
 Гляди, слуга народа...
 Его отец, хоть и солдат,
 В РОА⁴ служил два года.

А вместе с ним шагает чин,
 Чей дед был полицаем...
 Мы среди множества личин
 Врагов не различаем.

Несём портреты дорогих
 Родителей и дедов,
 Уже не видя тех, других,
 Кто отдалял Победу.

Их отпрыски теперь во власть
 Прошли, и, коли мода,
 Спешат в ряды «полка» попасть,
 Встать впереди народа.

Мол, тоже «свой» я человек,
 И есть мне, чем гордиться!
 Но в генах каждого навек
 Предательство таится.

И потому, мой друг, гляди
 В строю полка святого,
 Кто там шагает впереди
 И кто предаст нас снова.

2018

4 Русская освободительная армия Власова.

Ждала с войны,
 а он вернулся
 совсем не тем,
 кого ждала...
 Стонал во сне.
 Потом проснулся
 и попросил,
 чтоб налила.
 Пил в одиночку,
 взгляд тяжёлый
 уставив в тёмное окно.
 Потом повел сынишку в школу,
 мол, уж поднялся всё равно.
 Вернулся к вечеру.
 Голодный.
 Пил в одиночку.
 Лёг.
 Уснул.
 Пиджак –
 в карман рукав свободный –
 она повесила на стул.
 Достала письма из комода,
 Те, что он ей с войны писал,
 и тихо плакала на кухне,
 что дождалась
 да не того...

2004

Поединок

(рассказ попутчика)

Не по пьянке или капризу,
 Не подверженный наркоте,
 Ветеран расстрелял телевизор
 Из испытанного ТэТэ.

Приструнить подлецов не властен,
 Но, хотя бы в своём дому,
 Память прошлого рвать на части
 Не позволит он никому.

И надел он пиджак парадный,
 Где три ордена Славы – в ряд,
 И прицелился аккуратно
 В изрекающий ложь квадрат.

Всей неправде бросая вызов,
 Сделал он всё, что сделать смог:
 Восемь выстрелов – в телевизор,
 И последнюю пулю – в висок.

2008

Победитель

Я убит подо Ржевом...

А. Твардовский

Я убит сегодня под Славянском,
 Защищая город наш родной.
 Я лежу с георгиевским бантом –
 Небеса сквозные надо мной.
 Где-то громяют бэтээры,
 Грохают разрывы вдалеке,
 И звучат команды офицеров
 На чужом, шипящем языке.

Топают наёмная пехота,
Воровски косясь по сторонам...
А подмога задержалась что-то,
Не пришёл никто на помощь нам.

Будто бы в каком-то сне нелепом
Вся эпоха повернула вспять!
Чтобы жили вы под русским небом,
Должен был я здесь сегодня встать

И свой смертный час принять солдатом,
Ведь не зря же на былой войне
Дед мой на рейхстаге в сорок пятом
Вывел имя, что досталось мне.

2014

Живым – живое. Павшим – третий тост
И память, за которую не стыдно...
На обелисках светит столько звёзд,
Что в русском небе звёзд почти не видно.

1998

Был сорок первый год и сорок пятый.
Герои – на висках сражений дым –
Живые, вы теперь – отцы солдатам,
А я – ровесник павшим, молодым.
И на пути сегодняшнем, неблизком,
Во время кратких, придорожных встреч,
Глядят мне в душу звёзды обелисков
И заклинают этот мир сберечь.

1985

СВЕТЛАНА
ЛИХАЯ

Светлана ЛИХАЯ / ДЕТСКИЙ МИР

Лихая Светлана Анатольевна (1967–2012) родилась 22 ноября 1967 года в Узбекистане, г. Ургенче в семье военнослужащего.

В Нижневартовск приехала в 1982 году, где у неё родились двое детей.

Закончила Тобольский педагогический институт, филологический факультет.

Работала учителем, корреспондентом газет: «Газопереработчик», «Земские вести», «Вечерний Нижневартовск», «Дельфа-пресс».

Писать стихи начала с четвёртого класса. Всегда активно участвовала в литературной жизни Нижневартовска. Печаталась в коллективных сборниках «Меня по свету молодость носила», «Иван-чай» и др., альманахах «Эринтур», «Зори Самотлора», в периодических изданиях.

Автор двух сборников стихов «Осень растревожила» и «Предчувствие».

БЕЛЬЧАТА

В лесу стоял старый кедр, в котором дятел когда-то выдолбил дупло, где и поселились Белочка-рыжий хвост – шустрые лапки и её детки – бельчата. Мама-белочка дала своим деткам имена ласковые, сынишку назвала Шустриком, дочурку Зоренькой.

Хорошо жилось им в уютном домике. Рано утром белочка отправлялась за шишками, орехами да грибами, а бельчата терпеливо ждали свою маму в домике. Принесёт, бывало, белочка своим детишкам лесные дары, выберутся из дупла бельчата, усядутся на развесистых лапах кедров и щёлкают себе орешки. А мама-белочка не сидит без дела, нанизывает на сухие ветви кедров принесённые грибы: рыжики да опята.

Ласково светит солнышко, щебечут лесные пичужки, поскрипывает старый кедр, цокает язычком белочка-мама и песенку поёт:

«Ля-ля, – ля-ля, – л я-л я, – ля!
Дружная у нас семья,
Шустрик, Зоренька, да я!»

Нашёлкают орешков бельчата, и мама-белка начинает им своё мастерство передавать, учит их по деревьям прыгать. Скок-поскок! – перепрыгивают с одной ветки на другую бельчата. Прыг да скок! – только хвостики рыжие мелькают. Благодарить!..

Но вот однажды, солнечным утром, когда мама-белка, как всегда, отправилась за грибами и орехами, прямо над головой бельчат, из своего гнезда, хрипло засмеялась злющая-презлющая соседка – серая ворона: «Хорошо вам с мамочкой живётся, и домик у вас – на зависть; и забот никаких: знай, скачи, да прыгай по веткам. А каково мне – бедной, одинокой, никому не нужной? Гнездо у меня старое, растрёпанное, гостей позвать стыдно. Да и звать-то мне некого. А тут ещё вы своим весельем, житья мне никакого не даёте. Не жить вам больше в этом доме,

не распевать весёлых песенок. Накаркаю я вам беду на ваш дом: Кар-кар-кар!»

И точно, накаркала злая ведьма-ворона бурю-ураган.

Налетел ураган со страшной силой, застонал, заскрипел кедр. Иголки с него так и посыпалась, сухие ветви одна за другой поломались и полетели вниз, на землю. Не выдержал старик-кедр урагана внезапного, рухнул на землю вместе с бельчатами. Рухнул, чуть собой бельчат не придавил. Сидят в его ветвях бельчата малые, оглядываются по сторонам и мамочку свою зовут: «Мама-белка! Мама-белка! Где же ты?» Плачут бедные, хвостиками рыжими мордочки утирают. Нет мамы белки. Одни остались – одинёшеньки в лесу они. Другие звери от урагана в норах попрятались, никто и носа из домика своего не показывает. Никто не приходит на помощь бельчатам. А ураган силу новую набирает, злобную песню поёт. Совсем отчаялись Шустрик и Зоренька. Глазки прикрыли, дрожат все, с жизнью прощаются.

Тут молния сверкнула, небо озарила, и увидели бельчата под соседней сосной чью-то нору, юркнули в неё, притаились, хвостиками рыжими прикрылись. А в норе тепло и уютно, согрелись бельчата и уснули.

Проснулись Шустрик и Зоренька от недовольного ворчания. Прямо перед ними на задних лапках сидел дедушка-крот, и подслеповато щурясь, рассматривал своих незваных гостей.

– Итак, ребята-бельчата, позвольте вас спросить, как вы оказались в моей норе? – сердито поинтересовался дедушка-крот.

– А мы, дедушка, спрятались в твоей норе от урагана. Наше дерево упало, а маму мы потеряли... – плача и перебивая друг друга, поделились с ним своей бедой бельчата.

– Говорите, маму потеряли? Ну не плачьте, не плачьте, найдётся ваша мама, – успокоил малышей дедушка-крот, – ураган уже закончился, солнышко светит, и хоть я ничего не вижу, но, так уж и быть, пойдём с вами вашу маму искать.

Успокоенные бельчата вместе с кротом вылезли из норы. И тут же увидели маму-белку. Она сидела на пенёчке и горько плакала, потому, что никак не могла найти своих малышей. Тот было радости! Мама-белочка целовала и обнимала Шустри-

ка и Зореньку, а бельчата тесно прижавшись к своей мамочке, рассказывали ей об ужасах прошлого дня.

Огляделась мама-белочка по сторонам и загрустила. Где же жить ей теперь с её детками? И звери в лесу решили помочь беличьей семье. Работяга-дятел выдолбил под кроной другого кедра – дупло, которое стало для белочки и её деток новым домом. На новоселье друзья белочки подарили им подарки. Ёжик – грибы и яблоки, крот – орехи и пшеничные колоски. Даже медведь насобирал для них целую гору орехов!

Только злой вороне никто не помог, а ведь и она тоже пострадала. Не подумала глупая, что с упавшим кедром, и она лишится своего гнезда. И пришлось ей строить себе гнездо в другом месте.

Пускай там каркает!

Конец

БАБА-ЯГА И КАША

В одном сибирском городе жила-была маленькая девочка Линочка, которая по утрам не хотела есть кашу. Как ни уговаривали её мама и бабушка, как ни упрашивали съесть хотя бы ложечку, девочка не поддавалась ни на какие уговоры.

А в дремучем лесу жила-была Баба-Яга, которая больше всего на свете по утрам любила есть кашу. Да где же её взять-то в дремучем лесу?

Как-то сидела Баба-Яга над пустой тарелкой, зубами щёлкала от голода, и подумала:

– Дай-ка взгляну-ка я в свой волшебный телевизор. Может быть, кто-то из детишек не хочет есть кашу?

Взяла она серебряное блюдечко и наливное яблочко. Пустила яблочко по блюдечку. Катится яблочко, заморские страны показывает, города российские, большие, красивые. Дома в городах высотные, многоэтажные. Смотрит Баба-Яга: на рез-

ном стульчике, одного из таких домов, сидит маленькая девочка Линочка и давясь слезами кричит:

– Не буду я есть эту кашу!

– А я буду! – решила Баба-Яга. Села она в свою ступу и полетела. Летит по небу, помелом погоняет.

Влетела Баба-Яга в открытое окно Линочкиной квартиры, схватила со стола тарелку каши и улетела в свой дремучий лес.

Так у них и повелось. Только Линочка за стол, Баба-Яга тут как тут:

– Отдавай кашу!

Хорошо живётся Бабе-Яге. Пополнела, раздобрела она на Линочкиных харчах.

Но вот однажды случилось непредвиденное. Прилетает Баба-Яга к заветному окну и что же видит? Линочка, оглядываясь по сторонам, быстро-быстро, ложку за ложкой, ест нелюбимую прежде кашу.

Вдохнула Баба-Яга. Что ж, придётся искать другую девочку, которая по утрам тоже не хочет, есть кашу.

С тех пор летает Баба-Яга на своей метле по белу свету злая, голодная и заглядывает в окна.

А ты, дружок, уже съел свою кашу?

Конец

ОТКУДА ПОЯВИЛИСЬ ЯЩЕРИЦЫ?

Жил-был на свете трёхголовый Змей Горыныч. Горыныч, как Горыныч. Как и все остальные Змеи извергал из пасти пламя, имел те же чешуйчатые лапы, тот же длинный зелёный хвост и был такого же большого роста, как и все другие Горынычи. Словом, он был такой же, как и все. Такой да не такой. Ему, как это ни удивительно, хотелось иметь только одну голо-

ву. Не хотелось ему быть таким огромным и таким страшным, не хотелось ему, чтобы люди пугались при встрече с ним. Не хотелось быть Змеем Горынычем. Не хотелось и всё тут! Не хотелось обитать, как остальные Горынычи, в недрах гор и глубоких пещерах. Хотелось видеть солнце ясное, солнце ласковое. Другие Горынычи гордились, что они Змеи, а этот наоборот стеснялся горынычьей своей породы.

А в тёмном-тёмном лесу жила Баба-Яга. Ей тоже, как это ни странно, не хотелось быть злой Бабой-Ягой. Никого на печь она ни сажала, никого не ела в запечённом виде, а только собирала разные целебные травы, и варила из них зелья, но не вредные, а лечебные. Этими зельями она лечила заболевших или попавших в беду зверюшек.

Бывало, попадёт в капкан охотника серый волк, Баба-Яга тут как тут со своим зельем. Поможет выбраться ему из капкана, смажет больную ногу, пошепчет колдовское заклинание, смотришь, нога у серого уже не болит. И он, как преданная собака, лижет руки своей спасительнице. Или выпадет из гнезда птенец, Баба-Яга уже спешит на помощь. Поднимет с земли упавшего птенца, обработает ему ранки целебным раствором, посадит его вновь в гнёздышко, смотришь, он уже и щебечет, благодарит Бабу-Ягу за доброту её. И зачем спрашивается делать ей добрые дела, если от этого нет для неё никакой пользы? Ведь настоящая Баба-Яга должна делать только во вред всем живущим в лесу. А эта творила только добро. Странная, очень странная была эта Баба-Яга!

Как-то варила Баба-Яга целебное снадобье, и вдруг раздался стук в дверь. Открыла она дверь и очень обрадовалась: на пороге стоял её старый друг Змей Горыныч, который не хотел страшным Горынычем быть. Пригласила Баба-Яга его к столу, накормила пирожками с малиной, напоила чаем с целебными травами. Обычно Бабки-Ёшки едят настоящие колдовские яства: жабью икру, суп из мухоморов и поганок, да киселём из тины болотной запивают, а Змей Горынычей потчуют ужами запечёнными, сморчками маринованными, да слизнями болотными. Но Баба-Яга и этот Горыныч, предпочитали обычную еду, и были очень рады такой пищей попотчеваться.

Попили они чай, сидят, разговаривают. Неожиданно Змей-Горыныч залился слезами. Всполошилась Баба-Яга:

– Что с тобой, Горынушка? Что с тобой, милай? Может голова болит, али живот скрутило?

– Эх, Ягушечка, не болит у меня голова и живот не скрутило, – говорит ей Змей-Горыныч, – надоело мне пламя из пасти извергать, да людей своим большим ростом пугать. Надоело трёхговым быть! Про кого сказки страшные рассказывают? Кем по ночам детишек малых пугают? Мною – Змеем Горынычем пугают: «Вот прилетит Змей Горыныч, унесёт тебя в страны далёкие!» А если я никого обижать не хочу? Если сердце у меня доброе? – и пуще прежнего залился бедный Горыныч слезами горячими. Слёзы потоком хлынули из глаз его, весь пол залили в избушке Бабы-Яги. Видит Баба-Яга, что дело серьёзное, не шуточное. Гладит Баба-Яга Горыныча по голове, успокаивает:

– Не плачь, Горынушка! Я что-нибудь придумаю.

Задумалась Баба-Яга. Долго думала и решилась:

– Помочь я твоему горю, Горынушка, могу. Есть у меня такое зелье, которое рост уменьшает. Но вот беда, нет такого зелья, которое три головы в одну превращает...

– А нельзя ли, Ягушечка, попробовать сделать такое зелье? – сквозь слёзы спросил Змей-Горыныч. – Я помогу, если чего нужно добыть. Век благодарен тебе буду...

Согласилась Баба-Яга. Облетела Баба Яга весь лес, чтобы собрать разные составные части для варева чудесного. Змей Горыныч тоже помогал. А когда насобирали всего нужного, стали они зелье варить. Варили они его, варили, целый месяц мучились – и зелье вышло на славу! В состав его вошли, в первую очередь, слёзы самого Змея Горыныча, жабья икра, зубы кентавра, волосы Златовласки, скорлупа от яйца динозавра, мышиный помёт, кожа змеи, мёртвая и живая вода, пух из перьев Жар-птицы и лепестки цветика-семицветика. Славное вышло зелье, славное...

Выпил его Змей Горыныч и пропал...

Испугалась Баба-Яга, мечется по избушке, Горыныча зовет:

– Горыныч, милай, где ты? Отзовись, не пугай меня старую...

Молчит Горыныч, не отзывается. Отчаялась Баба-Яга, думает, погубила она друга своего любезного.

Вдруг из-под стола, голос тоненький послышался:

– Здесь я, Ягушечка, здесь, душечка!

Заглянула Баба-Яга под стол, а там ящерица сидит, маленькая такая ящерица, зелёная, глаза большие, добрые.

– Ты ли это, Горынушка? – спрашивает она шёпотом бывшего Горыныча.

А ящерица утвердительно головкой кивает:

– Я это Ягушечка, я, душечка...

Вздыхнула с облегчением Баба-Яга, на руки ящерицу взяла, а та ей на плечо влезла и, «спасибо» на ухо шепчет.

Конец

Такташева Лилия Порфирьевна родилась 29 февраля 1940 года в городе Термезе Узбекской ССР. Окончила Душанбинский педагогический институт им. Т. Шевченко в 1966 году.

Работала учителем физики и математики в средней школе города Чкаловска Таджикской ССР (1968–1972), в средних школах города Мегиона №1 и №3 (1972–1977), педагогом-организатором в подростковом клубе «Разведчик» (1991–1992), инженером по технике безопасности. Избиралась депутатом городской Думы города Мегиона.

Поэт. Пишет на русском языке. Автор пяти книг стихов для детей: «Голубые небеса» (Новосибирск, 2000), «Чудесная планета» (Екатеринбург, 2007), «Земные радости» (Екатеринбург 2011), «Солнечный цветочек» (Санкт-Петербург 2014), «Все о кошках и котах» (Санкт-Петербург 2018). На её произведения написано несколько песен, в том числе Санкт-Петербургским композитором Жанной Металлиди (сборник песен для детей «Петь по-всякому могу»).

Лауреат Премии Губернатора ХМАО в области литературы.

Член Союза писателей России.

ЛИЛИЯ
ТАКТАШЕВА

С юбилеем!

Под Новый Год

Забрёл я в лес под Новый год.
Гляжу – стоит избушка.
Навстречу вышел чёрный кот
И странная старушка.

Она была со мной строга.
Я сразу догадался –
Да это же сама Яга!
Но я не испугался.

Из рюкзака достал пирог
И угостил старушку.
Очистил от снежка порог,
Затем вошёл в избушку.

Пока знакомился с котом,
Яга на стол накрыла.
Поели молча, а потом
Она заговорила:

– Никак, царевну ищешь ты?
Я помогу, милочек.
Пойдёшь сквозь дебри три версты
И бросишь мой клубочек.

Тебя он к замку приведёт.
В том замке есть темница.
Не видя солнца круглый год,
Царевна в нём томится...

Яга учила, как срубить
Три головы у змея
И как злодея погубить –
Бессмертного Кощея.

И я сражался, я рубил,
Я к замку пробивался.
Царевну я освободил,
Я на коне с ней мчался.

Успеть бы встретить Новый год,
Но конь мой вдруг споткнулся...
Мурлыкал в ухо Васька-кот.
Как жаль, что я проснулся!

Ещё казалось, что вот-вот
Примчится конь мой верный...
Успел я встретить Новый Год.
Да только без царевны.

Мамин праздник

Говорят, что я проказник.
Но сегодня, в мамин праздник
Я проказничать не буду,
Наведу порядок всюду.

А чтоб мама не скучала,
Расскажу стишок сначала,
В зоопарк потом свожу,
Бегемота покажу.

Я куплю ей шоколадки,
Покатаю на лошадке
И весёлое кино
Посмотрю ей заодно.

Уж воробушек кричит.
Солнце встало. Мама спит.
Занавешу-ка окошко –
Пусть поспит ещё немножко.

Повторялочки

Я бегу – Луна бежит.
Я стою – Луна стоит.
Ей на небе скучно, видно:
Я играю – ей завидно.

Вот решила не скучать
И со мною поиграть.
Я не против, пусть играет,
Пусть за мною повторяет.

Надоело с ней игратьсь,
Побежал на пруд – купаться,
А Луна – дружочек мой
Снова следует за мной.

Я шагнул – Луна шагнула,
Я нырнул – Луна нырнула.
Ей понравилась игра,
Ну а мне домой пора.

Полетел, как самолёт,
И Луна не отстаёт.
Лёг в кроватку у окна,
А в окно глядит Луна.

Уходить никак не хочет.
Говорю: «Спокойной ночи!
Завтра будем мы опять
В повторялочки играть».

Погрустнела вдруг Луна...
Знать, надеялась она
Поиграть ещё немножко.
Глядь: пропала из окошка.

Как пёс коня проучил

На дороге пёс лежал,
По дороге конь бежал.
Сам не зная почему,
Наступил на хвост ему.

Пёс ужасно разозлился,
Догонять коня пустился,
Но догнать его не смог,
Поскулил и снова лёг.

Как-то в поле конь лежал,
А по полю пёс бежал.
Вспомнил старую обиду,
Но коню не подал виду.

Подошёл, да – хватъ за хвост.
Конь поднялся во весь рост,
Отомстить ему желает,
Да верёвка не пускает.

От обиды конь заржал,
Пса с тех пор не обижал
И смотрел себе под ноги,
Если бегал по дороге.

ВИКТОР
КОЗЛОВ

Козлов Виктор Николаевич (1937–2017) родился 15 июня 1937 года в с. Овчинниково Косихинского района Алтайского края. Окончил Уфимский нефтяной институт (1961).

Работал в Тюменской области, на Севере Западной Сибири. Прошёл трудовой путь от помощника бурильщика до главного инженера нефтегазоразведочной экспедиции.

Автор семи поэтических книг и одиннадцати книг прозы. Ветеран нефтеразведки. Член Союза писателей России с 2000 года.

Лауреат Всероссийской премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка, лауреат премии Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в области литературы за 2005 год.

Март сорок третьего. С хрустящим бельем
мамка вошла с мороза.
Лицо побелевшее, а на нем –
стылые капельки:
слёзы...
И вдруг
раздался истошный всхлип,
а после – молчанье.
И тут я понял: папка погиб!
Меня
охватило
отчаянье...
А в комнате пахло талым бельём,
всхлипы перешли в рыдание...
... Давно уже всё поросло бельём,
но – воскрешает обоняние...

1993 г.

На сердце благостно и тихо.
Я говорю, слез не тая:
– Ну, как ты здравствуешь, Косиха –
Косиха, родина моя?
В тебе я божий мир увидел
и в нём себя я осознал.
Впервые здесь меня обидел
тот мир, а также наказал,
лишив навек отца родного...
И из Косихи наша мать
нас увезла –
пришлось нам снова –
к иному миру! –
привыкать...

О, как я горько в Малышовке
рыдал, запрятавшись во ржи.
«Вот был бы папка!.. –
В небе ловко
носились быстрые стрижи...
А я мечтал: – Тогда б в Косихе
мы снова жили и тогда –
там ласточки б свистели лихо
на телеграфных проводах!..
А здесь – стрижи... и проводов
в помине нету... –
и без слов
я наблюдал ход облаков
в бездонном небе и вздыхал,
проплакавшись, легко и тихо:
«Такое ж небо – над Косихой!...» –
и к Малышовке привыкал...

1993 г.

Из Косихи в Малышовку

Нам вокзалы и вагоны
заменяли отчий дом:
мы навстречу эшелонам
прорываемся с трудом –
то стоим на полустанке,
то опять едва ползём.
На платформах – мимо – танки
с часовыми под ружьём.
Пушки... пушки... самолёты...
(Самолёт – а без крыла!).
И – теплушки, в них – пехота.
Эшелонам несть числа!
Цепко вглядываюсь в лица:
вдруг отец среди них – живой! –
мог ведь кто-то ошибиться

в штабе, в почте полевой...
Но торопят их комбаты:
– По вагонам!.. В эшелон!
Едут на восток солдаты:
тыща! может, миллион...
Мне уж кажется: мы вечно
кочевую жизнь ведём
и везде хожу беспечно,
мать волнуется: «Содом!
Вы меня держитесь, детки,
потеряетесь – беда!»
И старалась, как наседка,
не пускать нас никуда.
Брат с сестрой – уже большие,
мы с сестричкой – мелкота!
Я к тому ж ещё завшивел:
«Дотаскался, неслух, да?!»
Я расстроился, поник:
всех теперь – в санпропускник!..
... Едем мы в вагоне жёстком.
Где-то, вроде, после Омска,
с третьей – верхней! – полки, сонный,
я свалился на солдат,
пивших самогон зловонный
вот уж много дней подряд:
по раненью были дома
и теперь, путём знакомым,
возвращаются назад.
Густо звякнули медали:
«Ну-тко, кореш, наливай!
Вишь, закуску нам подали,
на вот финку – нарежай!»
И, хоть больно было, право,
начал хныкать я лукаво:
«Я – невкусный, дяди, правда:
у меня три дня – запор!»
Хохотали до упаду:
«Ну – Ильинский! Ну – хитёр!

На-ко – сахарок дёржи!»
... впереди была вся жизнь.

07.02.87г., г. Мезион

Терпение

... а в те жестокие года
мы за подол держались, да!
за горло нас брала нужда,
и мы просили: «Мамка, дай!» –
мы были дети.
А то, что тятка на войне,
что тяжко матери вдвойне,
что голодают все в стране,
не понимали: «Мамка – мне!..» –
мать лишь заплачет:
«Терпи, мой мальчик..!»

1993 г.

Один – безрукий, тот – с культяшкой,
с чахоткою, а кто – кривой...
Хоть в сторону вздыхали тяжело,
но радовались: всё живой!
... И оживилась Малышовка:
в ней застучали топоры.
То мужики, сперва неловко,
свои угоили дворы;
потом дошло и до знакомых,
кто сам был справиться невмочь.
«Григорьевна! Ты – делай помочь:
готовы мужики помочь!»
Мать с хмелем ставила кислушку,

пекла, варила – с ветерком...
... и вскоре мы свою избушку
солидно называли – дом.

23.11.94 г.

Мать не раз говорила:
«Надо было в рубашке родиться!
Ты бы горя не знал
в этом разе, сынок, никогда!..»
Я с сомнением косился
на рубашку линиялого ситца:
«Скажешь тоже – в рубахе!
Уж лучше бы в брюках тогда...
Чтоб с карманами – брюки! –
я легко и всерьёз загорался: –
И – ремень, как у брата, и с пряжкой чтоб!..»
Мать смеялась до слез:
«Это ж так, для словца, говорится.
Ты б с мальчишками лучше не дрался,
по деревьям не лазил –
и тогда бы одежду латать не пришлось...»
... Мне б те беды – сейчас...
Такова диалектика жизни:
я вчерашнее горе
сегодня рукой разведу...
Но другие дела и заботы,
облепили меня, словно слизи, –
я стряхнуть их пытаюсь
и, хоть через силу, бреду...

1986

Что с того – что ноги босы
и пупок к хребту прирос? –
обжигали летом росы,
а зимою жёг мороз!
Солнце – грело... Испарялся
с разнотравья росный след;
лыжный – тоже заметался:
был и вот уж следа нет...
Но какое было счастье:
сил набраться от земли!
Все печали и напасти
с лёгким вздохом – напроць шли!
Пели жаворонки песни,
шмель над клевером гудел...
Окружал нас мир чудесный!
... разный только ждал удел.

27.07.95г., г. Мегион

Я при лучине Пушкина читал:
не верится, что я ваш современник?
Увы-увы!.. А как я голодал
после Победы?.. Это на безмене –
не взвесишь! Я драл лыко, лапти плёл,
мочил мочало и сушил лучину...
Страдал без соли... И боялся пчёл.
И всевозможных куколок, личинок...
И всё же – выжил, злу наперекор,
я без отца, погибшего на фронте.
Но – жив он для меня и до сих пор:
вы боль мою, пожалуйста, не троньте.

04.11.00 г.

Шесталов Юван Николаевич (1937–2011) родился 22 июня 1937 года в семье коммуниста – председателя колхоза в д. Камратка Берёзовского района Остяко-Вогульского национального округа Омской области. По матери – внук шамана.

Первый профессиональный поэт манси.

В 1965 году окончил Тюменский педагогический институт, филологический факультет. Работал в редакциях газет, радио и на телевидении Ханты-Мансийского округа.

Автор многих книг прозы и стихов. Публиковался во многих периодических литературных изданиях России и Европы, в том числе – Венгрии.

Член Союза писателей СССР с 1962 года.

Член Союза писателей Венгрии. Лауреат Государственной премии имени М. Горького.

Награждён орденом Дружбы Народов и Орденом Трудового Красного Знамени.

Заслуженный деятель культуры ХМАО.

Почётный гражданин Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Похоронен в Ханты-Мансийске.

ЮВАН
ШЕСТАЛОВ

КЛИЧ ЖУРАВЛЯ*(поэма)*

Я – Стерх,
 Я – Журавль,
 Священная птица.
 Я плачу –
 Внимают мне все колдуны,
 Я плачу – шаманю,
 Священные мысли
 И мудрое слово
 В мой плач вплетены.

Сколько мне веков –
 Я не знаю,
 Но уже давно
 Наблюдаю:
 Расплодился люди,
 Как звери.
 Аппетит у них
 Неумерен.
 Ни на что те люди
 Не гожи,
 У зверей и шкуры
 Дороже...
 Люди же без пользы,
 Без толку
 Рыщут по Земле,
 Словно волки.
 Воют, галдят,
 Суетятся
 Бога и зверей
 Не боятся.
 Шум от них
 И крики,

И лязг,
 Ссоры, безумства дрязг.
 На земле от них –
 Очень плохо.
 Зарычат,
 Как те росомахи –
 Журавлята мечутся в страхе.
 Да и я, хоть редко бывает,
 Со священных мыслей
 Сбиваюсь.
 Высоко не спеть
 В этом гаме,
 Мудрыми не плакать
 Словами,
 Небо, ты мой Бог, повелитель!
 Космос, вечной жизни
 Хранитель!
 Что, скажите, делать нам надо
 С этим разнуздавшимся стадом?

Я – журавль.
 Я – белый журавль.
 Люди-манси зовут меня Торыг,
 А в мире большом – Стерхом.
 Возвеличивают, воспевают,
 На тончайших струнах играют,
 Призывают меня
 к откровениям –
 Последним откровениям
 Умиравшего Стерха
 На умирающей Земле.

А однажды слышу с Неба:
 Разнуздались слишком люди!
 Так кричат, что Вещим Стерхам
 Невозможно выжить тут.
 Крикуны лишатся хлеба –
 Ведь давно уж воду губят,
 Травы сохнут,
 Да и рыбу
 Люди скоро изведут.
 Голод духом злым вселится
 В их кричащие желудки,
 И дождя они запросят,
 Но не будет им дождя!
 А когда он всё ж случится,
 То прольются тучи ядом,
 Ядом
 Ядерным
 За алчность
 Человека наградя.
 Лишь песок, гонимый ветром,
 Будет там, где было поле,
 Всех живых кормилец –
 Поле,
 Прекратившее родить.
 Мор и голод воцарятся
 Над калёною пустыней –
 Будет соль,
 Но этой солью
 Будет вечно солить.
 Чёрный жир земного чрева,
 Что людей веками греет,
 Чёрной смертью обернётся,
 Всё собою пропитав –
 Почернеют мхи и травы,
 Шерсть и перья почернеют,
 И земное чрево вспыхнет,

От насилия устав.
 Пустяковые болезни
 Станут вдруг неизлечимы,
 И Природа не укроет
 Чада слабые свои.
 Люди смолкнут безъязыко,
 И сожмутся матки женщин,
 Не родив детей мужчинам.
 Вот как будет.
 И! У! А!

Кар-ру! Кар-ру!
 Ер-ру! Ер-ру!
 Каркает ворон,
 Верный хору.
 Демократичен,
 Настырен,
 Проворен –
 Косноязычно
 Каркает ворон.
 Каркает ворон,
 Уверен и боек –
 Идол свобод
 И прораб перестроек,
 Новому призраку –
 Новые тропы.
 Новый бродяга
 У старой Европы.
 Призрак не тает –
 Ворон летает.
 Бах! Бух! Страх!
 Страх перед вороном,
 Страх перед идолом,
 Страх перед голодом.
 Ах! Ух! Страх!

Кружат вороны –
 Голод – пожар,
 Ядерный молох,
 СПИД,
 Кошмар.
 Трах! Пух-прах!
 Ах! Рух! Крах!
 Страшен сражённый
 Социализм.
 В пушки впряжен
 Национализм.
 Тысячецветные флаги
 Не прячь!
 Кровью набух
 Перезревший кумач.
 В чём моя истина?
 Чей мой флаг?
 Что мне – опора
 И кто мой маг?
 Европа?
 Россия?
 Отечество?
 Горбачёвское всечеловечество?
 Споры – как горы.
 Кровь – как море.
 Тонут опоры
 В болоте –
 Горе.
 Программы, прогнозы,
 брифинги,
 партии, хартии, митинги.
 Кажется, цель
 В самой борьбе.
 Где же опора?
 Нигде.
 В себе.
 Стерлинги, клиринги,
 Митинги, брифинги,

Овации и проклятия,
 Демонстрации –
 Демократия.
 Где и почём
 Точки опоры?
 Схожи лицом
 Герои и воры.
 Гений – оракул?
 Или больной?
 Слушать?
 Прогнать?
 Обойти стороной?
 Дифирамбы и диффамация –
 Информация.
 Информация.
 Бух! Бах! Враг!
 Слух. Страх. Мрак.
 Эй, у власти!
 Какой ты масти?
 Класс?
 Нация?
 Или – народ?
 Чем измеришь?
 Веришь – не веришь,
 Вру.
 Врёшь.
 Врёт.
 Редко встретишь теперь
 Формала.
 Их, формалов,
 Осталось мало.
 Выплывают сплошь
 Неформальные,
 Непонятные,
 Ненормальные –
 Корруптированные
 Партораторы,
 Цивилизованные

Кооператоры,
 Охотники до корней и веры,
 Подпольные миллионеры.
 Чрезвычайные меры?
 Меры! Меры! Меры!
 Меры защиты
 Свобод и свободы,
 Общества,
 Мира,
 Людей,
 Природы.
 Меры спасения нации
 От СПИДа,
 Войны,
 Инфляции.
 На золотом крыльце сидят
 Раб,
 Прораб,
 Генерал,
 Демократ,
 Врач
 И больной –
 Все хотят
 Править страной...
 Кар-ру! Кар-ру!
 Ер-ру! Ер-ру!
 Время прозрения.
 Время позора.
 Страшно движение
 Рас и племён.
 Странно рождение
 Новых имён
 Ультра- и экстра-
 -фанов и -манов,
 Глоб, Чумаков, Кашпировских –
 Шаманов...
 Так ликовать
 Или вешаться впору?

Кар-ру! Кар-ру!
 Ер-ру! Ер-ру!
 Где ты, наш Торум?
 Где ты, наш Бог?
 Чем нам снился социализм?
 Колдовством безумной радости?
 Ликованием счастья?
 Счастье...счастье...счастье..
 Слишком ярко играло,
 Слишком резвилось шумно –
 Вот и продлилось мало,
 Вот и ушло бездумно.
 Не уродивши хлеба,
 Не разукрасив ягоду –
 Бликом высветив небо,
 Сгинуло лето – на год.
 Что казалось прекрасным,
 Оказалось бесплодным...
 Вот и ищу напрасно.
 Вот и ищу голодный.
 Рыщу с горящим взором,
 Когти рвут корневища –
 Ржавой травы узоры
 Не обещают пищи.
 Злиться на всех, ругаться?
 Петть, плясать, веселиться?
 Или в чащу забраться?
 Да от всего забыться?
 Звать людей на подмогу –
 Иль отбирать людское?
 Может – залечь в берлогу,
 Там поискать покоя?
 Голод не даст забыться,
 Голод – берёт измором.
 Может быть – помолиться?
 Может,
 Поможет
 Торум?

Вы, владыки Природы!
 Жизнь дающие воды!
 Небо, света источник!
 Петь нам – или ругаться?
 Танцевать – или плакать?
 Иль в берлогу забраться
 И сосать свою лапу?
 Как нам жить на свете?
 Я кричу –
 Помогите!
 Что нам делать?
 Ответьте!
 Дух наш –
 Дух озарите!

Утренняя песня стерха

Я родился
 Здесь.
 Мир предо мной
 Весь.
 Я ещё мал –
 Гном,
 Но буду летать
 В нём.
 Что там, внизу?
 Низ!
 Что наверху?
 Верх!
 Пробую петь –
 Писк.
 Кто я такой?
 Стерх.
 Должен я петь –
 Ведь
 Голос священ
 Мой

Трудно пока
 Петь,
 Но, Стерхом рождён, –
 Пой!
 Свет доброты
 Прямо.
 Чист и правдив
 Ум.
 Счастье я всем
 Дам
 Правдой своих
 Дум.
 Только жесток
 Век.
 Тот, кто силен, –
 Прав.
 Мутен поток
 Рек,
 Грязен ковер
 Трав.
 Стерху Земля –
 Ад.
 Птичья судьба –
 Нуль.
 Людям перо –
 Клад,
 Жадным не жаль
 Пуль.
 Бури грозны –
 В лоб,
 Хочется враз
 Пасть.
 Застит глаза
 Зло.
 В душу ползёт
 Мразь.
 Но не паду,
 Нет!

Зло, клевета –
 Прочь!
 Мудрой Звезды
 Свет
 Силы мне даст
 В ночь,
 Крыльям большой
 Мах,
 Песне больших
 Слов –
 Чтоб превозмочь
 Страх,
 Чтоб победить
 Зло.
 Свет доброты
 Прям.
 Честен и чист
 Ум.
 Разум я всем
 Дам
 Песней своих
 Дум.
 Я родился
 Здесь.
 Мир предо мной
 Весь.
 Мир этот –
 Мой дом.
 Мне и летать
 В нём.

Я уже Великан, но расту.
 Я расту
 Из извечной несказанной
 Сказки Земли,
 Светозарный и свежий,
 Как снег на лету,
 Бестелесен, незрим,
 Я – вблизи,
 Я – вдали.
 Я встаю – но недвижим.
 Я встать не могу.
 В колыбели своей –
 материнском снегу –
 силу токов земли
 принимаю в себя.
 Холоднее, чем лёд,
 Горячее огня –
 Жизнь Великой Земли
 Наполняет меня.
 Колыбель моя – снег.
 Ощущаю во сне:
 Я, как кедр высокоглавый,
 Могуч –
 Завихрение недр,
 Столкновение туч,
 Мыслей звёздных разбег
 Ощущаю во сне.
 Вдрогнет космос однажды,
 И вдрогнет Земля,
 И проснусь я –
 Героем
 Эпохе под стать –
 Светозарным и свежим,
 Как девственный снег
 И могучее всех.
 Но смогу ли я встать?

Я не в своей стихии?
 Вздор!
 От недр Земли
 До отрогов гор –
 Моя колыбель золотого огня.
 Из сказок земных
 Возродила меня
 Колыбель золотого огня –
 Я не в своей стихии?
 Вздор!
 Живителен вод
 Родниковых напор –
 Их честью кристальной
 Вспоила меня
 Колыбель золотого огня.
 Я спал,
 Порожденье воды и огня.
 Но час пробужденья
 Настал для меня.
 Вот кровь забурлила
 В артериях рек,
 Я спал – Великан,
 Я встал –
 Человек!
 Великан – Человек,
 Я возник из глубин
 Воздушными стрелами,
 Копьями света.
 О, Мир так велик!
 Почему я один?
 Где ты?
 Где ты?

Торум!
 Наш разум космический!
 Бог,
 Мир сотворивший
 из света и тьмы!
 Может быть,
 ты объяснить бы смог –
 Чем провинились мы?
 Ты, Мать-Природа,
 Ты, Сорни-най,
 Жизнь и детей подарившая нам,
 Рыбе в озёрах
 И зверю в лесах,
 Птице, порхающей в небесах –
 Молим – скажи,
 Почему сейчас
 Страшная кара постигла нас?
 Ка-ра! Ка-ра! Ка-ра-юх!
 Ух!
 Крахом духовным,
 Телесным измором
 Кара твоя, ох, сурова, Торум!
 Ка-ра! Ка-ра! Ка-ра-юх!
 Ух!
 Мир изменить
 Мы имели дерзость.
 Клятвою высокой
 Легко поклялись.
 Но породили
 Всякую мерзость,
 Что грузом смертельным
 Тянет вниз.
 Светлое Завтра
 Строить мечтали,
 А получили
 Бурю в лицо.

Поисчезали
 Светлые дали,
 Мы потеряли
 Лучших бойцов.
 Мы назывались
 Борцами, творцами –
 Гордая песня
 Про светлую жизнь!
 Мы так безропотно
 Шли за вождями!
 В чём согрешили мы,
 Торум, скажи!
 Не угодили мы, видно, Природе –
 Кара богов не обрушится зря.
 Кара – безверье,
 Кара – бесплодьё,
 Кара – бессильё
 Детей октября.
 Ка-ра! Ка-ра! Ка-ра-юх!
 Ух!
 Падает птица.
 Оборван полёт.
 Время стремится
 Без нас
 Вперёд...

Солнце нам было светилом –
 И только.
 Небо считали мы
 Атмосферой.
 Землю и воду
 Мутили без толка,
 Жили – без веры,
 Жрали – без меры.
 Мы веселились,

Мы ликовали,
 Всё, что хотели,
 Без счёта брали.
 Мы покоряли Природу –
 Гордые!
 Вот нас Природа
 Об стол –
 Да мордою.
 Ка-ра! Ка-ра!
 Ка-ра-юй-я!
 Ух!

Грехи наши тяжки
 и страшен недуг –
 Мы губим Природу,
 давшую жизнь,
 Мы телом хиреем,
 слабеет наш дух,
 Погрязли в корысти,
 распутстве и лжи.
 О, Торум! Не дай же нам пасть
 до конца!
 Уйми, успокой наши
 злые сердца,
 молитвы услышь,
 проступки забудь!
 Наставь нас, заблудших,
 На праведный путь!
 Прощением паству свою одари –
 И ярость космических бурь
 усьмири!
 Планету большую трясти
 перестань!
 Жилища сносить в океан
 Перестань!

Прими покаяние, Боже, прими!
Верни людям разум –
И сделай людьми!

Вчера мне во сне
Рассказала Звезда,
С которой я Стерхом
Явился сюда,
Что жизнь из Земли
Не сразу уйдёт –
Голод наступит
В первый год,
А на второй –
Жажда случится,
В третий –
Бескрылыми станут птицы.
Начнут на четвёртый –
Так может статья –
Прямоходящие
Пресмыкаться.
На пятый год
На Земле опустелой
Не станет гордых,
Не будет смелых.
А дальше – хуже.
А дальше – ужас:
Когда жена
Не узнает мужа,
Прогонит прочь
И сына, и дочь –
Тогда наступит
Ночь.

АНДРЕЙ
РОМАНОВ

Романов Андрей Владимирович (1945–2014) родился 2 января 1945 года в Ленинграде в семье блокадников.

Советский, российский поэт, художник, редактор, издатель, общественный деятель.

Окончил строительный факультет Ленинградского Института инженеров железнодорожного транспорта.

Автор многих поэтических сборников и книг по литературоведению.

Инициатор учреждения литературной премии им. Б. П. Корнилова.

С 1994 г. по 2001 г. был председателем секции поэзии и оргсекретарём СПб писательской организации СП России.

В последующие годы он эксперт Министерства культуры РФ, соучредитель городского Союза писателей Санкт-Петербурга.

С 1995 г. А. В. Романов выступил как редактор-составитель основанного им художественно-публицистического журнала «Второй

Глядит, ладонью заслонясь от ветра,
туда, где тропы белые лежат.
А время с треугольного конверта
стирает его имя не спеша.

Он не вернётся к ней,—
он мир хранит,
одетый вечной славою в гранит.

Ленинградская вагоновожатая

Зажётся сигнал отправленья,
в вагоне толпится народ.
Как тягостно в эти мгновенья
трамвай тебе двинуть вперёд.

И снова блокадный трамвайчик
ты станешь в пути вспоминать,
где тот необстрелянный мальчик
свиданье назначит опять.

Три кубика в синих петлицах
и глянец хрустящих ремней...
Стираются в памяти лица
ушедших на битву парней.

Но фразы признаний неловких
пророческий смысл обретут:
— Мы встретимся?
Я к остановке
девятого мая приду.

...Победным салютом расцвечен
давно завоёванный май,
и к месту несбыточной встречи
ты снова торопишь трамвай,

и снова считаешь минуты
с тоской на усталом лице
в кольце городского маршрута —
в своём обручальном кольце.

Он сойдет с электрички на Мгу
в эту майскую красную дату.
Слыша ровный берёзовый гул,
снова станет тем юным солдатом.

Вспомнит вдруг, как военной весной
здесь колонна на фронт проходила
и девчонка студёной водой
из колодца его напоила.

В синем небе, подобно костру,
гаснет свет заходящего солнца,
и мелькает на влажном ветру
незнакомый платок у колодца.
Папиросный струится дымок...

Он шагнет —
ничего не изменишь:
впереди —
незнакомый платок.
Тридцать лет позади...
Не поверишь!

Я понял реальную цену
Своих одноцветных погон...
Уходят на фронт офицеры,
Солдаты уходят на фронт.

Планеты обветренный глобус
 Дарует тепло городам.
 Ночной ленинградский автобус
 На лужский приходит плацдарм,

Где, годы прибавивший к детству,
 Всё так же к прицелу приник
 Шестнадцатилетний отец мой,
 Отца неженатый двойник.

Взойдут яровые под небом,
 Взойдут на солдатских костях,
 Но женщины, стоя за хлебом,
 До смерти себе не простят

Того, что в июне когда-то,
 На стыке войны и любви,
 Неловкие губы солдата
 На миг от себя отвели.

Выпускная баллада

В разгар соловьиного лета
 прощальной июньской порой я,
 памятью школьной согретый,
 приеду на встречу с тобой,

чтоб снова, руками слепыми
 коснувшись начала пути,
 твое невозвратное имя
 на мраморных досках найти.

И вновь
 выпускные оркестры
 слезу вышибают из глаз,
 и школьницы, словно невесты,

волнуясь,
 выходят на вальс.

Тебя среди них разглядеть мне
 мешает кружение лет.
 В твоей половине столетья
 клубится фугасный рассвет.

Но снова светло и безгласно,
 как в первое утро войны,
 солдаты
 из нашего класса
 до гроба в тебя влюблены.

Мы с тобой опоздали на тысячу лет –
 ни минувшего нет, ни грядущего нет,

ни в сегодняшней мгле – путевого огня,
 ни следа на песке, ни тебя, ни меня.

Мы с тобой не дошли до развилки дорог,
 Позади – гороскоп, впереди – носорог!

А над нами Телец небеса разорвал,
 обозначив чернилами звёздный провал.

Предлагают минувшее Кассий и Брут
 и арендную плату вперёд не берут,

а потомки, стыдясь протянуть нам ладонь,
 фотографии наши отправят в огонь.

Кто рискнёт на Фальстафа надеть галифе,
 кто докажет, что мы не сидели в кафе?

Кто поверит в нелепый, рифмованный бред,
что от зависти люди глядели нам вслед?

Нам досталось жить почти что вечность.
Сядь со мною рядом на траву!
Слышишь? Луч ползёт по рукаву:
долгий свет, не веря в бесконечность,
пред Вселенной не склонил главу.

Может всё, что мы назвали счастьем,
стёрлось в нами прожитых годах,
сгнуло в приморских городах,
растворилось по сибирским чащам
в искренних сизифовых трудах?

Правда, если взять за холку ветер,
чтоб сбежал от мельниц ветряных,
и взнудать, как пару вороных, –
может быть тогда на белом свете
меньше станет лозунгов дурных?

Можно смерть усвоить с полуслова,
можно пить лекарство из горсти: –
нам с тобой друг друга не спасти,
потому что счастья подкова
вряд ли будет найдена в пути.

Страшный мир от края и до края
радугой червонной стал гореть,
мир, в котором предстоит нам впредь
или встать с колен, не умирая,
или, не вставая, умереть.

Нам с лица земли стереть порошу,
пнуть судьбу, как мячик под кровать,
истинам расхожим не внимать,
как Сизиф, что завтра сбросит ношу,
чтоб коня свободы подковать.

Свет сотворения мира

Я назвал бы Вселенную именем долгим твоим,
победив небытье, не успев насладиться победой...
Разбежались трамваи, как будто Персей с Андромедой, –
опустела жилплощадь, чтоб места хватило двоим.

Равнодушный рассвет
прикоснулся к твоим волосам,
в ожиданье морозов надел он походные унты...
Чтоб тебя отыскать –
мне отпущены были секунды, –
если на слово верить космическим звёздным часам.

Опускается снег, заглушая шатанья людей.
Атом выбросил кванты,
как белые флаги – квартира
осаждённого города...
Свет сотворения мира
только-только достиг
петербургских ночных площадей.

И трамваи привстали на цыпочки,
слушая снег,
тот, который родился
на фирновом лбу Эвереста.
И Дворцовая площадь как будто чужая невеста,
мне напомнит тебя
ту, которой давно уже нет.

Наша юность ушла
простудившись на встречном ветру,
образумилась Лиговка.
Мойка не знает сомнений.

И над Невской губой,
в предстоящем бреду наводнений,
ты мне шепчешь сквозь вьюгу,
что я никогда не умру.

Суханов Петр Антонович (1947–2008) родился 18 февраля 1947 года в г. Елгаве Латвийской ССР.

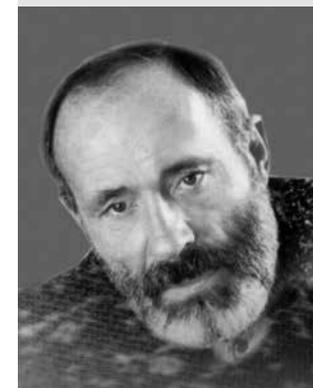
Окончил строительный техникум и Литературный институт им. А. М. Горького (1983).

Стихи печатались в еженедельнике «Литературная Россия», в журнале «Молодая гвардия», «Наш современник», «Смена», «Студенческий меридиан», «Урал», «Югра»; в коллективных сборниках и альманахах, в хрестоматии «Литература Тюменского края». Кн.1, 3», в антологии «Литература Югры: 1930–2000. кн. 1» (2001).

Автор сборников стихов «Время первых признаний» (Москва, 1982), «Встреча» (Свердловск, 1984), «Миры и меры» (Москва, 1986), «Площадь света» (Тюмень, 1995), «Высшая мера» (Екатеринбург, 1997), «Завороть» (Сургут, 2001), «Разнолетья» (Сургут, 2003), басен для взрослых «В мире животных» (Екатеринбург, 1998), сказки для взрослых «Про колобка и красавицу Бабу Ягу» (Тюмень, 1999).

Член Союза писателей России с 1988 года.

Лауреат премии им Н. Чукмалдина тюменского издательства «СофтДизайн» (1995), премии Губернатора ХМАО в области литературы (2001), Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка (2005).

ПЕТР
СУХАНОВ

Высшая мера

Но-
 Все обошлось!.. Я родился безгрешно.
 И вырос, как мог, без обид и в тепле.
 Любил тяжело и, наверно, поспешно –
 Как многие любят на этой земле!..

Давили прохожие. Тыкали пальцем...
 Но я уходил от людей, уходил...
 Возможно, и умер бы вечным скитальцем –
 Да с детства боюсь одиноких могил!..

Я всё повидал, кроме Правды и Веры!..
 Мечты, как круги на воде разошлись...
 Мне выдало ВРЕМЯ
 как ВЫСШУЮ МЕРУ –
 ЖИЗНЬ!

Орден

Он думал, когда умирал,
 что счастье не в славе и ордене,
 что всё в своей жизни отдал
 за Сталина

и за Родину!..

Что нету такого врага,
 которому Русь покорится!..
 Но – шли за снегами снега,
 и – чахли в снегах

небылицы.

И вот – через множество лет
 могилою взгорбив планету –
 он вспомнил, что Сталина нет
 и понял, что Родины нету!..
 Тогда он под шелест травы
 и хлопя могильного неба

дополз
 под землёй до Москвы
 и – орден свой съел
 вместо хлеба!..

Разнопутье

Залезть бы в глушь – в бессмысленность,
 в дремучесть,
 где даже мрак в лохмотьях паутин
 во времени своём никак не мучась,
 сгустился в пыль
 до самых до глубин!..
 Забить глаза им – чтоб уже не видеть...
 Всё растерять: дыханье, душу, плоть –
 чтобы с любовью возненавидеть
 себя
 за инородь!..
 Чтобы не помнить в чём геройски предки,
 завоевавшие тот самый беспредел,
 в котором Русь сконфузилась в таблетки,
 а каждый, кто любил её – сидел!..
 Залезть бы в глушь...
 И жадно и прилежно
 взмолиться так, чтобы сойти с ума!..
 В своей стране мы все не безнадежны...
 Своя страна нам больше, чем тюрьма!..

Рейс

Пропади она пропадом – эта дорога,
 безнадежно застрявшая в дикой глуши!..
 На две тысячи вёрст – кроме Бога! –
 ни единой души...
 Пятый день
 мы идём с Уренгоя,
 пятый день мы ползём на Тюмень
 беспросветной и дикой тайгою
 мимо полупустых деревень...
 Одинокие, сирые хаты
 скособочились хуже калек...
 Сколько их, невзирая на даты,
 загубил
 наш космический век?!
 Ослепителен снег на деревьях,
 сбита вьюгами колея,
 и трещит, словно парус на реях,
 от мороза и солнца
 Земля...
 Ну и зимник! – тайга ему пухом...
 Ну и жизнь! – так и гонит в тупик...
 Хорошо ещё – держимся духом
 и – молчим, хоть и тянет язык!..
 Впереди переправа.
 А справа –
 посреди колеи – полынья...
 И, забыв про зарплату и славу,
 я левой забираю руля...
 – Эй, Григорий,
 вылазь на подножку!
 И на самом тяжёлом ходу
 наш могучий «Урал», словно кошка,
 на приспущенных скатах
 крадёт
 по льду...
 Слышен треск!..

через весь позвоночник
 этот звук оседает в мозгу
 и звенит там, как колокольчик,
 оглашая тревогой тайгу!..
 ...полпути – позади.
 Впереди – у Тобольска –
 нам такая же ночь предстоит...
 Лишь рокочет мотор, доверяя по-свойски
 беспросветную горечь железных обид.

1983

Отрада

Я так люблю тебя любить
 и – счастлив тем, что счастлив быть!..
 Пускай нас вяжут неустройки –
 мне хорошо, что жив и люб,
 что, несмотря на перестройки,
 не трусь
 возле буфетной стойки,
 а рвусь в огонь твоих горячих губ!..
 Пускай друзья корёжат рты
 и мир помимо суеты,
 являет истины
 кривые...
 Свет полон тьмы.
 Изломов не избыт!
 Христопродавцы что святые...
 Родные люди, как чужие...
 Как я люблю тебя любить!

1998

Солнце

В темноте ль, в полумраке ль чердачном,
в ослепительных клетках метро –
наши нервы, как раны собачьи,
обнажают
нутро.

Тихо тикают ходики в загсах,
как в «Крестах» по галёркам шаги...
И, скорбя о великих мерзавцах,
мы и в дружбе живём – как враги!..

Наши радости странны и нервны...
Наши души и чувства черствы...
Наши правила злы и неверны –
Как в Чернобыле сок синевы!..
Но сокрыта великая сила
в каждой твари, ползущей на свет:
есть одно только солнце – РОССИЯ.
Остальное – закат
и рассвет.

1995

Блаженный

Он мог сидеть часами,
смотреть на мир вокруг –
не шевелясь, как в раме,
не поднимая рук...
Гремел ли гром небесный,
бежала ль
мимо
мышь –
он был, как бестелесный,
как вбитый в гильзу пыж...

Грудились горы мыслей,
на скрип сошли лета...
Он весь был
неказистый –
как лень или тщета.
Подолгу в тихом хламе
дремучих дум и дней
он жил – как в чёрной раме...
И – умер в ней.

В родных местах

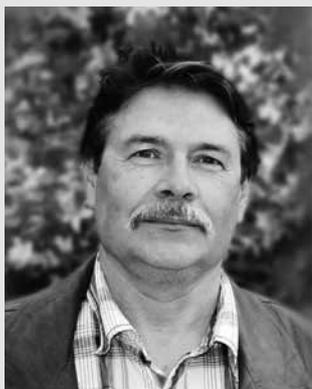
Три дома на отшибе... И вокзал.
Да школа между улиц
В самом центре...
Я часто в школе двойки получал,
но были и хорошие оценки!..
Напротив школы – хлебный магазин...
А дальше – лес.
И речка по-за лесом,
куда зимой – в каникулы – один
я приходил на промысел с обрезом...
За речкой –
наше кладбище. Оно
и летом и зимой – покойно. Вечно...
Лишь здесь я понимаю, как давно
мы связаны с Отечеством сердечно!..
Лишь здесь
я забываю суету
и не врываюсь в годы, как в берлоги...
И поклонившись каждому кресту,
спешу домой
по старенькой дороге!
Скорей – скорей!.. И в горле стрянет ком –
а где
Моя последняя дорога?!
За речкой – лес. За лесом – отчий дом!..

И – ни души у отчего порога!..
 Я, торопясь, ступаю на крыльцо.
 Толкаю дверь незапертую
 нервно...
 И – тишина, как ковш воды в лицо:
 пронзительна. Страшна. Неимоверна.
 Как пусто всюду!..
 Пусто и темно.
 И даже свет из окон не проходит!..
 Дом брошен... Да и я, выходит,
 не нужен здесь
 уже давным-давно!..
 Ну, вот и всё!.. сейчас приду в себя,
 поставлю
 скорбную и тоненькую свечку...
 Присяду «на дорогу» возле печки...
 Ну, вот и всё!..
 Я сам себе судья.

*г. Волхов
 Потомкам*

Я

весь
 придуман Богом и Судь-
 бой...
 И, значит, не подделка. Не
 подделка!
 А, если вышел тяжело
 и мелко –
 так это ЖИЗНЬ дурачи-
 лась со мной!..
 Обиды нет.
 Наверное, другим –
 ровесникам, рабочим
 и поэтам –
 жилось сложнее в крова-
 вом веке этом...
 И, может, жизнью я обязан
 им!
 Но, так или иначе, если
 вдруг
 в миру
 мелькнёт моё изображе-
 нье –
 его поставьте в угол или –
 в круг...
 Я попрошу у всех
 за жизнь свою
 прощенья!..

ОЛЕГ
ЯНЕНАГОРСКИЙ

Олег Яненагорский (Ширманов Игорь Александрович) родился 11 сентября в 1959 году.

Окончил Свердловский юридический институт в 1981.

Публиковался в журналах, альманахах, литературных сборниках Сибири и Урала, Москвы и Санкт-Петербурга.

Автор нескольких книг прозы.

Член Союза писателей России с 2013 года.

Ответственный секретарь Ханты-Мансийской общественной организации Союза писателей России.

Живёт в Ханты-Мансийске.

РАССКАЗЫ О ХУДОЖНИКАХ И ПИСАТЕЛЯХ (продолжение)

**Часть 2. «Для его славы ничего не нужно.
Он нужен для нашей славы»... ***

НАДПИСЬ

Умер писатель В. В. Розанов. На могиле собирались установить крест надписью «Праведны и истинны все пути Твои, Господи». П. А. Флоренский лично выбрал это место из Апокалипсиса...

... По старой русской традиции каждый из присутствующих бросил на гроб по горсточке земли. Затем за лопаты взялись могильщики. Шумно выдохнув, они привычно и скоро забросали могилу, выровняли холмик и водрузили крест, подготовленный гробовщиком...

... Ужас охватил тех, кто увидел надпись на поставленном кресте: «Праведны и немилостивы все пути Твои, Господи»...

НАЙДЕННЫЙ ОТРЫВОК НЕИЗВЕСТНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Автобус мягко качнуло на повороте, и, открыв глаза, я увидел, что пассажиры начинают готовиться к выходу. Мой сосед сунул несколько листов бумаги, которые он, видимо,

просматривал перед этим, в карман чехла переднего сидения, и, вынув пачку сигарет, направился к передней двери.

Стоянка была недолгой, и вскоре почти все пассажиры вернулись в автобус, но моего попутчика не было. Наверное, он добрался до места своего назначения, а мне предстояло ещё несколько часов мучиться в душном автобусе... Маясь от скуки, я бросил взгляд на бумаги, торчавшие из кармана чехла, затем, движимый любопытством, вынул их оттуда и стал читать. Текст начинался и обрывался на полуслове, и было совершенно непонятно, что это такое: часть рассказа, обрывок какого-то сочинения или фрагмент сценария? Листы не были пронумерованы, и я так и не понял — одной страницы не было в начале и в конце или нескольких?

Впрочем, текст показался мне весьма любопытным и, дочитав до конца, я решил забрать его с собой. Бывшему соседу он был явно не нужен, да и принадлежал ли этот фрагмент именно ему, тоже было не ясно. Если автор или владелец, прочитав эти строки, заявит свои права на рукопись, я непременно верну её. В тексте при публикации изменено только одно слово, и этот момент специально оговорен. Думаю, что каждый, познакомившись с нижеизложенным, догадается, по каким причинам это было сделано.

Текст начинался со слов: «... было хорошее и я решил записать тот дневной сон. Конечно, часть ярких деталей уже потускнела, но в целом всё помнилось».

Муза появилась не одна, а в сопровождении пухлого младенца с крылышками за спиной. Раньше в таком обличье художники изображали купидонов. Понимая, что это сон, я не удивился и не шуганул крылатого младенца, когда тот прилепился на край компьютерного столика. Муза села в кресло и довольно фривольно закинула ногу на ногу. Покосившись на неё, я демонстративно не прекратил печатать свой текст — пусть видит моё полное неудовольствие и разочарование.

— Творишь? — слегка улыбнувшись, поинтересовалась Муза.

— Нет, капусту шинкую...

— Сердишься, — констатировала Муза, — и совершенно напрасно. Я свою часть творческого соглашения полностью выполняю...

— А я, значит, не выполняю, я, значит, вилок в ушах ковыряю...

— Какой высокий стиль: «вилкой в ушах ковыряю», — передразнила Муза, — да ещё в предложении из семи слов дважды упомянуто величественное местоимение «Я».

— Какой стиль, — продолжая злиться, пробормотал я в ответ, — и куда мне девать своё «Я»? Говорить о себе в третьем лице, что ли? То, что написано в последнее время — показывать стыдно.

— Стыдно, — согласилась Муза, — и не только тебе, но и мне. Постоянно пытаюсь внушать тебе светлые чувства, чтобы родилось что-то вроде бессмертного «Я помню чудное мгновение»... А у тебя что выходит?

Молчавший до сих пор мальчишка с крылышками вдруг процитировал «моё недавнее»:

Сплетались потные тела...

И гас в сознание свет...

И забывались все дела...

Когда вставал рассвет...

Я неприязненно покосился на него и вдруг вместо купидона обнаружил мелкого бесёнка. Поражённый, я с немым вопросом посмотрел на Музу. Отвечая на этот мой взгляд, она с горьким упрёком бросила короткую фразу:

— Это твоё творческое воображение. Подумай, кто водит твоей рукой?

Бесёнок после этих слов значительно уменьшился в размерах, превратился в картинку и прыгнул на компьютерный экран.

Оторопев от таких метаморфоз, я схватился за мышь, навёл на него курсор и попытался выполнить простую операцию «удалить». В ответ этот проворный мерзавец скорчил противную рожу и прыгнул в другой угол экрана. Муза сначала терпеливо наблюдала за моими попытками, а потом не выдержала:

— Бесполезно.

— Почему? Выключу сейчас компьютер, и этот гадёныш тут же исчезнет...

— А куда исчезнет написанное позавчера? — спросила Муза и теперь уже сама прочитала мои «Стихи без рифмы».

Лаская плечи, шею, грудь
 Погладят руки нежные
 Соски тугие...
 Тихо тронут уши... живот...
 Скользнут к ногам...
 Язык плеча коснётся...
 Бедро прильнёт к бедру...
 Закружится сознание...

Я молча покраснел, бесёнок на экране победно поднял хвост, а Муза продолжала свою назидательную речь.

— Где твой «гений чистой красоты»? Где твоя «Анна Петровна»? Тебе что, даже Пушкин не образец? Подумай: увидев Керн, он написал строки, которые переживут века... А твоё «язык плеча коснётся», как образец пошлости, завтра же забудется...

— Брось мне тыкать Пушкиным и Керн, — всерьёз разозлился я, — если уж говорить начистоту, то Александр Сергеевич после встречи с «вавилонской блудницей» Анной Петровной Керн записал в дневнике совершенно другое — как он её в стогу завалил и... и... И к слову сказать, никто пока не опроверг версию о том, что Пушкин написал «Я помню чудное мгновение», вспоминая императрицу и себя (полу-мальчика или полу-юношу).

— О, какая эрудиция! Может быть, ты ещё вспомнишь, что «Илиаду» и «Одиссею» женщина написала... Или о том, какими средствами Пенелопа помогала себе хранить верность Одиссею? Или...»

На этом найденная мной в автобусе рукопись обрывается. Чем закончился разговор Музы и начинающего поэта, так и осталось не известным.

ПЯТЬ ДНЕЙ И ПОХМЕЛЬНОЕ УТРО ШЕСТОГО...

Пять дней прошло и, наконец, наступило похмельное утро шестого...

Он пил часто и много. Можно сказать, что он был пьяницей... Да, что там пьяницей! Сегодня ему бы абсолютно точно поставили диагноз — алкоголизм! А какой-нибудь господин, «правильный во всех отношениях», наверняка бы осуждающе употребил по отношению к нему, малопонятное для других выражение: «Не просыхал всю неделю!» Иностранцы бы точно ничего не поняли, поскольку наши люди, когда это им надо, умеют смачно выражаться... Американцы говорят и рассуждают на эту тему совсем по-другому...

Но ближе к делу. У мистера Уильяма (или как его иногда называли — Билли), всё это соответствовало действительности в абсолютной точности, ибо он напивался пять дней в неделю. Он пропивал практически всё до последнего цента из тех ста долларов, что ему вручали раз в неделю. Для Нью-Йорка в начале XX столетия это были очень неплохие деньги. На них можно было не просто жить, а жить даже очень неплохо. Но Уильям их всё равно спускал на выпивку... Каждый день он буквально накачивался до бесчувствия...

Понимал ли он, что спивается... или... что уже спился? Наверное, понимал, но грусть надо было заливать всё новыми и новыми порциями виски, до тех пор, пока измученный мозг не забывался в тяжёлом сне.

Грусть его бывала не только вездесущей, но и разноликой. Обычно мучительной и тоскливой, как тюремные ночи. Не дай вам Бог узнать, как они тоскливы и мучительны, эти самые ночи... Он постоянно старался забыть тоску тех дней и ночей — и не мог! И только старое доброе виски помогало ему в этом преуспеть — забыться на какое-то время! Иногда его грусть была лёгкой и светлой... И тогда ему вспоминалась

рано умершая жена и дочь, повзрослевшая без него... Любовь и злоба клокотали в его груди, когда он вспоминал ту, другую... не ставшую женой, но превратившуюся в его проклятие и мучение... В такие часы обычной порции виски явно не хватало...

В любом состоянии ему надо было пить и пить, чтобы забыть всё: сиротское детство и весёлую юность, крах карьеры и всех своих добрых начинаний. Забыть былые увлечения и дружбу, путешествия в дальние страны – и даже шум соседей за стеной. Пять дней в неделю он, глоток за глотком, заливал в себя виски, чтобы утопить навязчивую грусть вместе со своей неудавшейся жизнью! Виски и грусть разрушали печень и мозг... А ещё они требовали денег — без ста долларов в неделю он не смог бы себе этого позволить. Утром шестого дня, мучимый похмельем и большой печенью, угрюмый, ненавидящий весь белый свет, он шёл в Центральный парк Нью-Йорка и там, на скамейке, приступал к зарабатыванию своих еженедельных ста долларов.

... А может быть, не столько необходимость иметь деньги на выпивку гнала его туда утром шестого дня на скамейку Центрального парка? Не знаю и не ведаю...

Но порою мне кажется, что я вижу этого несчастного человечка, мучимого похмельем и с тоской глядящего по сторонам... Его знакомые уже догадываются о том, что скоро он умрёт от цирроза печени. И только я знаю, что это не так! Точнее – не совсем так... Может быть, он умрёт вовсе от другого – мучимой его тоски? Ах, Билли, Билли! Мне хочется присесть рядом с тобой на скамейку и утешить тебя добрым словом... Ты неожиданно вошёл в мою жизнь, когда мне было всего десять или одиннадцать лет, когда я впервые узнал о твоей жизни... Билли, Билли, вот уже почти пятьдесят лет во мне живёт частица твоей души... Я читаю и перечитываю твои весёлые рассказы...

Наверное, это твоя мысль сейчас шевельнётся во мне, пытаясь в глубинах памяти нащупать сюжет или ту единственную фразу, с которой начнётся и мой рассказ о тебе...

А пока он, мой старинный приятель, Билли, каждую неделю относит в редакцию газеты то, что рождается на скамейке Центрального парка, и получает взамен за это свои сто долла-

ров. Каждую неделю тысячи читателей с нетерпением ждут его нового юмористического рассказа.

Судьба героев этого несчастного, забывающегося с помощью виски, человечка с грустными глазами, будет гораздо успешнее, если не счастливей! – они намного переживут своего автора, сборники рассказов и повестей которого будут продолжаться издаваться в десятках стран. Миллионы людей будут до слёз смеяться над похождениями его славных жуликов... и проникаться его добротой и грустью, они станут свидетелями обаятельного мошенничества, постигнут всевозможные университеты жизни, запечатлеют себя вместе с литературными персонажами на фоне прерий и городских кварталов, скалистых гор и океанских просторов... По сюжетам этого талантливого пьяницы будут сниматься фильмы, а фразы из литературных произведений будут цитировать, даже не подозревая об его авторстве...

Мне кажется, что вижу его сквозь даль времён... мальчишку, бренчащего на гитаре... ковбоя на ранчо... банковского кассира... бродягу Билли... заключённого федеральной тюрьмы в штате Огайо... того, кто называл себя О. Генри.

Пять дней прошло... и наступило похмельное утро шестого...

ОДИН ДЕНЬ МИХАИЛА АФАНАСЬЕВИЧА

Хмурым осенним днём 1929 года в Москве, в сырой квартире дома № 35 «А» на улице Большой Пироговской, за столом сидел уставший и больной человек. Он подводил итоги своей жизни. Уже была познана и мера своего таланта, и мера своей отверженности, и ясна сама судьба...

... «Год Великого перелома» великой страны. Всё кончено... и он кончился. Творчество его не нужно никому, все пьесы запрещены... здоровья нет, рухнет семейная жизнь, потеряна последняя любовь... разорён... затравлен... отвернулись дру-

зья и приятели... в самом близком кругу притаились Иуды... и от хамов спасения нет...

... Свободы нет, и, значит, сам он никогда уже не станет свободным человеком. Но главное, главное, что творить он может только без надежды на публикацию. Писать как другие, он не мог... да и не хотел. Недописанный роман о Дьяволе своими руками он бросил в печь и отрешённо смотрел, как обугливаются и скручиваются огненным свитком листы рукописи... Что-то не торопились сгорать большие тетрадные страницы дневника... Ничего... всё поддаётся огню и времени, а ему ещё есть что сжечь... Могила не за горами, впрочем, и можно самому сократить путь до неё... Выстрел поставит точку в его жизни... Или лучше всё-таки цианистый калий?

... Вспомнились вдруг разговоры последних дней. Как в театре прошла читка пьесы Маяковского... «Доброжелатели» в подробностях всё рассказали. И о том, как величали Маяковского новым Мольером, и как равняли его с Пушкиным и Гоголем, и как тот издевательски представил его через полвека потомкам в пьесе «Клоп» между словами «Богема» и «Буза»...

В очередной раз комната наполнилась звоном и гулом раздражающих нервы трамваев. Проклятые трамваи, проклятые звуки, проклятая квартира...

... Он брезгливо дёрнул плечом: сравнивать «Ревизора» с «Клопом» или «Баней» было просто кощунственно! Так недалеко и Пушкина объявить футуристом, а Гоголя — модернистом. Вспомнились недавние годы, когда призывали «сбросить Пушкина с корабля современности», и как он сам в диспутах пытался отстоять «наше всё», национального гения от наглых посягательств невежд на его беспорный авторитет...

... «Баня» — «крупнейшее событие в истории русского театра»? Какая скромность! А почему же это не событие в истории мирового театра? ... Кто там подхалимски сказал: «Чтобы ставить Маяковского, Маяковскому нужен свой театр»? ... Может быть, и мне написать пьесу о будущем?..

... Взгляд упал на черновик письма брату. Чёрт побери, чтобы писать письмо родне нужно думать над черновиками, о том, как бы не повредить братьям, живущим за границей... да и себе тоже. Но в этом письме он всё выплеснул наружу, не сомне-

ваясь. Г. П. Ухин всё прочтёт, сделает копии и отправит «по инстанциям». Ну и чёрт с ними — пусть читают, он всё уже написал в Правительство и лично Ему...

... Он снова перечитал письмо: «Теперь сообщаю тебе, мой брат Никол: положение моё неблагоприятно. Все мои пьесы запрещены к представлению в СССР и беллетристической ни одной строки моей не напечатают. В 1929 году совершилось моё писательское уничтожение. Я сделал последнее усилие и подал Правительству СССР заявление, в котором прошу меня с женой моей выпустить на любой срок...»

Рука с письмом опустилась — ответа на это обращение так и не последовало, а теперь он уже и не ждал его...

Неожиданно мысли повернулись в другую сторону ...

Жена... Его второй брак был на грани развала. И Любаша тоже не верила в его талант. Вспомнилась её холодная фраза, брошенная в ответ на просьбу о покое и возможности дать сосредоточиться в творчестве, не отвлекаясь по пустякам... — «Ты не Достоевский»... Да, он не Достоевский... И первая жена не считала его писателем... Он снова вчитался в строки своего письма...

«... Вокруг меня уже ползает змейкой тёмный слух, что я обречён во всех смыслах. В случае если заявление моё будет отклонено, игру можно считать оконченной, колоду складывать. Свечи тушить. Мне придётся сидеть в Москве и не писать, потому что не только писаний моих, но и даже фамилии моей равнодушно видеть не могут. Без всякого малодушия сообщаю тебе, мой брат, что вопрос моей гибели это лишь вопрос срока, если, конечно, не произойдёт чуда. Но чудеса случаются редко...»

... Он отложил письмо и взял газетную вырезку. «В этом сезоне зрители не увидят булгаковских пьес. Закрылась „Зойкина квартира“, кончились „Дни Турбиных“, исчез „Багровый остров“... Такой Булгаков не нужен советскому театру». Сколько таких вырезок уже вклеено в большой альбом? Десятки? Сотни? А как звучат их названия? «Недопустимые явления», «Правая опасность», «Крепче ударим по Булгакову»...

... Да, теперь театры начнут требовать возврата авансов, а всё уже давно прожито... Денег нет... есть только долги...

... Обращение к Правителю о разрешении пьес не помогло.

Сколько раз запрещали «Тартюфа»? Король запрещал, потом снова разрешал... Король и драматург... Поэт и власть...

... Маяковский – новый Мольер? Заговор ханжей и проходимцев... Да что вы все знаете о Мольере? На его бюсте случайно появилась чеканная, ставшая афористичной, фраза: «Для его славы ничего не нужно. Он нужен для нашей славы»...

... Я покажу вам настоящего Мольера... Король аплодировать будет... Королевский комедиант и король драматургии... Ах, лукавый комедиант, как же тебе не любить своего короля. Если бы не он, что было бы с тобой? Кто сегодня может по справедливости сравниться с Мольером... Бедный, бедный и окровавленный мастер... не болезнь и горе убили его... Да, Мольер умер на сцене, но сцена его живёт в веках... Потомки и современники, бросающие камни... Это не критика! Это — доносы!.. Но Вы сами виноваты, мой бедный мастер... за тяжёлыми уроками будут ещё более тяжёлые...

Король, король... Металла, из которого он сделан, хватило бы на четырёх королей и одного честного человека... Король выше любой партии, он — верный блюститель законов, представляющий свободу обличению... Как сказал Король? Надеюсь, что мой писатель не может быть безбожником? Да разве может быть на свете государственный строй более правильный, нежели тот, который существует в нашей стране? На свете не было, нет, и никогда не будет более высокой и прекрасной для людей власти, чем власть великого императора! Но иуды будут всегда! Ненавижу государственную власть... Бедный художник, она погубит тебя, ибо всякая власть является насильем над людьми, но настанет время, когда не будет власти ни кесарей, ни синедрона... Человек перейдёт в царство истины и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть...

Я покажу вам настоящего Мольера!

... И легла на бумагу первая фраза будущей пьесы: «Жан Батист, всадник де Мольер просит аудиенции Вашего величества»...

ЭТО, ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО, ВСЕГДА ТАКАЯ СВОЛОЧЬ...

Тёплым майским вечером 1935 года из московской квартиры Булгаковых расходились гости. Впрочем, в тот вечер гостей было немного: сестра его жены – Ольга и её муж Евгений Калужский. Поэтому правильнее было бы сказать – гости ушли...

Булгаков бродил по квартире и вновь вспоминал общие разговоры о МХАТ, о новых постановках и о запрещённых его пьесах. Он уже не раз пожалел, что не сдержал себя, и ввязался в спор с Евгением. О чём было спорить? Об очередной не состоявшейся в прошлом году поездке Булгаковых за границу? Обида за издевательство над его просьбой о выезде, трагикомедия с пустыми обещаниями, и, наконец, фарс с подготовкой паспортов – всё это ещё не зарубцевалось и мучительно жгло его душу...

Вспоминая, он смотрел на себя, как бы со стороны, чувствуя собственную раздражённость и никому ненужную горячность... Свои ненужные фразы...

Меня страшно обидел отказ в прошлом году в визе за границу. Меня определённо травят до сих пор. Я хотел начать снова работу в литературе большой книгой заграничных очерков. Я просто боюсь выступать сейчас с советским романом или повестью. Если это будет вещь не оптимистическая, – меня обвинят в том, что я держусь какой-то враждебной позиции. Если это будет вещь бодрая, — меня сейчас же обвинят в приспособленчестве и не поверят. Поэтому я хотел начать с заграничной книги – она была бы тем мостом, по которому мне надо шагать в литературу. Меня не пустили. В этом я вижу недоверие ко мне, как к мелкому мошеннику. У меня новая семья, которую я люблю. Я уехал бы с женой, а дети оставались бы здесь. Неужели бы я позволил себе какое-нибудь бестактное выступление, чтобы испортить себе здесь жизнь окончательно. Я даже не верю, что это ГПУ меня не пустило. Это просто недруги сводят со мной литературные счёты и стараются мне мелко пакостить...

К кому он тогда обращался и для чего? Зачем бередил душу? Чего добивался? Хотел кому-то доказать, что в обществе должны оценить человека не за какие-либо его особые качества, а за весь комплекс присущей ему личности. И дело не только в интеллекте, чуткости, такте, обаянии и не только в таланте, образованности, культуре. Ещё важнее оценить человека во всей совокупности его существа, человека как человека, даже если он грешен, несимпатичен, озлоблен или заносчив. Нужно искать сердцевину, самое глубокое средоточие человеческого в нём! Ах! Если бы все это понимали! Но кругом кроме непонимания есть ещё и обман!

Свояк тоже хорош... со своими постоянными предложениями «представить вниманию благонамеренной публики» «настоящий советский роман» или «советскую повесть»... Сколько уже им всего-то написано? Неужели этого никогда не увидит ни читатель, ни зритель...

Булгаков остановился у чёрного шкафа, в котором хранились его запрещённые произведения. Постояв, открыл дверцу и долго перебирал листы рукописей. Взгляд упал на «Кабалу святош»... И эта пьеса тоже запрещена...

Он стал просматривать цепким взглядом исписанные листочки, и взгляд его остановился на фрагменте, который он негромко прочёл вслух: «Да разве может быть на свете государственный строй более правильный, нежели тот, который существует в нашей стране? На свете не было, нет, и не будет никогда более высокой и прекрасной для людей власти, чем власть великого короля»? Булгаков тяжело вздохнул... Может быть, это и надо вставить в роман о Дьяволе? В его закатный роман... Снова перелистал несколько страниц и прочитал новый фрагмент, пробуя на вкус каждое слово: «Людовик Великий, король Франции, обращаясь к своему шуту:

– Скажи, Справедливый Сапожник, государство без доносов существовать не может?

Справедливый Сапожник:

– Ваше величество, как можно государству без доносов!

Людовик:

– Ну, а доносчики?

Справедливый Сапожник:

– Это, Ваше величество, всегда такая сволочь...

Людовик (задумчиво):

– Гм... Красивое и звучное слово...

... Из гостиной послышался голос Елены Сергеевны:

– Миша, ты где?

Последний лист рукописи выскользнул из руки Булгакова и упал на пол. Он поднял его, мельком посмотрел на дату под текстом: 6 декабря 1929 года... Прошло уже несколько лет и ничего не изменилось...

Булгаков положил рукопись в шкаф и вышел из комнаты...

23 мая 1935 года на стол начальника отдела НКВД, осуществлявшего контроль за артистически-литературными кругами Москвы, легла агентурная сводка на основе донесений осведомителей: «Булгакова страшно обидел отказ в прошлом году в визе за границу. Он считает, что его продолжают травить. Он просто боится выступать с советским романом или повестью. Считает, что если это не будет вещь оптимистическая – то его обвинят в какой-то враждебной позиции. Если вещь получится бодрая – его могут обвинить в приспособленчестве и ему никто не поверит. Именно поэтому он хотел начать с заграничной книги. Булгаков не верит, что его не пустило ГПУ, считает, что с ним сводят литературные счёты и стараются осложнить ему жизнь и возвращение в литературу»...

В СУМЕРКАХ...

Героев своих надо любить...

М. Булгаков «Театральный роман»

И гостью страшную ты сам к себе впустил,
И с ней наедине остался...

Анна Ахматова

Он умирал, и, как врач, вполне осознавал это. Конечно, это осознание приходило только тогда, когда отступала боль и сумерки разума рассеивались. Но такие дни были всё реже и реже, и таяла надежда на возвращение к жизни. Иногда мерещилось, что смерть — продолжение жизни. Только никак он не мог представить, как же это происходит...

Почти всё время он проводил в каком-то полузабытьи, где мысли бродили от воспоминания к воспоминанию, где прочитанное смешивалось с пережитым, а услышанное — с написанным. Или это было наоборот, и пережитое становилось написанным? Память, его угасающая память, уже не была верной опорой для мысли...

... Как и всякому смертному, мне кажется, что смерти нет. А она есть, но её просто невозможно вообразить... Но, кажется, я совсем плох... коли задумался о таких вещах... Может быть ночь... вечная мудрая ночь... Впрочем... мы не знаем нашего будущего...

... Друзья мои! Я умираю. Не только болезнь, нет, но и горе... они вместе убили меня... Силы меня оставляют, руки мои холодеют, горько умирать не довершивши своего назначения, не высказавши всего до конца, не выплеснувшего наружу того, что было в сердце и голове...

... С ближайшего столба доносилась хрипая бессмысленная песенка... повешенный на нём к концу третьего часа казни сошёл с ума от мух и солнца и теперь пел что-то про виноград...

Солнце склоняется, а смерти нет... Боги, боги, за что вы гневаетесь на меня... Пошлите мне смерть...

Как сказала жена? Или это была не жена, а персонаж из давно забытого фельетона? Но ведь она спасала ему жизнь... и не один раз, когда он был болен... Жена... она не верила в него... или верила, раз столько терпела? Жена... Как же её звали? Что же она сказала? Ты — не Достоевский, — сказала она. — Ну, почём знать, почём знать... Достоевский умер! — Протестую! Достоевский бессмертен!...

Она ещё говорила, что больше так не может жить и они должны уехать... А что он? А он отвечал в отчаянии:

— Детка, что я могу сделать? Я не могу достать комнату. Она стоит двадцать миллиардов, а я получаю четыре. Пока я не допишу роман, мы не можем ни на что надеяться... Терпи!

— Я не о себе, — ответила жена. — Но ты никогда не допишешь роман. Никогда! Жизнь безнадежна...

Да нет же, нет, не было никогда такого разговора. Это всё глупый фельетон с глупым названием «Самогонное озеро». А что было?

Он принёс журнал с началом романа, посвящённого... Нет, не жене, а ей... и жена с большим неудовольствием восприняла это.

— Я всё-таки удивляюсь, кажется, всё это мы пережили вместе... Я всё время сидела возле тебя, когда ты писал, грела тебе воду. Вечерами тебя ждала... Забирай свою книжку, — крикнула она и бросила журнал ему под ноги...

... Но вы сами виноваты, мой мастер. И дальнейшие уроки станут ещё тяжелее... Если на одиннадцатом году совместной жизни люди не расходятся, так потом остаются вместе надолго...

Или этого тоже не было? А развод? Сколько же времени прошло до развода? Месяц или больше? Почему же люди расходятся? Что происходит с теми чувствами, что когда-то объединяли двоих в одно целое? Почему они расстались? Он, неудачливый автор единственного, не ненапечатанного, романа, и она, разделившая с ним горести тех лихих, кровавых и голодных лет...

Он был не один в те годы и всё-таки словно один. Его жена держалась так неприметно, так ненавязчиво, будто чувствовала

ла себя посторонней в его жизни. Не спутница, а попутчица, соседка по комнате, «добрая соседка, жена мастера»...

Нет, нет, не было такого, я не мог так думать, это фраза из какого-то театрального романа! Или так будут вспоминать обо мне после смерти? «О, горький яд воспоминаний».

Всплыла почему-то в памяти надпись на подаренной книге: «Не прелюбы сотвори» и чья-то шутка: «Нет, не так надо написать – «Не при Любе сотвори». А был ли смертный грех прелюбодеяния? И смертный ли этот грех? Он ли стал причиной развода? Или причиной стала Судьба? Да, причиной стала Судьба, но в какие прихотливые узоры она прячет свои ходы!

Опять напомнила о себе та давняя ссора... Он читает жене роман, читает про молитву... Ну зачем ты это пишешь?

– Ты просто дура, ничего не понимаешь... Прости, дорогая, прости... Меня за тебя Бог накажет...

... В домоуправлении никто не верил, что мы развелись — ведь скандалов-то не было! А что же было? Мы были женаты с этой... ну... с этой... ну, на этой... ещё платье полосатое... музей, впрочем, я не помню... Вчера мне снова снился монастырь... Зачем я бросил револьвер в пруд...

... Не дай Бог, чтобы рядом с тобой появилось золотое сердце, от расторопной любви которого ко всем приятелям, кошкам, собакам и лошадям становится так тошно и одиноко, что хоть в петлю лезь...

Что было... Зачем же, добрые господа, вы хотите потревожить моего покойного мужа. Я вас могу уверить, что он был добрым человеком и умер как христианин. Быть может, вы делаете честь проводить его на кладбище? Скорбная процессия... Кого хоронят?

– Какого-то Мольера...

... Но в полном моём одиночестве давно уже ржавеет перо моё, ведь я не совсем ещё умер, я хочу говорить настоящими моими словами...

... Под твоими ударами я, Господь, изнемог... но и так прожил лишний год... из отведённого судьбой...

Всё пропало, всё... Колдовским образом сгинули все до единой его рукописи и письма. Говорили, что рукописи погибли во время пожара, а письма, будто бы, тщательно собрав, унич-

тожил какой-то фанатик. Словом, всё пропало... Ну что Вы, Мессир, рукописи, как общеизвестно, не горят... А письма? А письма уходят в будущее... Чего же Вам дать, Мастер? – Свету, свету... Эй, кто там внизу? — Дайте Мастеру свет...

Будет хуже... А я люстру продам... хуже будет... А люстра почему качается, как петля на виселице?

И в восемнадцатом году
Петля качалась на ветру...

И что там наверху? Звёзды или лампы... Они говорят мне – не падай духом... мы ещё мерцаем...

... Что же делать мне с телом... Увы, я жалею его, но не могу оскорбить закон... Почему же вы смеётесь... Мастером быть трудно, но им надо быть обязательно... На Голгофу, на Голгофу ведут бродячего философа...

... Уж давно вьётся вокруг меня тёмный слух, что я обречён... во всех смыслах... Эх пожить бы... пожить бы... в гостинице... бездумным и праздным путешественником... побродить по городу... посидеть в ресторане... спать сколько хочется... не звонить никому... и прожить так как можно больше... Против меня был целый мир – и я один... Рукописи не горят... Горит бумага. А слова поднимаются к Богу... Мой бедный, бедный мастер...

Я слеп и нищ... О муза, наша песня спета... И музе возвращу я голос... Муза! Муза моя!! Он вспоминал её глаза, тот ужас, что отражался в них, когда почти в бреду, он шептал: «Плохо мне, Люсенька. Он подписал мне смертный приговор». Мы совершенно одиноки и положение наше страшно...

... О горе, мне, о горе! О призрак страшный, роковой повсюду гонится за мной, гнетёт меня и давит! Нет, никогда меня он не оставит! Что делать мне?.. Король думает, что он всемогущ, что он вечен! Какое заблуждение!.. ... А объём моей власти ограничен, ограничен, ограничен, как всё на свете!.. За нас, за тебя, кесарь, отец римлян, самый дорогой и лучший из людей!..

Не за себя боялась, не за себя... За него, умирающего, измученного, которого торопились добить, добить... Мелочь – уда-

рить ножом в спину... А те, что покрупнее...грызли и травили через газеты и журналы... А потом, как пауки в банке, грызли и давили других. За что меня били?.. За что жали?.. Я хотел жить и работать в своём углу... Я никому не делал зла...служил народу... Жить и служить в своём углу, как в бочке Диогена... и в рубище Мастера... я никому не делал зла...

Оскорбление является обычной наградой за хорошую работу... Вы нас убили, мы мертвы. Ах, как это умно... Как это вовремя... теперь я понял всё... Если меня расстреляли в Баку, так значит я и в Москву не могу приехать? Меня по ошибке расстреляли. Совершенно невиновного...

... У неё была счастливая семья... муж... благороднейший человек, занимавший высокое положение, двое прекрасных сыновей... Всё было хорошо... Против меня же был целый мир! Я знал, что буду одинок и затравлен до конца своих дней... Любовь поразила нас мгновенно... Кто сказал, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да отрежут лгуну его гнусный язык... Дай, дай мне слово, что я буду умирать у тебя на руках... Поклянись...

Был ли я счастлив? Счастье, счастье, что же это такое? Может быть счастье – это лежать долго... в квартире любимого человека... слышать его голос... вот и всё... остальное не нужно... Кто-то спросил меня вчера... или сегодня... или завтра спросит: «Отчего ты нахмурился так? – Оттого, что умираю очень тяжело»...

Она потом долго гладила меня по руке и тихо шептала: «Я тебя не отдам, я тебя вырву для жизни, я тебя вылечу, вылечу, ты восстановишь роман».

... После смерти моей меня всюду начнут печатать, театры будут вырывать друг у друга мои пьесы, а её будут приглашать выступать с воспоминаниями обо мне. И выйдет она на сцену в чёрном платье с красивым вырезом на груди и скажет: «Отлетел мой ангел»...

Ангел только для неё... А для Бога... никогда нельзя садиться играть в шашки с Сатаной – проигрыш гарантирован до начала партии. За всё в жизни надо платить истинную цену. А с того, кому многое дано, многое и спросится. С меня спросится по всей строгости!

... Самая подлая болезнь – почки. Она подкрадывается как вор. Исподтишка, не подавая никаких сигналов. Если я был начальником всех милиций... я бы заменил паспорта предъявлением анализа мочи и лишь на основании коего и ставил бы штамп о прописке...

Жизнь обтекает меня волнами, но они уже не касаются меня... И только слова встали зримо и окружают меня со всех сторон. Пойдите на месте, дайте записать или запомнить вас! Куда же вы исчезаете, пролетая мимо и сквозь меня. Неужели жизнь – это только видение! Когда я слышу стук твоих каблучков... Ты была самой лучшей женщиной в мире! А смерти нет! Её просто невозможно вообразить... Или она есть? А она – есть! Я слишком долго был узником на земле...

Нет! Я – не узник, не узник, значит, я заслужил свет...

Я умираю... она всё знает, что я хочу... Я лежу мёртвый: «Був Гаков – нэма Гакова». Список составь, список, что я сделал, пусть знают... Предал он меня или не предал? Нет, не предал... Красивые камни, серые красивые камни... Он в этих камнях... Я хотел бы, чтобы ты с ним... Я хочу, что разговор шёл о... Тяжело... тяжело... болят и болит... кто меня возьмёт... меня возьмут! Кто меня возьмёт?... Измучен я... измучен, отдохнуть бы... Тяжело... тяжело... Боги, боги мои! Я не заслужил света, но я заслужил покой...

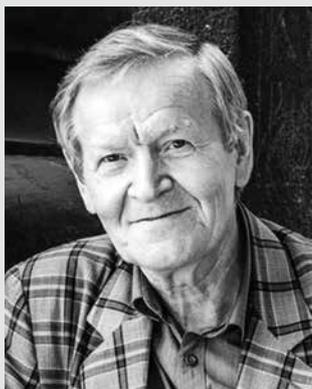
Свет...

P. S. Последний посмертный штрих. Приятель навестил Михаила Афанасьевича незадолго до смерти. Булгаков сказал по своему обыкновению: «Я стар и тяжело болен... скоро умру... Я даже могу вам сказать, как это будет...

Я буду лежать в гробу, и, когда меня начнут выносить, произойдёт вот что: так как лестница узкая, то мой гроб начнут поворачивать и правым углом он ударится в дверь Ромашова, который живёт этажом ниже».

... Всё произошло именно так, как он предсказал. Угол его гроба ударился в дверь драматурга Бориса Ромашова...

**Авторский эпиграф Ф.А. Булгакова к пьесе «Мольер».*

ЛЕОНИД
БЫКОВ

Быков Леонид Петрович родился 7 сентября 1947 года в г. Сухой Лог Свердловской области. Советский и российский литературовед.

Окончил филологический факультет Уральского университета.

С 1971 года публикует статьи и рецензии о современной литературе в журналах России.

Член редколлегии журнала «Урал». Опубликовал более ста статей и рецензий.

Профессор Уральского университета.

Член Союза писателей России.
Живёт в Екатеринбурге.

ПО ЖИВОМУ СЛЕДУ

В последние десятилетия столько сказано о смерти Маяковского и Есенина. Дискутируя о том, по своей ли воле они так рано «ушли, как говорится, в мир иной» или же уйти им, как настаивают творцы конспирологических версий, помогли сторонние силы, мы, думается, куда менее внимательны к тому невесёлому обстоятельству, что и в близкую к нам пору многие поэты не значатся в долгожителях. Я стал вспоминать своих современников-стихотворцев, достигнутых смертью на середине жизненной дороги – на пятом, четвёртом десятке, а то и раньше, и возникший почти мгновенно скорбный лист вместила более полусотни имён. Ранняя кончина самых известных в этом мартирологе – скажем, Николая Рубцова (1936–1971) или Владимира Высоцкого (1938–1980) – не обойдена пристрастием критиков и мемуаристов. Уход из жизни не столь знаменитых подобного отклика, понятно, не вызвал – ведь, к примеру, уральца Вячеслава Терентьева (1940–1975) или дальневосточника Геннадия Лысенко (1942–1978) и до смертного их часа вниманием не жаловали. Но не превратности прижизненной и посмертной славы занимают автора этих заметок.

Никогда в отечественной поэзии не было (да и не будет уже) написано столько стихов (не говорим сейчас про их качество), сколько их создано и обнародовано на рубеже 1950–1960-х годов. Евг. Евтушенко не слишком тогда преувеличивал, уверяя: «Стихи читает чуть не вся Россия и чуть не пол-России пишет их». Оттаивавшее от сталинизма общество нуждалось в слове искреннем, неконъюнктурном. И не столько публицисты и политики его произносили, сколько стихотворцы. То, что потом назовут гласностью, тогда выразалось строчками стихов и поэм.

Те годы и стихи тех лет примечательны, прежде всего, отчаянным порывом совместить большевистскую утопию с идеалами гуманизма и нравственности. Н. Коржавин позднее признаётся:

И верили легко и прочно,
 Что раз мы вместе против зла,
 Нам хватит времени на то, чтоб
 Исправить страшные дела.

Жизнь вскоре даст понять, что согласие интересов социума и партии, искусства и власти «скорей причудилось, чем вправду обещалось» (Н. Горбаневская). В «Новомирском дневнике» А. Кондратовича есть красноречивое наблюдение: судебный приговор Ю. Даниэлю и А. Синявскому объявили именно 14 февраля 1966 года – десятилетием ранее (день в день!) открывался породивший столько чаяний XX партсъезд. Ефим Зубков (1947–1976) об этой перемене общественного климата напишет:

Какая длинная зима
 какие в городе
 метели
 как отощали
 оскудели
 тепла и ласки закрома

«Несчастье канунной России заключалось в том, что в общест-венности, в культуре цвела весна, в то время как в поли-тике стояла злая осень». Принадлежащая Ф. Степуну характе-ристика духовной ситуации Серебряного века уместна, считаю и для дней «оттепели», с той, правда, поправкой, что в сей пе-риод весенние веяния в «общественности» давали о себе знать явно слабее, нежели в искусстве.

Страна опять стала погружаться в глубокую летаргию, когда, по вновь ставшему актуальным прогнозу М. Салтыко-ва-Щедрин, «человеку ничего другого не остаётся желать, кроме тишины и безвестности. Это минуты, когда деятель-ная здоровая жизнь словно засыпает, а на её место вступает в права жизнь призраков, миражей и трепетов; когда обще-ство не только не заявляет ни о каких потребностях или инте-ресах, но даже, по-видимому, утрачивает самую способность чем-либо интересоваться и чего-либо желать; когда всякий

думает только о себе, а в соседе своём видит ненавистника; когда подозрительность становится общим законом, управ-ляющим человеческими действиями; когда лучшие умы обу-реваются одним страстным желанием: бежать, скрыться, ис-чезнуть».

Годы застоя справедливей назвать годами утрат. Утрат ил-люзий, надежд, идеалов, друзей. «Душа устала от поминок», – горестно вздохнёт в середине 80-х Вл. Соколов. И пусть в силу природной неизбежности жизнь всегда происходит, если по-вторить название од-ной из статей М. Туровской, «в присут-ствии и при участии смерти», в эту пору активность костлявой была едва ли не единственным, что выделялось на фоне всеоб-щего оцепенения.

Догадка, что «с веком потеряна связь» (Юрий Колкер), ста-ла терзать многие умы и сердца. «Не может быть, чтоб жили мы напрасно», — тревожилась О. Берггольц. А. Межиров судил себя ещё беспощадней: «О, какими были б мы счастливыми, если б нас убили на войне». Истокали боль и рассудительные строки М. Алигер:

Все умерли, а я ещё жива
 и помню все высокие слова.
 Но кажется порой, на склоне лет:
 слова остались те же, смысла – нет.

Схожее прозрение заметно остужало пафос стихотворцев и более молодой генерации. Так, Сергей Дрофенко (1933–1970) заметит, как «свято лжёт темперамент». Этому выводу бу-дет вторить своим недоумением другой автор: «Неужто нас, как на мякине, на добром слове провели?» (Геннадий Лысенко, 1942–1978).

А ведь поэзия «оттепельных» 60-х ставила как раз на тем-перамент, на слово публицистически-заострённое, митинго-во-прямое. Не стеснявшаяся себя риторика звала к социальной активности и проповедовала страсть гражданского служения. Императив подчёркнутой общественной ангажированности («Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан») для многих оставался непреложным.

Освоившая эстраду и газетные страницы поэзия адресовалась граду и миру и выражала эмоции отчётливо социализированные. Лирика же хотела, по выражению новосибирца Александра Кухно (1932–1978), «правды некричащей» и актуализировала чувства, прежде всего, личностные, раскрывающие «самостоянье» отдельного человека. Не любого, но каждого. И эта суверенность души, не поддающейся обобществлению (тем более, когда оно было ослабевшее, вновь стало интенсивно насаждаться), открылась в стихах драмами и конфликтами, которые свидетельствовали и о самостоянии общества так убедительно, как «газетной лире» и не снилось.

Характерный герой словесности «оттепельных» лет Венька Малышев из нилинской «Жестокости» с не знающим сомнений энтузиазмом убеждал товарищей: «Мы отвечаем за всё». Герой подвергнутого в 60-е годы начальственному остракизму фильма Г. Шпаликова и М. Хуциева «Мне двадцать лет» («Застава Ильича») считал уже по-другому: «Главное – это личная честность каждого. Каждый отвечает только за свои поступки». «Всех скромнее возьму себе роль, да свою», – солидаризировался с экранным персонажем С. Дрофенко.

Душа сторонилась регламентирования и ангажирования. И именно такая личность раньше и острее стала чувствовать свою не востребованность и неприкаянность. Советская жизнь структурировалась так жестко, что человеческое «я», не предусмотренное этими структурами, начинало ими так или иначе отторгаться. «На душе — „осторожно“ – покорная просьба», – напоминал Г. Лысенко, но негромкие эти призывы время не склонно было принимать в расчёт. А специфика поэтического поприща такова, что оно не только не предусматривает соблюдение каких-либо правил «техники безопасности», но сутью своей исключает их.

В стихах, посвящённых памяти Н. Рубцова, его младший земляк, тоже недолго задержавшийся на земле, Сергей Чухин (19451–1984) восклицал:

Душа поэта! Ей бы в скит,
Подальше от людских обид.
Но мне рассудок говорит:
Она б и там всё то же пела,
Она б и там за всех болела,
Как на небе за всех болит.

«Доктора узнают нас в морге по не в меру большим сердцам» – так М. Цветаева подтверждала правоту В. Маяковского, сказавшего о себе: «Сплошное сердце – гудит повсеместно!» Признания лириков более поздней поры звучат скромнее. И дело тут не просто в масштабах дарований (что скрывать, у героев этих замет – не столь впечатляющих, как у творцов «Облака в штанах» или «Верст»), а и в том, что в поэзии последней трети века духовный максимализм себя не афиширует. «На вырост ли, с расчётом на износ ли, но сердца – больше чуточку, чем надо» – именно это преимущество, о котором пишет, переключаясь с великими предшественниками, Г. Лысенко, и делает пишущего поэтом. А значит, и вместилищем боли времени: «Стихи – моя реакция на боль...» (Аркадий Кутюлов, 1940–1985). «Пусть входит боль мне в сердце, как игла. Так и должно быть. Я ни в чём не каюсь» (С. Дрофенко). «У меня оно большое, но и большое – устаёт» (А. Кухно). «Ничего не пролетело мимо. Всё во мне. С того и тяжело» (Г. Лысенко). «Не наболит – и нечего сказать» (В. Терентьев). Никто из поэтов, поверим Алексею Прасолову (1930–1972), «сердце не умел беречь от хваткой боли человеческой».

Помнится, на излёте «оттепели» В. Турбин опубликовал в «Литературной газете» рецензию на сборник А. Вознесенского «Ахиллесово сердце» под хлёстким названием – «Главболь». Подвергнутая ироническому прочтению книга и впрямь давала повод для упрёков в экзальтации. Но издержки чьей-то персональной практики не вправе ставить под вопрос исходное в работе или, точнее, существовании поэта: жизнью он действительно болеет. И этой – по диагнозу Пастернака – высокой болезни анестезия противопоказана.

Некогда Альберт Швейцер заметил, что «пока человек способен чувствовать чужую боль – он жив». Для поэта де-

маркационная линия между чужим и своим едва ли возможна, да и вряд ли нужна.

И копятся, копятся слёзы,
А плачешь – и значит живёшь.

(С. Чухин)

Экзистенциальная эта восприимчивость (Э. Пронилов: «Нянчишь гармонию – вынянчишь боль») не могла не усилиться «в эпоху всеобщей невменяемости» – определение Венедикта Ерофеева (1938–1990). Тем более – у тех авторов, личностное и творческое мужание которых и пришлось на годы, что явно потворствовали всем формам социального инфантилизма, но ничуть не собирались фартить «русским мальчишкам» двадцатого столетия. Отсюда, в частности, горечь признаний и Вячеслава Терентьева: «Вместо меня у меня – только огромная осень в дождях и дорогах», и Эрнста Портнягина (1937–1979): «Эта вечная молодость мне подступает удушьем под горло...», и Сергея Чухина: «Но всё труднее стало жить надеждою и самому надежды подавать...», и Николая Шатрова (1929–1977): «Как хорошо, что нет ребёнка: какие дети у детей?»

Перечитываешь книжечки авторов, вышедшие (нередко посмертно) в разных городах страны, – и не можешь не чувствовать сходства настроений, а порой и образных мотивов:

Мой катер ушёл без меня.
Было с грядущим в расчёте...

(Г. Лысенко)

Или:

... а нынче все лодки лежат на земле.

(Э. Портнягин)

Или:

Стужа на душе и непогода,
И ничей не радует привет.

Словно на причале парохода
Ночью ждёшь.
А парохода нет.

(С. Чухин)

Или:

И грустно так, и спать пора,
Но громко ходят доктора,
крест-накрест ласточки летят,
крест-накрест мельницы глядят.

(А. Губанов, 1946–1983)

Или:

... И крест-накрест
Собственными крыльями
Заколочен старенький ветряк.

(А. Еранцев, 1936–1972)

Душевная сумрачность, выраженная в этих исповедальных строчках, была связана не только (а подчас – и не столько) с идеологическим давлением, хотя оным многое определялось. На «чугунную цензуру» – сказано Александром Тихомировым (1941–1981) – приходилось оглядываться авторам с именем, у которых на пути к печатному станку иных преград, пожалуй, и не было. А каково было к нему пробиться тем, кто в пору поэтического бума не успел заявить о себе, а в условиях переменившегося общественного климата не захотел следовать «правилам игры», которые давали шанс «быть своим в суесловном пиру» (Э. Портнягин)?

Слово поэта взыскует отклика. А когда никому остаётся не ведомо то, что полнее и точнее всего являет пишущего, – его строки, тогда с неизбежностью возникает чувство, будто тебя и нет в мире. В одном из стихотворений А. Еранцева заходит речь о святом, который «и умер оттого, что ни цветка, ни камня не бросили в него». «Я в нынешней литературе – вроде бы не существующий...» – выведет в своём дневнике за два

года до самоубийства Дмитрий Голубков (1939–1972). И написанные на его смерть строки Л. Латынина могут быть отнесены не единственно к этому ушедшему из жизни поэту:

А надо-то было – поддела:
Понять, что душа облетела,
Что слово вниманья хотело,
Что нету вокруг никого...

Как бы мучительно ни переживалось говорящим отсутствие эха, ещё страшнее догадка, что очутился – в вакууме, где и устанавливать-то контакт – не с кем, что «как от забора доска, оторван от мира людского» (Евгений Блажеевский, 1947–1999). «Пасынок» – красноречиво назовёт одну из самохарактеристик А. Кутилов. Казалось, ещё вчера стиху жадно внимали тысячи (упомянутый фильм «Мне двадцать лет» сберёг для истории фрагменты поэтического вечера в Политехническом музее – а ведь подобные выступления были и в Лужниках!). Однако стрелка на часах истории дрогнула, и поэт «первым заметил, как сузился круг, такой необъятный в недавние годы» (Э. Портнягин).

Тогда-то Ю. Кузнецов и сделал признание, смутившее многих: «Я в поколение друга не нашёл...» Это было откровенностью человека иной внутренней конституции, своё одиночество не без романтического высокомерия даже оберегающего. Те же, кто впитал в себя «соборную» атмосферу «шестидесятничества», крайне болезненно реагировали на перемены в составе воздуха времени, о которых Геннадий Шпаликов (1937–1974) скажет:

То ли страсти поутихли,
То ли не было страстей;
Потерялись в этом вихре
И пропали без вестей
Люди первых повестей.

«Наш дом при нас с годами опустел», – это печальное открытие С. Дрофенко сделает задолго до эмиграционного сдува.

Человек жизни (по терминологии М. М. Бахтина) бывает защищен от сознания исторического и бытийного сиротства житейскими связями и заботами. Человеку искусства, сколь бы и нам, и ему самому ни хотелось, чтоб он «и в жизни был мастак», редко сие удаётся. «Кто живёт в мире слов, тот не ладит с вещами», — резюмирует незадолго до кончины Сергей Довлатов (1941–1990). Но и если творцу стихов, что называется, везёт на близких, и нет причин сетовать на нехватку «квартирного счастья», душа поэта не может оставаться безучастной к центробежному развороту обстоятельств, определяющих существование всех и каждого. Причём исторические катаклизмы такого рода (при всей их будничной «внешности») усиливают тот национальный акцент, что подмечен воронежцем Павлом Мелехиным (1940–1987): «Нигде сиротство, как в России, не ощущается острее».

Спасением для поэта, действенной защитой от вселенского одиночества остаются стихи. «Отвод души в тетрадь», как формулировала М. Цветаева. Когда все надежды становятся призрачными, то маячит последняя: «Может, сердце перемелется на хорошие слова?» (А. Еранцев). Или – о том же самом – у С. Чухина:

Все равно болит бессонный дух!
Лишь один спасает антисептик –
Слово,
Слово, сказанное вслух.
Сказанное,
Но не в оправданье,
Не для заполнения пустоты,
Слово,
Что явилось честной данью
Жизни той,
Которой болен ты.

Но любое обезболивающее имеет побочные эффекты. И стихи, вбирающие боль поэтава сердца, способны её растравлять, обострять, концентрировать, лелеять даже. Тому, кто живёт стихами, ведомо состояние, о котором раз-

мышлял, прописывая его в иных координатах, Юрий Смирнов (1933–1978):

Что боль в этой жизни приятна,
Поймёшь ты, покинувши свет,
Когда возвратишься обратно
В компанию звёзд и планет.

И всё-таки чаще смятенность духа побуждала поэта к другим откровениям. У того же Ю. Смирнова есть стихи, из четырёх строф которых приведу первую и последнюю:

Глаза закрою, не дышу –
И все отчётливее вижу:
В канат вцепился и вишу,
От крепости его завишу...
Глаза открою: я в гостях
Иль дома и беседа льётся.
Царит покой. Да вот пустяк –
Канат о гребень острый трётся.

Не меньше обречённости в вопросе и ответе Г. Шпаликова:

Но откуда на сердце
Вдруг такая тоска?
Жизнь уходит сквозь пальцы,
Словно горстка песка.

Или – в прозрении Г. Лысенко:

...а жизни всё равно не хватит
на главное,
хоть знаю сам:
не я –
она меня растратит,
и в основном – по пустякам.

Или – в рабочих записях Вен. Ерофеева: «Чувствуешь себя, как соль рассыпная, как разбитое зеркало, как в море обронённое колечко, как чернейшим из котлов пересечённая дорога. Ты – чувствовал себя так».

Или — в гипотезе Александра Цыбулевского (1928–1975):

Хореи, ямбы – как заведено,
Так и стихи по-прежнему слагаем.
А может быть, мы умерли давно
И ничего об этом не узнаем?

Или — в констатации Александра Величанского (1940–1990):

Тихо. Вот и прекратились времена.
Всё исчезло – и забвеньё, и вина.
Остаётся лишь вращения лоток
Да отчаянного вопля на глоток.

Или — в самоэпитафии пропавшего в 2002 году Юрия Влащенко:

Нас было много, и как скоро
Мы все успели умереть.
Среди привычного позора
Нас невозможно разглядеть.

Конечно, с этими полынного настоя строками в тех же книгах и тетрадях соседствуют иные, высветленные верой и надеждой: «Во имя жизни себя мы тратим...» (С. Дрофенко), «И будет, будет слов живых чуть больше, чем немой печали» (Э. Портнягин), «И всё же больше было правды, чем умолчания и лжи...» (Г. Лысенко). Но, исповедуясь перед музой, авторы, в итоге, не уклоняются от самой беспощадной откровенности:

Язык не может сразу умереть,
Скоропостижно люди умирают,

Но медленно озёра высыхают,
И тихо высыхают русла рек.
Язык заброшен, но ни днесь, ни впредь
Своей вины ничем не искупить нам.
В ночной тиши за горло схватит бред,
И днём самих себя нам будет стыдно.

(Леонид Киселев, 1946–1968)

Или:

Я от себя давно не жду вестей –
Не умер ли от горя и запоя?
Но нет, живу и отдаю без боя
Остатки славных старых крепостей.
(А. Цыбулевский)
Или:
Когда-нибудь –
пока ещё не стар –
как букву проверяют удареньем,
так жизнь свою представляю под удар.
Пойду на безнадежность, на нелепость
и буду в том уж убедиться рад,
что уязвим,
как уязвима крепость, построенная сотни лет назад.

(Г. Лысенко)

Разумеется, и в те годы вовсе не белыми воронами выглядели авторы, чьи строки, если воспользоваться сделанным Ф.-С. Фицджеральдом сопоставлением собственного его творчества с хемингуэевским, ориентировались не на «авторитет поражения», а на «авторитет успеха». И можно, конечно, готовый длиться и длиться ряд вторящих друг другу горестных откровений дезавуировать меланхолической сентенцией: «Поэтам следует печаль, а жизни следует разлука...» (Г. Шпаликов). Как можно подыскать в словесности тех лет и немало доводов в пользу стоицизма, неколебимого никакими поворотами судьбы. «Если уж мы родились – ничего не поделаешь,

надо немножко пожить», — сдерживая вздох, убеждает себя и всех окрест герой поэмы Вен. Ерофеева «Москва – Петушки» и в этом находит поддержку не позволяющего себе расслабленности А. Кушнера:

Ночь за окном сияет смутно.
Должно быть, наше время трудно.
Но думать было бы абсурдно,
Что были легче времена,
А хоть и были, мы – не дети,
Не мы, тогда никто на свете
Их не снесёт...

«Мне тяжело, ну а кому легко?» – это уже аргумент С. Чухина. А ведь необходимо вспомнить и трагическую судьбу тех, кому довелось жить и петь в куда более страшную эпоху – «под звон тюремных ключей» (А. Ахматова).

Всё так. Однако в лирике 70–80-х годов существенен ещё один мотив, который, на мой взгляд, помогает понять, почему в поэзии тех лет минорные настроения получили такую распространённость и отчётливость. Вот сближенные этим мотивом цитаты. «Хочу отдать всю душу, но – кому?» (П. Мелехин). «Друг мой милый, кому мы нужны?..» (Г. Лысенко). «Рыдай, моя душа! Кричи о помощи! Рыдай затем, что друг мой сух и нем – Не оттого, что так расслаблен в немощи, Но оттого, что зрит – кому повед...» (О. Охапкин). «И думал я: какой же ты поэт, когда среди бессмысленного пира слышна всё реже гаснущая лира и страшный шум ей слышится в ответ?..» (Н. Рубцов). «Мой цензор – Бог. Моя свобода печати – там, на небесах. И хоть пишу я для народа – он исчезает на глазах!» (Л. Губанов).

Вот ощущение, которого русская поэзия прежде, кажется, не знала. Отчаянная тоска обусловлена не привходящими обстоятельствами. Прав Ю. Смирнов: «Жизнь счастливая, жизнь несчастная – дело личное, дело частное». Горько, что и говорить, выслушивать дежурные комплименты в равнодушных к твоим стихам редакциях (А. Тихомиров: «А коридору нет и нет конца!.. В сей миг печальный мой бы сын заплакал, Когда б увидел своего отца»). Как нелегко и сознавать собственное –

и не только творческое – несовершенство (Д. Голубков: «Да, не в радость этот тягостный недуг. Всё, что сочинится, отошлет в друг... И когда читает кто-нибудь при мне то, что я исторгнул в гулкой тишине, – тщусь прикрыть руками стыд и боль свою, точно голый, в язвах, на людях стою...») Но много больше и горше вновь и вновь убеждаться в том, что слово поэта (твое – лишь в том числе) вообще никому не нужно и народ свыкается с безмолвием. Не потому исключительно, что таковая немота властям угодна, но и потому, что сам он потребности в даре речи – не испытывает.

И кто сказал, что рыба здесь берёт?
Пришла пора подсчитывать потери.
Повывелись доверчивые звери.
Вот так и до людей дойдёт черёд.
(С. Чухин)

Мёртвая вода реки, погубленной бездумной эксплуатацией, заставляет ассоциативно думать и про едва ли обратимое оскудение потока народного бытия. «Бездуховно, бездушно. Почти безвоздушно» – так Ю. Ким характеризовал, «какое время на дворе».

Атмосфера «дурных лет» не парализует волю к жизни и творчеству разве что у тех (конъюнктурщики не в счёт), кто изначально не грел себя иллюзиями о месте поэта и роли поэта в обществе.

Как число в уме, на песке оставляя след,
океан громоздится во тьме, миллионы лет
мёртвой зыбью баюкая щепку. И если резко
шагнуть с дебаркадера вбок, вовне,
будешь долго падать, руки по швам, но не
последует всплеска.

Но ведь отечественная традиция сформировала и поддерживала иную – в сравнении с выраженной в приведенном пас-

саже И. Бродского – поэтическую веру. «Словами поэта скажет край родной», – констатацией, подобных плещеевской, немало в XIX столетии и не меньше в веке следующем. «Всё в Москве пропитано стихами», – свидетельствовала в начале 60-х А. Ахматова. И естественно, редко кто из тех, чьё творческое взросление застало этот последний всплеск зримой любезности поэзии народу, не тешил себя мечтой, подобно С. Дрофенко: «Что ты чью-то душу задел согласиём слов своих плотных». Тем мучительнее было для стихотворцев этой плеяды убеждаться в прогрессирующем безразличии сограждан к слову поэта.

Сижу на мёртвом дереве, дышу
лиственной шумящей и знобящей глушью,
не знаю, для кого стихи пишу:
никто не слышит и не хочет слушать.
(Владимир Кочкаренко, 1942–1975)

Казалось бы, подобной растерянности можно противопоставить пушкинское признание о том, что он писал для себя, а печатал для денег. Но для себя написанные строки поэт при желании мог-таки (за исключением отдельных цензурных изъятий) обнародовать. Полтора столетия спустя многие стихотворцы, живя в областных центрах, а то и в столице, чувствовали себя в «знобящей глуши».

Отсюда и горестные предчувствия. У В. Терентьева: «...душа не выдержит нагрузки». У Д. Голубкова: «Смерть настигнет меня в пути, как мороз убивает птицу». У Г. Лысенко: «Всё чаще, как ртуть на морозе, сжимается сердце в комок и ноет на полном серьёзе о том, что я мог, да не смог». У А. Еранцева: «А яблони, поверившие в лето, ещё не разгадавшие беду, губами лепестковыми, как дети, седые хлопья ловят на лету». У Л. Губанова: «Выживать нам придётся, как обрубленным яблоням сада, как загубленным ядом колодцам».

«Смерть живая – не ужас, ужас – мёртвая жизнь». Этому прозрению А. Прасолова вторят строки и умершего в 1985 году Вячеслава Макарова («Плохо кончил? Ерунда. Хуже, если бы не кончил»), и А. Величанского («Ненадёжно житьё, как гнилая гать, – ну, а смерть не гниёт, надо полагать...»)

У А. Кушнера есть формула: «Жить чудно, нескладно, убыточно, дивно, печально...» Подобную аттестацию бытия нетрудно отыскать, впрочем, и у авторов, чьи стихи цитируются здесь чаще других. В общем смысле она безусловна и спора не вызывает. Но в реальности земных дней властвует неизменно конкретика. И когда, если держать в уме эту клавиатуру определений, всё отчётливее начинают резонировать одни чёрные «клавиши» – тогда уже нелегко поверить, что и другие могут звучать и могут быть услышаны.

И своя душа – потёмки,
а едва забрезжит свет –
начинаются поломки,
для каких починок нет.

(Г. Лысенко)

Или:

Мы свалить не вправе
Вину свою на жизнь.
Кто едет, тот и правит.
Поехал, так держись!
Я повода оставил,
Смотрю другим вослед.
Сам ехал бы и правил,
Да мне дороги нет...

(Н. Рубцов)

Утвердительное разрешение гамлетовской дилеммы возможно лишь при наличии ответов на непременно связанные с вопросом «быть или не быть?» другие: «каким быть?» и «ради чего – быть?» Иначе, права Тамара Чунина (1946–1975), «жить без света – всё равно что смерть». Но ведь, как заметил Анатолий Кукарский (1934–1979), «и солнцу свойственна усталость».

Боль тщеты (Н. Коржавин), накапливаясь с годами, способна притуплять все прочие ощущения. Простой истории (или, по слову Пастернака, «годы безвременщины») затягивался настолько, что стал казаться всегдашним. Уж на что вроде фан-

тастам должно не терять исторический оптимизм, но вот один из Стругацких, Борис, как-то признался, оглядываясь в недавнее прошлое: «Большинство из нас было уверено, что мы так и сгинем в мире несвободы, не увидев ничего другого». Что же говорить о поэтах!

Вне душ. Вне вех. Прошёл тот век,
что рифмовался с человеком.
И мы живём уже поверх
того, что было нашим веком.
А в этом умираем без помех.

Это наблюдение А. Величанского, сделанное в цикле «Воспоминания о смерти» (1969).

Всё ж мученица из Елабуги
Хоть в том счастливей нас была,
Что этих дней цвета и запахи
Прозрев, до них не дожила.

Это, к Цветаевой отсылающее, утверждение Ю. Колкера сформулировано в стихах, начатых строкою «Семидесятые, проклятые...»

Конечно, и прозаики – А. Битов, В. Маканин, А. Курчаткин, Р. Киреев – честно и точно свидетельствовали о бремени штиля. Но такова природа повествовательных жанров: они позволяют автору в отношениях с «больным» временем держать дистанцию, подобную той, что отделяет врача от пациента. Поэт же говорит о терзаниях и муках не вымышленного героя, а собственных. Тут если кто ему и родствен, так разве что актёр. Он вкладывает себя в роль, как поэт – в строчку, то есть буквально. Потому судьбы поэтов и рифмуются с судьбами актёров. Рифмуются и легендами, и в данные годы – ранними кончинами. Помянем Олега Даля, Анатолия Солоницына, Андрея Миронова, Юрия Гребенщикова, Людмилу Крячун... А вот строки Инны Чуриковой, долго грезившей ролью Жанны Д'Арк, – из письма кинематографическому начальству, не разрешившему съёмки такого фильма: «Положение моё отчаян-

ное... Меня всё чаще посещает мысль о ненужности моей жизни, об уходе из неё. И эта мысль не кажется мне страшной...»

Когда напор жизни слабеет, с неизбежностью усиливается напор небытия. И если есть «тысяча мелочей, повелевающих жить» (А. Межиров), то «жизни тающая река» (С. Чухин) открывает не меньше поводов, призывающих смерть.

Алексей Прасолов, Алексей Еранцев, Дмитрий Голубков, Геннадий Шпаликов, Геннадий Лысенко, Павел Мелехин, Ефим Зубков, Вячеслав Терентьев... Нам не узнать, что у каждого было на душе, когда вызревало бесповоротное решение «Творцу вернуть билет». Недаром последним из этого ряда было замечено: «Ну, поди догадайся, какая в нас бездна живёт». Человек, согласимся с Паскалем, пребывает вместе, умирает же всегда один. Не упустим и цветаевское: «Кроме внутренних подводных течений есть ещё: стечения... Хотя бы обстоятельств, просто со- бытия жизни, которые не предугадаешь».

Двадцатилетний Леонид Киселёв умер от лейкемии. Эрнст Портнягин погиб на геологическом маршруте. Сергея Дрофенко сгубила косточка маслины, перекрывшая дыхание. Сергей Чухин попал под автомашину. Александра Тихомирова зацепило электричкой. Юрий Смирнов замёрз на заднем крыльце ЦДЛ. Художника Владимира Попкова – разве забудешь беспощадный автобиографизм его картины «Шинель отца!» – сразила пуля мнительного инкассатора. Лодку Александра Вампилова пробил байкальский топляк. А у скольких, как у Василия Шукшина, Анатолия Передреева, Александра Величанского, не выдержало сердце...

Размышляя о переходе из жизни в небытие, Альбер Камю пронизательно заметил: «То, что называется причиной жизни, оказывается одновременно и превосходной причиной смерти». Все мы, действительно, умираем от жизни. Видимо, потому поэты, которые «самих себя не берегут», и умирают нередко раньше.

Большинство, решая, «долго ль в живых оставаться», предпочитает «выход слабости», который, по Льву Толстому, состоит в том, чтобы, понимая зло и бессмысленность жизни, продолжать тянуть её, зная наперёд, что ничего из неё выйти не может. Но бывает, что человек и своим уходом отстаивает

своё присутствие, предпочитая повседневному умиранию – мгновенную смерть. Автор «Мифа о Сизифе» трактовал самоубийство как согласие с собственными пределами. Есть резон подчеркнуть в такой трактовке определение – собственными. Кажущийся «со стороны» признанием поражения, осознаваемый и своевольный отказ быть – может по сути стать и предельным жестом противостояния нещадным обстоятельствам, когда человек решает: «Я их победить не сумею, но я и терпеть не могу» (Ю. Ким). Вот почему могло вызреть желание «задушить свечу своей сентиментальной жизни» (Е. Блажеевский).

У поэта, как не без терпкой иронии написала Татьяна Галушко (1937–1988), «проклятый вирус совести в крови». Ею, совестью, поэт ведом и в жизни, и в смерти. Самоуничтожение способно предстать и парадоксальной формой самосохранения. Один из товарищей В. Высоцкого, отвечая на вопрос о причинах его смерти, поставил диагноз, уместный, вероятно, в отношении не только поэта с Таганки: «Он умер от себя». Суверенная жизнь потребовала и суверенной росстани.

Теперь, когда смертный объявлен час,
 Меня не догнать никому из вас,
 Начальники жизни, политруки –
 Теперь это даже вам не с руки.
 Не ужас, а боль свободы в груди:
 Моя зависимость позади.

(Т. Галушко)

«Ничто человеческое мне не чуждо», – настаивал тоталитаризм и, подчиняя себе лестию и местью, подкупом и окриком, самонасаждался всюду и везде. Лишь одно – чему подтверждением и только что приведённые строки – бессильна власть монополизировать (если, конечно, не хочет выглядеть террористической мафией типа сталинской или полпотовской) – человеческую кончину. Когда А. Вознесенский, неожиданной пунктуацией разбивая расхожие шаблоны, декларировал: «Мне больно когда – тебе больно, Россия», он всё же выдавал желаемое за сущее. Ближе к истине была честная скромность Г. Шпаликова:

Страна не пожалеет обо мне,
Но обо мне товарищи заплачут.

Но не только столпам общества бросает личность вызов своим уклоняющимся от «типового сценария» уходом из мира. Она тем самым вступает в тяжбу и с Богом (природой). Крайней формой послушания человек протестует против таких устоев существующего, когда он заключен «ну... как во чреве мачехи» (Вен. Ерофеев).

Вопрос о самоубийстве, будучи предельно личным, становится и предельно масштабным. Отстаивая «несравненное право – самому выбирать свою смерть» (Н. Гумилёв), уклоняющийся в этом и от Высшей власти демонстрирует власть личную – если не над всей собственной судьбой, то, по крайней мере, над её финалом. Сквозь историю здесь с непреложностью прорывается бытийность.

В одном из стихотворений Борис Марьев (1934–1977) проповедовал подступить к вопросу, которым, вероятно, задавался всякий, кто не безразличен к стихам: «За что поэтов губят люди? За что поэтов любят боги?» Знаменательные выкладки за сей счёт есть в давней статье Владислава Ходасевича. Рассуждая в начале 1930-х годов о прошлом и настоящем родной словесности и перечитывая синодик российских литераторов, поэт так объяснил крестную долю наделённых пророческим даром Аполлоновых любимцев: «Кажется, в страдании пророков народ мистически изживает собственное своё страдание. Избиение пророка становится жертвенным актом, заклинанием... В жертву всегда приносится самое чистое, лучшее, драгоценное...»

Полвека назад немало споров было об исповедальной прозе, а вот про исповедальную поэзию не говорили. И не потому, что исповедальность – в основе лирического творчества вообще: при всём тогдашнем многотишии и при несомненной искренности самых резонансных стихотворных признаний той поры, в них, как правило, неразличим мотив личной вины и ответственности. Питаемый поначалу «правом памяти», «бедой и болью потаённой» (А. Твардовский), десятилетиями хранимый в сердцах старших поколений, этот мотив, обретая вынятность в стихах «постшестидесятников», заставит думать о драмах и тяготах не только былых эпох, но и дня настоящего:

Наш век совершался при нас.
И с нас же и спрошено будет.

А кто, если конкретизировать сей постулат С. Дрофенко, спрашивает с поэта взыскательнее всех? Как бы ни были суровы и въедливы новые Зоилы и сколь бы ни досаждали иные навязчивые читатели (впрочем, и такой читатель – разве не благо?), а самый строгий суд над собой вершит сам поэт. Ибо поэзия для него – дело жизни. Стало быть, и смерти. В отличие от стихослагателя, поэту суждено, как сформулировано А. Тарковским, «сполна платить судьбой за паспортное сходство строки с самим собой».

Говоря о самоубийстве Маяковского, Н. Берберова обмолвилась, что «он застрелил не себя только, он застрелил всё своё поколение». Автор «Облака в штанах» и «Хорошо!» своей гибелью и впрямь подтвердил право на масштабное самопризнание: «За всех расплачусь, за всех расплачусь». В словесности недавних десятилетий подобных претензий не было. Но и поэты, о которых здесь речь, оттого, верю, ушли из жизни много раньше не причастных таинству стиха сверстников, что открытые поэзии, то есть красоте и добру сердца неизбежно отзывчивей, уязвимей, честнее наших.

Помню, в далёкую уж пору студенчества мне как-то дали («до завтра!») вышедшее в Париже издание «Доктора Живаго». Запретом любой книги её достоинства лишь акцентируются, и всё же, добравшись под утро до последних – со стихами страничек второго тома, я подумал, однако, что автор мог дать возможность главному герою пожить и подоле, хотя б до 1937-го. Но позже дневному рассудку открылась непреложность романного замысла: эта жертва – искупительна. Со смертью поэта Юрия Живаго, почти совпавшей по календарю с кончиной Маяковского и предшествовавшей «оптовым смертям» последующих лет, когда не станет, в частности, и Мандельштама, и Клюева, и Павла Васильева, и Цветаевой, как, впрочем, и миллионов людей, не подозревавших о таких поэтах, Пастернак связывал утвердительный ответ на поставленные романом вопросы: «Разве может быть польза от смерти? Разве может быть в помощь смерть?»

«Ткани нашего мира обновляются смертью» – так воспринимал законы бытия О. Мандельштам. И, вторя ему через полвека, А. Кушнер напишет:

И в смерти, должно быть, особая милость,
Смертельная жалость таится и льгота,
И рухнуло время, и в небе затмилась
Звезда, и в истории треснуло что-то.

Однако к концу XX столетия надежды на желаемое обновление, пусть и такой цены взыскующего, стали если не для всех, то и не для немногих, увы, меркнуть. «У современного человека нет сил, чтобы жить идеалами», – не сомневается авторитетнейший театральный режиссёр Анатолий Васильев. Известный рок-миру Егор Летов ещё категоричней:

Всегда два исхода у честных ребят:
схватить автомат и убивать всех подряд
или покончить с собой –
с собой, с собой, с собой, –
если всерьёз воспринимать этот мир.

Спасением от так понимаемого серьёза и стала тотальная ирония, коей пресыщен литературный бомонд новой поры:

Как хорошо у бездны на краю
загнуться в хате, выстроенной с краю,
где я ежеминутно погибаю
в бессмысленном и маленьком бою.
(А. Еременко)

Постмодернизм, по сути, отменил для себя лирику. На смену стихам пришли тексты, а лицо поэта стало замещаться набором масок. Когда «в кровеносных сосудах – давление красных чернил» (Евг. Бунимович), стихотворчество превращается в занятие, требующее усидчивости и остроумия. Ни о какой «гибели всерьёз» и речи быть не может.

Герои этих заметок поэзию с игрой не отождествляли. Бедам и болям мира они раскрывали сердца и строки бесхитростно и бесстрашно. В гибельной этой уязвимости и воплощала себя их ответственность за сущее.

Оттого С. Дрофенко и ставил перед собой вопрос, как его стихи будут восприняты потом: «Что взрослый мой ребёнок встретит в них, когда я перейду земные сроки?» Жестоким ответом на эти тревоги выглядит признание персонажа повести В. Маканина «Один и одна» — позднего «шестидесятника», отторгаемого пережившейся эпохой: «Таких, как я, вы не выживаете, нет, нет, много чести, вы нас просто отодвигаете в какой-то дальний ящик, ваше, мол, время давно кончилось, другие теперь времена, и доживайте, мол, жизнь тихонько...»

Горько, но, что поделаешь, личность может быть невостребована и человек может свыкнуться с определением «лишний» не только в своём настоящем, а и, так сказать, в исторической перспективе. Однако духовный опыт, вобравший надежды и разочарования всех и каждого, кому дано было мыслить и страдать в земные сроки, из ноосферы – неизымаем. «Другие по живому следу пройдут твой путь за пядью пядь...»

Живой след нашего участия в бытии и хранит поэзия. Служить ей верой и правдой сегодня так же мучительно и рискованно, как и доселе. Вот и её мартиролог недавних десятилетий умножился новыми, ещё более юных авторов, именами: Владимир Полетаев (1951–1970), Сергей Борисов (1952–1978), Александр Башлачев (1960–1988), Александр Сопровский (1953–1990), Виктор Цой (1962–1990), Майк Науменко (1955–1991), Борис Рыжий (1975–2001), Денис Новиков (1967–2004)... Новые времена, новые песни, а глубинная суть и песен, и времён остаётся неизменной: «Всё в мире куплено ценой сгорающих сердец».

По свидетельству Анны Ахматовой, когда в 30-х арестовывали Николая Пунина, он сказал ей при расставании: «Главное, не теряйте отчаяния!» Без отчаяния человек и впрямь вырождается в раба, как без открытости боли становится зомби или роботом. «Объясни: я люблю оттого, что болит, или это болит оттого, что люблю?» Потому и задаются поэты (в данном случае – А. Башлачев) такими вопросами. Потому и самоубий-

ством чреватое отчаяние, переполняя поэтов души, вопиет о необоримом – буквально до смерти! – инстинкте истинно человеческой жизни. Потому и, расставаясь с нами, думает поэт – о нас:

И знать хочу у праведной черты,
Где равновесье держит бытие,
Что я средь вас — лишь памятник беды,
А не предвестник сумрачный её.
(А. Прасолов)

«Стихам Россию не спасти». Это стиховое пророчество, сделанное Самуилом Киссиным (Муни) в начале двадцатого века, последующие десятилетия не оспорили. Но сколько поэтов жизнь положили ради его опровержения. Может, потому и Россию без стихов не представить.

Опубликовано в журнале «Урал» (1994, № 7)

КЛАССИКИ О ВРЕМЕНИ СВОЁМ И НАШЕМ

МИР ГЛАЗАМИ КЛАССИКОВ

*Н. Г. Чернышевский «Иностранные известия»
из № 7 Журнала «Современник» 1854 год.*

Кстати о магнетизме. Непостижимо, как много ещё найдется легковерных, одурачиваемых этим шарлатанством. А их легковерие, поджигающее корыстолюбие обманщиков, приносит плоды. В Нортэмптоне недавно помешался молодой человек Джордж Уокер (Walker) от совершавшихся над ним опытов месмерирования⁵. «Но это уже доказывает, что в магнетизме скрывается какая-то сила». Набейте человеку голову какой угодно глупостью и заставляйте его делать почаше утомительные опыты, велите ему, например, по целым часам смотреть в стакан с водою, в уверенности, что от этого вода, наконец, обратится в чай со сливками – он всё равно сойдёт с ума; а иному даже покажется ещё, что вода в самом деле превратилась в чай со сливками. Это доказывает только силу слабоумия и шарлатанства. Но нельзя сказать, что магнетизм иногда не приносил пользы. Вот, например, мы должны быть благодарны ему теперь, потому что он вывел нас из раздумья: каким бы образом вставить в нашу беседу с читателями хоть три-четыре маленьких известия о телеграфах, железных дорогах, пароходах и тому подобных вещах, без которых современность не современность и «Иностранные

⁵ Месмерированье – упражнение в гипнотизме. Месмеризм получил свое название от имени врача-магнетизера Месмера (1733--1815), выступившего во второй половине XVIII в. со своим «учением», которое вначале пользовалось успехом у доверчивой западной публики, но впоследствии, в связи с научными открытиями в области гипнотизма, было разоблачено как шарлатанство.

известия» не могут обойтись, как пароход без каменного угля. Теперь связь найдена – пустой животный магнетизм соименник прекрасному магнито-электричеству; стало быть, мы имеем право говорить о магнито-электрических телеграфах, а нам этого и довольно. Телеграфы идут вдоль железных дорог, пароходы и паровозы почти одно и то же, и, следовательно, внутренняя отрывочность известий прекрасно прикрывается наружной связью, как жюль-жаненнова ненависть к затеявшим войну с русскими – любовью к Рашели.

Итак, об электрических телеграфах.

Между Агрою и Калькуттою, на расстоянии 800 миль (1 200 вёрст) проведён электрический телеграф; потом открыто сообщение по электрическому телеграфу между Калькуттою и Сипри, на 1 000 миль (1 500 вёрст). Работы по устройству электрического телеграфа от Мадрита к французской границе почти окончены; до Сарагоссы телеграф предполагалось открыть уже в конце июня, и произведённая на днях проба совершенно удалась. (А с другой стороны, между Лиссабоном и испанской границей прекратилось сообщение «по причине дурного состояния дорог».)

Толки о проведении подводного электрического телеграфа из Америки в Англию слышатся уже довольно давно; но предприятие так громадно, что трудно было бы верить в возможность его осуществления, если бы люди, коротко знакомые с делом, не защищали этого проекта. Так, например, лейтенант Мори 13, знания которого не подвержены сомнению, убедился, что проложить телеграфический канат между берегами Ньюфаундленда и Ирландии – мысль удобоисполнимая, и изложил основания своего мнения в письме в американское морское министерство (Secretary of Navy). Он сообщает факты, бывшие до сих пор неизвестными. Во-первых, он утверждает, что дно моря между Ирландией и Ньюфаундлендом ровная долина, и что море в этих местах не слишком глубоко и не слишком мелко и, по всей вероятности, дно очень удобно для телеграфического каната. Во-вторых, Мори утверждает, что дно моря

в этих местах ниже линии, до которой простираются морские течения, движение прилива и отлива, ниже линии, до которой уходят пловучие льды, так глубоко, что до него не достают якоря и т. д. Эти сведения собраны им посредством точных исследований, предпринятых по поручению компании, устраивающей телеграфическую линию из Нью-Йорка в Нью-Фаундленд и серьёзно задумывающую продолжить эту линию до Ирландии. Сумма, которую предполагают достаточной для этого подводного телеграфа между Америкой и Европой, по уверению американских газет, не так велика, чтоб можно было бы её пугаться. Если перекидывают телеграфические проволоки через Атлантический океан, то почему же не думать, что со временем перекинут их на луну, потом на Венеру и так далее? Вы скажете: незачем перекидывать, потому что не с кем будет говорить по телеграфу, потому что ни на луне, ни на Венере нет жителей, которые умели бы говорить. Почему же непременно уже «нет»? Разве вы видали, что «нет»? Разве нельзя попытаться доказать возможность того, что они «есть»?

С того самого времени, как астрономия доказала, что наша земля – только одно из множества подобных ей небесных тел, из которых очень многие в тысячи и миллионы раз превосходят её величиной, народные поверья, что планеты и солнце имеют своих жителей, получили в глазах большинства ещё большую прежнего правдоподобность; с жадным любопытством стали пытаться у астрономов, до какой степени это поверье оправдывается наукой, но астрономы холодно отвечали, что они ничего достоверного сказать не могут, что факты науки молчат, а вдаваться в гипотезы, не основанные на ясных фактах, неприлично строгим учёным; что если, однако, их просят непременно сказать своё мнение, то они должны дать общий ответ: «если на других небесных телах и есть жители, то они не могут походить на людей, потому что устройство и качества их планет совершенно не похожи на те условия, в которых может жить человек. Так на одних планетах нет воды, на других нет и воздуха; на одних человеческое тело в миг иссохло и сгорело бы от страшного жара (например, на Меркурии), на других бы замерзло от страшного холода (например, на Уране или Нептуне)».

Круг приложения паров к промышленности продолжает быстро распространяться. До 1848 г. в Англии очень немногие фермы имели паровую машину; через десять лет она будет на всех больших фермах. И теперь уже, проезжая по земельным округам, повсюду видишь высокие дымящиеся трубы, это – трубы паровых машин, применённых к земельным работам. Паровая машина ныне молотит и веет хлеб, орошает поля, бьёт масло. С тем вместе пользуются и жаром, ею производимым, чтобы варить и жарить кушанье. Изобретены уже и переносные рельсы, по которым маленькие локомотивы отвозят на нивы удобрение и свозят с полей жатву. Небольшие фермы, не имеющие возможности содержать собственную паровую машину, нанимают на несколько дней для исправления всех этих тяжелых работ странствующие паровые машины. Все эти усовершенствования, конечно, требуют огромных капиталов; в Англии не редкость встретить землевладельца, употребляющего в год по несколько десятков, даже сотен тысяч рублей на улучшение своих земель. Какие выгоды приносит таким щедрым владельцам благодарная земля, лучше всего показывает пример Шотландии, которая сто лет тому назад была бедной, почти бесплодной страной, а теперь не только прокармливает свои огромные мануфактурные города, но и вывозит в Англию огромное количество хлеба.

Паровые машины прекрасны, но имеют одно важное неудобство: их надобно топить. То же самое неудобство представляют и печи.

Дрова стоят денег, и больших денег; каменный уголь тоже. Деньги есть не у всякого и не всегда. А мороза не может выносить никто, даже не имеющий ни копейки, ни сантима денег. Из этого следует необходимость приискать такой способ нагревать холодный воздух (не можем сказать «топить», потому что для топления всегда нужны будут дрова, или каменный уголь, или что-нибудь, покупаемое за деньги), такой источник тепла, который бы доставался всякому даром, как деньги из шотландских банков. Солнце именно такой источник теп-

ла; но только летом оно хорошо исполняет это дело; а зимой солнце греет плохо, и ему надобно найти замену. Некто г. Майер начал думать об этом и в прошедшем году придумал, что если два тела, например, два куска дерева, два куска железа, трутся одно о другое, то оба нагреваются, и что поэтому вместо топления можно ввести «трение», вместо печей – трущиеся снаряды. Ему доказали, что приводить в движение его машины стоит гораздо дороже, нежели топить печь. Он теперь придумал и на это ответ – надобно, чтобы эти машины приводились в движение водой, которая, как известно, течёт бесплатно. Этим уменьшается круг употребления машин. Но можно придумать заставлять и ветер вертеть машины. Тогда их можно будет устраивать повсюду, где только дует ветер. Вероятно, кто-нибудь придумает это. Мы сами увлекаемся своей мыслью (что делать: своё мило всякому) и готовы даже представить в распоряжение будущего изобретателя «ветряных топильниц» (как есть ветряные мельницы) опровержение на единственное возражение против этого способа. «Ветер дует не всегда, скажут будущему изобретателю, поэтому и "топильницы" будут вертеться и топиться не всегда, и оставят иногда по две недели мерзнуть нагреваемых ими». Но разве против этого нельзя принять мер? Сберегают же холод, т. е. лёд, в погребах от холодного времени к жаркому. Почему же не сберегать тепло, запасённое в ветреную погоду, к тихому времени? Можно устроить топильни так, чтобы они накаляли камни; камни складывать в погреб; так в большой куче камней жар будет держаться долго, по несколько дней и недель; из погребов провести трубы, по которым будет идти жар, куда нужно. А когда камни начнут остывать, опять подует ветер (ведь не два же месяца будет продолжаться затишье), и топильницы опять начнут вертеться, нагревать комнаты и накалять запасные камни. Чем это изобретение дурно? Может быть, только тем, что нагревание по новому способу будет обходиться вдвое дороже топления дровами. Но – стоит приняться за дело, чтобы упростить, удешевить его. А между тем г. Майер взял привилегию на своё изобретение, которое, конечно, подвергнется насмешкам в случае неудачи, но принесёт неисчислимые блага в случае успешности. Зачем

же торопиться смеяться над подобными смелыми опытами? Bien rira, qui rira le dernier (Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним. – Ред.) Невозможного, нелепого в идее г. Майера нет ничего; напротив, она поражает своей простотой и раз-умностью.

Едва ли, напротив, поразит какого-нибудь неприятеля своим огнём и какого-нибудь читателя своей простотой и удобоприменимостью новое оружие, изобретённое Шаррейром и испытанное в Париже комиссией Академии наук, состоявшей из Пиобера, Морена и маршала Вальяна. Извлечение в отчётах Академии из отзыва комиссии не входит в технические подробности, вероятно из опасения, чтобы враги французской нации не воспользовались этим изобретением; но напечатанного отрывка довольно для того, чтобы ручаться за неудобность или совершенную негодность страшного оружия. Это оружие – копье, на котором надет щит, непробиваемый пулей и закрывающий корпус и лицо солдата до самых глаз (интересно знать, как велик вес этого щита? конечно щит так тяжёл, что копье невозможно удержать в руках никакому богатырю). Безопасный за щитом солдат идёт на неприятеля, и в 5 или 4 саженьях от него «зажигает» снаряд, приделанный на конце копья. Копье не стреляет пулей, а жжёт огнём, который пылает на 5 или на 6 сажень в горизонтальном протяжении. Огонь этот так силён, что будет жечь не только первую, но и вторую и третью шеренгу неприятеля. После первой страшной вспышки копье продолжает, хотя в меньшем количестве, изрыгать огонь. Если заключает изобретатель, «солдат бросится на неприятеля в ту минуту, как копье вспыхнет, и будет продолжать наступать с этим огненным копьем, то никакая человеческая сила не устоит против него». Конечно, не мудрено прицепить фейерверочный состав к концу дротика и устроить так, чтобы огонь летел в лицо неприятеля. Но дело в том, что никакой «греческий огонь» не устоит против пороха, против пули и ядра; это ясно доказано тем, что все подобные штуки, бывшие в употреблении у византийцев, вышли из употребления после изобретения огнестрельного оружия.

Размеры пароходов гигантски увеличиваются с каждым годом. Давно ли 120-пушечный корабль в 270 футов длины был «чудом морей»? Давно ли начали строить пароходы в 450 сил? Теперь есть пароходы в 1 000 сил. И этого мало. Некто г. Гуро (Gouraud) в Америке хочет строить пароход в 5 000 сил и в 1 000 футов (12872 сажень) длины. Если план и не исполнится теперь, если и не построит своего гигантского парохода Гуро, то другой спекулянт через год, через два года построит что-нибудь подобное – таков ход дела. Сообразно увеличению длины и силы пароходов возрастает и скорость плавания. «Аtrato» недавно пришёл с острова св. Фомы в Саутемптон (3 600 английских миль) в двенадцать дней (300 миль, или 450 вёрст в сутки). Североамериканский почтовый пароход «Азия» проплыл в три дня 975 миль (1 475 вёрст, или около 500 вёрст в сутки).

Путешествия, описания отдалённых и близких стран всегда составляли одну из самых плодотворных отраслей английской литературы; можно теперь легко сообразить всякому, какое громадное количество книг и книжонок о Турции, России, Закавказских провинциях, Валахии, Молдавии появляется на английском языке в настоящее время. Их так много, что в английских критических журналах явился для них особенный отдел, еженедельно отдающий отчёт о десятках «книг о войне» и перечисляющий без дальнейшего рассмотрения ещё другие десятки менее интересных книг того же содержания. Мы, конечно, не будем останавливаться над ними, потому что, если и есть между ними много дельных и даже несколько беспристрастных, то не найдётся пока ещё истинно замечательной ни одной, кроме – «Закавказье», барона Гакстаузена⁶; но и эта книга не английская, а немецкая, и только потому мы упоминаем о ней вместе с английскими, что знаем её по английскому

6 Барон Гакстаузен – прусский чиновник, экономист, писатель по аграрным вопросам, исследователь России и Кавказа.

переводу; итак, мы сказали, что единственная замечательная книга о странах, в которых теперь театр войны – «Закавказье (Transcaucasia), очерки народов и племён между Чёрным и Каспийским морями». Автор знаменитого путешествия, коротко узнав Россию, полюбил ее, и его «Закавказье» проникнуто симпатией к России и к русскому владычеству за Кавказом. Английские рецензенты, конечно, называют это если не пристрастием, то предубеждением. В самом деле, барон Гакстгаузен до того предубеждён, что думает, будто бы «поддерживая гражданский порядок в закавказских областях и цивилизуя их, русские пролагают путь цивилизации и в прилежащие азиатские страны». Сколько мы можем быть судьями в собственном деле, нам кажется, что это истина довольно простая; если память нас не обманывает, в ней даже и не думали сомневаться до начала войны ни англичане, ни французы. Как бы то ни было, книга барона Гакстгаузена, по признанию самих недовольных английских рецензентов, полнейшее и вернейшее изображение нравов закавказских племён и настоящего положения Закавказья. Известная наблюдательность барона не изменила ему и на этот раз, и его «Закавказье» наполнено интереснейшими замечаниями и анекдотами. Приведём два или три наудачу. Однажды турецкое судно, нагруженное черкесскими красавицами, предназначавшимися для гаремов, было перехвачено русскими. Комендант порта, куда было приведено судно, объявил интересным пленницам, что они свободны, что они могут совершенно располагать своей судьбой: «Если хотите, выберите себе здесь мужей; если хотите воротиться на родину, я пошлю вас с конвоем, которым будет начальствовать князь из вашего племени». – «Нет, – отвечали милые девушки с трогательным единодушием, – позвольте нам опять сесть на судно и отправиться в Константинополь: там нас купят в невольницы, может быть, богатые люди». Какое разочарование для барона Гакстгаузена, радовавшегося освобождению несчастных жертв гнусного корыстолюбия! Английский рецензент извиняет своих клиенток тем, что «продажа на невольничьем рынке, по их понятиям, не унижительна и может доставить им выгоду жить в богатом доме» – сущая правда; но хороши понятия! Однако если черкешенки и считали благополучием попасть в гарем,

то едва ли такой идиллический образ мыслей был разделяем христианками, армянками, которые также до владычества русских не были избавляемы от этого счастья и, вероятно, очень редко находили таких великодушных владык. Американцы поступают в этом случае хладнокровнее англичан: не ратуют за красавиц, лишаемых завидной участи быть продаваемыми на константинопольском невольничьем рынке, а прибирают к рукам все рынки, которые можно вырвать у соперников-англичан, пока те заняты черкешенками. Известно, что с Китаем теперь у них торговля немногим меньше, нежели у англичан, и скоро будет больше; а вот они открыли для себя еще новый рынок, необыкновенно важный – «неизвестную» доселе землю, Японию.

Назад тому год или больше Северо-Американские Штаты отправили в Японию довольно значительную эскадру, с требованием, чтобы японцы перестали запираяться от всех других наций в мире, открыли свои порты для торговли, позволили запастись у себя водой и жизненными припасами кораблям, идущим в Калифорнию, одним словом, вступили с североамериканцами в дружеские сношения. Думали, что дело не обойдется без хлопот, что американцам придется погугать своих новоприобретаемых приятелей, чтобы «внушить» им, как справедливо сказано:

О дружба, кто тебя не знает,
Не знает тот и красных дней... –

то есть, кто не хочет мирной торговли, тому приходится плохо. Но все покончилось мирно, ладно и действительно по-дружески: получены известия о полном успехе посольства.

Электрический телеграф, полный прибор которого с пятью милями проволоки был в числе подарков, назначенных для императора, произвел сильное впечатление на понятливых японцев. Они видели, с какой мгновенной быстротой передает он известия (знаки на циферблатах телеграфа были написаны

японскими буквами, и тем легче было японцам понять его употребление); они хорошо понимали важность и удивительность этого изобретения, но не приписывали его действиям волшебству, как другие азиатцы. Их также очень поразила маленькая железная дорога, длиной в 200 сажен, которую устроили американцы, положив рельсы кругом, так что локомотив мог ездить не останавливаясь. Когда машина сделала несколько кругов, японцев пригласили попробовать покататься по новой для них дороге. Сначала они колебались, потому что боялись быстроты езды, простиравшейся до 60 верст в час. Но после первого опыта они наперерыв садились в вагон. Между тем переговоры шли своим порядком, и американцы вполне достигли своей цели – теперь им позволено торговать с Японией, и эта земля с 1854 года перестает быть для нас terra incognita (Неизвестною областью. – Ред.)

Мимо Японии – путь в Калифорнию; а с Калифорнией неразлучна в нынешних известиях Австралия. Посмотрим же, что нового известно о Калифорнии, Австралии и золоте. Всё количество золота, добытого в течение двух лет (1852 и 1853) в золотом округе Виктории (в Австралии), простирается до 25 000 000 ф. ст. (150 000 000 р. сер., или по весу до 100 000 пудов). Привоз товаров в колонию Виктории простирается в 1853 году до 15 842 637 ф. стер, (около 98 миллионов р. сер.) и будет вдвое или втрое больше через год. Естественно, впрочем, что при таких огромных средствах австралийские английские колонии и развиваются чрезвычайно сильно. В Мельборне английское правительство основывает уже университет. Жалованья профессорам назначается 1 000 ф. ст. (6 000 р. сер.). Кембриджскому университету дано поручение приискать кандидатов. Не удивительно, если при сбродном населении колонии и огромном количестве получаемого богатства, в «золотом округе» свирепствовало пьянство. Теперь составилась из самих жителей лига для его искоренения, которая требует строгих наказаний за этот порок. Всего народонаселения в колонии считается до 200 000 человек. Из Кали-

форнии в первые три месяца 1854 г. вывезено золотого песку на 10 679120 долларов (около 16000000 р. сер., или по весу 11 000 пуд.). Из этого видим, что хотя удивительно богатая добыча австралийских россыпей затмила славу Калифорнии, но и в ней золота добывается всё больше и больше. А в Австралии между тем найдены ещё новые золотые россыпи – именно, в западной части материка, около Фримкестля. Но не везде счастье английским золотоискателям: слухи о золотых копях на Цейлоне оказались ложными.

Нам уже прежде случилось упомянуть о китайцах, теперь мы говорим о Калифорнии. Скажем же, что китайцы в Калифорнии (их там 25 000) начали издавать китайскую газету.

ДЕЛА ЛИТЕРАТУРНЫЕ

4 апреля 2019 года в Ханты-Мансийске чествовали лауреатов международной литературной премии «Югра». Торжественная церемония вручения наград за 2018 год прошла в окружной библиотеке. В списке лучших оказались известные литераторы, как России, так и зарубежья: Болгарии, Хорватии. Среди шести лауреатов есть и югорский писатель Александр Игумнов.

Экспертный совет литературной премии «Югра» в этом году уделил особое внимание теме войны и мирной жизни. Жюри конкурса отдало предпочтение книге о выводе советских войск из Афганистана – событию, произошедшем тридцать лет назад. Её автор, югорский писатель Александр Игумнов размышляет о роли простого солдата в истории и надеется, что она научит лучшим качествам нынешнее молодое поколение.

Александр Игумнов, писатель, лауреат международной литературной премии «Югра», г. Советский:

«Главное – донести читателю, что есть такая профессия – Родину защищать. Помните фильм? Получается, что у нас всегда были, есть и будут такие пацаны, как Федотов, погибший в Сирии майор-лётчик».

Каждый год литературная премия «Югра» открывает новые имена и доказывает, что печатное слово было и остаётся востребованным.

Дмитрий Мизгулин, учредитель международной литературной премии «Югра»:

«Ежегодно отбираются книги по целому ряду причин. Например, славянская книга, которую написала замечательная болгарская поэтесса Елка Няголова. У неё вышла книга «Ангел в пещере». В прошлом году мы вручали премию за роман «Дорога на Царьград» сербскому автору Ненаду Иличу, приехавшему к нам из Голландии».

Елку Няголову называют человеком с уникальным поэтическим видением. Свою миссию она видит в сбережении сла-

вянской культуры. Издаёт книги, которые регулярно получают литературные награды во всём мире. «Югра» пополнила их список впервые.

Елка Няголова, поэтесса, лауреат литературной премии «Югра», Болгария:

«Чисто в литературном смысле меня что-то связывает с этой мистической землёй, к которой всегда хотелось прикоснуться, но не было повода для этого».

Признание коллег получила автобиография о том, как приговорённые диагнозом пациенты онкологического центра не падают духом, а живут и побеждают болезнь. Автор повести – главный редактор литературного журнала Тюменского края Леонид Иванов. В номинации «Вклад в русскую публицистику» жюри отметило Виктора Линника, главреда российской газеты «Слово». За вклад в русскую литературу премии удостоен московский писатель Владимир Личютин.

Сергей Козлов, писатель, секретарь международной литературной премии «Югра»:

«Когда происходит общение, это не только определённая форма поддержки литературного процесса, собственно говоря, самих писателей, мы пытаемся сделать из этого небольшой, но праздник».

За двенадцать лет существования премии её лауреатами стали свыше восьмидесяти литераторов России и зарубежья: широко и малоизвестные поэты, писатели, а также переводчики прозы и поэзии.

Состоялся Межрегиональный литературный форум в Югорске 28 августа – 1 сентября 2019 года. Межрегиональный литературный форум «О роли современной литературы в гражданско-патриотическом воспитании молодёжи» в Югорске закончил свою работу 1 сентября 2019 года. Форум был проведён по инициативе генерального директора ООО «Газпром Трансгаз Югорск», депутата Думы ХМАО – Югры П. М. Созонова. Программа была очень насыщена: творческие вечера, семинары, мастер-классы, встречи с кадетами и юнармейцами, ветеранами Афганистана и Чечни, офицерами за-

паса, участниками литературных объединений и школьниками. Почётными гостями и деятельными участниками Форума были: Председатель правления Союза писателей России Николай Фёдорович Иванов; российский журналист, поэт и прозаик Виктор Глебович Верстаков; российский журналист, кандидат философских наук Георгий Нестерович Добыш; российский общественный и военный деятель, писатель и журналист Валерий Анатольевич Латынин; российский литератор, ответственный секретарь Ханты-Мансийской окружной организации «Союз писателей России» Ширманов Игорь Александрович; члены «Союза писателей России», проживающие в городах Советский и Югорск Владимир Михайлович Волковец, Александр Петрович Игумнов, Олег Антонович Баргилевич, Иван Валентинович Цуприков, Валерий Алексеевич Каданцев, Игорь Александрович Осадчий.

*Поздравляем Нижневарттовское литературное
объединение «ЗАМЫСЕЛ» с юбилеем!
В 2019 году ему исполнилось 25 лет!*

Нижневарттовское литературное объединение «Замысел» образовано в 1994 году. Центральная городская библиотека на базе Центра досуга молодёжи «Наш дом» стала приглашать молодых людей на творческие встречи. Выяснилось, что один из завсегдатаев – Сергей Нехаев любит Гумилёва и подражает ему. Из толстой тетрадки стихов хватило на тоненький сборник «Невесомость». Студент художественно-графического факультета НГПИ Илья Михайлов проиллюстрировал сборник. И презентация этого первого стихотворного сборника дала основание считать это событие, а происходило оно 18 июня 1994 года, днём рождения «Замысла». Организатор мероприятий – Татьяна Викторовна Воробьёва, работник библиотеки. Руководителями «Замысла» в разное время были: вначале на встречах проводил консультации Игорь Викторович Кириллов, затем Евгений Браверман, недолгое время Владимир Мазин, Владимир Филиппов, Борис Романов, с 1996 года и по настоящее

время литературное объединение возглавляет Альбина Семёновна Кузьмина, член Союза писателей России, член Союза журналистов России. На протяжении многих лет наставником литературного объединения «Замысел» была Маргарита Кузьминична Анисимкова – член Союза писателей СССР, член Союза журналистов СССР, заслуженный работник культуры Российской Федерации, Лауреат литературной премии губернатора ХМАО, премии им. Мамина-Сибиряка, Почётный гражданин города Нижневарттовска.

Первым замысловским достижением был выход «Иванчая» – литературной странички в «Местном времени» в 1995 году. Была издана первая книга стихов Замысловцев «Постоянство», иллюстрировал которую художник Н. Курач. 28 июня 1997 года к юбилею города в Центральной библиотеке прошла презентация первого сборника «Зори Самотлора», составителем и главным редактором являлась М.К. Анисимкова. А после – «Визитной карточкой города» были названы наши литературно-художественные альманахи «Зори Самотлора». В 2019 году его – пятнадцатый выпуск. Надо отметить, «Зори Самотлора» – уникальное издание, так необходимое писателям города. Из года в год здесь удаётся собрать захватывающие, исключительные произведения и не замкнуться только на местных авторах, а печатать поэтов Екатеринбурга, Москвы, Югры... «Литературный росток на ханты-мансийской земле», – как писали об альманахе Союз писателей России, который оказывает существенное влияние на культурное развитие общества, на духовный рост нового поколения. Мы постоянно проводим заседания, консультации, редакционную работу литературного объединения в конференц-зале Центральной городской библиотеки.

2019 год – сложный, трудный в финансовом плане, но мы сделали это! В декабрьские дни для литературной общественности города и его жителей произошло событие грандиозной важности: – Торжественное открытие памятной мемориальной доски российской писательницы Маргариты Кузьминичны Анисимковой на доме по пр. Победы 3, которой гордится город и округ. Теперь, замысловцы издаека видят портрет писательницы и говорят ей спасибо за науку писать. В этот же день 13

декабря в городской библиотеке Нижневартовска продолжилось празднование, куда пришли писатели, молодёжь, жители города, приехали почётные гости. Ответственный секретарь регионального отделения писательской организации Союза писателей России Игорь Ширманов, поздравляя литературное сообщество со знаменательной датой – 25-летним юбилеем «Замысла», и раздавая подарки, пожелал неиссякаемого вдохновения, дальнейшего творческого подъёма и новых интересных сборников! Юбилей удался по заслугам!

Предпосылки для развития литературы, патриотического воспитания молодого поколения, любви к родному отечеству, в Нижневартовске есть – это многообразие мероприятий, что совершают литераторы, выявляя новые имена талантливой молодёжи, издавая новые авторские книги и даря их жителям Югры.

В приветственном адресе Главой города Нижневартовска Василием Тихоновым и председателем Думы города Максимом Клец сказано: «На протяжении всего этого времени вы задаёте и поддерживаете уровень развития литературного творчества в Нижневартовске, сохраняете знания, непреходящую ценность которых ещё предстоит осознать. В вашем объединении создана доброжелательная атмосфера, позволяющая преобразовать потенциал человека в реальность, возможности в свершения, замыслы в произведения. Пробуждение творчества и повышение уровня мастерства, открытие новых горизонтов, обмен опытом, получение рецензии на свои произведения – вот только самый скромный перечень возможностей «Замысла». Казалось бы, 25 лет – небольшой срок, но эти годы, наполненные событиями, вписали яркие страницы в литературную жизнь и города, и округа. И это только начало!»

Дмитрий Мизгулин, председатель Правления Ханты-Мансийской окружной общественной организации Союза писателей России, Президент литературного благотворительного фонда «Дорога жизни», Почётный житель г. Ханты-Мансийска, пожелал: «О великих событиях напишут историки, хроникёры, журналисты – они с точностью до часа сохранят события минувших дней. Но творят историю люди творческие – сво-

им трудом – и их жизнь, радости и горести, любовь и разлука, счастье и беда – душевные переживания и чувства останутся на страницах художественных произведений – стихов и прозы... Ведь именно литература позволяет нам правильной понять и оценить прошедшую эпоху, сегодняшние дни и задуматься о будущем. Литература Югры давно получила в кругах отечественных литературоведов и критиков самые высокие оценки. И «Замысел» – на высокой ступеньке. Вашими стараниями издаётся альманах «Зори Самотлора» – издание, которому удаётся реализовывать принятую в стране комплексную государственную программу, направленную на развитие интереса к русской и мировой литературе, пропаганду чтения. Замечательно, что у писателей Самотлора имеется возможность представить на страницах своё захватывающее творчество для широкой аудитории нашей страны. Литературное творчество – дело особо индивидуальное и писатель одинок по сути своей, и тем важнее для нас общение в тесном кругу единомышленников, поддержка товарищей по перу. Дай Бог Вашему творческому союзу и дальше процветать на благо Югры и русской литературы, а всем вам, – новых, замечательных произведений!»

Леонид Иванов, ответственный секретарь Тюменского регионального отделения Союза писателей России, редактор литературно-художественного и историко-краеведческого альманаха «Врата Сибири» обратился с надеждой на развитие дружбы и сотрудничества, – «четверть вековой юбилей, это говорит о том, что 25 лет назад замыслили вы действительно доброе дело. Оно сплотило литераторов города, одним помогло сделать первые, пусть даже очень робкие шаги, в большую литературу, другим – стать профессиональными писателями. Но и авторы изданных большими тиражами книг, и пишущие для себя и близких, благодаря литературному объединению, обрели свой круг общения – общения людей с искренним и большим уважением к слову. Желаю вам всем в следующую четверть века крепкого здоровья и отличного настроения, как залог новых успехов в творчестве. Когда душа поёт, сердце бьётся ровно, не скрипят простуженные Севером суставы, и не колет ни в каком боку, – то и произве-

дения будут получаться добрыми, пронизанными любовью к людям и Родине».

Миссия писательского сообщества – осмысление великого исторического пути страны, которое всегда возлагалось в нашем обществе на личности неординарные и мыслящие. От всей души – всех благ, исполнения мечты, и взаимной отдачи!

Альбина Кузьмина,
руководитель Нижневартовского городского литературного объединения «Замысел», член Союза писателей России.

Любовь Миляева (Лыткина Любовь Геннадьевна) родилась 7 марта 1971 года в посёлке Верхние Серги Свердловской области. Окончила факультет управления Тюменского государственного института искусств и культуры, спецкурсы в Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

Поэт, прозаик, драматург, публицист.

Член Союза российских писателей.

Автор 12 книг поэзии, прозы, публицистики. Является составителем ряда коллективных изданий, автором и редактором-составителем многоязычной антологии «Югра многолика» (2014).

Произведения переведены на 35 языков народов мира.

Кавалер орденов В. В. Маяковского и М. А. Мамакаева.

Лауреат ряда премий: Всероссийской премии имени Н. А. Некрасова в области литературы и искусства; Национальной премии Армении в области культуры и премии Все-

ЛЮБОВЬ
МИЛЯЕВА

мирного Союза армянских писателей «За укрепление армяно-русских литературных связей»; литературно-общественных премий «Золотой Орёл», «Светить всегда»; премии Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «За вклад в развитие межэтнических отношений в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре». Награждена юбилейной медалью «150 лет окончания Крымской войны», многими дипломами, грамотами и благодарственными письмами.

Живёт в Ханты-Мансийске.

Ознакомившись с рукописью книги «Из поколения войны...» Любови Миляевой, я был приятно удивлён тем, что появилась книга о братьях по перу, которая достойно представляет их, как незаурядных личностей, как писателей, мудрецов-философов, как тружеников. Ибо их рассуждения о жизни, трудном пути восхождения на олимп заставляют задуматься о главном – о предназначении человека. Я раньше уже искал подобные материалы о наших писателях, вынужден был даже сделать запросы в краеведческие отделы библиотек. Выискивая опубликованные в разных изданиях короткие заметки, интервью, понял, что, к сожалению, существует «пробел» в части такой литературы. Книга содержит не только фактологический материал, но важна тем, что там есть прижизненные интервью. Замечательная галерея фотографий, в том числе и редких, исторических дополняет документальную прозу. А в части, касающейся военного периода жизни героев очерков – просто находка к 75-летию Победы в Великой Отечественной Войне 1941–1945 гг.

Валерий Михайловский

ИЗ ПОКОЛЕНИЯ ДЕТЕЙ ВОЙНЫ...

(главы, выдержки)

ПОПУТНЫМ ВЕТРОМ...

*Отрывок из биографического очерка
о Викторе Николаевиче Козлове,
поэте, члене Союза писателей России,
лауреате премии Губернатора Ханты-Мансийского
автономного округа – Югры в области литературы.*

... В Великую Отечественную войну 1941–1945 годах Виктор Козлов жил в районном центре Косихе. Его отец был «партийным» и заведовал военным сектором в райкоме КПБ. И осенью 1941 года с частью был направлен на Восток. «Я его смутно-смутно помню, – сказал Виктор Николаевич, прикрыв ладонью свою детскую фотографию, вклеенную в фотоальбом. – Летом в 42-ом году их перебрасывали с Дальнего Востока под Москву. Он заезжал к нам на побывку, на два дня. Помню, мы со старшим братом таскали красноармейский шлем, ремень с портупеей. Потом поделились – он себе забрал широкий ремень, а мне досталась портупея и планшет. Уезжая, отец оставил полушубок и бушлат». В начале 1943 года принесли похоронку: «...Пал смертью храбрых под Великими Луками в д. Ивановке в боях за независимость Родины. Вечная память герою...»

«Мне тогда шёл шестой год, – вспоминает поэт. – Был февраль. Мать зашла в дом с мороза с бельём. До сих пор помню: запах морозного белья, свежести, и мать захлебывалась от всхлипов...

Ко мне ощущение утраты пришло позже, когда повзрослел. 18 февраля 1995 года я написал стихотворение «Февральские ознобы», там есть такие строки:

И хоть февральские ознобы
проникли внутрь моей утробы,
и всё, что есть там, всё – трусит, –
представлю ль я передовую –
где так же стыло ветры дуют,
и где свинец вовсю свистит?
Где взрыв смертельным снегом брызжет,
где надо жить – не просто выжить...»

Немного помолчав, Виктор Николаевич добавил: «Мне, ещё ребёнком, представлялась эта атака:

...мне с детства видится атака
и – шквал фашистского свинца...
Отец встаёт: «Вперёд! За мною!
Уж “постоим мы головою”
за Родину – ур-ра!...»

У Веры Григорьевны, матери Виктора Козлова, после войны остались «на руках» четверо детей, два сына и две дочери. Старшая Лена окончила 8 классов. Младшая Нина, родилась в 1940 году, ей и пяти лет не было. А Виктор тогда ещё в школу не ходил. Родные сёстры матери жили в Башкирии. «Как одной детей поднимать?» – думала мучительно Вера Григорьевна бессонными ночами. Да и стены родного дома теперь давили – без мужа они стали холодными, чужими. И решила она податься к одной из сестёр в деревню Малышовку. Так, в июне 1945 года, не собрав с огорода урожай картошки, за бесценок распродала в Косихе дом и всё нажитое, и, с четырьмя детьми в возрасте от 4 до 16 лет, снарядив котомки, отправилась в путь. Навстречу переселенцам шли воинские составы. «Армия на Дальний Восток перебазировалась. Мы иногда на таёжном полустан-

ке стояли полсуток, – вспоминает В. Н. Козлов. – Несколько дней сидели в Новосибирске. По тем временам Новосибирск был “Нью-Чикаго”. И вокзал, в том числе, был современнойшим в Союзе, была архитектура кубизма. Помню, я там катался на электромобиле».

Питаюсь чаем да сухарями, ютась на багажной полке в вагоне с моряками и другим людом, доехали Козловы до Карламана. А там ещё 25 километров до Малышовки. Шли почти два дня пешком. Добрались. Но здесь семью ожидали новые трудности. Виктор Николаевич рассказывает: «Мы ведь там всё по дешевке распродали, в Косихе. Огород посажен был. А сюда приехали – ни огорода, ничего своего нет, всё на тётё Машином. Жилья нету. Мы первое время под осень какой-то угол снимали. А цены были! Всё дорогое. В Малышовке даже ни начальной школы не было, ни магазина – ничего. Малышовка она и есть Малышовка, как говорится». Об этих днях Виктор Козлов позже напишет в книге «Воспоминания о Малышовке»:

Вся по матери родня
в Малышовке у меня,
по отцу родня – в Косихе.
Далеко теперь живёт!
Мы уехали оттуда
словно бы навстречу чуду –
мать хвалилась: «В Малышовке
ТАК черёмуха цветёт
по уремам, по опушкам!
КАК там квакают лягушки!
А КАК СВИЩУТ
на рассвете
за деревней СОЛОВЬИ!..»
Всё сбылось по этой части!
Жаль, не только в этом счастье.
Не РОДНЯ б, на новом месте
СВОЕГО гнезда не свить!..

Началась новая жизнь. Спустя время дядя Петя, муж средней сестры Веры Григорьевны, поставил Козловым избу. А Вера

Григорьевна с детьми смастерили сарайку для коровы. «Хорошо хоть мать тогда в колхоз не вступила, – говорит Виктор Николаевич. – Она, может быть, и вступила, но паспорта не сдала. В те времена колхозники не имели паспортов, удостоверений личности – беспаспортные были, безвыездные. Если надо было выехать в город, то им выдавали временную справку в сельском совете. А мать не закабалилась, не сдала документы... Колхозники в то время трудно жили. Весь городской люд ходил в сапогах, новой обуви, а районные ходили в лаптях, только зимой в так называемых катанках (валенки, в Сибири – пимы). Мужиков в деревне было мало, в основном бабы и подростки. Вот на них и держалась колхозная работа. Дело доходило до того, что после школы весь сентябрь мы ходили на поля и собирали колоски, зёрна, картошку».

«Жаркий полдень...
Скулящий кутёнок...
Рожь белёсая выше меня.
Где-то рядом трусит жеребёнок,
колокольчиком
школьным
звоня...
Это едет угрюмый объездчик
с сырмятным кнутом у луки.
И от страха сердечко трепещет,
под рубахой шуршат колоски...»
(В. Козлов «Жаркий полдень...»)

«Помню, брат перед поступлением в техникум (ему тогда 14 лет было) вместе с матерью выработали 600 трудодней и получили за это считанные килограммы мышиноного гороха. Выживали люди за счёт подсобного хозяйства. В то время разрешали держать 20 соток земли, 1 корову, несколько овец, кур, гусей. Коней не разрешалось колхозникам держать, в то же время налоги драли. Каждой семье надо было сдать в пределах 120 литров молока (держишь ты корову или нет), 100 яиц (держишь ты кур или нет). Если не сдал – это шло в недоимку. Агенты по налогам – «финагенты» были мужики. Некоторые

из них были совестливые, и если видели, что в семье дичайшая бедность да дети малые, то ухитрялись укрыть семью от недоимки. Но их-то тоже «сверху» за это по голове не гладили. Время такое было. Но, несмотря на эти трудности жизни, детство – это прекрасное время. Всё-таки Господь Бог заложил, или эволюция, что в детстве превалирует чувство оптимизма, жизнерадостное восприятие мира. Остаётся в памяти только лучшая сторона...» Стараясь сохранить всё светлое в душе, Виктор Николаевич, свою книгу о воспоминаниях послевоенного детства в Малышовке откроет словами:

«Простую истину одну я понял пацаном в войну:
Хлеб, спички, соль и мыло – основой жизни было.
А жизнь тогда была крута, но ведь была и доброта.
Да, доброта и милость, вот жизнь и сохранилась.
Сейчас всё это вновь в цене,
а милость с добротой – вдвойне».

«На фронте мы не воевали, –
хлебнули горя мы в тылу:
картошку мёрзлую едали,
кору, крапиву, дикий лук.
На воле жили – как в неволе;
к тому ж – беспаспортные сплошь!
И на себе пахали поле.
И высевали в поле рожь.
И от станков не отходили,
тянули жилы, как струну...
Но Боже! Как же мы любили
Свою страну... СВОЮ СТРАНУ!
Свою – от ночи до рассвета,
в снегах, в слезах – СВОЮ!
не “эту”!»

В нашей беседе наступило продолжительное молчание. Я, думала о словах Виктора Николаевича, он, вероятно, листая страницы своей памяти, о чём-то своём. И, вдруг, просветлев в лице, мой собеседник прервал молчание и оживлённо продолжил рассказ: «А в Малышовке улица вдоль речки проходила. Мы в этой речке налимов ловили. В километре от нас в деревне Кузнецовке была Покровская начальная школа. Это, видимо, земская школа, чиновничья. По всей территории она была обсажена тополями. Они казались мне белыми и огромными. И эти тополя служили зелёной оградой вокруг школы. Живописно весьма. Особенно осенью, когда листья летели. Мы, мальчишки садились прямо на землю и часами смотрели на листопад...» В эту Покровскую школу и пошёл учиться Виктор. Директор школы Пётр Яковлевич Смольников, бывший офицер, чтит дисциплину. «Чернявый, серьёзный, он ходил всегда в тяжёлых сапогах и офицерском кителе, без погон только, – улыбаясь, рассказывает поэт. – Ходили в школу пешком при любой погоде. Тогда ведь не было предупреждений, что сегодня температура такая-то, ветер такой-то, занятия с 1-ого по 8-ой классы отменяются. Придётся, бывало, весь замёрзший окоченевший, пальцы дыханием отогреешь – и на урок»...

«В начальную школу в Покровку
я шёл в сорок пятом году
с холщовой сумкой-обновкой.
В запущенном барском саду
в живой тополиной ограде
с железною крышею дом
смотрелся внушительно рядом
с осокою крытым селом.
... Звонок прозвенел, и морозный
озноб по спине пробежал.
Директор безрукий серьёзно
успехов всем нам пожелал.
– А ну, поднимитесь, солдаты,
те, кто без кормильца сейчас...
И дрогнули парты – ребята
поднялись...»

Почти что весь класс!
Стояли, потупясь, устало...

– Ну что же

Ведь вам за них жить!

Мы знали, что нам предстояло

в двойные впрягаться гужи...»

(В. Козлов «В начальную школу в Покровку...»)

В те годы во многих школах не было ни учебников, ни тетрадей линованных в косую линейку для правописания. «Когда было письменное задание, учителя на тетрадях чертили нам косые линии. У них под это дело были четырёхгранные дубовые линейки. Вот они иногда этими дубовыми линейками нам по лбам ка-а-к... Я, засмотрюсь иногда в окно, как лист тополиный летит. А они крупные здоровые, кружатся. Или когда первый снег. Помню, получал я по стриженной макушке». – От души посмеявшись, и отхлебнув крепкого чая, Виктор Николаевич продолжил: «Процесс учёбы в первых классах мне как-то странно давался. Я не понимал, не понимал, а потом, вдруг, – раз, какой-то скачок происходил. Что-то в мозгах соскакивало. Потом ё-моё, как я мог это не понимать! Я тогда вообще слова воспринимал абсолютно, то есть не абстрагировался от них. Вот, например, в то время семьям, где есть погибшие на фронте, платили небольшую пенсию. Из Малышовки погибших много было. Но больше солдаты, сержанты. За солдата платили семье, чуть ли не 25 рублей. Поскольку наш отец был офицером, мы получали 480 рублей. По тем временам, конечно, это были не деньги, потому что в городах на базарах стоимость буханки хлеба до 2000 рублей доходила. Но, тем не менее, мать ходила в село Архангельское в Госбанк и там получала эти деньги. Мне тогда восемь лет уже доходило. Я ещё всё равно не мог понять, что это за банк. Я представлял и думал, что за «банка» такая, где могут деньги выдаваться? Кстати, когда мы ехали в Башкирию, мне представлялось, что это поле с такими «башками». Но такое абсолютное восприятие – это не только у меня было, это свойство того возраста. Может быть, у одних раньше оно наступает и проходит, у других позже. Ты же, например, – об-

ратился Виктор Николаевич ко мне, – с Кочневым знакома, геофизиком. У него семилетний сын, когда отец пошёл защищать отчёт, воспринял это без абстрагирования и нарисовал, как папа с саблей сражается и защищается. Он в таком возрасте не мог абстрагироваться и понять, что его папа защищает бумагу, а не себя. И вот с этим абсолютным восприятием, помню, как я пытался постичь во втором классе подлежащее и сказуемое. Ну, сказуемое, я ещё воспринимал, а подлежащее не мог понять. Прилагательное – с трудом, но понимал...

Жизнь шла своим чередом, хотя «сложное, голодное было время, – вспоминает поэт. – Два года подряд стояла засуха – мы голодали в те годы. Выручала картошка. Мне было 10 лет, сестре – 6 и мы в полную силу работали на огороде. Пропалывали, окучивали. Мать помогала, но в основном всё было на нас. Как вспомню: солнце печёт, хочется на речку, искупаться, но мама сказала надо то-то и то-то сделать и никуда не идёшь – делаешь. Всё, что мама говорила сделать, мы старались выполнять. Сколько я себя помню, всегда был самостоятельный, при деле. Да и времени поскучать не было. А когда брат в техникум уехал поступать, то на меня легла заготовка дров, сена. Надо было повалить дерево, нарубить, привезти, сложить. Конечно, пацану это непросто было, но воспринималось всё естественно. Жизнь приучала к самостоятельности. Ещё в детстве я научился исполнять всю деревенскую работу. Вообще деревенские парни лучше приспособлены к тяготам жизни, чем городские. Это на мой взгляд...»

2000–2015 гг.

ЭТОТ ВЕЛИКИЙ ЮВАН...

*Отрывок из биографического очерка
о Юване Николаевиче Шесталове – мансийском
писателе, члене Союза писателей СССР, Союза
писателей Венгрии, Международного Сообщества
Писательских Союзов, лауреате Государственной
премии РСФСР им. А. М. Горького.*

Часть 1. Детство и семья поэта (Из главы «Мать»)

... Наступил 1941 год – война... Отец ушёл на фронт. На хрупкие материнские плечи легла мужская работа. Надо было кормить пожилых родителей и маленького сынишку. Мама стала редко бывать дома – она уходила на охоту. Чувство ожидания мамы переполняло ребёнка. Даже повзрослев, Юван не сможет забыть этого острого и тягучего чувства ожидания:

«Среди болота одинокий куст» –
Так говорят о доме одиноком,
В большом снегу застывшем, словно грусть,
Которая дрожит сейчас у окон.

Всю ночь бушует вьюга у ворот,
Метёт по склонам белым ветер низкий <...>
Когда же мамочка моя придёт?
Я одинок, как этот дом мансийский!

Домой мама приносила рыбу, глухаря, белок. А маленький Юван был счастлив – снова в дом вернулось счастье – мама! «Хорошо, когда дома мама! Не страшны ни злые духи, ни вьюга, ни ветер, ни полярная ночь...» Когда сын немножко подрос, мама стала брать его с собой. Возвращаясь с охоты, иногда они не успевали прийти домой засветло – приходилось ночевать в сугробе, в «снежной яме».

Сосен мёрзлый звон над нами
Слышится в тиши,
Стынут в тёплой снежной яме
Три живых души.

Три души на белом свете:
Мама, я и пёс.
Нам уснуть в попутной яме
Не даёт мороз.

Люди возвращались с войны. Принося с собой и радость, и песни. Мама Ювана дружила с Тынзяновой (она была бабушкой той самой Раисы Константиновны, которая отыскала в Берёзовском архиве документ с записью о рождении Ювана Шесталова) «Бардина частенько в доме у нас бывала, – рассказывает поэт. – От неё я первые русские слова услышал – песню они пели: «Катюша» – «Расцветали яблони и груши (...) Выходила на берег Катюша...»

Вернулся с войны отец. Но радость оказалась недолгой – вскоре его направили поднимать колхоз в другом селе. Вновь тяжесть мужской работы стала давить на ослабленные военным временем материнские плечи.

Шёл 1946 год. «Год тогда тяжёлый был, – вспоминает Юван Николаевич. – Голодное было время. Если в войну мы как-то ещё жили, то в 46-ом совсем дела плохи были. Особенно в марте-апреле. Мы, маленькие мальчишки, бегали к ссыльным в посёлок Ванзетур. Там у каждого своя семья была, которая помогала. Идём за восемь километров – каждый в свой дом. Я шёл в дом Ульяновых. Раньше, в 30-ых годах, когда их согнали в Ванзетур – у них ни пищи, ни крыши над головой не было. Тогда мы им помогали. И они это помнили. А когда мы стали нуждаться – мы к ним ходили с мешочком. Придём – они нас накормят репой, в руки картошки дадут – так и выдержали. Даже один килограмм картошки – уже жизнь... Корнями тоже питались. Многие тогда ремни жевали. А мы кожу и ремни не ели – мы коренья варили. Снег-то подтаял и коренья торчат. Коренья – они живые. Мы их собирали и ели – так мы спасались... А мама моя тогда совсем ослабла. Всю еду мне – сыну

отдавала, а сама – голодом... – Юван Николаевич запрокинул голову, но слёзы всё равно уже не могли удержаться в уголках глаз, покатались одна за другой. – Тогда уже 1947 год был. Весна была тогда. Сверху-то лёд подтаял – вода в реке. А снизу-то лёд. В тот день мама сети проверяла, разматывала. В воде стояла. – А организм-то ослабленный. Через несколько часов она слегла с воспалением лёгких. И через два дня ушла в другой мир...»

Умерла мама. Я остался один. Совсем один на всем свете...

... Я, как лист на голой ветке,
Мёрз под ветром ледяным.
Дождь колот, осенний, редкий,
Снег летел, я стыл под ним.

Сильно мне её не хватало – сиротой я стал. Отец ушёл к другой женщине. А я не нужный стал.

Казалось – все военные годы в одночасье свернулись один год за другим, выплавились в тяжёлые бомбы и теперь падали, падали, падали...

... Плещутся рыжие гривы огня,
Падают бомбы, и все на меня.
Дым над домами тучей клубится.
Боль исказила лица...
... Ночь без пощады.
Мрак без лун –
Страшный психоз войны.

Отец видел, что Юван как не свой ходит. Чувствовал, что сын по матери убивается. В новой семье места себе не находит. И чтобы хоть как-то помочь сыну пережить боль утраты, дал Ювану ружьё, сеть, лодку – сказал: «Живи – охоться...» Так и повзрослел 10-летний Юван – стал добытчиком. Подолгу стал в лесу пропадать. В морозную ночь встанет сиротливо на краю снежной пустыни, и жадно всматривается то в небо, то в снежную даль...

«– Куда идёшь, пыгрись? – раздался голос с ТОРУМА, с Млечного пути. Голос напоминал голос Ась-ойки, дедушки.

– Я иду к маме.

– Мама же твоя умерла. Разве не знаешь?

– Знаю. Мне надо к маме!

Скрипнул снег под ногами. Зазвенел мороз пуще прежнего. И снова тишина. Звёздная тишина на всю Вселенную. И кажется, никто не услышит, никто не поймёт...»

Долго ходил Юван по тайге. Всё искал, искал, искал свою маму. Звал, звал её. Никак не могло детское сердце смириться с такой утратой. И в какой-то день, отчаявшись, Юван обоже- ствил свою маму. Ребёнок решил, «что мама повсюду и во мне», «Ты – глаза мои и сердце»:

... Врач сказал: «Умолкло сердце», –
А оно стучит повсюду:
в ветерке, в былинке тонкой,
что к воде склонилась низко...
в каждом вздохе, в каждой мысли
ты всегда, всегда живая,
как невидимая Миснэ
моего лесного края...

Октябрь 2008 г.

НА ЗОВ НЕБЕС ДУША ПРОСНУЛАСЬ...

Отрывок из биографического очерка об Андрее Семёновиче Тарханове члене Союза писателей России, лауреате Всероссийской премии им. А. Т. Твардовского, Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Из главы «Детство»

... Отец, Семён Прокопьевич, до Великой Отечественной войны занимался охотой. В стихотворении «Тропа язычника» Тарханов приоткрывает нам «заповедный уголок своей души», где бережно, как святыню хранит глубокую и светлую память о своих родителях.

«... Тропой язычника меня
Отец водил, как рысь, сторожка.
И целовала нас хвоя.
И был впервые счастлив я.<...>

... Шли годы вихрей для страны.
Шли годы страшных испытаний,
Отец мой не пришёл с войны,
Сгорел кедровник в час луны...»

Слова: «Сгорел кедровник в час луны ...» родились у Андрея Тарханова, студента педагогического училища, по приезду на родину, в деревню Аманья Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа в 1959 году. (Аманья, в переводе с языка кондинских манси – маленькая речка; «амань» – маленький, «я» – речка). Таёжные пожары обратили родину детства Тарханова в пепелище. Но память поэта сохранила образ

родной деревни, когда прямо посередине Аманьи протекала маленькая речка, разделяя её на две половины. Дом Тархановых находился на правой половине деревни, где росли огромные лиственницы, сыгравшие в жизни поэта особую роль – но об этом чуть позже. «А за родительским домом, – шёпотом говорит поэт – рос кедровник, самый могучий в районе. Мы, дети, любили играть в том кедровнике, и постоянно находили там боевые стрелы, позеленевшие черепа погибших». Когда бабушка Матра Александровна узнавала, что внук с друзьями опять играл в кедровнике, то очень обижалась. Объясняла, что этот кедровник – не место для игры. Там раньше крещёные (так она называла русских) вели войну с язычниками (манси), поэтому нельзя тревожить это место. Но Андрюша не мог тогда понять значение бабушкиных слов – маленький был.

Бабушка поэта, Тарханова Матра (Матрёна) Александровна фактически не знала русского языка и говорила лишь на мансийском. Она знакомила внука с историей рода, семейными и общими для народа богами и духами.

«... Глядит ребёнок из окна,
С ним рядом бабушка – вещунья.
И вторят ей деревья струны.
О глухарях поёт она...»

(Изначалие)

Часами маленький Андрюша мог сидеть с ней у окна и наблюдать, как прилетают глухари на священные лиственницы, которые росли прямо у крыльца дома Тархановых. «К этим лиственницам нельзя было прикасаться, – рассказывает Андрей Тарханов, – они же священные! Но во мне какой-то шевелился дух. Какая-то капелька крови не давала покоя. Что я сделаю плохого этим лиственницам, если я их поглажу? Ведь я же люблю их. И я решился. Я погладил лиственницу своей трепетной ручонкой. И отпрянул. Стал смотреть, что будет... Дерево меня не ударило веткой. Ничего не случилось плохого. Наоборот. Я увидел – ветки слегка покачнулись. Пронёсся лёгкий душистый ветерок... Я понял, что дерево что-то сказало. Может, оно благодарило меня за то, что я его погладил, выразив тем свою

любовь? Именно этот случай, я считаю, стал для меня судьбоносным. Во мне родился поэт!»

«...На зов небес душа проснулась,
И нежно миру улыбнулась,
И вспыхнула моя звезда».

(Изначалие)

Наряду с языческой верой, как ни странно, бабушка-манси способствовала проникновению в душу внука христианской веры. День православной Пасхи был особенным днём в семье Тархановых. «Рано утром бабушка открывала окно, чтобы пасхальное солнышко, проснувшись, заходило в дом, заполняя каждый уголок в доме своим теплом и светом, – вспоминает Андрей Семёнович. – На стол ставились куличи, крашеные яйца. Бабушка усаживала меня на широкую лиственничную лавку у окна и говорила: “Смотри, внучек, сейчас солнышко будет играть. Пасха сегодня!” Позднее я осознал значение великого христианского праздника в своей жизни. Язычество дарило нам живую, одухотворённую связь с тайгой, с каждым деревом. Христианская вера возвышала, звала в небо, звала к братству людей. Олицетворением этих великих животворных начал является для меня Пасха».

«Христианин я и язычник,
Меня крестили в Иртыше.
И по судьбе своеобразной
Две веры у меня в душе...»

Великая Отечественная война, начавшаяся 22 июня 1941 года, не обошла стороной жителей Севера. Кормильцы уходили на фронт – защищать Родину. А как женщине таёжной деревеньки прокормить детей без добытчика-кормильца, без рыбака-охотника?

«О, сколько выстраданных слов
В душе, о Боже!
Крик не родившихся стихов,
Крик не родившихся детей –
Одно и то же».

(О, сколько выстраданных слов...)

В 1942 году семья Тархановых переезжает в посёлок Карагаево, ближе к судоходной реке, где и проходит жизнь Андрея – школьника. Даже в войну деревни Кондинского района оставались крепкими, способными полностью обеспечивать продуктами своих жителей и поставляли для фронта красивых, здоровых лошадей.

У деревьев голос древний,
И душичка на лугу.
Карагаево – деревня
На песчаном берегу...

Из Карагаево Андрей уедет рано утром на лодке, для того чтобы поступить в Ленинградский педагогический институт им. А. М. Герцена. В родную деревню Тарханов вернётся уже студентом третьего курса, в период межсезонных каникул. Вернувшись, Андрей был удивлён существенным переменам. Произошло, заметное глазу, обнищание деревни. Потрясённый увиденным, Тарханов пешком отправляется в близ лежащие деревни и посёлки. Он прошёл уже километры и километры, но, повсеместно ему встречались брошенные дома, забытые поля. Кругом царил запустение. В отчаянии у поэта рождаются строки:

«... И пожар осенний
с той поры в груди
От самосожженья
сердцу не уйти...»

(Огневая осень...)

2000–2008 гг.

ВСЕПОБЕЖДАЮЩАЯ СИЛА ЖИЗНИ...

Отрывок из биографического очерка о Ямиле Мустафьевиче Мустафине члене Высшего Творческого Совета Союза писателей России, лауреате литературных премии ВЦСПС и Союза писателей СССР.

Из главы «ДЫХАНИЕ ВОЙНЫ»

... «Детство! Долгая весенняя пора человеческой жизни, которую мы – люди чаще всего недопонимаем, пожалуй, поэтому даже став взрослыми мы продолжаем совершать ошибки. Нередко тяжкие, непоправимые... – делится воспоминаниями Ямил Мустафьевич. – Даже когда началась война, мы пацаны уличные 10-12-летние, веселились! Радовались, что на нас напал немец! И было это так...

В тот день мы играли в футбол на стадионе “Динамо” возле улицы “4-я Зелёная”. По эту сторону железной дороги тогда улицы назывались “1-я Зелёная, 2-я, 3-я, 4-я...” После войны эти улицы переименовали на улицы имени Ленина, Почтовую...

Мы – локомотивовцы выиграли у динамовцев и весёлые возвращались домой. На улицах было почему-то безлюдно, тихо. Даже “чёртовые” скотинки – козы с треугольными хомутками на шее (чтобы не пролазили через изгороди в огороды пожить зелёную) не бродили по улицам.

Выйдя на мою улицу – “Рабочий переулок” я увидел возле нашего дома столпившихся соседей – человек 6-7 женщин и 3-4 мужика. Приближаясь, мы слышали плачь, хныканье тётей. Замедлив шаг, умерив радость победы, мы услышали слова “война”, “немцы”... Подойдя совсем близко, мы поняли почему плачут наши мамы и угрюмо молчаливы мужики... Наконец

разобравшись, что на нас напала Германия, мы, как сговорившись, отошли в сторонку от взрослых и стали, перебивая друг друга, прыгая от радости, кричать: “Ну, уж мы им наклепаем, немцам!”, “Жалко маленьких – нас пацанов в армию не возьмут. Мы б там были разведчиками!”

– Цыц! Что расшумелись? – одёрнул нас дядя Яша Пчелинцев – механик механических мастерских, собравший из каких-то железяк мотоцикл трёхколёсный, на котором он возил из тайги сено и охотно катал нас. – Война началась, а вы тут весельчак устроили. Марш по домам. Видите, мамы плачут...

И только дня через три-четыре, услышав по радио, как немцы наступают, как жгут деревни, города и по Тайшету уже идёт призыв в армию, мы осознали, что на нашу страну напала чёрная, коварная сила, сея смерть...

В каждую избу пришли горе, беда...»

Хотя война гремела в четырёх тысячах километрах от Тайшета, но её дыхание достигло и этих северных мест. «В ноябре 1941 года в Тайшете появились первые семьи эвакуированных, которых надо было обустроить – найти жильё, работу (в основном это была интеллигенция), прикрепить к карточной системе, детей обеспечить учёбой...» – отмечает Я. М. Мустафин. Подростком пережив годы войны, он, став писателем, отразил свои воспоминания во многих рассказах. Отголоски войны проскользнут то в реплики бывшего бухгалтера, ныне пенсионера Михея Ивановича из произведения «Старик»: «Помнишь, во время войны нам, служащим давали хлеба четыреста грамм, а вам, рабочим, восемьсот...» То в рассказе о сильном племенном жеребце Шайтане очертится: «Когда началась война, Шайтана и весь его род – детей, внуков – первыми, как и самых крепких, здоровых людей, отправили на фронт вместе с возчиками. Война перемолола миллионы человеческих жизней и не пощадила животных – Шайтана и его род. Кое-кто из возчиков возвратился, правда, калеками, а вот кони... Их забыли. Коней словно и не было... Сегодня ни в Тайшете, ни в районе коней-красавцев не встретишь...» (Рассказ «Шайтан»). То в ро-

мане «Дорога», где война, пройдя красной лентой по всему повествованию, уже в самом начале грянет как колокольный набат – роман начинается с того, что люди принялись разбирать железную дорогу, так как рельсы были нужны для фронта...

«Разнёсся слух, что кто-то “разбирает железную дорогу на участке БАМ – Тында, а рельсы грузят на платформы и куда-то увозят. Поначалу никто не поверил этим чудовищным, неправдоподобным измышлениям. Кто, зачем и как мог осмелиться поднять руку на то, что совсем недавно было создано тысячами людей в страданиях и муках, лишениях и горе на вечной мерзлоте? Кто? ”. Ответ не заставил себя долго ждать – война. “Рельсы нужны для Сталинграда”...»

«С этого момента дорога – ещё и символ войны. – Отметим критик Владимир Коркин в статье «Свет добра», посвящённой творчеству Я. М. Мустафина. – Обычные, как воспринимались прежде, действия людей обретают иной смысл: работа приравнивается к сражению с врагом. А “воевать” приходится женщинам и подросткам».

Им, женщинам и подросткам начала 40-х тяжкая выпала доля – заменить ушедших на фронт отцов и старших братьев, приняв на свои плечи всю тяжесть труда в полуголодные, а порой и голодные времена...

«Восемь женщин тянули верёвками на платформу рельс по двум наклонным рельсам. Каждый раз, когда они откидывались корпусом назад, намертво уцепившись руками за верёвки, их лица, покрасневшие на морозе, становились синюшными, белки глаз покрывались сетью готовых лопнуть капилляров. Стальная махина медленно, рывками ползла вверх и потом с грохотом падала на платформу, после чего в морозном воздухе долго держался звон и лязг железа, разносился далеко-далеко и эхом возвращался обратно, напоминая Абалакову набатный звон колокола» – так опишет будни тайшетской железной (БАМа) дороги начала войны Ямил Мустафьев в романе «Дорога».

В зимнюю лютую стужу отремонтировать дорогу на перегоне между полустанками Байроновка и Разгон, что почти в пяти тысячах километров от Москвы, выйдут вместе с взрослыми 14 подростков: слесарей-прорубщиков, только что сдавших экзамены на третий разряд. «В тот 1941 год декабрьские мо-

розы завернули так, что стужу не выдерживали не только деревья, но и стальные пути железной дороги, по которым днём и ночью шли на Запад тяжело гружённые военным скарбом и техникой составы, эшелоны с красноармейцами, – напишет Я. М. Мустафин в рассказе “Хлебушек”. – Сибирские дивизии спешили на защиту столицы. Бывали дни, когда поезда мчались на подмогу одновременно по двум колеям. Это было смелое, очень рискованное, не соответствующее никаким техническим нормативам решение руководителей железной дороги. Нагрузка на рельсы была огромна. Путьейцы с трудом успевали латать путь на одном участке, как обходчики натывались на опасный для движения дефект на другом. Вот в такой сложно-критической обстановке руководство Тайшетской дистанции пути командировало на подмогу путьейцам рабочих механических мастерских – подростков и женщин...»

Мальчишкам было около 16 лет, и они, гордо именуя себя «рабочим классом», «как весь рабочий люд, заслуженно получали рабочие продуктовые карточки. Среди талончиков на крупу, жиры, мясо, рыбу, сахар был самым дорогим, можно сказать бесценным, особый талончик размером чуть больше квадратного сантиметра. На него выдавали 800 (целых 800!) граммов хлеба. Иждивенцам и служащим выдавали всего 400 граммов хлеба. Если талончики на другие продукты могли и не отоварить, то хлебушек рабочий человек и служащие получали всегда! (...)

Быстро расшив рельс – вытащив лапами (ломы, похожие на огромные гвоздодёры или ноги парнокопытных) костыли, с огромным усилием отвинтив с дюймовых болтов на стыковочных накладках намертво севшие от морозов на резьбу гайки, человек 20 мужиков и баб отволакивали путьейскими щипцами (клещами) на край откоса аварийный рельс...

Вскоре возле соседнего пикета путьейцы наткнулись ещё на один лопнувший у стыка рельс. Дорожный мастер Анатолий Корноухов, (...) охрипшим от стужи голосом, крикнул бригадиру – длинноногому, сутулому мужику в латаной, короткой, видно с чьих-то плеч, шубейке:

– Михаил, брось сюда мальцов, чтоб рельс расшили. Отлом на соплях висит! Вот-вот литерный должен пройти...»

Поезд остановился в нескольких метрах от места, где шли ремонтные работы. Генерал, ехавший в литерном составе, вышел, ознакомился с обстановкой и, увидев застывших на морозе ребят, пригласил их зайти в вагон, чтоб те немного отогрелись. Видя, с каким мужеством труженики железнодорожных путей работают в тылу, генерал решил поделиться с подростками целым «кирпичом» хлеба – целой буханкой.

Вернувшись, мальчишки отдают хлеб дорожному мастеру Карнаухову, который, шепча: – Вот бригада-то обрадуется. Спасибо, ребята... – настороженно спросил:

– Где хлебушек добыли?

– Генерал дал, – ответил кто-то из ребят.

Дорожный мастер нёс хлебушек, как новорождённого: осторожно, нежно...» (Рассказ «Хлебушек»).

Ямил Мустафьевич подчёркивает: «Многотрудная, горячая работа в тылу во всех сферах трудовой деятельности миллионов подростков и женщин была сравнима с успехами на фронте. А когда Верховный Главнокомандующий, Председатель Государственного Комитета Обороны Товарищ Сталин в одном из своих выступлений так отозвался о роли железнодорожников в годы войны: “Железнодорожник – родной брат фронту!” – железнодорожники стали работать с ещё большим энтузиазмом, духовным подъёмом и верой в скорую победу».

«Враг рвался к Москве, а в кузнице механических мастерских таёжного города Тайшета вот уже несколько месяцев круглые сутки не смолкал звон наковальни, ни на час не гасли горны. Кузнецы остервенело вынимают щипцами раскалённую деталь из горна, и как угорелые, несутся к наковальне...

Здесь тоже идёт битва: куётся победа над врагом – ремонтируют путевые прокладки, накладки, похожие на исковерканные куски железа, метровые лапы – клешни для выдёргивания костылей, гигантские “перья” от путевых стрелок... Без этого набора стальных деталей не может просуществовать и дня железнодорожная магистраль, по которой днём и ночью спешат на запад военные эшелоны. Такую сумасшедшую нагрузку не выдерживают стальные рельсы, костыли расшатываются подобно зубьям плохих граблей...» (Рассказ «Кузнецы»).

«Во время войны женщины, подростки вынуждены были встать у станков, пахать на себе землю, питаться жмыхами – какой ценой досталась нам победа! – вздыхает Ямил Мустафьевич. – Наступление наших войск дало второе дыхание истощённому тылу».

Литературовед А. Н. Власенко, исследуя творчество Я. М. Мустафина, подчёркивает: «Когда мы произносим понятие “участник Великой Отечественной войны”, в нашем сознании рисуется образ солдата-воина, с оружием в руках защищающего Родину. Но с каждым годом это понятие обогащается полным историческим содержанием: народ-воин, то есть – все от мала до велика с оружием и без оружия содействовали победе над гитлеризмом. Дети, женщины, старики порой за тысячи километров от фронта вносили свой вклад в общее дело борьбы с фашизмом».

Война оставила свой тяжёлый отпечаток и на личной судьбе Я. М. Мустафина – после окончания седьмого класса, 14-летний будущий писатель в июне 1942 году пошёл работать, став учеником слесаря в Механических мастерских ПЧ-1 (путевая часть) Восточно-Сибирской железной дороги.

Работа в Механических мастерских стала для Ямиля Мустафина очень серьёзной вехой на жизненном пути: здесь он проходил экзамен на силу воли и выдержку характера, здесь он из школьника превратился в кормильца семьи. Ямилю выдали продуктовую карточку, по которой ему полагалось целых 800 грамм хлеба! А ещё жиры, мясо (давали рыбу), крупы, сахар. Сдав на разряд, он стал ещё зарабатывать немалые деньги, что было хорошим подспорьем в семье.

Об этом периоде жизни Я. М. Мустафина Александр Никитич Власенко в книге «Обретение счастья» написал так: «Вечерней школы в Тайшете тогда не было. Поэтому будущему писателю пришлось работать с 14:00 до двух ночи, а уже к восьми бежать в школу. Благо школа и мастерские были рядом, метрах в трёхстах. Как выдержал такую нагрузку? Только Богу известно. О развлечениях – танцах, кино пришлось забыть. Иной раз

в воскресенье можно было и развлечься. Но в эти дни домашние дела отнимали всё время: заготовка дров, сена, приглядеть за огородом, скотиной...»

Сам Ямил Мустафьевич вспоминает: «Когда я приходил в школу, то уже на втором-третьем уроках засыпал. А учителя какие были! Говорили: пусть Мустафин спит, не надо его будить. Они и одноклассников так настроили, что те даже на переменах тихо-тихо покидали класс, чтобы меня не разбудить. Учителя жалели меня, давали поспать, понимая, что работает ребёнок, когда с 12:00 до двух ночи, когда с 15:00 до трёх ночи. Такая гуманность русских учителей была! Я им всем очень благодарен. Только благодаря их доброте я, мальчишка, сумел вынести в те три года такую ношу. Да, что и говорить – нагрузка на детские плечи в военные годы легла непомерная. Из нас пятерых, пытавшихся совмещать учёбу и работу выдержали двое: я да Женя Кухарчик, мой сосед. А трое парней бросили учёбу, стали как взрослые работать. Родители им сказали, что после войны ещё успеют поучиться. Нам же с Женей экзамены за 8-10 классы пришлось сдавать экстерном. Опять же благодаря доброте и пониманию учителей сдали мы их успешно.

Мы очень любили и уважали наших учителей. Только немке гадости делали. Она была для нас враг-шпионка. С первых же дней войны, класс объявил бойкот учительнице. Пока с нами строго не поговорил директор школы Кашевский. Он добровольцем ушёл на фронт. Вернулся в 1944 году без руки...»

В юношеские годы Я. М. Мустафин освоил профессии токаря, слесаря. Работал слесарем, слесарем-прорубщиком, сверловщиком, молотобойцем.

Уважение и любовь к людям рабочих профессий – к рабочему классу! Ямил Мустафьевич пронесёт через всю свою жизнь: «Эти люди без высших образований и докторских званий держали нас, мальчишек, подальше от житейской грязи, суеты. Они берегли наши души... Жаль, что эти чистые душой, доверчивые, как дети, мужики почти все полегли на полях сражений в Великую Отечественную. Вернулись с кровавой войной, которой мир не видывал, единицы...»

КРЕСТ СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ

Отрывок из биографического очерка о Владимире Тимофеевиче Фомичёве члене Союза писателей СССР и России, председателе Всероссийского Некрасовского комитета Союза писателей России, лауреата премий имени А. П. Чехова, К. М. Симонова, М. В. Исаковского, основателя литературного объединения «Кедр» в городе Советском.

ДЕТСТВО

(Из главы «Семья»)

... 1937 год. Всего четыре года оставалось до Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., перевернувшей судьбы миллионов людей. Но пока жители СССР этого не знали – они строили коммунизм, с полной отдачей сил трудились на заводах, стройках, колхозных полях. Мама Владимира Фомичёва, Аксинья Ивановна работала звеньевой, бригадиром и заведующей фермой в колхозе имени Степана Разина. Отец – Тимофей Ильич был первым в районе трактористом и являлся бригадиром тракторной бригады.

Районная газета «Красные всходы» освещала успехи жителей «малой родины» будущего поэта. В одной из его книг можно встретить «Хронику трудовых достижений семьи Фомичёвых» – подборку материалов напечатанных на страницах районной газеты перед войной и после оккупации Смоленщины:

На колхозных полях

МЫТИШИНО. Льнотеребилщик Мытишинской МТС Т. Фомичёв, работающий с трактористом М. Кисетовым на льнотеребилке ЛТ-7, в Фурсовском сельсовете, за пять дней с 25 июля по 1 августа вытербил 48 гектаров льна.

Дневные нормы перевыполняются, качество работ хорошее.

П. Якушев

Районная газета «Красные всходы», 8 августа 1940 г.

Годовой план выполнили

Перевыполнила сезонное задание 2-я тракторная бригада (бригадир тов. Фомичёв). Вспахано 2524 гектара при плане 2206...

Отряд тов. Фомичёва взял обязательство вспахать дополнительно 550 гектаров.

П. Якушев

Районная газета «Красные всходы», 8 августа 1940 г.

Доска почёта

По решению исполкома райсовета и райкома ВКП(б) за перевыполнение норм на жнитве ржи заносятся на районную Доску почёта:

ФОМИЧЁВА Ксения Ивановна из колхоза «Степана Разина», Фурсовского сельсовета, сжинавшая за день серпом по 0,35 гектара...

Районная газета «Красные всходы», 26 августа 1945 г. [19, с. 274–275].

Владимир Тимофеевич вспоминает: «В декабре 1985 года всем известный еженедельный общественно-политический и литературно-художественный журнал “Огонёк” (№ 49, тираж 1 480 000 экз.) опубликовал мою лирическую поэму “Отчий дом”, посвящённую землякам-угранцам. В её первой главе я рассказываю о самом раннем детстве, довоенном периоде жизни и заявляю: “Через избу ощущаю родство / С жизнью народной. Родней ничего / Нет на земле и не будет”. По начальным строфам этой крупноформатной вещи читатель может представить рубленную отцом накануне войны нашу пятистенку, которая “всем хороша: от хозяев честных до расписного простенка”, а также увидеть справную и дружную жизнь её обитателей, уют и тепло родного гнезда»:

Горница, русская печка, скамьи,
Стол, сундуки, самопрялка,
Прочая утварь крестьянской семьи.
Песнями жили в избе соловьи,
Песней вплывала трёхрядка.

Ну, а важнее всего, что полно
Было в смолистой народу –
Три поколенья, и всё, как одно.
Семь человек. Три звена со звеном.
Цепь неразрывная рода.

Скажем, отец. Это главный венец
В нашем семьи крепком срубе.
Мама – хозяйка. Бабушка? С ней
Сказки нетленные встретит малец,
Жизни старинной пригубит...
(Поэма «Отчий дом»)

«Наше поколение подняли матери, – продолжает Владимир Тимофеевич. – На фронт были призваны мужчины старше 18 лет. Отцы полегли в боях, в некоторых возрастах убиты 97 из сотни (подсчёты Юрия Васильевича Бондарева). Моя родная мама – дважды солдатка: сначала муж уходил на Финскую войну, потом на Великую Отечественную, с которой уже не вернулся. По нынешним понятиям, она многодетная мать, так как имела четырёх детей. И осталась одна с малыми ребятами на руках. Пережила вместе с ними длительную садистскую оккупацию, уничтожение до основания личного и коллективного хозяйства. Оказалась в сплошь выжженной местности. Фашисты все окрестные деревушки утопили в море огня».

Не алмазы ль наши мамы?
До одной – признание.
С мелодичными глазами,
Вдовьими терзаннями.

Души их не разгромила
Арктика фашистская.
Там явились божьей силой –
Лаской материнскою.

Чудо! – ею лишь из пепла
Горького создавшие
Наших тел и духа крепость,
Нравственности здравие.

Время желчное не знало
Ни однажды случая,
Чтобы мать дитё бросала, –
А как, дьявол, мучило!

Клад и прелесть в лихолетье –
Наши мамы дивные.
Верные мужьям и детям,
Песни соловьиные».
(Не алмазы ль наши мамы?)

1941 год. Весть о начале войны постучалась в русские хаты. Грузно покатила по дорогам и сёлам, выворачивая и выкорчёвывая устои, ломая и калеча судьбы, оставляя на лицах печать скорби.

Фашист наступал.

«Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой...» – призвала Родина. И сошли мужики с тракторов, оторвали мозолистые ладони от станков... Молча, понуро засобирали они дорожные узелки...

Уходили на фронт мужики,
Травы, русские их провожали.
Встав на цыпочки, из-под руки
Вслед глядели родимые дали.

От земли исходило тепло,
Густо, густо она зеленела.
Всё, что в душах привычно росло,
С приближением к фронту редело.
Мир иной открывали они,
Мужики, наполняясь войною, –
Обгорелые танки, как пни,
С плотью порванной броневою.
Самолётов останки в лугах,
Где чернели воронки от взрывов.
Густо сыпался лиственный прах
С головы искорёженной ивы...
(Уходили на фронт мужики...)

Многие воины-отцы не вернулись. Не вернётся в родной дом и Тимофей Ильич Фомичёв, в декабре 1943 году он погибнет.

«Тятка, так мы звали отца, – вспоминает Владимир Тимофеевич, – работал на газогенераторном тракторе. С ним и на войну был мобилизован – подвозить снаряды к фронту, находившемуся рядом. Пожалуй, стальной конь ХТЗ родителя больше всего символизирует в моём сознании самого батю. Он землелепец начала индустриального периода Родины, в отличие, например, от крестьян XIX века. ПЕРВЫЙ в деревне тракторист. – Чудо не только для родного ребятёнка, а для всех сельчан. Не зря в те годы была такой популярной песня “Прокати нас, Петруша, на тракторе”. Я с младенчества прикоснулся к запахам горячего, выхлопных газов, масла, грохоту мотора, лязгу гусениц, когда иной раз находился с отцом по своей настойчивой просьбе в кабине. Неосознанно наряду с гуманитарным призванием тянулся к “железкам”. Так, после школы-семилетки закончил энергетическое отделение политехникума Министерства заготовок СССР, а в газете “Путь Октября” Советского района ХМАО (сплошь индустриального) в основном возглавлял промышленный отдел.

Не случайно и то, что я, призванный служить три года срочную в бронетанковых войсках, стал механиком-во-

дителем Т-54. Меня сначала зачислили в хозяйственный взвод как специалиста со среднетехническим образованием по электрике и теплотехнике. В таком подразделении служба легче, чем в основном составе батальона. Меньше находишься в строю, на глазах командиров. Но я сам попросился направить на учёбу в группу подготовки механиков-водителей, и моё желание командование поддержало. Затем без промедлений успешно повышал классность. Перед демобилизацией уже готовился к сдаче экзаменов на мастера вождения, но пришёл вызов из института, и я убыл в запас досрочно.

Думаю, мы с отцом имели одну воинскую специальность. Эту мысль я запечатлел в одном стихотворении:

Танк отца под Курском грохочет
За Россию. И плачет мать.

(Портрет)

И вторая суть Тимофея Ильича, ещё более важная для меня: он – воин, отдавший жизнь за Родину. Рукопись стихов “Белый космос”, которую послал из Советского в издательство “Современник”, я открывал посвящением отцу с указанием именно такого восприятия родителя. Оно остаётся неизменным до сего времени. Через эту призму вижу весь незаурядный подвиг Красной Армии, равного которому не бывало в мире. Омывшие Земной Шар своей чистой кровью, отцы являются перманентной темой моего творчества. На этом фоне многие публично кривляющиеся ныне мужчины выглядят просто какими-то беспомощными слизняками. Даже внешне не похожи на представителей сильного пола. Моя душа поэта из поколения детей войны, ныне уже седым-седого, по-прежнему тянется к отцам-фронтовикам. Вот начало только что написанного стихотворения “Парад 1945-го”:

Ключевой человечества друг,
Наших тятек безоблачных смотр,
Сокрушивших психоз лженаук,

Ты каскад и любви, и красот!
В ногу полк за полком, фронт за фронтом –
Сыновья золотого народа!..»

Начало 1942 года.

Фашист наступал.

Смоленщина увидела дуло вражеских автоматов. «В военное лихолетье я, дошкольник, вместе с моими односельчанами, пережил два года ужасов немецко-фашистской оккупации» – тяжело вспоминает Владимир Тимофеевич. Повзрослев, он напишет о том времени:

Я так мал. Мне четыре...

Лай фашистов – в лицо.

Их подмётки литые

Топчут наше крыльцо.

(...)

Я так мал. Мне четыре...

Мой отец на войне.

И чужие мундиры

Подступают ко мне.

Я – холодный, голодный.

Но в упор – пусть казнят! –

Бьёт в их злобные морды,

Как двустволка, мой взгляд.

(Я так мал. Мне четыре...)

Детская память запомнила на всю жизнь эти страшные годы. Как рана-рубец врезались в память тревога и напряжение, царившее над Смоленщиной.

Напряжённо, тревожно
Там, в аду, я живу...
(Я так мал. Мне четыре...)

На фашистском распят на кресте
Мирный житель, посмотри, везде,
С небо – мўка...
(Угодить под бомбу, под снаряд...)

Боль, слёзы, горящие избы, повешенные односельчане и умерщвлённые младенцы... Сколько их?! Казалось, всё вокруг пропитано скорбью... – «Не вода в ручьях и речках – скорбь» (...)

Документы той эпохи свидетельствуют: оккупационный режим нёс смерть и разрушения. На территории 18 областей и краёв России, находившихся в двухгодичной оккупации, проводились акции массового истребления. Оккупированные территории подвергались ожесточённой бомбардировке. Жители, которые спасались от фашистских бомб в подвалах своих домов или в пригородах, отправлялись в концлагеря, гетто, лагеря для гражданского населения. Продвигаясь вперёд, фашисты оставляли за собой «долины смерти» братские могилы в Латвии, Беларуси, Украине и во многих других местах Советского Союза, по которым прошла немецкая армия. Смоленщина была выжжена. – Родную деревушку поэта Желтоухи фашисты сожгли...

Сожрал мою деревню,
Смолистую и древнюю,
До щепочки огонь.
Всё голо, как ладонь.

Но пламенем-драконом
На кладбище жилья
Одна изба не тронута,
Одна изба цела.

Ведут детей и женщин,
И белых стариков.
Затворов слышен скрежет,
Сверкание штыков.

Закрылась дверь за нами,
И гроб забит, забит!
С прицельными громами
У окон враг стоит.

Фриц прямо в сердце метил,
Гудел огонь в пазах...
Ему до самой смерти
Гореть в моих глазах!
(Сожрал мою деревню...)

ОСВОБОЖДЕНИЕ СМОЛЕНЩИНЫ ОТ ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

1943-й год. Переломный год в ходе Великой Отечественной войны. Фашист отступает.

«Даже у входа в Центральный музей Великой Отечественной войны стенды вещают об Освободительной миссии Красной Армии в Европе, об освобождении народов этого континента, – размышляет В. Т. Фомичёв. – Что, на мой взгляд, неверно. Такая суть армии наших отцов-фронтовиков относится, в первую очередь, к вызволению десятков миллионов своего населения из неслыханной людоедской оккупации 1941–1944 гг., несопоставимо более жестокой, чем во Франции, Нидерландах, Бельгии, Греции, Югославии, Чехии, Норвегии, Дании и других европейских странах. В них, как правило, оккупационный режим был не таким каннибальским, а оказывали сопротивление захватчикам меньше людей, чем вместе с Гитлером их воевало против Красной Армии. Эти факты подтверждают множество документов и свидетельских показаний. В песне М. Исаковско-го “Враги сожгли родную хату” на груди солдата-освободителя сияет медаль за город Будапешт, что является точной деталью.

Но в своей деревушке, уничтоженной полностью, ему не с кем даже помянуть собственную семью. Таким образом, события Первой Мировой и Второй Мировой Великой Отечественной войн, даже в “освободительном” пункте, искажаются до неузнаваемости.

Дело доходит до кощунства. Почему Запад рассказывает о мифических зверствах Красной Армии, ни слова не говоря о сотнях реальных гитлеровских трагедий заживо сожжённых в России? Я вижу здесь ужасающую ситуацию. Где принцип научной достоверности? Мне в этой связи вспоминаются слова Сервантеса: “Живых историков следует казнить, как фальшивомонетчиков”.

В 2013-м году исполнилось 70 лет с момента преимущественного освобождения Красной Армией областей и краев России от огненно-кровавой немецко-фашистской оккупации.

Ранее (в нашем очерке – авт.) было процитировано моё стихотворение о личных воспоминаниях поворотного 1943 года в условиях истребления Смоленщины огнём при изгнании захватчиков-расистов. Оно – второй вариант обращения к поэзии по поводу одного и того же зверства так называемых “цивилизованных европейцев”, где я сам являюсь действующим лицом. В мае 1966 года, работая директором школы под Тарусой, я опубликовал в газете Ферзиковского района Калужской области балладу “Страх”. В ней вспоминаю “жизнь свою, / Злой сорок третий в ангельском краю”. То есть ту же самую жуть, что и в стихотворении “Сожрал мою деревню”:

Туда внезапно прибыл наш губитель
На красных парусах горящих изб.
И языком огня деревню чистил,
Вылизывал её шальной фашизм...

А как деревня жутко догорела,
Нас – плачущую горькую толпу –
Скотом погнажи,
сохранив для дела
На кладбище жилья одну избу.

Однако баллада “Страх”, в отличие от стихотворения “Сожрал мою деревню”, не только значительно по объёму, насыщеннее конкретными деталями и обращениями к участникам той начавшейся казни огнём: “Ах, мама!”, “О, бабушка!”, “Друзья-приятели – все малолетки!”, но, главное, в первую очередь пронизана иной тональностью, нечеловеческим людским страданием, в сравнении с которым горящие хаты, хотя, конечно, это невероятная трагедия, но всё же, как говорится, дело десятое. Заканчивался стихотворный рассказ так:

О, стопудовый непролазный страх
В загробных человеческих глазах!
Будь вечно проклят дьявол набег –
Твоя геенна, чистый человек!

Второй, “облегчённый”, вариант поэтического изложения происшедшего со мной и односельчанами в марте 1943-го объясняется следующим: “Районку” за моё стихотворение “Страх” раскритиковала областная газета, а редактор получил партийный выговор. Мол, он и автор принизили роль Красной Армии, заражая советских людей пессимизмом. Совсем, как Семён Трегуб, который устроил в “Литературной газете” дикий разнос опубликованному лучшему лирическому стихотворению Второй Мировой войны, написанному Михаилом Исаковским и ставшему знаменитой песней “Враги сожгли родную хату”. “ЛГ” (Литературная газета – авт.) устами ретивого критика обвиняла моего земляка по району в развращении советских читателей отчаянием, неутешным плачем, непониманием ратного подвига воинов Страны Советов. Речь шла и об ущербе Родине, и об идеологической диверсии. И с моей балладой такая же история. Но пережитый в детские годы ужас оккупации болел во мне, и, повзрослевший, я не мог отойти от него, не мог его в себе задушить. В итоге, кастрировав, вместо произведения-жеребца, стал публиковать стихотворение-мерина (от баллады «Страх» осталось стихотворение «Сожрал мою деревню» – авт.). Но и тут КПСС в лице одного из своих периодических изданий и одной из своих первичных организаций мсти-

ла за честное свидетельство о конкретном зверстве разбитого агрессора на территории страны-победительницы. Пришлось даже подключать к защите редактора газеты поэтов-фронтовиков (Николая Старшинова и других). Таким образом, в следующем году исполнится 50 лет, как я стал разблокировать российские Хатыни, и сразу получил, что называется, по физиономии. Горше полыни знать, что официально о сотнях трагедий живо сожжённых в России за 70 лет не было сказано ни слова. Не снято ни одного художественного и документального фильма, не создан ни один музей, Даже не издан каталог захоронений массово казнённых огнём безвинных людей. Нет их полных скорбных списков. Запрет на такую информацию – тайна за семью печатями. Неудобную правду старались скрыть коммунисты, но почему это делают демократы? “Не измены ль в том суть?” – поставил я такой вопрос в поэме “Атлантида святынь”, созданной в январе 2012 года».

В одной из бесед, Владимир Тимофеевич немного рассказал о своей деятельности, направленной на восстановление и сохранение реальной истории оккупации Смоленской области и других подобных регионов России в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

– *Владимир Тимофеевич, что побудило Вас взяться за такой объёмный пласт истории?*

– В 1986 году я был с женой Еленой на моей Родине – в Угранском районе. И одна старая женщина рассказала нам о том, что в деревне Борьба (Новая) 13 марта 1943 года гитлеровцами, при отступлении, было сожжено всё население и жители трёх соседних поселений – пеплом стали 217 человек (впоследствии выяснилось – их было 340) и в живых, по её словам, осталось тогда три человека (позже выяснилось – семь). Я, сам в дошкольном возрасте переживший два года фашистской оккупации, сразу представил весь ужас случившегося. Плающие человеческие тела. Опустевшие поля Смоленщины. С тех пор я не смог уже спокойно спать. Начал смотреть в газе-

тах, журналах. Но там – тишина. Словно стёр кто судьбу этих селений из памяти народной. Оторопь взяла меня. Как о таком можно молчать?! Даже в энциклопедии «Смоленская область», выпущенной всего несколько лет назад, нет упоминаний о множестве случаев (около трёхсот) сожжения заживо целых поселений мирных жителей родного края? Даже в энциклопедии «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.», изданной в Военном издательстве Москвы, об этих трагедиях тоже ничего не сказано. И я начал ездить по области, спрашивать. Обратился к архивам.

– *Удалось ли Вам найти кого-либо из живых свидетелей?*

– Да. Фашистам не удалось, несмотря на все ухищрения, скрыть следы своих злодеяний на территории СССР, массовые убийства мирных жителей, советских военнопленных и многих советских граждан. Показания чудом спасшихся в аду оккупации, сообщили всему миру о том, что происходило... Через 21 год я с друзьями нашёл бывшего там в пятилетнем возрасте смертником Петра Афанасьевича Бычкова, ему посвящена книга «Поле заживо сожжённых». А дело было так: зная о моём поиске, мне в Москву позвонила Лариса Владимировна Шуненкова, заведующая отделом культуры Угранского района, и сказала, что есть свидетель той трагедии, он живёт в городе Вязьме и имеет дом в Фоминском, около сожжённой деревни Борьбы (Новая). Я поехал в Вязьму. Там меня с другом прямо с электрички встретила Валентина Николаевна Пронькина, начальник департамента образования, которая привела Петра Афанасьевича и его жену. Оказалось, он окончил училище механизации, отслужил в армии, отработал 18 лет в энергосетях города Вязьмы, кстати, недавно удостоен почётного звания «Ветеран труда Смоленской области». Мы с ним вместе встретили День Победы в его доме в Фоминском, побывав с утра в составе группы из шести человек на месте огненной трагедии и установив там памятный знак о мученической смерти земляков Петра Афанасьевича. Много беседовали. Он рассказал и представил документ, свидетельствующий о том, что тогда, 13 марта 1943 года, в этом пекле чудом уцелели семь человек – они выползли из дома незаметно для немцев (к моменту

знакомства с П. А. Бычковым шесть из семи ушли из жизни). Их фотография даже была опубликована в мартовском номере красноармейской газеты «На штурм врага» воинской части 95852, освобождавшей местность.

У меня в тот день родилась баллада, которую я так и назвал «9 мая 2007 год». Эту дату можно назвать началом разблокирования нами огненного геноцида гитлеровской оккупации 1941–1944 годов. Вошедшее в балладу и созданное ещё в 1986 году стихотворение имеет посвящение: «Священной памяти 340 заживо сожжённых гитлеровцами мирных жителей в деревне Борьба моего района на Смоленщине». Оно начинается словами:

Не могу больше видеть всё это,
Я, наверно, от боли умру...

И там дальше я говорю о местной Хатыни:

Ныне местной Хатыни едва ли
Место в зарослях можно сыскать.
Как же горе такое не помнить?
О, какая увиделась жуть!
Поскорее на помощь, на помощь!
Наша Родина ранена в грудь.

Мной и активистами Общества «Поле заживо сожжённых» имени Э. А. Хлысталова также был найден свидетель массового сожжения земляков в Юсовке Калужской области (январь 1942 г.) – Мария Павловна Белякова. На её глазах фашисты предали огню множество сельчан примерно из десяти окрестных деревень, а также беженцев и военнопленных. Её фотография тоже есть в книге «Поле заживо сожжённых».

– *Вы говорите, что Угранский район Смоленской области – это пять Хатыней...*

– Именно так. По количеству жертв. В бывшей белорусской деревне фашистами превращено в пепел 149 человек, а в моём родном районе – 795! Это в 5 раз больше жертв было. И только в одном моём районе. А сколько таких Угранских районов по России? Это пока всё белые пятна истории, которые необходимо восстанавливать.

Я убеждён, что по сравнению с обнародованными цифрами, никем за четыре года не опровергнутыми, число подобных огненных трагедий на оккупированных гитлеровцами территориях всей России требуется удесяттерить. Третья часть моей книги «Поле заживо сожжённых» (второе издание) открывается эпиграфом – фразой из статьи Ф. Русакова и А. Кузובה «Трагедия сожжённых деревень», опубликованной в журнале «Смоленск» в сентябре 2009 года: «Из документов, хранящихся в архивах видно, что немецкие каратели на Смоленщине сожгли дотла более 5 000 сёл и деревень из них более 300 вместе с жителями». Эти жертвы – священная наша память.

Сегодня нет моей деревни, колхоза «Степана Разина», Фурсовского сельсовета, нет газеты «Красные всходы», которая писала о трудовых довоенных достижениях моих родных, нет 168 колхозов района... Ни один гектар этой земли не вспахан. После огненной немецко-фашистской оккупации сотни деревень были возрождены, но уже на наших глазах обезлюдели, исчезли с лица земли вместе со множеством пахарей, сеятелей, жнецов, молодёжи, детворы...

Ой, ты горе Руси, ой, дрожание губ,
Сотни скрытых преступно Хатыней!..
Приходил душегуб, приходил душегуб,
Приходил душегуб из чужбины.

И смоленская даль, и Тверская земля,
И ты, Псковщина – синие воды.
Где улыбками хата недавно цвела –
Рёв сгоравших летел к небосводу.

И Замошье-село, и деревня Борьба,
Новосёлки, Залазна, Прасковка.
Людоед побывал, всё живое губя:
Жён, детей, стариков – поголовно.

И горели края, и пылали тогда,
Прах людей разносил чёрный ветер.
Мирный житель России редел в те года,
Как нигде никогда в целом свете.

И как он цепенел, и как пламя встречал
На земле своих дедов сердечной...
Кто стёр память страны об огнях-палачах,
Муке мученической, геенской?

Ах, наш каждый район, там,
где рыскал фашист, –
Место боли безмерно глубокой!
Продолжается жизнь, продолжается жизнь
На просторах, взывающих к Богу.

*– Немцы ворвались в Смоленск утром 16 июля 1941 года
и через два года уже в области столько жертв...*

– Их гораздо больше. В целом 540 000 человек мирных жителей погибло. Для сравнения, в Англии погибло 60 000 человек. В одной Смоленской области погибло в девять раз больше, чем стране-союзнице (в Англии есть день памяти жертв геноцида Второй мировой войны). И мы обнаружим лишь то, что нам удалось достоверно установить. Память надо восстанавливать. У православных людей существует Радуница – старинный обряд поминовения умерших на послепасхальной неделе. Вспомните с этим связанные выражения «Фомина неделя», «Красная горка». Придёт на ум и такой факт: первый поэтический сборник Сергей Есенин назвал «Радуница». Буквально все народы, начиная с крошечных племён, устраивают подобные общения с жившими ранее них. У мусульман тоже есть священное поминание ушедших от нас, например, после рамазана есть три обязательных дела, одно из них – поминать

ушедших в мир иной. Как делали бесконечные поколения наших предков на Радуницу. Если мы утратим такую нерушимую в веках традицию, то, пожалуй, перестанем быть людьми в полном смысле этого слова.

*– Я знаю, что благодаря Вашей деятельности и помощи
Ваших друзей на сегодняшний день уже немало сделано для увековечивания памяти мирных жертв в Смоленской области.*

– Да, результаты есть. В память об огненных годах Великой Отечественной войны Угранский районный Совет депутатов Смоленской области принял 26 марта 2008 года решение о выделении земельного участка для размещения мемориального комплекса для увековечения памяти погибших мирных жителей в годы Великой Отечественной войны – выделен гектар земли в бывшей д. Прасковка вдоль дороги Угра-Знаменка для размещения мемориала в память о земляках, заживо сожжённых, и других погибших от рук фашистов – мы его так назвали «Поле заживо сожжённых» (открыто 9 мая 2008 года). Там батюшка был, освятил. Этот памятник – поле естественной живой памяти человека о прошлом, о героизме, о священных жертвах – заживо сожжённых земляках наших. Этот памятник – это исцеление, исправление своей собственной жизни. Есть невидимая сторона осуществляемого действия – Божественная благодать. Мы смотрим на всё иными духовными глазами. Мемориал памяти – это ещё и «непаханое поле» для современников, где каждому дано продолжить начатое, дел хватит на всех: искать фамилии жертв, названия сожжённых деревень, записывать обстоятельства их гибели, устраивать мемориал, открывать памятники... И это поле СПРАВЕДЛИВОСТИ, куда любой может придти, помолиться у креста, оставить цветы, справить трапезу за поминальными столами, думая о минувшем, настоящем и грядущем, о бессмертии подвига и о безгрешных мучениках Великой Отечественной войны. Это поле вечной памяти!

9 мая 2009 года – отрыли памятник, созданный самим Петром Афанасьевичем Бычковым на свои средства, против своего дома в Фоминском. Он назвал памятник «Всем жителям СССР, погибшим во время Великой отечественной войны».

Пётр Афанасьевич также высадил аллею. Посвятил её своим сожжённым землякам. Так и назвал: «Аллея в честь заживо сожжённых мирных жителей и солдат д. Новая-Борьба»...

Я благодарен очень многим людям, которые поддерживают меня. С их помощью сдвигаются с места многие вопросы. Большую поддержку оказывают мои друзья поэт – классик русской современной литературы Валентин Васильевич Сорокин, писатель, член Общественного Совета Центрального Духовного управления мусульман России Ямиль Мустафьевич Мустафин – они много делают для дела сохранения священной памяти человеческой. Большую помощь сейчас оказали глава Советского района Ханты-Мансийского Автономного Округа Сергей Васильевич Удинцев и писатель, прошедший Афганистан и Чечню, советник Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Александр Петрович Игумнов – они помогли издать книгу «Завоёванные ярлыками». На её форзаце размещена цветная карта – отмечено около 300 смоленских Хатыней и 80 концлагерей Смоленской области. Книга сегодня смогла дойти до читателей.

– *Много ли живых встреч с аудиториями проходит на тему «Хатыней Руси»?*

– В последнее время немало проходит встреч, бесед. Люди приглашают – они хотят знать об огненных трагедиях России, им важно услышать о них от тех людей, кто досконально работает в этом направлении. А когда приглашают – я всегда стараюсь прийти, приехать на такие встречи.

Совсем недавно 30 сентября мы побывали в Туманове (до войны это был отдельный район, а теперь входит в Вяземский район). Там в школе Эмилия Степановна Гайдукова уже 40 лет как создала музей и организовала движение «Красных следопытов». 30 мая 1981 года в деревне Каргино у «Красных следопытов» произошла неожиданная встреча с Семёном Яковлевичем Самуйловым, очевидцем трагедии 8 марта 1943 года в деревне Трубино (Чёртовка), где было на его глазах сожжено 458 человек – с тех пор у них налажен прочный контакт. Они выпустили книгу «Опалённые войной» (второе издание). Мы были на презентации. Съехались туда люди с Вяземского

района. Такие серьёзные сочинения дети написали «Человек из пламени»! А в феврале ребята приезжали к нам в Москву...

Где я сейчас живу – северо-западный округ Москвы – здесь очень большой интерес пробудился у школьников, ветеранов и у литобъединения «Строгино». Члены литобъединения сделали видеозапись встречи. Получилось целых восемь частей, которые они разместили в Интернете. Участники литобъединения «Строгино» делают книгу «Русь непобедимая» (есть три тома). В последнем томе напечатали и мои произведения, и В. М. Леонова, и воспоминания П. А. Бычкова. Сейчас они ждут из типографии уже четвёртый том. К этому делу подключаются ребята, учителя, историки. Память о жертвах Смоленской области, о «сотнях Хатыней Руси» – это народная память. И сегодня очень многие соотечественники мои это понимают и чувствуют.

Некоторое время спустя после нашей беседы, я увидел статью Виктора Кожемяко «Сожжённые заживо взывают к нам», опубликованную в газете «Правда» (№7 (30069) от 24-27 января 2014 года), посвящённую «Народному сходу памяти русских деревень и их жителей, сожжённых немецко-фашистскими захватчиками на оккупированных территориях в годы Великой Отечественной войны». Приведу несколько цитат из этой статьи:

«Эта потрясающая встреча в Союзе писателей России, состоявшаяся на исходе прошлого года, при её организации поначалу была названа “круглым столом”. Но получилось, что название такое совсем не подходящее. Не “стол” же собрался, а целый зал, да и разговор последовал никак не “круглый”. Потом, по ходу пронзительных выступлений, продолжавшихся более семи часов и, казалось, обжигавших всех, кто здесь был, вдруг прозвучало: “Народный сход...”

Давайте и мы так назовём – Народный сход памяти русских деревень и их жителей, сожжённых немецко-фашистскими захватчиками на оккупированных территориях в годы Великой Отечественной войны.

Сколько их, российских Хатыней? По данным, которые сообщает инициатор траурной встречи в Союзе писателей поэт и публицист Владимир Фомичёв, уже много лет подвижнически занимающийся этой трагической темой, только на его родной Смоленщине гитлеровские палачи спалили дотла более 5 тысяч сёл и деревень, около 300 из них вместе с ни в чём не повинными людьми – женщинами, детьми, стариками. На многострадальной смоленской земле загублено 546 тысяч мирных граждан, что, по словам В. Т. Фомичёва, “соответствует десяти Бухенвальдам: погиб каждый третий житель области”.

– И вот – подумать только! – им в России даже нет ни одного общезначимого памятника, подобного Хатыни, Бабьему Яру, Лидице, – в какой уж раз с неизбывной горечью и болью говорит, открывая встречу памяти, Владимир Тимофеевич Фомичёв, сам ребёнком перенёсший все ужасы гитлеровской оккупации в деревне Желтоухи Угранского района Смоленской области и чудом уцелевший от гибели в испепеляющем фашистском костре.

Их деревню немцы тоже сожгли, но расправиться со всеми сельчанами не успели под ударами наступавшей Красной Армии. А вокруг в марте 1943-го, ставшем для здешних жителей поистине кроваво-огненным, в заколоченных домах и сараях, обнесённых колючей проволокой и обставленных пулемётами, заживо горели, задыхались, обугливались тысячи беспомощных людей, чья вина была лишь в том, что они – русские, советские...

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПЛАМЕНИ

Как это происходило? Замер зал, когда на трибуну поднялся седовласый сухощавый человек с бородкой, которому, как говорится, по всем статьям не должно бы сегодня быть в живых. Ибо пятилетним мальчонкой он, Пётр Бычков, вместе с односельчанами уже объят был смертным пламенем, уже опалило ему голову, лицо, грудь, и отчаянная безысходность дохнула в душу: конец!

... 13 марта 1943 года. Смоленская деревня Новая, за которой позднее закрепится, по имени колхоза, название Борь-

ба. Светлое начало ранневесеннего дня. Белизна выпавшего за ночь снежка, спокойствие взошедшего солнца. А в деревне у всех напряжённое ожидание – смесь радости и тревоги.

Радость понятная: наши подходят, где-то совсем близко. Но ещё накануне староста объявил, что немцы будут раздавать хлеб жителям Новой и соседних деревень. Отчего бы такая доброта? наших боятся за все свои зверства и хотят другими себя показать? Превозмогая опасения, гонимые изнуряющим голодом, всё же потянулись люди сюда из окрестностей. Больше, больше людей... И вот тут как раз загромыхал по улице немецкий грузовик с вооружёнными солдатами.

Всем было приказано собраться в самом большом доме, собственно, даже в двух домах, ибо это так называемая пятистенка под общей соломенной крышей. Немцы отобрали десятка три человек, которые покрепче, и направили их под конвоем протаптывать дорогу среди снегов до деревни Гришино, что в двенадцати километрах. Драпать готовятся? Остальным приказали ждать. Но и по возвращении тех, прокладывавших дорогу, никакой раздачи хлеба не последовало. Нет, последовало страшное! Пятистенку, до отказа переполненную людьми, солдаты подожгли. Сразу со всех сторон.

– Когда мы горели, – повествует срывающимся голосом Пётр Афанасьевич Бычков, – крики и стоны, как рассказывали потом, слышны были аж в Гришине. Пытались вырваться: выбили окна, двери, но автоматные очереди встречали каждого. А дом обнесён был колючей проволокой, двойной. Первых убивали – следующие напирала, и их ждала та же участь. Меня дважды кто-то перебрасывал через проволоку. Мама и двое братишек тоже чудом спаслись. Это невероятно счастливый случай, потому что вырвавшихся из пламени и пытавшихся убежать в сторону леса настигали пули. Да ещё вслед немцы стали мины посылать...

Погибли около 340 человек. Спаслись всего семеро. В газете красноармейской части, освободившей Новую, появилось их фото с подписью: Бычков Александр – 16 лет, Опёнкина Акулина – 42 года, Нестерова Мария – 67 лет, Бычкова Клавдия – 52 года и трое её детей – Петя, 5 лет, Миша, 13 лет, и Серёжа, 10 лет.

(...)

Помните, есть в “Легенде об Уленшпигеле” ключевые слова, определившие всю дальнейшую жизнь героя, “Пепел Клааса стучит в моё сердце!”?

Так вот, в сердце этого смоленского уроженца стучат души ни в чём не повинных земляков и мирных жителей других российских областей, ставших жертвами фашистского нашествия.

Сотни тысяч заживо
сожжённых
Строятся, строятся
в шеренги к ряду ряд...»

2013–2015 гг.

СЕРДЦЕ ХАНТЫЙСКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Отрывок из биографического очерка о Вагатовой Марии Кузьминичне – члене Союза журналистов с 1973 года, члене Союза писателей России с 1997 года, Заслуженном работнике культуры Российской Федерации, Почётном гражданине Ханты-Мансийского автономного округа, лауреате премии Губернатора ХМАО, премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка, международной премии «Югра», и многими другими литературными премиями, проживающей в г. Ханты-Мансийске.

Часть I

Детство

Среди таёжных урманов близ речки Курьёх, недалеко от деревни Юильск Берёзовского (ныне Белоярского) района расположилось стойбище древнего остяцкого (ханты) рода Вагатовых. От стойбища было рукой подать до священного места Вут-Ими (дух народа ханты).

Снежной была зима 1936 года. Все готовились к Рождеству. Для Семьи Кузьмы Николаевича и Варвары Ивановны Вагатовых рождественским подарком было рождение 28 декабря первенца – дочки Марии. Колыбельной песней для маленькой Маши стали плач метели за окном чума да треск поленьев в хантыйском домашнем очаге. Мама Варвара Ивановна вела домашнее хозяйство, как обучили её родители, отец занимался традиционным ремеслом народа ханты – оленеводством.

С большой теплотой и любовью рассказывает Мария Кузьминична о своей семье: «Я росла в большой семье – у папы с мамой нас ведь было двенадцать детей, восемь братьев и четыре сестры. Интересное совпадение – у деда с бабушкой тоже было двенадцать детей. Правда в живых остались только отец и его сестра».

Нелёгкую судьбу бабушки по отцовской линии М. К. Вагатова красноречиво описывает в стихотворении «Песня бабушки».

Мы в урмане жили, в чаще
 Годы девичьи прошли.
 Помню, как-то зимней ночью
 Руки мне связали, ноги,
 В юрту мужа повезли...
 <...>
 ... Лицо скрывала, внученька, –
 Велел обычай мучиться.
 Из бересты раз десять
 Я колыбели сшила.
 Один живой, что делать? [1, с. 8]

*(Песня бабушки. Перевод с хантыйского
 Г. Слинкиной)*

«А наши родители всех двенадцать детей вырастили, – продолжает рассказывать Мария Кузьминична. – Сестра Катя – учитель, Прокопий – врач, Саша – возил геологов, Коля и Серёжа – мотористы, Алёша – машинист компрессора, Ваня – рабочий, Валя – метеоролог, мастер-рукодельница, она шила красиво, Галя – работала в культуре, Яша – окончил ГПТУ, машины водит, Миша – работает на звероферме. Сейчас нас осталось только трое Яша, Миша и я. А росли мы друженько. Стремилась друг другу помогать – так родители нас приучили. Каждый из нас знал – надо жить так, чтобы делать добро.

В годы моего детства очень многие семьи голодовали. Но у нас в семье почему-то всё было, хотя времена были тяжёлые – военное было время. Но тогда я не понимала, что такое война. Я видела, как люди плакали. И слышала: “война, война”. Но почему-то у меня представление о войне тогда было странное. Я себе представляла картинку: люди плечом к плечу стоят и стреляют из лука – вот такое представление было.

Папа мой на фронт не ходил – его оставляли “под бронь”. Он был начальником обоза, состоящим из нескольких аргишей (аргиш – вереница нарт, 5-6 упряжей, которые вёл один человек). Каждые нарты были наполнены мясом, рыбой. В папином обозе аргиши вели и женщины и молодые ребята. А работа очень сложная. Олени целый день тянут по бездорожью обоз. А на улице мороз лютый – вся упряжь леденеет. И узлы упряжей

затягивались под тяжестью нарт, леденели, становясь как железо. Ребята не могли эти узлы развязать. В основном распрягать оленей приходилось папе. Мама вспоминала, что специально для этого шила из кожи напальники, но всё равно каждый день, распрягая оленей, отец сбивал пальцы до крови. А груз (мясо, рыбу) в то время сдавали в Пашкино – это был перевалочный пункт под Ханты-Мансийском. И пока обоз до Пашкино дойдёт – мясо промораживается и становится легче. Но отец должен был определённую норму мяса сдать. Так он в обоз брал одного-двух своих оленей (мы тогда своих оленей держали), и недостающий до нормы груз за счёт них покрывал. Но наша семья сильной нужды при этом не испытывала. У нас большая семья была и мы как-то росли...»

УРОКИ ДЛЯ МАШЕНЬКИ

Добытчица

«В каждой хантыйской семье так было заведено, что если взрослые шли, например, в лес или ещё куда, то брали с собой обычно старших детей, – вспоминает Мария Кузьминична, улыбаясь. – Приучали, видимо, к жизни сначала старших, чтобы те младших обучили. А в нашей семье старшим ребёнком была я. Вот меня взрослые с собой везде и водили.

Пошёл отец в лес – и меня с собой. Так один раз возится он в лесу с нартами, вдруг собака залаяла. Папа говорит: “Возьми-ка ружьё, посмотри кто там?”. А мне пять лет было. Но делать нечего – чум далеко, собака лает, значит, кто-то по близости живой ходит. Я взяла ружьё и пошла, смотреть на кого там собака лает. Смотрю – белка. Значит, на белку лает. А я уже раньше видела, как папа из ружья стреляет. И как заправский человек наметилась и попала. В белку попала! Спешу скорей к отцу – показываю. Он в руках белку повертел, рассмотрел, расспросил, как целилась, похвалил. В душе такое счастье было! Я – добытчик! Радость – белка!

Опять собака залаяла – я радостно ружьё беру, бегу смотреть на кого собака лает. А там глухарь был. Я снова нацелилась – не попала. Иду, печальная.

– Кто там был? – интересуется папа.

– Глухарь, – отвечаю. А он выстрел-то слышал и спрашивает.

– А куда ты метилась?

– В головку.

– Глухарю надо метиться в пузырьёк на груди или в крылышко.

Вот так я стреляю с пяти лет».

ДЕРЕВЬЯ ТОЖЕ ПЛАЧУТ

«Пошли однажды дедушка с бабушкой проверять мордушки (мордушки, морды – специальные приспособления для ловли рыбы) и меня с собой взяли, – продолжает вспоминать о своём детстве Мария Кузьминична. – Мордушки открываем, а рыбы много – быстро с ней не управиться, придётся в лесу ночевать. Начали сначала рыбу разделывать. А я уже тогда знала, как надо рыбу сохранять – делала в траве лунки, чтобы потом рыбу туда поместить и травой прикрыть. Лунки сделала и продолжила помогать бабушке. Когда разделали и развешали рыбу, бабушка стала делать полушалашик (укрытие с ветреной стороны). Шалашик сделала и принялась уху варить. А я взяла и тоже начала делать свой шалашик. Деревца рублю, веточки рублю. Мне никто ничего не говорит. А я стараюсь – рублю веточки, мастерю шалашик. Стали уху кушать, а бабушка стала больше внимания на речку обращать: “Посмотри, внученька, какая речка! Как она одета красиво! Бережком как сах (сах – женская меховая шуба) у неё оторочен! Травки какие красивые, цветочки какие красивые!” Я смотрю на речку – с бабушкой соглашаюсь.

Вечер настал. Спать легли. Бабушка меня на свою руку уложила головкой, поцеловала и вдруг говорит шёпотом: “Слышишь, кто-то плачет. Интересно кто там плачет? Кто там разговаривает?” Я прислушалась – никто не плачет, никто не разговаривает. И отвечаю: “Нет, бабушка, никто там не разговаривает, никто не плачет. Это речка. Водичка плывёт”. А она

опять говорит мне на ушко: “Я слышу. – Это деревья плачут, деревья разговаривают. Ах, какая девочка гадкая, – говорят, – попала топориком мне по головке, по ручке мне попала! А-а-а – плачут”. Тут я себя узнала. Так мне стало страшно. Оказывается, больно им. Оказывается, они живые. Оказывается, они могут плакать. Я испугалась и моментально уснула.

А утром встала. Ни каких моих веточек, ни какого моего шалашика нет. Всё закрыто свежим мхом. А я внутри себя решила, что приходили деревья-папы, деревья-мамы и всех своих раненых деток забрали.

А мне больше ни бабушка, ни дедушка ничего не сказали, но такой урок преподали – на всю жизнь я запомнила, что деревца, травка разговаривать могут, плакать могут...»

ЖИВУ В СЕРДЦЕ ЛЕСА

Сколько тропинок таёжных исходили шустрые детские ноги Машеньки! Сколько деревьев почувствовали цепкие детские руки! «В детстве любила я по деревьям лазить, – задорно и весело говорит Мария Кузьминична. – Высоко-о-о забиралась. Мы в лесу и ягоды, грибы собирали, и играли там, да почти что жили в лесу. Каждое деревце – друг». Тяга к лесному миру станет неотъемлемой частью всей жизни хантыйской поэтессы.

Стою в сердце леса.

Живу в сердце леса.

Или, может, лес в моём сердце...

Дышим с ним одним воздухом,

И душу, и думу имеем одну:

Человек и звери, звери и птицы

Пусть бы счастливо и радостно жили.

Есть здесь для них одежда,

Пища, всё есть, что нужно для жизни.

Радостная, дивная мелодия

Многих песен сердце моё растворяет,

Когда я слышу её.

Красоту найдёт лес для каждого сердца.
 Если устанешь – силы здесь найдёшь.
 Если ты мёрзнешь – найдёшь тепло здесь.
 Если душа пуста – здесь душу наполнишь.
 В таком доме только умеи жить...
 Если кто-то не замечает всего этого,
 То живёт с пустым нутром.

(«В сердце леса».

Перевод с хантыйского автора М. Вагатовой)

Пудов Сергей Павлович родился 7 октября 1936 году в деревне на севере Свердловской области. В журналистике с 1956 года. Работал в местной прессе Свердловской, Кемеровской и Тюменской областей. Вёл программы на региональном радио, был главным редактором районного телевидения. Общий стаж работы в СМИ 60 лет, из них 50 – состоял в Союзе журналистов.

Автор пяти книжек: «Земля заботы нашей» (2001), «Радуга жизни» (2006), «Под небом Заполярья» (2012), «Без права на забвение» (2014), «Югорск – ворота в Югру» (2016). Рассказы опубликованы в 25 альманахах. Победитель в пяти общероссийских литературных конкурсах, в том числе Диплом 1 степени в конкурсе «Моя малая Родина», Москва (2015); Диплом победителя и Золотая медаль «Георгий Победоносец» в литературном конкурсе «Георгиевская лента», Москва (2018). Постановлением Президиума Российского союза писателей награждён Золотой медалью «Александр Пушкин 220 лет». Произведения писателя включены в Антологию русской прозы за 2019 год. Член Российского и Международного союзов писателей.

Живёт в Югорске ХМАО – Югра с 1970 года.

СЕРГЕЙ
ПУДОВ

ЭХО ВОЙНЫ

Из воспоминаний ветерана войны Георгия Николаевича Пудова

Юность

1942 год. Наши войска ведут кровопролитные оборонительные бои на Волге, дерутся с врагом на улицах Сталинграда. А в это время в глухой деревне Северного Урала Адриановичи подрастало новое поколение защитников Отечества. Окончив среднюю школу, Гошка с группой парней отправился учиться в техникум города Чаши Курганской области. Дети войны, дома ещё как-то перебивались на мамкиных похлёбках, да на дарах леса: рыбы наловят, дичи настреляют, луку полевого насобирают, шишек кедровых наколотят. А тут в техникуме паёк по продуктовым карточкам. И стали наши крепкие деревенские парни таять на глазах от недоедания. Тяжко вспоминать эти годы. Даже сейчас, через шестьдесят с лишним лет, восьмидесятилетний старик прослезился.

– Нам повезло. У нас был хороший комсорг – фронтовик. Ходил на костылях. Одну ногу потерял на фронте. Он нас всех в комсомол принимал. Приглашает меня как-то в 1943 году на беседу: – Георгий, тебе ещё нет 18 лет, и на фронт тебя не возьмут. Но армии нужны солдаты. После Сталинграда армия опустела. Если ты, как комсомолец, напишешь заявление в военкомат о желании пойти на фронт добровольцем, тебя направят в какое-нибудь военное училище. Мы всё равно победим, а после войны фронтовиков будут чествовать по достоинству и заслугам.

Он меня убедил. На этом закончилась моя юность.

Курсант

Через неделю я был курсантом Троицкого (Челябинской области) военно-авиационного училища. Оно готовило воздушных стрелков и механиков по вооружению самолётов.

В начале лета 1943 года меня направляют на стажировку в боевой 33 гвардейский военно-авиационный штурмовой полк помощником механика по вооружению штурмовиков Ил-2. Базировались мы в маленьком городишке Песцы, что под Старой Руссой. Мне, курсанту-стажёру, 17-летнему «мужику» ростом 185 см, тонкому, как тростник, досталась вся тяжёлая работа. Вокруг были только девчонки моего возраста – парни все на фронте. Снаряжали Ил-2 сто килограммовыми бомбами, реактивными снарядами, и всё это вручную. Вылеты были частыми, на отдых время почти не оставалось.

УХАП

Самым страшным оружием нашего штурмовика был УХАП (универсальный химический авиационный прибор). В этот прибор заливалась горячая смесь КС-4, и ёмкость 250 литров подвешивалась под самолёт. На бреющем полёте на высоте примерно 20 метров под большим давлением горячая смесь разбрызгивалась над ДОТами, ДЗОТами, блиндажами и окопами противника. КС-4, попадая в щели, пазы бетонных ДОТов, при соединении с воздухом воспламеняется, горит и превращает бетон в песок. Человеку от этой жидкости спасения нет, она горит в воде ещё сильнее, остаётся одно – сбросить с себя одежду, а на дворе – русская зима...

Наш полк применял активно УХАП при освобождении Старой Руссы. На старорусском направлении наши войска нанесли крупное поражение 16-ой армии немцев, разгромив три и окружив семь дивизий под Демьянском. Бои здесь затянулись. Воспользовавшись этим, фашистское командование перебросило сюда свежие силы. И ударами извне, и со стороны окружённых, гитлеровцам удалось пробить узкий коридор в наших боевых порядках, и соединиться с блокированными войсками. Они и были мишенью для наших штурмовиков до тех пор, пока немец, боясь ещё раз попасть в «котёл», оставил Старую Руссу без боя.

Заправка УХАПов всегда проводилась ночью в целях светомаскировки при искусственном освещении. Жидкость привозилась в 100-литровых бочках. Мы вдвоём с командиром-тех-

ником по вооружению берём бочку на руки и через воронку переливаем горючую смесь в УХАП, похожий на акулу. Потом ещё бочку, затем ещё полбочки – и так 250 литров. Завинчивали и вешали под самолёт. Кто хоть раз переливал из бочки любую жидкость, знает, что без брызг при такой технологии не обойтись. Не обходилось и у нас. Мы не были обеспечены спецодеждой, а солдатская – прогорала моментально. У меня на всю жизнь остались шрамы, – продолжает рассказ старый солдат, и показывает руки, ноги, живот. – Одно успокаивало: нам доставались случайные капельки, а немцу – четверть тонны. К концу 1943 года после освобождения Старой Руссы применение УХАПов прекратили.

Контузия

Поодаль от взлётно-посадочной полосы стоит, распластав крылья, как подстреленная птица Ил-2. Одно крыло оперлось о землю, второе – неестественно вздыблено вверх. Вчера пилот с трудом посадил машину. Посидел в кабине, перевёл дух, отдышался, опустился на землю, обошёл вокруг, сосчитал пробоины, похлопал по опавшему крылу: «Спасибо, друг. Ты спас мне жизнь, а тебе предстоит основательная операция». Не зря говорят, что лётчики – самый суеверный народ. Видимо, от близости к Богу.

Сегодня мне предстоит снимать с потрёпанного в воздушном бою штурмовика всё его вооружение. Ранним утром, когда солнышко только коснулось лучами верхушек сосен, а лёгкий ветерок, играя листвой, будил кустарник, я приступил к работе. Хотел управиться до полуденной июльской жары, когда металл обжигает руки. Сначала снял пулемёт с верхнего крыла. Под опущенную плоскость влез на спине, снял ящик с боеприпасами, снимаю пулемёт.

Подошла бригада механиков БАО (батальон аэродромного обслуживания), приступили к демонтажу верхнего крыла, сняли его, и самолёт, окончательно потеряв центровку, навалился нижней плоскостью на меня. Придавил грудь. Я не могу ни вздохнуть, ни вскрикнуть. Кислорода не хватает, сознание отключается. Я понял, что умираю. А мне не было и 18 лет в ту

пору. Мысленно простился с родителями, сестрёнками. И только взмолился: «О, Господи, спаси!» – слышу через помутневшее сознание крик: «Под плоскостью солдат!» – и отключился... Меня вытащили уже без сознания.

Когда я очнулся, солнце было уже на закате и последними лучами слепило мне глаза, как будто хотело узнать – оживёт, очнётся этот парень? Я ожил...

– Долго жить будешь! – кричали механики-разгильдяи.

Они целый день, оказывается, возились со мной: делали искусственное дыхание и все другие манипуляции, известные им, но врача не вызвали, моему начальнику не доложили. И весь вечер суетились: «Мы твою работу выполнили, ужин принесли. Спаси нас, солдат! Не говори ничего никому, иначе нас в штрафбат отправят». На том и порешили.

Наутро весь полк всё знал. А девчонки – фронтовые подружки, не стесняясь, показывали пальцем, и громко сообщали: «Вон тот парень, что на том свете побывал».

Окончив училище, приехал домой в краткосрочный отпуск. В разговоре и воспоминаниях обнаружилось, что совершенно не помню своего детства – период до школы. И лишь потом я понял – целый блок памяти исчез в результате контузии под Старой Руссой.

Ил-2 – штурмовик

Самолёт Ил-2 строился более высокими темпами, чем другие самолёты за всю историю авиации. Выпущенная в огромном количестве (36 163 экземпляра), эта машина стала одним из главных инструментов, с помощью которых Советский Союз разгромил Германию в 1945 году. Одноместный вариант Ил-2 был принят на вооружение за три месяца до немецкого вторжения в июне 1941 года и изначально представлял собой многоцелевой боевой самолёт с двигателем мощностью 1 665 лошадиных сил и вооружением из двух 20-миллиметровых пушек, двух 7,62-миллиметровых пулемётов, а также бомб и реактивных снарядов. Этот грозный штурмовик приводил в ужас немецкие наземные войска.

Ил-2 неоднократно модернизировался. Двухместная версия, обеспечившая самолёту защиту с тыла, установка более

мощных двигателей, замена пушек на 37-миллиметровый калибр дала машине возможность эффективнее бороться с бронетехникой противника.

– Всё это правда. Всё это так. Но доведена машина до ума была лишь к концу войны, – вздыхает с грустью ветеран. – А вначале она угробила не одну тысячу наших ребят – воздушных стрелков. Когда я прибыл в полк на стажировку, в первый же день командир приказал: «Вон, видишь, стоит Ил-2? Иди и вычисти место стрелка, завтра сам полетишь». Место всё залито и забрызгано кровью. Вычистил, вымыл. Завтра мне предстоит занять это кровавое место, чтобы послезавтра кто-то другой выгребал мои останки. Дрожь в коленках. О выполнении задания доложил командиру: «Кабина очищена, готов к выполнению боевого задания!» И в этот же день прибыл из нашего Троицкого училища воздушный стрелок. Их перевели, по известным причинам, на трёхмесячный срок обучения, нас же готовили два года.

В первой модификации машина имела один, но очень значительный изъян. Самолёт не имел защиту с тыла. Немцы очень быстро поняли это, заходили сзади и расстреливали самолёт. Ил-2, изрешечённый, иногда насчитывал до 300 пробоин, возвращался, выполнив боевое задание, на свой аэродром. Случайное везение? Нет. Гениальность конструктора. Кабина пилота была защищена бронёй сверху и сзади. Вся система управления элеронами, закрылками, рулями приводилась в движение тонкими 3-миллиметровыми тросиками. И как бы фашист ни стрелял, в тонкий тросик управления пули практически не попадали. На аэродроме «заштопали» пробоины, и самолёт вновь готов к бою.

И, тем не менее, С. В. Ильюшину было дано задание, оборудовать кабину стрелка в хвосте самолёта, как это было сделано во всех зарубежных боевых машинах. При этом нарушилась бы центровка самолёта и, в сущности, требовались новые расчёты конструкции, что повлекло бы изменение технологии производства машин, а время не ждёт – фашист напирает на всех фронтах. Конструктор нашёл лёгкий путь решения проблемы – вырезал сверху фюзеляжа люк, прямо за спиной пилота, и посадил туда воздушного стрелка без намёка на ка-

кое-либо прикрытие. Фашистские истребители, не меняя тактики, уничтожали сначала стрелка, а потом дырявили самолёт. Когда всех парней-стрелков перебили, на их место наше командование стало сажать в гнездо стрелка девушек. Но их механики пытались как-то защитить – обкладывали листами кровельного железа – некоторые пули всё же застревали в нём. К Ильюшину опять едут делегации из полков. И только потом он довёл конструкцию до того уровня, что описана в начале этой главы. Воздушный стрелок находился под пуленепробиваемым прозрачным колпаком, вооружённый крупнокалиберным пулемётом. И немцы уже не могли безнаказанно подойти к нашему прославленному штурмовику.

«Чёрная смерть»

Наш штурмовик обладал ещё одним из многих боевых достоинств. Выполнив очередное боевое задание по уничтожению вражеской бронетехники, блиндажей и окопов, полностью израсходовав боекомплект, он возвращается на базу. Видит на дороге колонну вражеских солдат. Совершенно бесшумно, на бреющем полёте, заходит сзади и винтом крошит, рубит, молотит неприятеля. Немцы прозвали Ил-2 «чёрной смертью».

По окончании стажировки, перед возвращением в училище, я решил на себе испытать грозную «прелесть» штурмовика. Действительно ли он бесшумно может подлететь к человеку? Попросил разрешение у начальника. «Иди в ту сторону аэродрома и жди, скоро одно звено возвращается. Стой там и не только увидишь, но и почувствуешь, с какой машиной работаешь».

У пилотов-штурмовиков было неписаное правило: если возвращаются без потерь, то на бреющем пролетают над местом посадки, уходят на вираж и лишь потом садятся. А если в звене потери, то посадка идёт в штатном режиме.

Случайно увидел три точки в голубом небе над соснами бора. Самолёты летят прямо на меня. Я присел, на ощупь ухватился за куст, потом лёг на спину – они проходят в метрах 15-20 надо мной. Видна каждая заклёпка, красные звёзды на крыльях наводят ужас. Воздушный поток от винта тянет

вверх, гимнастёрка и брюки вздулись, поток поднимает меня. Я ухватился обеими руками за этот несчастный куст, а меня поднимает! Опустись самолёты ещё на пять метров, и меня затянуло бы под винт. Самолёт прошел надо мной в одно мгновение, а впечатлений осталось на всю жизнь. Они прошли действительно бесшумно, и я хотел было подняться, но тут налетел сзади рёв трёх двигателей. Я невольно оглянулся и понял, что это отставший звук.

Закончились мои «летние каникулы», практика-стажировка в авиаполку. Вернулся в училище ещё на один год. По окончании его был откомандирован на Украину и приписан к 15 воздушной армии США. Американцы в то время были нашими союзниками.

Второй фронт

На Тегеранской конференции (28 ноября – 1 декабря 1943 года) впервые встретились главы трёх великих держав антигитлеровской коалиции – И. В. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль. Они договорились об открытии второго фронта в Западной Европе в мае-июне 1944 года. О перипетиях открытия второго фронта написано немало, и совсем скудные, отрывистые сведения – о совместных боевых действиях «большой тройки». Например, о том, что по договорённости между руководителями СССР и США со 2 июня и до конца сентября 1944 года проводились «челночные» операции американской бомбардировочной авиации с посадкой союзников на советской территории. Для этой цели на основе 169 авиационной базы особого назначения был создан полтавский аэродромный узел, куда приземлялись «летающие крепости» американских ВВС, бомбившие германские объекты по пути из Великобритании или Италии.

Полтава

В марте 1944 года курсанты третьего взвода второй роты по ускоренной программе окончили Троицкую (Челябинской области) военно-авиационную школу. Нам присвоили звание сержантов, должность механиков по авиавооружению и отправили в распоряжение 169 авиационной базы особого назначения (169 АБОН). Штаб находился в Полтаве.

Командир батальона на первом же построении остановился возле нашего только что прибывшего взвода: «Это что ещё за маскарад? Вас откуда прислали? Из концлагеря? Нам предстоит встреча с американцами, а у вас такой вид!»

Вид уральцев явно восхищения не вызывал: изрядно потрёпанные, но до блеска начищенные ботинки, снизу до колена суконные обмотки прикрывают вылинявшие, местами заштопанные неумелой солдатской рукой полугалифе, бледные, исхудавшие лица... Стоячие воротнички гимнастёрки ни за что не хотели приближаться к нашим тонким, длинным синим шеям и с пренебрежением держались от них на почти-тельном расстоянии.

Нас поставили на усиленное питание, дополнительно свалили во двор казармы воз картошки для самообслуживания. Выдали новую форму, научили нескольким английским словам и через две недели розовощёких, с окрепшими мышцами, отправили в Миргород на строительство аэродрома.

Миргород

Древняя Киевская Русь свободна. Бои идут за пределами нашей Родины. Бушует первая послевоенная весна. Солнце тёплой и грустной улыбкой отогревает озябшую от свинца и железа, истоптанную вражеским сапогом, благодатную и щедрую украинскую землю. Уцелевшие плодовые деревья садов – в полупрозрачных белых и розовых накидках, как невесты в подвенечных платьях, украшены цветами. На зелёных коврах полей алыми каплями солдатской крови расцвели полевые маки. Земля сама, без помощи людской, оплакивала и благодарила своих освободителей...

Город после трёх лет оккупации почти не пострадал. Так же стоит во весь рост на площади у железнодорожного вокзала памятник Гоголю, с грустью взирая со своего пьедестала на поредевшую публику стариков и старушек – молодёжь угнали на работы в Германию.

На окраине города в сжатые сроки с привлечением местного населения был построен аэродром. Американские специалисты вместе с нашими сапёрами уложили на подготовленный грунт взлётно-посадочной полосы металлические гофрированные плиты. Строились склады и другие помещения, необходимые для обслуживания самолётов.

15 мая в Полтаву прибыл заместитель командующего ВВС на европейском театре военных действий генерал Ф. Андерсен, а в числе сопровождающих его лиц – капитан Эллиот Рузвельт, сын тогдашнего президента США. Андерсен и начальник базы А. Р. Перминов обменялись рукопожатиями и с инспекторской проверкой посетили все три аэродрома. Качеством работ остались довольны. Мы стали принимать первые американские транспортные самолёты с вооружением, оборудованием и горюче-смазочными материалами (ГСМ).

«Летающая крепость»

2 июня полк в каком-то лихорадочном напряжении ожидал первого прибытия 15-ой американской воздушной армии. Прислушивались к далёким звукам, до боли в глазах всматривались в безоблачное голубое небо. И вот на горизонте показалась «туча». Она стремительно приближалась, закрывая лазурный небосвод. Чёрные тревожные тени побежали по земле. Рёв сотен моторов глушит человеческую речь. Армада Боингов нарезает круги, перестраивается в три отдельных спирали, и самолёты один за другим идут на посадку. 120 из них ушли на аэродром Полтавы, 65 – на наш, и в город Перятин приземлился полк истребителей сопровождения.

К моей стоянке подружили два Боинга-17. Как только стих гул моторов и остановилось вращение последнего винта, прозвучала команда: «К самолётам!» Мы бросились к своим стоянкам. Обгоняя нас, на большой скорости промчались джипы.

Они собрали экипажи прибывших самолётов и увезли в свой палаточный городок.

Командующий 15-ой воздушной армией генерал Ф. Эккерт доложил о выполнении боевого задания и вручил генералу А. Р. Перминову письмо президента Рузвельта и орден «За заслуги». Соотечественников встречали специально прибывшие в Полтаву посол США в СССР А. Гарриман с дочерью.

На стоянки подвезли американские 100-килограммовые бомбы. Они выглядели игрушечными: аккуратно покрашены, на каждой – маркировка фирмы-изготовителя и основные характеристики изделия. Гнезда под взрыватель закрыты красными, легко отвинчивающимися колпаками. Вся эта красота вызывала удивление – идёт тяжелая, жестокая война, а тут такие «куколки», как будто от внешнего вида, а не от разрушительной мощи зависит боеспособность снаряда.

Ещё большее удивление вызвали бомболюки. Всё блестит и сверкает никелем, поверхность стоек бомбодержателей, салазки, защёлки, замки и другие детали кричат об аккуратном обращении с конструкциями самолёта.

Бомбы, бомбы, бомбы... В кассетах, уложенных в штабеля. Рядом, словно хищная акула стоит Боинг, готовый поглотить в своё ненасытное брюхо это огромное количество «чушек», залитых взрывчаткой. В юношеской душе появляется тревога... Тебе своими руками предстоит перенести тяжёлый и опасный груз, при этом соблюсти высокое качество технологического процесса загрузки.

В то время Б-17 был самым совершенным тяжёлым бомбардировщиком дальнего действия. Он мог подниматься с полной бомбовой загрузкой в пять тонн на высоту одиннадцать километров. Четыре двигателя развивали скорость до 500 км/час. Тринадцать крупнокалиберных пулемётов обеспечивали ему круговую оборону. Пулемётные ленты пополнять почти не приходилось, их, по словам американцев, тратили мало – немецкие истребители тогда не могли подняться на высоту 10-12 тысяч метров.

Их нравы

С неистребимым русским любопытством осматривали мы заокеанские машины. Дверей у кабины пилотов нет, в самолёте на плечиках висят наглаженные костюмы для любого повода. Лётчики держали в самолёте самые разные личные вещи, будто это был их дом родной. Скорее всего, так у них и считалось. В фюзеляже стояли ящики с продовольственными пайками и большое количество резанной в мелкую ленту фольги, которая сбрасывалась с целью искажения показаний немецких радаров.

У союзников было принято рисовать сверху, на плоскостях, цветные картины – голых женщин, на кабинах истребителей – оскаленные пасти хищников.

Вообще, жизнь американцев, даже в полевых условиях, не могла не удивлять нас, русских, ведь мы ничего о них не знали. Они жили в палатках, имели свой госпиталь, столовую, летнюю эстраду и даже церковь. Войдёшь в их «храм» и рот откроешь от удивления – в святом месте на стенах чёрные силуэты опять-таки обнажённых женщин. Что это означало, до сих пор не пойму, может быть, каждый изображал свою любимую, как символ спасения на войне?

С нами они были просты в общении, без предвзятости и высокомерия. При встрече – знаменитая американская улыбка в двадцать четыре зуба, в работе – без наших неистребимых формальностей. Пример: пришёл эшелон военных грузов из-за океана, через Архангельск. Железнодорожники открывают двери вагонов, представитель базы по снабжению окидывает взглядом груз – «о, кей!», что означает – можно разгружать. Никаких накладных и приёмочных актов. Самые ценные и срочные грузы перебрасывались их авиацией через Иран.

Не скажу, что весь состав базы являлся одной семьёй, тем не менее, дружили мы по-настоящему, все понимали, что делаем одно дело. По вечерам американцы брали машины, усаживали нас с собой в роли переводчиков и мчались в город. С молодыми украинками весело было проводить время. Они, не стесняясь, пели, танцевали, устраивали целые концерты. Причём все эти вечеринки обходились без спиртных напитков.

Нас удивляла коммерческая жилка союзников. Они часто устраивали импровизированные базары – на ящиках раскладывали сигареты, конфеты, шоколад, масло, пиво и даже парашюты и продавали всё это местным жителям.

Совместно работая и отдыхая, конечно, не упускали мы и политических вопросов. Отчаянно спорили, что у нас тоже сильная авиация, особенно Илы, да и вообще Красная Армия любому «шею намылит». Инцидентов дискуссии не вызывали, хотя ни одна из сторон удовольствия от них не испытывала. Зато всем нравилось ходить в «соседнюю» столовую. Впервые в жизни наши ребята попробовали «ихние» фруктовые соки из банок, тропические фрукты. Питание американцев, может быть, считалось лучше нашего, однако консервированные продукты были нам непривычны. Да и гости наши с большим удовольствием приходили за наши столы и за обе щеки уплетали украинский борщ.

Интересно сравнить структуру военно-воздушных сил основных участников Второй мировой войны. Англия, а после начала войны и США в основном продолжали ориентироваться на доктрину, предполагающую значительное число тяжёлых стратегических бомбардировщиков. Впоследствии это обусловило появление большого количества дальних истребителей сопровождения.

В противоположность западным союзникам, Германия имела лишь очень небольшое количество дальних четырёхмоторных машин. Основную же массу «Люфтваффе» составляли боевые бомбардировщики и самолёты непосредственной поддержки войск. Процент истребителей был не слишком велик – менее трети, что говорит о наступательном характере германских ВВС.

В советской авиации к 1941 году основным самолётом был истребитель – 57% от общего числа боевых машин. То есть ВВС РККА в первую очередь предназначались для обороны, а не для наступления. При этом к началу Великой Отечественной войны основную массу советских истребителей всё ещё составляли истребители устаревших типов – производство скоростных МиГ-3 и ЯК-1 началось только в 1941 году. Значительный перевес истребителей в советской авиации сохранял-

ся до самого конца войны. Бомбардировщики к этому времени составляли 20% от числа боевых машин.

Челночные операции

В результате сложившейся ситуации союзники антигитлеровской коалиции разработали совместный план «челночных» операций 8-й и 15-й воздушных армий США. Они дислоцировались в Англии и Сицилии (Италия). Промежуточным пунктом посадки, отдыха экипажей, заправки самолётов горюче-смазочными материалами, вооружением и ремонта машин была наша 169 АБОН с тремя полевыми аэродромами. Американские воздушные армии, перелетая навстречу друг другу, приземлялись у нас через каждые три дня.

В память врезаются всегда первое впечатление, особенно если оно связано с эмоциональным переживанием. Одним из таких эпизодов моей службы был первый боевой вылет Боингов-17 с нашего аэродрома. В полдень появились в небе над Миргородом «летающие крепости» с полтавского аэродрома. Они ходили виражами, набирая высоту. Каждая эскадрилья занимала свой «потолок». Когда они выстроили «этажерку», пошли на взлёт наши. Так же выстроились и заняли свой коридор. После боевого построения Боингов, в небе появились истребители сопровождения, взлетевшие с аэродрома города Пирятин. Вся эта армада летающих громадных машин затмила солнце, на земле были не тени, а сумерки. Стоял оглушительный монотонный гул. От дурной мысли: «а если?..» по спине пробегали мурашки и выступал холодный пот. И тут же возникло радостное мстительное возбуждение: «Вот оно! Летит возмездие врагу!»

Часов через пять боевое построение армии закончилось, и армада медленно уплывала на запад. На границе эскадрильи расходились по объектам бомбометания в глубоких тылах противника и уходили на базировку в Англию или Италию.

В первой боевой операции оба «мои» самолёта находились в группе, которая в ночь с 5 на 6 июня бомбила нефтяные промыслы и нефтехранилища Плоешти (Румыния). Американцы по возвращении жали мне руку, хлопали по плечу, улыбались

довольные успехом: «Радуйся, Жорж, твои бомбы попали в “десятку”», – и рассказали, как прошла бомбёжка.

Эскадрилья подошла к цели. На земле – ни огонька. Самолёты ходят по кругу, наводя страх и провоцируя прожектора и зенитки. Их снаряды осиливают высоту девяти километров, самолёты на две тысячи метров выше. Разрывы снарядов зениток образуют круг. В центре главный бомбардир сбрасывает тысячекилограммовую осветительную бомбу и несколько малых по мощности освещения. Бомбы, разрываясь в воздухе, освещают большую поверхность земли. Через прицелы «Норд» для высотного бомбометания просматриваются объекты уничтожения. При первых же попаданиях сброшенных бомб горят и взрываются ёмкости с горючим, усиливая освещённость площади. В результате этой операции была ликвидирована основная нефтяная база, снабжающая армии фашистов высококачественным горючим, маслами и смазками.

Через месяц что-то подобное немцы устроят американцам на наших аэродромах.

Ночной налёт

«Летающие крепости» американцев оказались немцам не по зубам. Ни зенитки их не доставали, ни истребители не могли безнаказанно близко подойти. Потери стратегических объектов врага были ощутимы. Фюрер взбешен. Приказал Герингу выявить аэродромы посадки воздушных армий США на территории Европы и уничтожить. 11 июля 1944 года, в день возвращения Боингов из очередного ночного рейда по тылам противника, высоко в чистом солнечном небе появилась «рама» – немецкий самолёт-разведчик. Покружил над нашим Миргородским аэродромом и ушёл в сторону Полтавы. Всем было ясно – немцы обнаружили стоянки самолётов и ночью будут бомбить. Командир базы генерал-майор А. Р. Перминов на экстренном совещании в штабе с американским командованием рекомендовал союзникам перегнать машины на запасные аэродромы. Самонадеянные, вальяжные американцы не захотели суетиться – они, видите ли, только что вернулись из полётов, экипажам необходим трёхдневный отдых.

Той же ночью наш гарнизон проснулся от гулких мощных взрывов – бомбили аэродром Полтавы. На нём было самолётов в два раза больше, чем на нашем. Мы взобрались на крышу казармы, что находилась в двухэтажной кирпичной старинной постройке школы. За двести километров от нас был виден пожар. Ночное небо переливалось ало-бело-бордовыми всполохами. Чёрные клубы дыма взмывали вверх – это рвались бомбы арсенала и ёмкости горюче-смазочного склада. Лучи прожекторов металась по поднебесью, хлопали зенитки, но вражеские самолёты вернулись в Польшу невредимыми.

Днём наши союзники подсчитывали потери. Аэродром разрушен, много самолётов сгорело, остальные повреждены, выведены из строя. Было много жертв и с их, и с нашей стороны. Практически вся полтавская база была уничтожена.

На следующий день хищным коршуном «рама» опять появилась над нами, видимо, немцы сфотографировали наши стоянки самолётов, и пошли снимать «полтавский пейзаж» после налёта. Мы укрепили окопы, «щели», переходы, выслушали дополнительный инструктаж о том, как сохранить жизнь во время бомбёжки, если бомба упадёт не на голову, а где-то рядом.

Наученные горьким опытом и большими потерями, американцы, в ранних вечерних сумерках, снялись с нашего аэродрома, истребители – с соседнего, и ушли на запасной аэродром в Новороссийск, к Чёрному морю.

Полночь. Здание казармы с толстыми кирпичными стенами содрогнулось от мощного взрыва. Мы в мгновение ока, без дополнительной команды оказались в «щелях», выкопанных здесь же во дворе школы. Неестественно белый фосфорический свет осветительной бомбы разорвал мрак летней ночи. С раздирающим душу диким воем, кажется, прямо на тебя сыплются бомбы. В небе гул и свист пикирующих бомбардировщиков. Прожектора рыскают по небу, зенитки хлопают вслепую, но и на этот раз ни одного вражеского стервятника сбить не удалось. Взрываясь, взлетали бочки с бензином, склад боеприпасов горел, добавляя своё в общую какофонию, раздавались глухие взрывы американских бомб. Густой, смрадный и чёрный дым с проблесками багровых языков пламени засти-

лал лётное поле. Вздрыбились плиты посадочных полос. Крошечный ад длился всю ночь.

Вот тебе, Николай Васильевич, и «тихая украинская ночь!» над твоим Миргородом... Ночной налёт изрядно напугал местных жителей. Потрескались стены близстоящих хат. Но ни одна бомба не упала на город. Заколдовал, видимо, его великий мистик Н. В. Гоголь. Нетронутыми остались американский палаточный городок экипажей и наши казармы.

По законам военного времени, без оплаты труда, на голом энтузиазме, с привлечением местного населения восстановление взлётно-посадочных полос аэродромов было закончено в течение нескольких суток.

Советские бомбы

Челночные операции американских воздушных армий: Сицилия-Украина-Англия вновь стали регулярными. Польскую авиабазу гитлеровцев уничтожили, и союзники опять приземлялись у нас с отдыхом по три дня, а мы по-прежнему направляли их самолёты.

В конце июля запас американских бомб иссяк. Пришёл эшелон с отечественными 100-килограммовыми фугасами. У нас вспыхнуло патриотическое чувство гордости за своё родное вооружение. Мы были уверены, что уж наши-то изделия мощнее американских окрашенных «куколок»!

Однако внешний вид бомб нас смутил и обескуражил, привёл в замешательство не только американцев, но и наше командование. Бомбы резко отличались от иностранных своим нелепым видом. Они были грязные, в земле, с бородой пожухлой травы. Валики сварных швов не зачищены от окалины, которая очень опасна во время работы, гнезда под взрыватели обильно смазаны солидолом и забиты деревянными пробками так, что их приходилось выбивать молотком и зубилом – это на бомбах-то! Кроме того, бугельная система не соответствовала американской. Было понятно: бомбы поступили со складов, где лежали с довоенного времени под открытым небом и не только без кассет, но даже без подкладок – на голой земле, в ожидании своего боевого применения.

Американцы упорно сопротивлялись загрузке наших «замарашек» в свои сверкающие никелем бомболюки. Наши командиры всё-таки сумели убедить их. После соответствующей подготовительно-очистительной обработки, наши изделия заняли своё место в утробах боингов. Мои надписи мелом – «Смерть Гитлеру!», на ржавых боках наших бомб, выглядели более чётко, чем на крашенных заморских.

Позор советской оборонной промышленности закончился, как только стало поступать вооружение прямо из цехов военных заводов. Изделия приходили чистыми, гнезда под взрыватели закрыты металлическими, легко отвинчивающимися крышками, бугели подогнаны под американский стандарт. В августе пошли более тяжёлые 250- и 500-килограммовые отечественные бомбы более мощной разрушительной силы.

Год Победы

Осенью 1944 года советские войска значительно продвинулись на запад, а союзники – на восток. Стало ясно: необходимость дальних «челночных» операций отпала. Полтавская 169 авиационная база особого назначения сыграла свою значительную роль в разгроме гитлеровской армии, и её военных стратегических объектов. Самолёты союзников по-прежнему приземлялись на наши аэродромы, но уже не в таком, как прежде, количестве, а отдельными небольшими группами.

После дня Победы мы прощались, как и подобает братьям по оружию. Поклялись в вечной солдатской дружбе, сфотографировались на фоне Боинга-17 – «летающей крепости». Они улетели на свои новые базы, а мы – на Дальний Восток.

Меня направили на учёбу в Рижское лётное училище. По окончании его, в звании лейтенанта, я прибыл в Корею. Какое же было моё удивление, когда узнал, что по ту сторону 38-й параллели стоит та самая 15-я американская воздушная армия. На этот раз мы были уже не союзники – политики поставили нас по разные стороны баррикад.

Луцкий Сергей Артёмович родился 31 октября 1945 года в с. Дзыговка Ямпольского района Винницкой области, Украина. Окончил Черновицкий индустриальный техникум (1965). Окончил Литературный институт им. А. М. Горького (1975).

Автор многих книг прозы. Печатался в журналах, альманахах, литературных сборниках России и Тюменской области.

Редактор-составитель литературных сборников «Кедровая грива», «Под северным небом», «Высокие широты».

Рассказы переводились на арабский, дари (Афганистан), украинский языки.

Член Союза писателей России.

Награждён медалью АСПУР «За служение литературе»

Лауреат премии Губернатора ХМАО (трижды), Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка, литературной премии УРФО.

Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа.

Живёт в пгт. Излучинск Нижневартовского района.

СЕРГЕЙ
ЛУЦКИЙ

ОБ ОТЦЕ – С БЛАГОДАРНОСТЬЮ И ЛЮБОВЬЮ

Как и многие дети фронтовиков не могу себе простить легкомыслия. Всё мне казалось, что отец вечен, как вечно небо, стремительный Днестр у городка Ямполь, в котором одно время мы жили, как неиссякаема кристальной чистоты вода в роднике на усадьбе нашего родового гнезда в Дзыговке.

Наивный... Не верилось, что всё уходит, что нет ничего постоянного. А может, не пришло тогда время задумываться о судьбах родных людей, а через них о судьбе земли, на которой им суждено было жить. Сейчас, когда я созрел для понимания, никого уже нет – ни отца, ни мамы, ни бабушки, ни других старших родственников. И не у кого спросить, о чём они думали, что пережили и что узнали об этом мире. Их время с его радостями и горем ушло вместе с ними.

Приходится полагаться на свою память, на те отрывочные сведения, услышанные из разговоров взрослых, на скудные архивные данные и чудом сохранившиеся письма родителей, которые они писали друг другу, когда сразу после войны отец отправил из Германии маму рожать к своей матери в Дзыговку.

Июль 1941 года

Однако до этого предстояло пройти четырём военным годам. Годам, наполненных миллионами смертей, покалеченными судьбами, страданиями. Но ещё не знала об этом колонна призывников Ямпольского района, в составе которой был и мой отец.

Колонна пешим порядком двигалась на восток. Соседнюю Молдавию уже оккупировали румынские войска. Кое-где они форсировали Днестр и вышли на территорию Украины. Долго противостоять им наши пограничники не могли – слишком неравными были силы.

Отцу в ту пору едва минуло девятнадцать, но одногодки обращались к нему по имени-отчеству: Артём Феодосьевич. Отец был заведующим дзыговским сельским клубом, его уважали. Эта должность предполагала организаторские способности, умение увлечь людей, достаточно широкий кругозор, в том числе и понимание искусства. Всё это у отца было. В дальнейшем эти качества сыграли важную роль в его фронтовой биографии.

Подростком я из мимолётных реплик старших узнал, что по пути колонны на восток всякое с ней случалось. И налёты вражеской авиации, и голод, когда были подъедены домашние припасы, и чёрные, выжженные пшеничные поля вокруг. Когда колонна прибыла на полуразбомбленную железнодорожную станцию, выяснилось, что из двух сотен призывников налицо меньше половины. Кто-то отстал, кто-то по нужде отлучился в высокую кукурузу и не вернулся.

Был патриотизм, но был и страх перед неизвестным будущим. Как позже оказалось, с полным на то основанием. Статистика нашего времени утверждает, что из молодёжи, родившейся вначале 20-х и принимавшей участие в Великой Отечественной войне, в живых осталось всего несколько процентов.

Неделя в теплушках прошла в изучении воинских уставов, сборке и разборке легендарной винтовки Мосина и всем тем, что в Красной Армии называлось курсом молодого бойца. Особый упор делался на политзанятия. Политруки старались поддерживать боевой дух, напрягая голоса, превозмогая стук колес, читали «Правду» и «Красную Звезду». Но радостного в газетах было мало. Наши войска оставляли город за городом, фашисты оккупировали почти всю Белоруссию, стремительно продвигались по Украине.

Эшелоны – на восток с эвакуированными заводами и на запад с красноармейцами и боевой техникой – часто бомбили. Но бомбили как-то выборочно. Отец заметил одну особенность: в солнечные дни на пустые эшелоны фашистские лётчики бомбы не сбрасывали. В чем причина?..

Отец поделился своим наблюдением с сержантом, старшим их вагона. Но тот только пожал плечами. Однажды по-

сле команды «Воздух!», укрывшись в чахломе перелеске, отец стал пристально всматриваться в покинутые теплушки. Двери в них с обеих сторон были раздвинуты. Тени от теплушек были не сплошные, а с яркими прямоугольниками посередине. Низкое солнце просвечивало дверные проёмы насквозь. Вражеские самолёты пронеслись, даже не дав по эшелону очередей.

Так вот в чём дело!.. Фашисты думают, что вагоны пустые!

– Молодца! Хорошо начинаете службу, – похвалил сержант, старший их теплушки, когда отец рассказал о своей догадке. Вышло так, что во время налёта они оказались в перелеске рядом.

Сержант поднялся с земли, отряхнул приставшие хвоинки. Он тоже сообразил, почему фашисты не стали бомбить их эшелон, и уже решил, как поступать в дальнейшем:

– Во время налёта надо держать раздвинутыми двери с обеих сторон. А самим сосредоточиться в торцах теплушек. Верно?

– Так точно, товарищ сержант!

– Объявляю благодарность за смекалку. Доложу о вас начальнику эшелона.

– Служу трудовому народу! – чётко ответил молодой красноармеец. Изучение уставов не прошло даром.

АВГУСТ 1943 ГОДА

Из наградного листа на младшего лейтенанта, заместителя командира взвода по политчасти 9-й отдельной армейской штрафной роты Луцкого Артёма Феодосьевича.

(Данные Центрального архива Министерства обороны)

«Тов. Луцкий участвовал в боях за высоту 242.7, после выбытия командира взвода взял командование на себя и со своим взводом отразил 2 контратаки противника и сам уничтожил 13 фашистов, а взвод убил 25 фашистов. В боях за высоту у деревни Никольская руководил бойцами своего

взвода и увлекал своим примером вперёд. Взвод его первый ворвался на высоту и на этой высоте прочно укрепился. Отражал контратаки пр-ка умело и мужественно. Тов. Луцкий действовал смело, решительно, его взвод убил до 15 немцев, а сам тов. Луцкий убил 3 фашистов.

С занятием этой высоты тов. Луцкий со своим взводом дал возможность продвижения другим подразделениям, как 244.С.П. и 13 гвардейской части. За эту операцию личный состав роты получил благодарность от командира дивизии. Затем тов. Луцкий руководил своими бойцами по захвату жел/дороги, а также деревни Хотетово, где его бойцы и сам лично Луцкий первый достиг ж/дороги и деревни Хотетово.

В этих боях взвод уничтожил до 18 немцев, тов. Луцкий лично уничтожил 4 фашиста, участвовал в отражении контратак пр-ка вдоль ж/дороги, Луцкий действовал смело, решительно, бесстрашно. Тов. Луцкий достоин правительственной награды – ордена «Красного Знамени».

*Ком-ир (начальник) 9 о.а.ш.р., ст. л-т
(подпись неразборчива)
«3» августа 1943 года*

Это был первый орден отца, но не первая его награда. Ещё раньше его наградили медалью «За боевые заслуги». Она считалась одной из самых почётных среди красноармейцев. К сожалению, мне не удалось найти в Центральном архиве МО представления отца на эту награду. И я не знаю ни боевого эпизода (или эпизодов), за которые отец был награждён, ни его воинского звания, в котором он в ту пору находился. И как тут в очередной раз не укорить себя за невнимание к боевому прошлому отца!.. Но не вернуть времени, когда он был рядом, когда мог рассказать обо всём сам.

Могу лишь догадываться, что на второй год войны, когда появились первые успехи на фронтах, награждать стали щедрее. Отец, думаю, был рядовым красноармейцем. За плечами – боевое крещение, скорее всего, в пехоте, где он сумел проявить и мужество, и смелость, и инициативу, о которых говорится в представлении на орден «Красного Знамени».

Командиры отметили эти качества отца и направили на краткосрочные курсы, по окончании которых ему было присвоено звание – младший лейтенант. Сыграло, видимо, свою роль и то, что у отца было среднее образование, а это в ту пору среди сельской молодежи встречалось не так уж часто. Понятно также, почему он стал политруком. Как уже говорилось, должность заведующего сельским клубом научила работе с людьми, расширила кругозор. К тому же отец был комсомольцем.

Думаю, не случайно и то, что его направили служить в штрафную роту. Личный состав таких подразделений был непрост, многие, как говорится, искупали свою вину перед Родной кровью. К таким людям нужен был особый подход, умение убеждать, увлекать своим примером, не кичиться тем, что ты офицер. А в итоге выполнять поставленные перед взводом боевые задачи.

Задачи же ставились самые серьёзные. Не секрет, что штрафные роты и штрафные батальоны, как правило, бросались командованием на самые тяжёлые участки фронта.

ОСВОБОЖДЕНИЕ, 1943–1945 ГОДЫ

После разгрома фашистов под Сталинградом, а затем и на Орлово-Курской дуге, стало ясно, что сорок третий год – год коренного перелома в войне. Немцы и их союзники румыны, венгры, итальянцы, словаки и другие оккупанты продолжали путь на восток СССР, но уже в многотысячных колоннах пленных.

Красная Армия освобождала оставленные в сорок первом и сорок втором территории России, Украины, Белоруссии, Прибалтики. Свой вклад в святое дело освобождения советской земли вносил и 2-й Прибалтийский фронт, созданный в октябре 43-го года. В его состав вошла 41-я стрелковая ди-

визия 63-й армии, в которой продолжал свою службу политработника мой отец.

Командование в эти годы отметило его орденом Отечественной войны 2-й степени, повысило в звании до старшего лейтенанта. «Отметил» и враг – отец был ранен и контужен.

После освобождения в 44-м году Белоруссии дивизия, в которой воевал старший лейтенант Луцкий, вступила на территорию Польши. По свидетельствам фронтовиков, Польша тоже пострадала от войны. Но всё же не в такой степени, как Белоруссия и российские области, по которым с тяжёлыми боями проходил путь наших войск. Пострадали в основном польские города, в первую очередь, восставшая против немцев Варшава.

Но сельская местность осталась сравнительно не затронутая войной. Правда, поляки жаловались, что, отступая, немцы забирали с собой всё, что можно было забрать. В первую очередь это касалось продуктов, результатов труда крестьян. «Вшиско немец взял», – говорили поляки. Не уверен, что точно передаю польскую речь, но так мне запомнились слова отца, когда он вспоминал Польшу военного времени.

С марта 45-го дивизия воевала в Венгрии, а с апреля и до конца войны на территории Германии. Однако отец в этих операциях участия не принимал. Как один из лучших замполитов, он был откомандирован в армейский госпиталь. Свою роль в этом сыграло и его недавнее ранение, долго дававшее о себе знать. В госпитале старший лейтенант Луцкий вёл обычную для замполитов работу: проводил беседы, рассказывал раненым о положении на фронтах, читал газеты, организовывал выступления художественной самодеятельности.

В госпитале отец познакомился и с моей будущей мамой, лейтенантом медицинской службы Куклиновой Екатериной Ивановной. Они полюбили друг друга. Я часто задумываюсь над тем, довелось бы мне прийти в этот мир, не будь войны и не встретиться на ней два родных мне человека. Скорее всего, нет. Уж слишком далеко жили они один от другого. Отец в украинском селе, а мама за тысячи километров от него в уральском посёлке Михайловске. Война перемешала в своих кровавых котлах миллионы людей, на веки развела одних и свела других.

Случилось то, что и должно было случиться. Мама забеременела, и отец отправил её к своей матери в Дзыговку, где я и родился. В этом не так давно освобождённом от румын селе прошли первые месяцы моей жизни. Горячая волна обдаёт сердце, когда читаю переписку родителей, смотрю на листок из тетради с обведённой карандашом моей ладошкой, держу в руках фотографию счастливо улыбающейся мамы со мной на руках.

А вот я, закутанный в белоснежное одеяло и оттого напоминающий кокон, чем-то недоволен. Возможно, тем, что, туго спеленатый, впервые из уютного мирка бабушкиной хаты попал в чужой дом. А может, потому, что первый раз увидел мужчину, нас фотографировавшего. Все предыдущие месяцы моё окружение было исключительно женским.

Сохранилась и редкая по тем временам цветная фотография отца из Германии. Папа сидит в плетёном кресле, нога на ногу, он в офицерской форме, непривычно худ. На обороте фотографии трогательные слова для нас с мамой...

Милые мои, родные!

ПОСЁЛОК АЗИ АСЛАНОВА

Жизнь офицерской семьи – сплошные переезды. В Германии отец прослужил недолго. Вскоре после возвращения мамы со мной, отца перевели во Львов. Но и там нашей семье жить долго не пришлось. Военный городок в Азербайджане, носящий непривычное название Станция Насосная, стал следующим местом службы отца и, соответственно, жизни нашей семьи. Там родился мой брат Лёня.

Затем наша пополнившаяся семья переехала в Баку, точнее, в посёлок Ази Асланова, расположенный на окраине столицы Азербайджана. Но в этом посёлке отец, как и остальные офицеры его воинской части, бывал наездами: не чаще раза-двух в неделю. Дело в том, что его артиллерийский полк стоял

на одном из островов, прикрывающих подходы с моря к Баку. Так что отца мы видели не часто.

Зато каждый его приезд был для нас праздником. Праздник пахнул кожей португали и одеколоном «шипр», которым папа освежался утром после бритья. Взрослея, я начинал воспринимать отца объёмней, личностней, что ли. Он переставал быть для меня просто папой. Его индивидуальность, человеческие качества запечатлевались в моём сознании всё определённой, всё явственней. Отец был весел и остроумен, любил читать, собрал хорошую библиотеку русской классики, перевозить которую было непросто при нашей кочевой жизни.

Навыки культработника, приобретённые в молодости, сказывались в его страсти устраивать между мной и Лёней конкурсы. Например, на лучшее исполнение песни или стихотворения. Победителю причитался приз: три рубля – неплохие в те годы деньги, особенно для детей. Но и побеждённого папа награждал тремя рублями, чтобы тот не расстраивался и не завидовал.

– Ну что, хлопцы, пойдём за самым большим арбузом? – мог предложить он в один из своих приездов с острова.

Мы с Лёней восторженно поддерживали идею, и все вместе ехали на базар у фабрики имени Ленина. Выбирая арбуз, папа немного актёрствовал:

– Э, дорогой, зачем так делаешь? Я тебя просил арбуз самый большой и самый сладкий, а ты что мне даёшь? Разве это арбуз? Это огурец какой-то!..

Продавец азербайджанец выкатывал глаза:

– Клянусь, самый хороший арбуз! Ходи весь базар, лучший нет! Слушай, – и продавец щёлкал по арбузу, затем прикладывал к уху и сжимал ладонями. – Трещит! Я тебя не обманываю, хочешь, разрежу, э?

– Не надо, – папа всё ещё изображал сомнение на лице, – сок вытечет. – И после паузы: – Ладно, верю. Сколько хочешь?

– Совсем копейки, дарагой! Только для тебя, – суетился продавец и называл сумму.

Папа смотрел на нас с Лёней:

– Как, хлопцы, берём? Человек говорит, арбуз самый тот, который нам надо. – И говорил продавцу: – Если обманешь, жена из дома выгонит, к тебе придём жить.

Азербайджанец улыбался, понимал, что покупатель шутит. Папа отсчитывал деньги, торговаться он не любил. Я подставлял авоську и сгибался под тяжестью восьмикилограммового арбуза. Папа перехватывал у меня авоську, и мы, довольные и весёлые, ехали домой.

Случались дни, когда всей семьей уходили гулять в парк имени Низами. Это был один из немногих зелёных оазисов Баку той поры. Качели, колесо обозрения, тир, выступления артистов в открытом театре, кафе-мороженое, в котором мороженое было вкусным как нигде... Мы с братом были счастливы.

Крестьянская закваска в отце давала себя знать. Он и мама разбили огород вокруг нашего типового щитового дома, удобрили песчаную землю чернозёмом. Я и Лёня в меру своих сил помогали. Папа посадил деревца тутовника, граната, инжира. Через год-другой на красную черепицу дома уже взбирался вьющийся виноград. На огород был выведен водопровод, всё посаженное обильно поливалось и под щедрым южным солнцем, как говорится, так и пёрло...

Мы ещё не знали, что плодами наших трудов будут пользоваться другие.

56-Й И ДРУГИЕ ГОДЫ

В середине 50-х начались так называемые хрущёвские сокращения армии. Даже мы, дети, чувствовали беспокойство взрослых. Многие офицеры были фронтовиками, не успевшими до призыва в армию получить какую-либо гражданскую профессию. И теперь, уволенным в запас, им предстояло найти своё место в гражданской жизни, кормить семью.

Первая волна сокращений не затронула отца. Он был на хорошем счету, прекрасно справлялся с обязанностями замполита части. Отличные аттестации позволили ему остаться в армии и во время второй волны сокращений.

Но очередная, в 56-м году, не минула его. Поводом для увольнения в запас послужило то, что у отца не было ни высшего военного образования, ни даже среднего. Только краткосрочные курсы политработников, оконченные в начале войны.

Уже в мирное время отец неоднократно обращался к командиру части с просьбой направить на учёбу. Но какому командиру захочется остаться без толкового офицера? Отцу отказывали под предлогом, что он вполне справляется со своими обязанностями, учиться нет необходимости. Эгоизм комполка обернулся тем, что летом 56-го отец в звании майора был уволен в запас. Обращаться к высокому начальству, просить оставить его в армии отец не стал. Унижаться было не в его характере.

– Запоминайте, ребята, – сказал он, когда мы в кузове армейского грузовика отъезжали на вокзал. И кивнул на уже бывший наш дом с подросшими деревьями тутовника, инжира и граната, с зелёной волной винограда, нахлынувшей на черепичную крышу. – Вряд ли когда мы это ещё увидим.

И я, одиннадцатилетний пацан, на всю жизнь запомнил и дом, и деревья, и красную черепичную крышу с забравшимися на неё виноградными плетями. Наше жильё и деревья становились всё меньше и меньше, пока не исчезли совсем за другими домами военного городка. Но до сих пор они стоят у меня перед глазами.

Работа на гражданке бывшему политработнику нашлась. Отца приняли инструктором в Ямпольский райком партии. В его обязанность входило ездить по многочисленным сёлам района, разъясняя политику партии в деле освоения целины, в необходимости увеличения поголовья крупного рогатого скота и площадей под кукурузу. Перед страной ставилась задача догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и шерсти. Вспоминается самый популярный, как сказали бы сейчас, слоган той поры: «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»

Верил ли во всё это отец? Трудно сказать. Но поколение фронтовиков, выросших при советской власти, по собствен-

ному опыту знали, что задачи, которые ставились перед ними и казавшиеся невыполнимыми, всё-таки выполнялись. Ценой невероятных усилий и потерь, но выполнялись. Сейчас модно поносить всё советское. Когда я слышу обличительные монологи, мне вспоминается восточная пословица: мёртвого льва лягает даже ишак.

После нескольких лет работы в райкоме отец возглавил отдел культуры Ямпольского района. Круг замкнулся, но на более высоком уровне. Теперь под началом отца находился не только дзыговский клуб, как это было до войны, но и остальные, как принято говорить, очаги культуры.

Шло время. Мы с братом окончили по восемь классов и поступили в индустриальный техникум в городе Черновцы. Сначала я, потом Лёня, который младше меня на два года. За нами переехали в этот западно-украинский город и родители.

Всё складывалось, вроде бы, хорошо. Отец и мама работали, мы с братом окончили техникум и были призваны в армию. После армии я поступил в Литературный институт имени Горького, брат – в Львовский университет...

Выражение расхожее, но мне не обойтись без него. Беда пришла неожиданно. Весь леденящий смысл избитого выражения осознаёшь тогда, когда оно коснётся твоих родных. Тяжело заболел отец, всё еще полный сил пятидесятилетний, любящий жизнь мужчина. Судьба, щадившая его на фронте, отыгралась в благополучное мирное время. Закончилась отсрочка, которую она дала отцу, одному из немногих поколения родившихся в 20-х.

Тяжело и горько вспоминать, как он умирал. Отец перенёс четыре сложнейшие операции, сначала в Черновцах, потом в Москве. Жизнь семьи в те годы была подчинена одному, спасти родного человека. Основная тяжесть легла на плечи мамы, помогали и мы с братом. Дежурили по ночам в больнице, всеми правдами и неправдами доставали дефицитные лекарства, делали множество других необходимых дел. Я взял в Литинституте академический отпуск, чтобы быть рядом с отцом, поддерживать маму. До самого последнего не верилось, что отец умрёт.

Это случилось 30 июля 1977 года.

Теперь я намного старше отца, но мне до сих пор его не хватает. Я прихожу на его могилу, разговариваю с ним. Пока жива была мама, читал её письма. До сих пор я мысленно советуюсь с отцом, прикидываю, как поступил бы он в той или иной ситуации, чтобы самому поступить так же.

Порой я жалею, что воспитан атеистом и у меня нет надежды встретиться с отцом в астральном пространстве. Утешает одно: говорят, человек жив, пока о нём помнят.

Мы с братом помним. И не только мы.

ВОСПОМИНАНИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ...

Саша КУЗНЕЦОВА

НИКОГДА БОЛЬШЕ

Одно из самых тёплых воспоминаний моего детства – добрые, теплые посиделки с бабушкой и дедушкой. Мы смеялись, читая забавные истории о животных в детских журналах, шили с дедушкой цветастые мешочки для орехов на старой-старой швейной машинке, в ржавой педали которой вечно застревала моя маленькая на тот момент нога, готовили с бабушкой квас, за брожением которого я с любопытством наблюдала, смотря через жёлтое витражное стекло пластиковой бутылки на палящие лучи летнего солнца. Мы играли в лото и в шашки, и я не понимала, почему я всегда выигрываю, не зная, собственно, даже правил игры.

А ещё я не понимала, почему постоянно, когда я прошу рассказать о единственной войне, о которой я на тот момент знала, дедушка отворачивается к стене и задумчиво обводит пальцем узоры на ковре, а бабушка убегает на кухню с целью проверить, как подходит тесто на пирожки.

Они не участвовали в той Великой Войне, нет. Но и на них она оставила свои метки. Дедушку поцеловала в ухо – он часто, грустно смеясь и щурясь, рассказывал о том, как отморозил его, идя в соседнюю деревню за продовольствием для матери и брата, и оно стало «костяным». Бабушку погладила по коленям – она еле-еле сдерживала слёзы на тот момент неизвестного мне происхождения, когда рассказывала, как счесала кожу на них, когда играла с сестрой на горе из отходов ближайшего завода по изготовлению оружия для фронта.

Мне было шесть. Я не понимала непрекращающихся попыток деда найти своего отца, потому что знала – он пропал без вести в той далёкой битве за Родину. Точка. Что даст знание о том, где находится могила? Его ведь не вернёшь... Не вернёшь же?

Когда я увидела тоскливо-счастливого деда и лежащий на комодe листок с пляшущими буквами:

«Василий Петрович Кузнецов. Родился в 1907-ом году в Смоленской области, Ечкимовичском районе, деревне Кошелево. Работал в местном колхозе. Был женат на Варваре Ивановне Кузнецовой. В сентябре 1941-го года был призван на службу в Красную Армию рядовым. Пропал без вести в ноябре 1943-го года. Место захоронения неизвестно».

Что-то во мне проснулось. Память? Благодарность? Гордость?

Оказалось, мой прадед никогда не уходил, не пропадал без вести, не стал жертвой бессмысленных споров о величии наций.. Память о нём была жива, а значит – и он тоже.

И я беру ручку и его рукою пишу:

Здравствуй, моя Варенька!

Кратко скажу: жив, здоров, воюю. В военных буднях нет особого места для передышек, поэтому напишу сначала то, как сильно я вас с Витькой люблю, а потом уже остальное. Все новости эти, Варя, такие мелочи по сравнению с тем, как я скучаю по вам, и утренним туманам в нашей деревне. Витюшке скажи, что я его целую много раз. Еще напомни, чтобы сильнее на уши шапку натягивал. У вас там наверняка морозы крещенские, а я знаю, как он любит с ушами открытыми на холоде скакать, сорванец! Себя, Варечка, тоже береги крепко. Как только можешь, Варя. Для сына нашего и чтобы меня с фронта дожидаться. Ты же дождеешься, душенька, правда? Прости мне мои слезливые глупости, на линии огня совсем забываешь о том, как и чем жил несколько лет назад. Вот, бывает, сидишь в окопе, ждешь команды, а сердце сжалось, бухает громче разрывающихся снарядов, кровь в висках стучит от ярости животной почти, руки сами в кула-

ки сжимаются, ногти в кожу до крови впиваются, а в мирное время размазней становишься, что даже перед самим собой стыдно, не то что перед товарищами, ей-богу. Мы вот с ними вместе поганую немчурку перебьем и как вернемся – деревня гудеть будет от наших гуляний, обещаю тебе. И искренне верю, что все – и вы, и соседи, и родня, – живы и здоровы будут. Я на войне только по-настоящему понял, что это на самом-то деле самое важное, Варя.

Вроде не зовет никто... Значит, продолжаю писать, птичка моя. Я тут задумался на днях – самому страшно стало. Недавно были в наступлении. Прямо около меня замертво упал человек. Мой боевой товарищ, за секунду до своей гибели троекратно прокричавший слегка дрожащим голосом «Ура!» Молоденький совсем, девятнадцать лет... О невесте своей Ду-нечке нам рассказывал так, что думалось (прости, любимая), что никого так дома не ждут, как его. И он правда старался вытерпеть изо всех сил. Для нас, своих названных братьев, для Дуни, что ждет его дома с самодельной фатой, и прежде всего – для России-матушки. У него не было мыслей о том, что его жизнь или смерть в исходе войны на самом-то деле ничего не решают. Он просто без лишней умной болтовни свято верил в то, что встать грудью за Россию – не просто его гражданский долг, но и великая честь. По сей день я слышу эхо того, как он сбивчиво играет на гармонике и поет «Боевую пехотную» таким же тонким вибрирующим голосом, который надрывал в последние секунды жизни. Почему так просто? Вот был человек, и через мгновение уже нет? И мне так странно и тревожно от этих размышлений стало, что даже по коже мороз: как теперь воевать за Родину, за тебя, за Витьку, если понимаешь, что в бою идешь, прежде всего, на смерть, прячущуюся за лицом злостного врага? И все же прости меня, родная, за такие строчки. Будь уверена, что я любые козни войны выдюжу, в любой битве смерти кости поломаю и потопчусь на них за наше с тобой завтра. Обещаю. А я свое слово держу, ведь я Русский Солдат и знаю цену своим зарокам. Отставить всякую жалость, когда под угрозой мирное небо нашей страны.

Пошел я, что ли, Варенька. Дела фронтовые не ждут. Они не ждут, а ты меня жди. Только дождись, Варенька.

Обнимаю и целую вас с Витюшей, любимым сыночком. Мечтаю о вас каждый день. Как буду в Москве, вышлю тебе отрез хлопковой ткани на новое платье и Вите конфеты. Не забудь их дома припрятать, а то все разом съест.

*Ваш муж и папка,
Василий Петрович Кузнецов.*

Как бы я хотела, чтобы такое письмо он написал, чтобы оно существовало, чтобы оно лежало в папке, где хранятся его документы; возможно, оно и было написано где-то там в окопе перед атакой... но так и не дошло до адресата...

Так будем же помнить каждого, кто боролся за тёплое лазурное будущее без боли и слёз.

Будем радоваться каждому облаку и лучу света, которых не видел боец под Сталинградом, умирающий от голода и холода в блокадном Ленинграде и узник задымленного Освенцима.

Будем благодарны всем: погибшим и живым, военным, гражданским, детям войны, труженикам тыла, животным-помощникам, ежедневному подвигу всех их, во имя Победы.

Будем Достойными той Великой жертвы, которую принесли за Наше счастье Наши предки.

Каждую секунду.

Каждую минуту.

Каждый день.

Всегда.

Мне не забыть того, что я прочла на том листочке с пляшущими буквами:

«Василий Петрович Кузнецов. Родился в 1907-ом году в Смоленской области, Ечкимовичском районе, деревне Кошелево. Работал в местном колхозе. Был женат на Варваре Ивановне Кузнецовой. В сентябре 1941-ого года был призван на службу в Красную Армию рядовым. Пропал без вести в ноябре 1943-го года. Место захоронения неизвестно».

Николай ВТОРУШИН

ДВЕ ВОЙНЫ

Я не был на войне, но знаю о ней по рассказам деда и отца. Мой дед по отцовской линии Степан Фёдорович был призван в горные егеря царской армии в самом начале Первой мировой. Основной костяк бригады егерей состоял из мужиков, никогда не видевших гор. Им, не экипированным, плохо обученным для ведения войны в горах, трудно было противостоять отборным спецвойскам Кайзера.

– Да-а досталось нашему брату в этих проклятых Карпатах! А сколько народу посрывалось в пропасть... А в рукопашных, бывало, ноги скользили по кровавым камням, – иногда, по настроению, покуривая и щурясь от дыма самосадного табака, вспоминал дед. Или, убедившись, что бабки Александры рядом нет, тихо рассказывал о том, как раненым попал в плен. Там его подлечили и отправили в работники к бауэру, у которого была дочь на выданье. Дед – высокий симпатичный блондин – пришёлся по душе девушке. И вскоре их отношения зашли так далеко, что она забеременела. Избили моего деда до полусмерти, и он, видимо, запомнив на всю жизнь преподанный урок, частенько говаривал моему отцу: «Не приведи Господи к войне... Умри, Мишка, но в плен к немцам не ходи!»

В ту же Первую мировую войну, в ходе немецкого наступления мою будущую мать Екатерину Антоновну вместе с семьёй эвакуировали из Беларуси, и их семья приехала в город Ишим. Обжились, завели хозяйство, но семью раскулачили и мать сослали куда-то за Обдорск (Салехард). Потом вернули в Уватский район, где они познакомились с моим будущим отцом и поженились.

Во время Великой Отечественной войны, а потом в течение сорока лет после неё моя мать, рослая крепкая белоруска, перечертотмелила столько работы, что в нынешнее время да-

леко не каждый мужик смог бы так вкалывать. Во время уборочной (может, кто-то не поверит, но этот факт подтверждали односельчане) она, бывало, навязывала по две тысячи снопов за день. Видимо, недаром кроме медали Материнства (на было шестеро детей) её наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

В июне 1943 года пришла воевать очередь с немцами и моему папане. Об этом периоде фронтовой жизни отец вспоминал только когда был крепко выпивши.

Бывало, подзывал меня и слегка заплетающимся языком, в который раз рассказывал, как его впервые ранило:

– Ранило меня в живот. Лежу, тепло. Кровь потихоньку из раны капает. Солнышко уже садится, а санитаров нету. И так тоскливо мне стало. Я повернул голову: чё, думаю, так пахнет знакомым, родным будто. А это травой так пахнет, скошенной осколками, с землёю смешанной. «Всё, Мишенька, откосясь – отметал сенцо на этой земле, теперь у Бога на небесах страдовать будешь!» – подумал я и полились слёзы горькие. Никогда я так не плакал, как тогда. Вздрогнешь животом – боль такая отдаётся, будто кто нож вострый втыкает. Лежу тихо, плачу тихо, токо слёзы льются. Ну, думаю – всё...

И отец плакал. По небритым его щекам катились слезинки, теряясь в седоватой бороде. Вместе с ним плакал и я.

Воевал отец до победы. Его засыпало землёй, дважды контузило, но он выжил, и в декабре сорок пятого благополучно вернулся домой. Награждён медалями и грамотой Верховного главнокомандующего.

И вот, обобщая рассказы моего деда, отца и многих других фронтовиков о войне, я представляю себе цветущий луг, на котором пашет безжалостный огнедышащий дракон. Проложенная им борозда тут же наполняется кровью, стекающей в реку. Собрав в себя множество таких ручейков, полнокровная река впадает в наполненное слезами, озеро. Над ним рваными клочьями клубится туман из страданий и боли. Денно и ночью в этой кровавой смеси барахтаются миллионы душ, молящих Господа смилостивиться и забрать к себе в рай небесный.

Моего деда и родителей давно уже нет в живых, но память о страданиях, перенесённых ими в войнах прошлого века, бу-

дет всегда тревожить мою душу. Надеюсь, что дети и внуки тоже не забудут тех, кто работал до кровавых мозолей от зари до зари, кто сражался и погибал за Родину. И в преддверии Великой Победы я, не сдерживая слёз, говорю:

«Вечная память погибшим! Вечная слава живым!»

Владимир ВОЛКОВЕЦ

ЖЕНСКИЕ СЛЁЗЫ...

Что осталось мне от деда? –
Дом в деревне, тополя.
Слёзы мамы в День Победы
Да могила в мире где-то,
Не нашёл которой я...

Дед мой по материнской линии Александр Алексеевич Шадрин был призван из деревни Малокиясовка Якшур-Бодьинским райвоенкоматом Удмуртской АССР 28 августа 1941 года.

Почему я точно знаю эту дату, в один из приездов в гости к моей бабушке Ольге Тимофеевне (в девичестве Каргашина) она мне показала повестку.

Жёлтый листок бумаги с вкраплениями древесных опилок, с тонкой волокнистой щелью на сгибе. На удивление, красивый чернильный почерк был чётко и легко читался.

Я спросил бабушку: а где похоронка? Ответила – в военкомате. По её словам дед погиб где-то под Москвой в августе 1942 года.

Воевал в кавалерии.

«Последний раз его видела в длинной до пят шинели с высоким разрезом сзади. Ведёт двух жеребцов под уздцы – вот так! –

и она показала, сжав кулачки, как он заводит лошадей в железнодорожный товарный вагон, – а они пляшут, так и пляшут. Я стою и плачу. Он обернулся и крикнул: "Береги дочек, Оля!"

А через год – похоронка. Так ведь писал, дважды под ним лошадь убивало – жив оставался...» К концу рассказа она плакала. Я видел много женских слёз после войны.

Его дочери Тамара и Анна всю войну проработали на оборонном заводе Ижевска фрезеровщицами. Точили болванки для снарядов.

Станислав ЮРЧЕНКО

ОСТАЛСЯ ВЕРЕН ИДЕАЛАМ

Мой отец, Юрченко Георгий Матвеевич, сколько его помню, был открытым, весёлым человеком. Убеждённый коммунист, прошедший всю войну от начала до конца, он всю жизнь оставался верен тем идеалам, которыми жила страна до распада СССР, что, конечно, совсем не редкость для поколения победителей. И мы, его родные, старались не обижать его в последние годы жизни своими новыми, не понятными пожилому человеку, суждениями и взглядами на бурлившую переменами жизнь страны.

Отец родился 16 апреля 1923 года в посёлке Кокуй, Сретенского района Читинской области на реке Шилка. Своего отца он никогда не видел, так как тот пропал в год его рождения. Красноармейский отряд, квартировавший в посёлке, был направлен на борьбу с бандитами, и Матвей Юрченко, боец этого отряда, мой дед, назад уже не вернулся. Растила и воспитывала отца бабушка, Мария Ильинична, наполовину русская, наполовину бурятка, но женщина волевая и целеустремлённая.

Ещё в старших классах школы Георгий, мечтая летать, поступил в местный аэроклуб, и перед войной закончил его.

В справке от 30.07.1940 года, выданной Балеysким городским аэроклубом сказано, что «Юрченко Георгий Матвеевич закончил лётное отделение аэроклуба на отлично, налетав на самолёте У-2 тридцать один час двенадцать минут и совершив сто пятьдесят восемь посадок». Цитата из первоисточника. Здесь же, в аэроклубе он начал свою трудовую деятельность инструктором до самого призыва в армию в сентябре 1941 года.

Далее – из послужного списка. Доброволец ВДВ. С сентября по декабрь 1941 года учёба, прыжки с парашютом в городе Энгельс на Волге. С января по сентябрь 1942 года парашютист 10-го корпуса ВДВ ст. Внуково под Москвой. Десантировался в тыл противника под Смоленск, радист. Сентябрь 1942 года – ноябрь 1943 года учёба в Саратовской авиашколе, планерист. С ноября 1943 и до конца войны 209 гвардейский авиаполк в городе Старый Быхов (Беларуссия), гв. старший сержант, лётчик-планерист. Доставка грузов планерами в тыл врага к партизанам. И так далее.

После войны служба в городе Калинин. Здесь отец и встретил мою мать. А в 1948 году в городе Кривой Рог на Украине родился и я. И начало нас мотать по стране: где учёба, где служба. В детский садик я пошёл в городе Пугачёв Оренбургской области, где отец переучивался летать на вертолётах, а в первый класс в селе Голёнки, неподалёку от города Ворошилов, ныне Уссурийск. Вторую половину первого класса заканчивал уже в посёлке Чернышевка Приморского края. Во второй класс, волею судьбы и армейского командования, пошёл в городе Куйбышевка Восточная, ныне Белогорск Амурской области, а в шестой в городе Хабаровск.

В Хабаровске отец командовал отдельным авиаотрядом специального назначения ракетных войск. Затем его перевели в Плесецк Архангельской области, а ещё позже в город Куйбышев, где он и ушёл в отставку по болезни матери. Пришлось переехать, как советовали врачи, на её родину в Калинин. А уже после смерти матери в 1985 году, отец перебрался к себе на родину, в Кокуй, где тогда у него проживали сестра и брат, племянники, заядлые охотники и рыбаки. Не смог жить один в городе.

Далеко Забайкалье от Югры, но, пока хватало здоровья, отец приезжал ко мне в Советский практически каждый год, а в последние годы его жизни уже я ездил к нему. Умер он 4 июня 2008 года в возрасте восьмидесяти пяти лет, и похоронен в аллее ветеранов на кладбище, расположенном на высокой сопке, прямо над рекой Шилка, как он и хотел.

Вечная память героям, защитившим страну в страшной войне!

Рамазан ШАЙХУЛОВ

ОН ПРИПИСАЛ СЕБЕ ГОД, ЧТОБЫ ВОЕВАТЬ

Мой дядя Кутлугаллямов Хурмат Бахытгареевич участник Великой Отечественной войны. Родился он в 1924 году в деревне Бутаево Белорецкого района Башкирской АССР. К началу войны ему было 17 лет, но он приписал себе 1 год и добровольцем ушёл воевать. Воевал в пехоте, дошёл до Берлина. Кавалер ордена Красной Звезды и многих боевых медалей.

После войны он много проработал учителем русского языка в башкирской восьмилетней школе. В той родной деревне, и в той же школе, в которой начал обучение и я. Он был высоким, статным, подтянутым, всегда в костюме с орденой планкой. Его фотография была размещена в коридоре школы на стене «Участники Великой Отечественной войны деревни Бутаево», и я этим очень гордился.

Сколько его помню, он никогда не рассказывал о войне, впрочем, как и многие ветераны. На школьных мероприятиях, посвящённых Великой Победе, когда ему давали слово, почему-то начинал заикаться и коротко, скучно обрисовывал свой

военный путь, хотя мы, мальчики ждали от него интересные, захватывающие сюжеты о боях как в кинофильмах. Настоящим фронтовикам трудно было придумывать красивые истории. Откуда они могли взяться в этой «жестокой мясорубке». Так иногда говорил дядя Хурмат.

Единственным напоминанием о войне с его стороны было, и лишь в те редкие моменты его жизни, когда перебрал за столом и, потеряв ненадолго контроль, он со стоном шептал: «Братцы мои... братцы, хлопчики мои...» Иногда шёпот переходил в крик-стон и скрежет зубов. Это видимо, когда перед его глазами во хмелю вставали образы погибших друзей, однополчан...

В обычной деревенской жизни он был крепким хозяином. В его дворе всегда была лошадь. То, что в каждом дворе была корова да несколько овец, говорить не приходится. Но он отличался от многих тем, что держал лошадь, а лошадь по тем временам не у каждого водилась. Я в детстве любил заходить под навес в его дворе, увешанный вкусно пахнущей дёгтем и сыромятной кожей конской сбруей, любил посидеть в удобной зимней кошевке.

Дядя слыл удачливым охотником и рыбаком, но, будучи человеком замкнутым, любил охотничать да рыбачить в одиночку. Часто приносил домой пойманных в горных ручьях хариусов, стрелянную в урманах дичь. Бывало, и нам приносил то глухаря, то пару уток или десяток жирных хариусов, угощал, словно искал повода повидаться с роднёй. И тогда засиживались они с моим отцом до позднего вечера. И мне, хоть украдкой, удавалось услышать хоть пару слов о войне. И всё же разговоры мужчин большей частью касались мирной созидательной жизни.

Славное было поколение воинов, защитивших нашу Отчизну от фашизма. Сейчас в деревне Бутаево никого из них не осталось. Обеднела деревня... Осиротела...

Валерий МИХАЙЛОВСКИЙ

ТЯЖЁЛЫЙ АНАМНЕЗ

Когда с виду здоровый мужчина умирает в возрасте 59 лет, то мне, как врачу хочется знать анамнез, то есть историю жизни, историю болезни, то есть – то, что предшествовало, что могло стать причиной столь ранней смерти. Анамнез отца я знал достаточно досконально.

«Я, Михайловский Леонид Сергеевич, родился 2 апреля 1922 года в г. Осипенко Запорожской области в семье рабочего. Отец до революции и после революции работал в типографии наборщиком, мать – домохозяйка. В 1933 году после смерти родителей, был взят в детский дом, где и получил среднее образование, но в связи с тяжёлыми материальными условиями вынужден был пойти временно на завод. С 1939 по 1943 год работал на заводе токарем-расточником в г. Осипенко Запорожской области. С заводом во время войны был эвакуирован в Сибирь. В 1943 году 9 мая добровольно пошёл на фронт».

В автобиографии он указал своё пролетарское происхождение. Не мог же он открыть страшную тайну своей семьи, заключающуюся в том, что его дед Михайловский Емельян Анатольевич – отец наборщика Сергея Емельяновича был священником, впрочем, как и дед по матери. О своём беспризорном детстве тоже в автобиографии ни слова. А мог ли он рассказать о том страшном детстве, когда его, как поповского внука травили дети вновь нарождённых сельских люмпенов, вдруг ощутивших свою значимость и безнаказанность. Крепких хозяев уже к тридцатым годам поубавилось. И затравили поповскую семью люмпены не без помощи так называемого репрессивного аппарата. Деда – Михайловский Емельян Анатольевич отец пролетария-наборщика – Сергея и Доброшинский Емельян Дмитриевич – отец мамы Леонида Михайловского – Татьяны, были посажены и замучены в застенках НКВД за веру. А отец и мать умерли от голода в 1933 году.

В декабре 1933 года 11 летний мальчик Лёня тащил на санках свою умершую мать на кладбище. Его младший пятилетний брат Ваня остался дома, в холодной нетопленной глиняной хате, ещё не в полной мере осознавая случившееся горе. Уже выпал снег. Тело своей мамы, завернутое в какие-то лохмотья, он тащил на самодельных деревянных санках. Уже сгущались сумерки. Он, изнемогавший от усталости, а ему пришлось рыть могилу в мёрзлой земле, на что ушёл весь день, тащил тяжёлые санки и ревел навзрыд. Также навзрыд ревел уже на могиле. Окоченевшее тело он опустил в могилу, на верёвках, очень боялся бросить, чтобы маме не сделать больно. А вот засыпать не смог. Он так голосил, что его кто-то услышал. Подошёл заросший с клочкастой бородой мужчина. Его мальчик не знал, он был не из его села. Как он потом понял – это был странник, которых в то время немало бродило по городам и сёлам.

– Зачем так плачешь? Зачем так убиваешься? Маме уже не поможешь – она умерла, – произнёс странник.

Мальчик всё понимал, он уже видел смерть.

– Я не могу засыпать могилу, – простонал Лёня.

– Почему? Выкопать смог, а засыпать не можешь...

– Ей больно, – застонал мальчик.

И тут странник понял, что этот худенький паренёк не может бросить комки мёрзлой земли на тело матери, боясь причинить ей боль. Он отстранил мальчика, и руками начал засыпать могилу.

Больше ничего мальчик не помнил. И могилу мамы потом найти не смог: выпал снег, потом бродячий, беспризорный период, потом – детдом, завод, война...

«Принимал участие в Великой Отечественной Войне в действующей армии 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов. За проявленную отвагу награждён Орденом Славы III степени и медалью «За отвагу». Демобилизован по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22.10.46 г.»

В эти четыре строчки из автобиографии можно многое уместить. Хоть и не любил отец, как и большинство фронтовиков, распространяться о той войне, говоря: «Нечего о войне рассказывать. Война – дело грязное», но, однако кое-что мы всё же выудили. Обычно информация появлялась таким образом:

или мы подслушивали, когда фронтовики между собой вели беседы за бутылочкой, или нам рассказывали мамы. Начинать войну отец артиллеристом. Пушку сорокапятку таскал на своих плечах.

Потом – штрафбат. Не по уставу растолковал вновь прибывшему лейтенантку необстрелянному, куда пушку ставить нельзя, ибо её разнесёт первым же вражеским залпом. Установил пушку так, как подсказывал уже появившийся опыт, а на траншейном русском лейтенантку пояснил своё решение. Подбили несколько вражеских танков. Сохранил расчёт. Но неповиновение, невыполнение приказа в циничной форме – вот причина штрафбата. Потом тяжёлая контузия, приравнивавшаяся к тяжёлому ранению, смывшая «штрафное» пятно, потом – перевод на другой фронт, служба в конной разведке, взятие Кёнигсберга. Кстати в автобиографии медаль «За взятие Кёнигсберга» почему-то не указана. Есть одно объяснение: выдали позже, после написания автобиографии.

Победу младший сержант Михайловский Леонид Сергеевич встречал в Кёнигсберге. Есть фотография в День Победы, где бойцы – боевые друзья запечатлены с букетами белой сирени. Я эту фотографию люблю и помню с детства. Для меня День Победы имеет свой запах – запах сирени и свой цвет – белый.

После войны многие годы отец работал учителем.

Тяжёлая контузия, непомерно тяжёлое детство, тяжёлая жизнь после войны... Эта тяжесть раздавила его – война, учителя, замечательного отца, достойного человека.

Инсульт случился 7 ноября 1981 года, когда Михайловский Леонид Сергеевич – парторг коллектива учителей поднимался на крыльцо школы, в которой проработал много лет. Заключение патологоанатомическое: «Обширный геморрагический инсульт...»

Моё сыновнее заключение: человек с таким отягощённым анамнезом не мог прожить долго.

Не могу не упомянуть о своей тёте – Черняховской Надежде Денисовне, прочувствовавшей на себе все тяготы Ленинградской блокады. Она, четырнадцатилетней девчонкой работала в Морозовке под Ленинградом на заводе, где изготавливались мины для фронта, для обороны Ленинграда. Рабочие получали увеличенную порцию хлеба, и она делилась хлебом, сама недоедая, с соседской семьёй, в которой были дети и им питания не хватало.

Я помню, как она рассказывала о непомерно тяжёлом труде, как приходилось вытаскивать здоровенные ящики с уже упакованными снарядами, как невыносимо было дышать воздухом, пропитанным тротилом. От этого токсичного воздуха у неё приключилась тяжёлая пневмония, но она выжила, вылечилась и снова пошла работать.

Всю жизнь она работала воспитателем, а потом и директором детского сада. Своих детей у неё не было. Такова расплата за непомерно бедовую и горькую юность. Она воспитала племянницу, лишившуюся родителей, как свою дочь. Ей сейчас 92 года. Она живёт в Санкт-Петербурге.

Моей маме Елене Ильиничне Михайловской (в девичестве Тимошенко) исполнилось 13 лет, когда началась война. Винницкая область и г. Хмельник, где жила её семья были оккупированы. Она вспоминала, как носила еду нашим военнопленным, содержащимся в школе. Их охраняли полицаи с собаками. Местным разрешали приносить еду, но только без мяса. Люди шли на хитрость: варили кашу, предварительно положив мясо на дно горшочка. Таким образом, сверху каша казалась нетронутой. Однажды немец из охраны проверил принесённую гречневую кашу, а обнаружив на дне мясо, отвёл тринадцатилетнюю Лену в комендатуру. Там её поставили у стенки, навели автоматы, инсценируя расстрел. Прогремели выстрелы, на голову посыпалась каменная крошка, а она думала, что это пули попадают в голову... Так иногда потешались фашисты над мирными людьми.

Вспоминается рассказ бабушки Евдокии Николаевны Тимошенко о том, как фашисты вели колонну евреев на расстрел, и каким-то образом мама-еврейка сумела вытолкать свою пятилетнюю доченьку за пределы оцепления. Девочку заметила бабушка и спрятала её под подолом. Привела домой, постригли девчушку на лысо, потому что у неё были подозрительно курчавые роскошные волосы, что могло привлечь внимание немцев. Разрисовали, измарали лысую голову и лицо, чтобы замазать черты глазастой красивой девчушки. После войны девочку отдали каким-то образом нашедшимся родственникам.

Мама моя после безвременной смерти отца посвятила себя Богу. Она ушла в монастырь, где более 30 лет молилась, в том числе поминая души убиенных в той жестокой войне, молилась о здравии живущих, и завещала нам – её сыновьям и внукам беречь память о своих предках. Она, будучи сама больной, принимала многочисленных паломников, желавших получить её благословение. И никому никогда не отказывала в этом. Умерла схимонахиня Евфимия, в миру – Михайловская Елена Ильинична, в 2012 году в Браиловском монастыре, что находится в Винницкой области на Украине. Там она и похоронена.

Пусть эти отрывочные, и, конечно же, неполные сведения, станут строчками памяти о наших родных, переживших самую страшную и кровавую войну в истории человечества.

И. СЕВЕРСКИЙ (Кириллов)

ДОЧЬ СВОЮ ОН ПОПЫТАЛСЯ ЗАКРЫТЬ СОБОЙ. (СКРОМНЫЙ ПОДВИГ МОЕГО ПРАДЕДА)

Мне довольно часто в жизни приходилось сталкиваться с теми, кого можно смело отнести к категории «Дети войны». И большое количество самых разнообразных историй, связанных с их военным детством, я уже когда-то слышал. Ну вот, например, история о том, как происходила эвакуация семей партийных и советских работников из небольшого городка Лубны, что на Полтавщине летом 1941 года. Её мне рассказал мой близкий родственник Абрам Исаакович Гасюк. Он встречает юбилей Великой Победы в возрасте 85-ти лет. Пока ещё жив и относительно здоров. А тогда, когда началась эвакуация летом 1941 года, ему не было и семи лет.

Что тогда творилось на фронте, где были наши, а где немцы у жителей Лубен были самые противоречивые представления. И это несмотря на то, что в городе была расквартирована знаменитая дивизия. В её личном составе числился весь партийно-хозяйственный актив города. И отец Абрама Исаак Абрамович тоже. У него был чин младшего политрука. А возможно и старшего. Ведь на гражданке он руководил вполне приличным предприятием – артелью «Красный мебельщик». Дивизия выдвинулась на заранее подготовленные позиции, которые были расположены западнее Лубён и приготовилась к обороне. Немцев естественно ждали с западного направления.

А в это время в городке, на близлежащей станции начинал формироваться эшелон для эвакуации семей партийных и советских работников из числа лиц еврейской национальности. Я попытался представить, как проходил этот процесс, и вот что у меня получилось. Наверное, формировались и утвержда-

лись списки в горкоме партии. Лихорадочно трещали пишущие машинки, в самом большом кабинете заседали солидные дядьки в военной форме, в клубах папиросного дыма тонули резки отрывочные команды, которые раздавались то тут, то там. Тяжёлая поступь кирзовых сапог слышалась в коридоре. Это выносили ящики с партийным архивом, которые грузились на грузовики и подводы. Затем их увозили на станцию.

Винтовочные приклады стукали о деревянные половицы – это менялись часовые у дверей, которые вели в грозные кабинеты. Трезвонили телефоны, поднимались трубки и передавались срочные оперативные сводки. По телефонам пытались узнать где находятся немцы и какова обстановка на фронте. Сколько есть времени для того, чтобы успеть эвакуировать партийные архивы и семьи партийных и советских работников из числа лиц еврейской национальности.

Жена Исаака Абрамовича Гасюка Рахиль (Рыхгал Ия) Ефимовна Гасюк, член партии с 1929 года была назначена начальником продовольственного вагона в формирующемся эшелоне. Ей удалось пробиться в кабинет первого секретаря горкома партии, где она и изложила свою просьбу. Она была проста и по-человечески понятна. Рахиль Ефимовна просила о том, чтобы взять с собой в эшелон своего отца Хаима-Гершела Слободкина и сестру Любу. Она надеялась, что её просьбу не оставят без внимания. Отца – Хаима Гершела Слободкина «рыжебородого биндюжника» Рахиль Ефимовне взять в эшелон разрешили, а сестру Любу – нет.

Первый секретарь горкома поднял на Рахиль Ефимовну тяжёлый взгляд и очень тихо, но очень внятно спросил: «Вы же понимаете, что ваша сестра не относится к партийно-хозяйственному активу нашего города? Если мы будем брать всех подряд, то эшелон никуда не уйдёт, а ведь там партийный архив. Вы должны понимать, Рахиль Ефимовна – сказал он ей.

С этой новостью Рахиль и пришла в домик своего отца.

– Отец, собирайся быстро, мы уезжаем, – крикнула она с порога, пытаясь криком заглушить ненужные, как ей тогда казалось вопросы, которые готовы были слететь с губ Хаима-Гершела.

Отец выслушал команду, помолчал, а потом очень спокойно спросил:

– А Люба едет с нами?

– Люба не едет, – ответила Рахиль. Собирайся быстро, на разговоры нет времени. Ну, тогда и я не поеду, – ответил Хаим-Гершел Слободкин. Я останусь здесь, с Любой и будь что будет.

Эшелон ушёл на Восток, а немцы вскоре захватили Лубны. Их танковые клинья прорвали фронт, и знаменитая дивизия могла оказаться в окружении. Пришлось срочно оставить город и отходить в сторону Синельникова. Хаима-Гершела и Любу немцы расстреляли. Их, вместе с остальными евреями, теми, кто не успел эвакуироваться, долго вели по длинной улице, затем остановились на территории верёвочного завода. Здесь в мирное время из конопли делали верёвки. Всех выстроили в каком-то карьере и открыли огонь. В последний момент Хаим-Гершел дёрнул Любу за руку и попытался отбросить за спину, хотел прикрыть собой. Но ничего не получилось. Пуля нашла и её.

А политрук Исаак Абрамович Гасюк погиб где-то в районе Синельникова. Семья узнала об этом лишь в 1944 году, когда вернулась из эвакуации.

Лариса Леонидовна ТЕЛЕГИНА

Публицист, филолог, педагог, Почётный работник общего образования РФ, Лауреат Премии Президента РФ в рамках НПО в номинации: «Лучший учитель Российской Федерации»

ОНИ КОВАЛИ ВЕЛИКУЮ ПОБЕДУ

Светлой памяти моей бабушки

Великая Отечественная война не обошла стороной ни одну семью. Велика трагедия нашего народа! Каждую семью коснулась она.

Вот и в нашей семье сохранились рассказы моей бабушки – Протопоповой Клавдии Петровны, 1911 года рождения, коренной сибирячки, которой уже нет в живых, о тех трудных военных годах. Вспоминая её рассказы о войне, всегда испытываю учащённое биение сердца, потому что невозможно оставаться равнодушным к тому горю, которое выпало на долю наших родных и близких, на долю наших соотечественников. Задумалась: судьба моей семьи тесно связана с судьбой моей страны, пережившей такие суровые годы испытаний. «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...» – эта песня Александрова, как гимн звучавшая тому грозному времени, всегда вызвала слёзы на глазах у моей бабушки.

В войну она осталась одна с малолетними детьми, проводив своего мужа – Протопопова Илью Дмитриевича, моего деда – на фронт. Жили они в Ханты-Мансийске по улице Сургутской, где стояли ветхие бараки, в которых жили переселенцы. В военные и послевоенные годы там жила и моя бабушка с детьми. Тяжело ей приходилось одной поднимать пятерых детей! Работала моя бабушка на рыбоконсервном комбинате в Самарово, вначале – в разделочном цехе, а затем – в обжарке, где обжаривали рыбу – осётра, муксуна, сырок, язя, щуку,

ерша – с последующим закатыванием её в баночки, готовили рыбные консервы и отправляли их на фронт. По рассказам бабушки, хлеб и ситец им давали по талонам. Зато начальство рыбокомбината своим работницам в качестве поощрения за хорошую работу выдавало по праздникам щучьи да муксуновые головы и потроха, на рыбе и выжили в то трудное лихолетье. Недаром бабушка всегда говорила: «Река – наша кормилица». Приходилось женщинам ездить и на лесозаготовки. В любую погоду – мороз и стужу, проливной ливень – их отвозили в лес и там оставляли на целый день. «Порой так замёрзнем, что ног не чувствуем, по 14 часов в лесу на лесозаготовках проводили».

Мой дедушка, Протопопов Илья Дмитриевич, получил ранение в бою, долгое время лечился в госпитале и вернулся с фронта домой инвалидом, с ампутированной ногой, на костылях.

Бабушка всегда плакала, когда читала книги о Великой Отечественной войне или смотрела военные фильмы. И как бережно она, труженица тыла, хранила в своём альбоме поздравительную открытку Губернатора округа А. В. Филипенко с 55-летием Победы! Много раз, перечитывая её, бабушка и нас, своих детей и внуков, заставляла читать её вслух, словно погружалась памятью в те далёкие годы: «Уважаемая Клавдия Петровна! Сердечно поздравляю Вас с 55-й годовщиной Великой Победы! Этот подвиг неподвластен времени, как безгранична наша благодарность Вам, кто совершил его, проявив священную любовь к Родине, беспримерное мужество, несокрушимость духа. Низкий поклон фронтовикам и Вам, труженикам тыла. Подвиг Ваш останется в наших сердцах как живой источник силы нынешнего и всех будущих поколений. Примите самые искренние пожелания здоровья, долголетия, добра, мира, любви близких, покоя и понимания. Счастья Вам и Вашей семье! С уважением Губернатор автономного округа А. В. Филипенко». Сейчас, когда её уже нет в живых, эту бабушкину открытку бережно храню я в своём альбоме. Достаяю её ко Дню Победы и читаю своим детям, бабушкиным правнукам, чтобы не угасала память о том страшном времени, о том трудовом подвиге людей, которые в тылу врага ковали Победу, чтобы сохранялась связь времён и поколений.

А прошлой весной я побывала на своей родине, в родном Ханты-Мансийске, на Кирилло-Мефодиевских чтениях. Прогулялась в Парке Победы. Обратила внимание, что у Вечного огня много цветов: жители города чтут память погибших воинов, отдавших свои жизни за Родину. С большим волнением подошла к Мемориальной доске, на которой высечены имена моих земляков, погибших в Великой Отечественной войне. Среди них – имена моих родных: Протопопов Пётр Дмитриевич, Протопопов Гавриил Дмитриевич. Это родные братья моего дедушки Протопопова Илии Дмитриевича, отца моей мамы. Минутой молчания почтила их память... И опять вспомнились рассказы бабушки: «В войну у свёкра убило двух сыновей: Петра и Ганю». Гавриил оставил малолетних 4-х детей. Пётр даже не успел жениться, его жизнь прервала война, о чём жалели все родственники. Он погиб самым молодым.... В молчании постояла у памятника скорбящей матери над сыном. «Господи, убереги нас от войны», – мысленно помолилась.

Прошла по той улице, где во время войны жила моя бабушка – труженица тыла. Ветхие бараки по улице Сургутской, где она жила с детьми в суровые военные годы, уже сносят, на смену им вырастают современные коттеджи – приметы нового облика города. Моя тётя, Протопопова Анна Ильинична, в прошлом учитель истории в одной из школ города Ханты-Мансийска, а ныне уже пенсионерка, сказала мне: «Наверное, это специально для тебя оставили барак по улице Сургутской, 22, чтобы ты взглянула, как жила здесь твоя бабушка с детьми в трудные военные и послевоенные годы, чтобы осмыслила это время, оценила жизнь своей бабушки». Глядя на этот ветхий барак, я, конечно же, вспомнила рассказы бабушки о том, как тяжело ей приходилось в войну поднимать пятерых детей. «В бараке зимой до того холодно было, утром встанешь чай вскипятить ребятишкам, а в ведре вода замёрзла, лёд. Пока спят ребятишки, все одеяла на них стащишь, все половики на них стянешь, чтобы не замёрзли в избе». Непростое это было время, голодное. По соседству жили калмыки, и ребятишки дружили с ними: вместе летом ходили в лес за орехами, собирали грибы да ягоды, тем и кормились. А ещё дети военной и послевоенной поры рано привыкли к тяжёлому физическому труду и на-

равне с взрослыми помогали фронту. Девиз: «Всё для фронта, всё для Победы!» был для них, как и для всей страны, главным в жизни. Дети помогали бабушке во всём: и дрова заготавливали, и на покос ездили, и рыбу ловили. Как вспоминал один из её сыновей, Владимир: «Мы, ребяташки – подростки, заготавливали на зиму дрова – пеньки недалеко от нашего барака. В километре лес рубили, подопытное хозяйство было, лес увозили, а нам оставляли пеньки. На себе, вязанками, заготавливали дрова. Это было самое тяжёлое – пеньки корчевать». Сыновья в летнее время работали на Самаровском рыбокомбинате, грузили ящики с рыбой на самоходки. «Грузим ящики с рыбой из склада – в трюм самоходки, пешком таскаем ящики по 25 килограммов час, два, три! А трюм-то метров 20 высотой! Часто приходила самоходка с каменным углём – им рыбокомбинат отапливался. Опять собирали всех рабочих – женщин и детей-подростков – и на носилках носили каменный уголь. Каждые носилки взвешивали...»

Оттого, наверное, дети военной поры были намного взрослее своих сверстников нынешнего поколения. Они с детства умели преодолевать трудности и лишения, что впоследствии помогло им ясно видеть перед собой жизненную цель, становиться образованными людьми. Слава Богу, все пятеро детей моей бабушки выучились, получили достойное образование, создали свои семьи, и вот уже ни одно поколение крепкого сибирского рода Протопоповых живёт на своей родной Югорской земле, сохраняя память о своих родственниках, внёсших достойный вклад в Великую Победу!

Анжела БЕЦКО

РОДНЫЕ МОИ СОЛДАТЫ

До рези в глазах – невыразимо синее и до головокружения – невыносимо высокое небо. Девочка едет в грузовике. Её светло-русые волосы летят по ветру, а белые банты норовят упорхнуть птичками. В руках цветы: она подарит их самым лучшим людям на свете – родным своим солдатам. В этот светлый день отовсюду музыка. Девочка сидит на скамейке в открытом кузове грузовика и очень боится выпасть, если машина вдруг помчится или резко затормозит. Но она не делает ни того, ни другого, а едет медленно и степенно. Потому что везёт сокровища – трёх мужественных людей. Они сидят рядом с девочкой и машут прохожим – встречающим, провожающим, ликующим. И таких грузовиков много. Все они тёмно-зелёные. Будто только что с фронта, но новенькие и блестящие, и в каждом – победители. Длинная стройная колонна совершает круг почёта по площади Победы с гранитным обелиском в центре и Вечным огнём, зажжённым в честь мужества и подвига и славы великого народа в страшной войне, и снова вырывается на главный – сквозной – проспект девочкиного любимого города, воскресшего из мёртвых. Широкие улицы взволнованы красными флагами, звёздами, цветами, воздушными шарами, запахнутыми окнами, улыбками и людьми, людьми, людьми... Девочка живёт в большом городе, но столько народу сразу она не видела никогда. Малыши сидят на папичных плечах и звонко хлопают в ладоши, ребята постарше держат взрослых за руку, и все восторженно кричат «ура!». Вокруг много нарядных детей, но только девочке и ещё десятку ребят посчастливилось ехать в военных грузовиках с героями. И она должна глядеть, глядеть во все глаза, чтобы запомнить сегодняшний необыкновенный день и потом тысячу раз рассказывать о нём своим дочкам! А девочкины героини – самые героини. В соседних грузовиках у других детей героини тоже смелые, но девочкины – смелее смелых! На их кителях много красивых

значков, и зовутся они орденами и медалями. И даются кровью и за подвиги. У девочкиных солдат орлиный взгляд, весёлый нрав и большие крепкие руки. И пушки, и даже «Катюши» в таких руках всё равно что пёрышки! И таким рукам можно доверить Родину! А вечером, в десять часов, в честь девочкиных героев обязательно будет салют!

И оба девочкиных деда воевали. Но о войне они почти не говорят. Настоящие герои – большие молчуны. А если и обмолвятся, то со смешком, а глаза грустные-грустные. И только тоненько-тоненько звенят на груди их медали. И девочка понимает эту печальную и торжественную музыку...

Один дед был стрелком в пехоте, из винтовки, пулемёта, противотанкового ружья нещадно бил фашистов, был тяжело ранен в Восточной Пруссии, долго лежал в госпитале и остался инвалидом. У него и день рождения девятого мая! Он вернулся в свою деревню и после войны женился на девочкиной бабушке, совсем юной красавице. И у них родились четыре дочки.

Другой дед – командир отделения отважных разведчиков. На войне он с самого первого дня. И на разных фронтах воевал. И убил много фашистов. И совершал подвиги. И два раза был ранен. В августе сорок четвёртого в составе разведпартии из десяти человек проник противнику в тыл, гранатой взорвал автомобиль с фашистами, из автомата уложил ещё четверых и одного, самого главного, взял в плен и доставил в распоряжение своей части. И всю войну играл на гармошке и пел развесёлые песни. А после войны бросил девочкину бабушку с двумя малышами – сыном и ещё не родившейся дочкой – и с любимой гармошкой подался в город. И встретил тётеньку. И у них тоже появились малютки. А в девочкин дом дед-герой не приходит, и она увидит его однажды в гостях у родственников. Встреча окажется невстречей, потому что всё не так намечтает себе девочка. Он шагнёт к ней, незнакомый, в орденах, улыбнётся и, кажется, захочет подхватить на руки: «Ну здравствуй, внучка! Я твой дед!», и она испугается, отшатнётся и забьётся в угол за высокую белую дверь в прихожей и оттуда тихо и твёрдо произнесёт: «Ты не мой дед. Мой дедушка Миша живёт в деревне...». И повиснет мучительная тишина... А девочка умеет считать до двадцати, и песенки поёт, и стихи знает. Она и сплясать может.

И со стола убрать. И посуду помыть. И пол подмести. Она уже совсем большая! Но она так и не выйдет из-за двери к этому чужому деду и простоит там, будто наказанная, целый вечер, искоса подглядывая за всем происходящим в узкую щёлочку. А ей жадно хочется сидеть у него на коленях и незаметно, как бы случайно, дотрагиваться до его орденов и медалей, рождающих тоненькую-тоненькую, печальную и торжественную музыку. И чтобы он непременно гладил её по голове, как те чужие дедушки и родные герои в грузовике на параде Победы. И пусть он знает, какая она у него большая и умная!.. А книгу о нём девочка обязательно купит. Все взрослые только о ней и говорят. Девочка её в глаза не видела и названия не знает. И читать не умеет, но научится. А денег нет, так соберёт: просто не съест двадцать порций пломбира в стаканчике. Ну или тридцать. Или даже сто! И высыплет кассиру на тарелочку в книжном за углом две горсти звонких монет, и протянет продавцу беленькой стружкой чек, и смело скажет: «Дайте, пожалуйста, книжку про моего деда!», а тётенька радостно ответит: «Пожалуйста!» и снимет с полки самую большую и толстую с красным флагом и звездой. И с обложки девочке улыбнётся чужой, но всё-таки её дед.

Живите, родные мои солдаты!

Абрамов Владимир Владимирович – мой отец, родился в 1920 г. Образование – 4 класса начальной школы. В действующую армию он был призван в 1940 году. До начала ВОВ служил рядовым в артдивизионе в Ленинградской области; военная специальность – водитель. В первый год войны дивизион стоял на ленинградском направлении в составе Северного фронта, затем был передислоцирован под Мурманск и вошёл в состав 14-й дивизии Карельского фронта. Отец служил рядовым связистом звуковой разведки артиллерии – 156-й армейский зенитный артиллерийский ордена Александра Невского Печенегский полк, 836-й отдельный разведывательный артиллерийский дивизион, который участвовал в освобождении г.г. Киркенес, Петсамо (Норвегия). За боевой подвиг – во время артобстрела противника пять раз восстанавливал связь с КП, – награждён медалью – «За отвагу», медалью «За оборону советского Заполярья».

Демобилизован в мае 1946 г., вернулся в свою деревню Бугинка, Ярковского района, Тюменской обл. Работал бригадиром на лесозаготовках, путевым мастером в Береговом Управлении Перекаатов, бакенщиком. Был прекрасным столяром, плотником, бондарем, пимокатом. Простой труженик-фронтовик, каких были миллионы. Отец умер в 1982 г. по болезни.

Александр КЕРДАН

ВСЁ, ЧТО ЗНАЮ...

Кердан Пётр Иванович, 12 июля 1924 года рождения, призван в июле 1942 года Тобольским райвоенкоматом Омской (в ту пору области, если не ошибаюсь). Участник Великой Отечественной войны. Старший сержант. Контужен.

Был в армии до 1947 года. Награждён Орденом Отечественной войны 2 степени, медалью «За победу над Германией» (она на груди на фото). Больше ничего не знаю, ни фронт, где воевал, ни воинскую часть.

После войны окончил пединститут. Работал учителем истории, инструктором райкома партии, директором школы (более 40 лет). Умер в Днепропетровске в 2015 году. Уже от очевидцев до меня дошли такие сведения: на похороны пришли несколько человек. Это к бывшему директору школы, сорок лет отдавшему воспитанию детей! На вопрос: почему так? Мне ответили: время сейчас такое – боялись. Боялись!!! Он же участник войны, коммунист – он с того времени. «Декоммунизация» принимает и такие уродливые формы.

А я хочу помнить, я буду помнить!!!

Увы, вот все мои познания. Встречался с ним только мальчишкой, потому не было возможности расспросить подробнее.

На смерть дяди Пети

В Днепропетровске умер дядя,
Мой постаревший идеал...
Он – не наград и славы ради –
За эту землю воевал.

Преподавал и был парторгом,
Познал забвенье и хулу...
А вот теперь в районном морге,
Как каменный, лежит в углу.

Уже не учит, не воюет,
К победам новым не зовёт...
Моя родня о нём горюет
И, поминая, слёзы льёт.

Да я и сам слезою брежу,
И утешенья не найду,
Но в дом его правобережный,
Всё ж на поминки не приду,

Поскольку там сейчас – засада:
Пришли бандеровцы во власть,
Внучата тех, в кого когда-то,
На фронте, он не смог попасть...

И вот теперь войны героя,
Защитника страны своей
Поспешно крышкой закроют,
Упрячут в землю поскорей.

Но справедливость есть на свете,
И тень не заслонит плетень!
Пусть спит спокойно дядя Петя –
Наступит скоро Судный день

Для всех врагов – его и наших,
И для безвольных нас самих,
Легко забывших славу павших,
Приняв безславие живых...

2017

Павел ПЛЮХИН

НЕ УРОНИЛ ЧЕСТИ КАЗАКА

Мой рассказ о родном брате Косте, хлебнувшем по полной горечи войны, но достойно, не уронив чести казака, защитил Родину. В мою детскую память врезались его вечерние рассказы о войне, сидя на его колючей шинели, расстеленной на тёплой деревенской печи...

В День Победы 9 Мая улицы больших и малых городов наполнятся маршем нашей национальной Памяти, ибо Война коснулась каждой российской семьи! Вот и я отправил на конкурс «Герои Великой Победы» материалы (стихи, письма на фронт, фото из семейного альбома) о воевавшем родном брате Косте, чудом уцелевшем от ран и вернувшемся из госпиталя аж в 1947 г. Младшего брата Алексея не взяли по возрасту, а старший Пётр работал на автозаводе в Миассе «по брони», отец также работал «по брони».

Материалы и фотографии из семейного альбома о довоенной, фронтовой, послевоенной жизни брата стали страницей летописи Великой Победы Отечества, а я храню полученную от организаторов конкурса памятную медаль.

Мой родной брат Плюхин Константин Семёнович (25.12.1924–30.05.1985) призван в армию в 1941г.

До войны работал шахтёром в г. Копейск Челябинской области.

После ускоренной подготовки отправлен на Ленинградский фронт, во Вторую ударную армию, третий артполк. На Ленинградском фронте был дважды ранен. Второе тяжёлое ранение произошло в бою под Кёнигсбергом. Эвакуирован в Ташкентский окружной военный госпиталь № 340. После тяжёлого и продолжительного лечения выписан из госпиталя в 1947 г.

Его боевые подвиги были отмечены многими наградами:

«Орден Красной Звезды», «За оборону Ленинграда», «За отвагу», «За победу над Германией», «За боевые заслуги», «Орден Красного знамени», «Знак Гвардия».

Такую биографию невозможно переписать заново, а события той кровавой войны невозможно исказить. Да – это наше прошлое, но только, не забывая о нём, можно построить светлое мирное Будущее!

Памяти брата Кости

Немецкий танк, рыча мотором,
С какой-то пьяною лихвой
«Утюжил» взвод передовой
За невысоким косогором.
Стреляя яростно, от злости
Из трёхлинейки по броне,
Там, в сорок пятом, на войне,
Лежал в окопе брат мой Костя...
Звенело небо от шрапнели,
«Катюш» был слышен свист и вой,
И губы юные чернели,
Глотая дым пороховой.
Лежал в аду мой брат родной –
Контужен.
Ранен.
Но живой!
Спасли девчата из санбата,
Ещё бы час – и опоздали!
Ещё бы час – и без медали!
Ещё б чуть-чуть

и мы – без брата!
 Когда остыли звуки боя,
 Когда осели пепел, пыль
 Раскрылось небо голубое,
 Дымился горечью ковыль.
 Осталась память там, в окопе!
 Была весна. Теплынь такая!
 Сирень цвела в начале мая,
 Война
 закончилась в Европе..!

Евгений КОНОНОВ

Гаврилов Александр Васильевич родился в д. Красноярка Оренбургской области в июне 1915 года. Участник Великой Отечественной войны. Воевал с 1941 по 1945. Был стрелком-пулемётчиком, дважды ранен. В 1943 году часть, в которой он воевал, оказалась в окружении, попал в плен. Через 3 дня бежал из пересыльного лагеря, который находился на оккупированной территории. Воевал до последних дней войны, демобилизован в 1946 году. Умер в 1978 году, когда ему было 63 года.

ТЕКТОНИЧЕСКИЕ СДВИГИ

Я родился спустя четырнадцать лет после войны. Наверное, это не маленький срок. Хотя, теперь понимаешь, что небольшой. В масштабах человеческой жизни, не говоря уже о странах и коалициях.

Мой дед, Гаврилов Александр Васильевич, родился в 1915 году. Ещё в царской России – вот когда начинаешь понимать истинные масштабы времени. Когда на долю человека выпадают тектонические сдвиги жизни. Включая революцию, гражданскую войну, Антанту, коллективизацию, НЭП, чистки, Ве-

ликую Отечественную. Когда каждый человек в эту эпоху – сам эпоха. Сам – история. Живой носитель её. Её шрамов – на теле и в душе.

Так случилось, что на начало войны семья находилась в Узбекистане. Так случилось, что в теплушках её перевезли в Уфу, где налаживалось производство – подальше от линии фронта, когда дед уже воевал.

Он воевал с начала войны. Демобилизовался в 1946 году на Дальнем Востоке. Ему повезло. Он остался жив, остался цел, несмотря на ранения.

Он дождался радости рождения послевоенных детей и внуков. Один из моих дядей младше меня на год. С ним прошло моё раннее детство.

Почему я об этом говорю? Пытаюсь понять, пытаюсь объяснить себе, почему фронтовики не делятся впечатлениями о прошлом. Редко бывают при регалиях. И молчат. Даже, когда поднимают тост за Победу.

Им не нужно объяснять, что послевоенная жизнь в бараке, в одной комнате на семью из восьми человек, гораздо лучше жизни в окопе. Они согласны ждать улучшения условий неопределённо долго. Они сотворили своё главное улучшение – Победу. И вряд ли есть в жизни что-то более ценное для них.

Дед был рядовым. И остался рядовым, вплоть до своей нелепой гибели в 1978 году. По странному стечению обстоятельств, я тогда служил срочную недалеко от Уфы, когда приехала за мной заплаканная мать. И получил три дня отпуска по семейным обстоятельствам. На похороны деда.

Теперь у меня самого внуки. А недавно я получил архивные документы о прохождении воинской службы дедом.

В них есть много всего. Для меня. Только вот какая мысль появилась у меня: если сам дед не хотел рассказывать о войне, наверное и мне за него – не стоит. Потому что в войне нет ничего хорошего. И дай Бог моим внукам дождаться внуков своих. Единственное, что хочу сказать и детям, и внукам – они появились на свет благодаря вот таким молчаливым дедам. Не позволившим остановить колесо истории. Не подведите!

Павел БАРМИН

ТЫ ПОХОЖ НА ДЕДА

Ты похож на деда. Такой же горбоносый, мосластый, – говорила мне бабушка, приглаживая непослушные вихры на моём затылке. – Не дожил он до внуков... А как бы Фёдор сейчас радовался, балуя вас...

Я не знал своих дедов. Отечественная война искалечила судьбы миллионов советских людей. Осиротила детей. Прервала ни один род. Молодые пацаны гибли, не успев познать любовь, создать семью. Сейчас, вглядываясь в потёртые предвоенные снимки, где ещё совсем молодыми запечатлены мои деды, я чувствую незримую связь, будто бы я не в сегодняшнем 21 веке, а там, рядом с ними, накануне войны... Вот мой дед Владимир позирует. Лихо заломив на затылок кепку, хитровато улыбается. Дед Фёдор же наоборот – сосредоточен. Армейский френч ладно сидит на крутых плечах. Поблескивают значки на груди. И, кажется не тот провинциальный фотограф, а я делаю эти снимки на свой навороченный сотовый телефон, оставляя память о них себе-внуку, их правнукам и праправнукам – всем нам, обязанным им жизнью.

Сейчас, доступ к информации о войне стал более открытым. Рассекречено множество документов. Долгие годы ждала моя бабушка Мария своего мужа с фронта. Она так и умерла, не зная всей правды о трагедии, произошедшей с ним. Извещение, полученное в том далёком сорок первом, словно ножом полоснуло словами: «Пропал без вести». И только совсем недавно мне удалось разыскать данные о гибели своего деда.

8 октября 1941 года он попал в плен под Вязьмой. Содержался в лагере, который назывался Шталаг 336, около города Каунас в Литве. Большинство военнопленных этого лагеря жили во рву форта под открытым небом, а некоторые в неоттапливаемых, тёмных казематах. Военнопленные получали ежедневно 100-200 грамм суррогатного хлеба, иногда карто-

фельную шелуху или бурду из гнилой свёклы. От голода, холода, избиений и болезней они массово умирали. Если военнопленный попадал в лагерную больницу, чаще всего, оттуда он уже не возвращался. Всего в Шталаге 336 умерло около 35 тысяч военнопленных. Радченко Владимир Фёдорович, рядовой, беспартийный, мой родной дед по материнской линии, умер в концлагере 9 октября 1942 года.

7 апреля 1945 года, за месяц до Победы, в бою за населённый пункт Сенице (Словакия), погиб Бармин Фёдор Иванович, гвардии казак, рядовой, пулемётчик 1 эскадрона 42-го Гвардейского Казачьего Кавалерийского полка, мой дед по отцу. За этот бой он был представлен к медали «За отвагу», получить которую уже не смог.

Месяц спустя, 9 мая 1945 года, в День Победы, погиб его брат Бармин Никифор Иванович, мой двоюродный дед...

Война искалечила и моё поколение. Пусть другая, афганская, но тоже война, со свистом пуль, рвущимися фугасами, война пропахшая кровью и смертью. Пройдя через жернова Афгана, я, как никто другой, могу оценить величие подвига наших дедов. Не по книгам и фильмам, а испытал на себе, понимаешь, как велик подвиг Русского Солдата. Слова о патриотизме, клич «За Родину!» не кажутся пафосными. Там, на войне они идут из сердца, они искренни. В них и боль потерь, и вера в победу.

Господи! Защити наших детей и внуков! Пусть они никогда не узнают – что такое война. Наш священный долг, из поколения в поколение нести память об осиянных Божественным светом Русских Солдатах, отстоявших Отчизну ценой своей жизни, даруя им бессмертие!

Игорь ШИРМАНОВ (Олег Яненагорский)

МОИ ДЕДЫ... ПОГИБШИЙ И ОСТАВШИЙСЯ В ЖИВЫХ...

Иванов...

От центральной площади города Кургана к Вечному огню ведёт аллея, на которой установлены чугунные плиты с именами тех зауральцев, кто в годы Великой Отечественной войны ушёл защищать Родину. Есть там фамилия деда с материнской стороны – Иванова Егора. Когда-то у нас хранилась «похоронка» на деда, но со временем и переездами она затерялась. Да я и по молодости лет, не до конца осознавал ценность семейных документов и рассказов о родственниках. Помню, что в середине 80-х годов мама ездила в какой-то районный центр Новгородской области на братскую могилу тех, кто пал там смертью храбрых в 1942-м... В этом райцентре перезахоронили тех, кто погиб на Новгородчине. Увы, не помню название – но в памяти осталась фотография обелиска. Надо найти тот райцентр, съездить и поклониться братской могиле...

Дед Егор ушёл на войну в 1941-м из села Нагорское, что ныне в Притобольном районе Курганской области. Там тоже есть обелиск, который я помню по детским впечатлениям.

Своих маленьких детей я приводил на курганскую аллею у Вечного огня и показывал им плиту с именем деда... Чтобы помнили...

Ширманов...

Дед со стороны отца – Ширманов Шамгун, 1898 года рождения – воевал под Ленинградом. Он был призван на военную службу 1 марта 1942 года из Ново-Письмянского района Тартарской АССР.

В наградных документах указано: «Красноармеец Ширманов Ш. за время пребывания в роте показал себя способным и дисциплинированным красноармейцем, показавшим образцы в боевой и политической подготовке и погрузочно-разгрузочных работах. За отличные показатели в работе и учёбе имеет две благодарности.

Участник боёв за Советскую Родину в Великой Отечественной войне. 14 октября 1942 года под городом Старый Петергоф получил тяжёлое ранение, в результате имеет ограничение 1 степени».

Мне кажется, что я сам держал в руках ту дедовскую медаль «За отвагу»... А может быть это только кажется... А деда я помню хорошо... Как-то он даже в Курган приезжал...

Про «Бессмертный полк»...

У меня нет фотографий дедов. И каждый раз, когда вижу людей с маленькими плакатиками, идущих 9 мая, жалею, что не могу гордо нести их фотоснимки... Но я помню их подвиг...

Елена ГОСТЕВА

СОЛДАТ ТРЁХ ВОЙН – ГОСТЕВ НИКОЛАЙ ПРОКОФЬЕВИЧ

Про моего деда могу сказать: «Воевал на германской, воевал на Гражданской, был солдатом Второй Мировой».

Знаю о нём только со слов бабушки Аксины Ефимовны. Они поженились, когда Николай Прокофьевич вернулся с германской – так называли Первую Мировую войну. А потом снова ушёл воевать, на этот раз на север. Скорей всего, воевал с англичанами, которые в те годы оккупировали Архангельскую область.

В конце 1941 года Гостев Н. П. был призван в ряды РККА. Ушёл на войну не пешком, а на лошади с телегой. С 22.01.1942 года – рядовой 1027 стрелкового полка 198 стрелковой дивизии на Ленинградском фронте.

После тяжёлого ранения осенью 1944 года вернулся домой на костылях. Родственники утверждали, что у него были награды, но они потерялись. К настоящему времени удалось найти в военных архивах одну запись.

Приказ № 017/н по 1027 стрелковому полку 198 стрелковой дивизии 24 апреля 1944 г. Ленинградский фронт:

Гостева Николая Прокофьевича наградить медалью «За боевые заслуги» за то, что он во время боевых действий полка в районах деревень Кисели, Лобаны и Сидорово, не смотря на сильный артиллерийский обстрел противника, своевременно подвозил боеприпасы на огневые позиции. 9.04.44 г. в районе дер. Сидорово не доведя боеприпасы 200 м до огневой позиции осколком вражеского снаряда была ранена лошадь. Тов. Гостев не растерялся, поставил лошадь в укрытие, боеприпасы перенёс до боевой позиции на себе, чем обеспечил непрерывное ведение огня для отражения контратаки противника».

Когда Николай Прокофьевич подлечил ногу и смог передвигаться без костылей, его назначили или выбрали председателем колхоза. Умер летом 1954 года.

Альбина КУЗЬМИНА

ЖДАЛИ ВСЮ ЖИЗНЬ

Сергей Петрович Захаров, 08 октября 1910 года рождения, суроженец юрт Рыньинских, Бронниковского сельсовета Уральской, позднее Тобольской области. Призванного и ушедшего на войну из Тобольского райвоенкомата. Погибшего по данным книги «ПАМЯТЬ» (том 4, стр. 65) 4 августа 1943

года и похороненного в дер. Торталово, Мгинского района, Ленинградской области. Оказалось, что деревни Торталово не существует, она уничтожена ураганом Второй мировой войны. В августе 1943 там проходили жестокие бои. Многие воины погибли в ходе боев и были захоронены в одиночных и братских могилах.

Я не теряла веры, что мой родной дедушка жив, а не погиб на войне. Будучи ещё четвероклассницей, написала письмо в Музей истории Ленинграда. Написанное чернилами и размытое после дождя, его едва прочли по штемпелю, и ответ направили моему директору школы. Вскоре я познакомилась с удивительным человеком, ведущим захоронения погибших воинов Владимиром Федоровичем Лапинским, с которым велась впоследствии переписка. Он-то и сообщил, что обнаружил по именному медальону моего дедушку, и с почестями воины торжественно были перезахоронены в Братскую могилу посёлка Мга Ленинградской области.

Райвоенкомат г. Тосно подтвердил, что Сергей Петрович Захаров погиб, защищая Синявинские высоты, захоронен в Братской могиле Тосненского района Ленинградской области. 5 ноября 1967 года был митинг, возлагали цветы на братскую могилу. 18 января 1968 года приезжало много бывших командиров, товарищей со всего Советского Союза. Я и мои родные с тех пор посещали Братскую могилу родного дедушки в посёлке Мга Ленинградской области, за которой любовно ухаживают жители.

И это почти всё, что знаю. Да время убежало. Очень хотелось бы увидеть, пообщаться с сослуживцами-однополчанами и командирами. Воины – сибиряки дрались отчаянно за Победу. Узнать бы в каком полку он служил, номер части, направление... Есть некоторые расхождения: так на могиле указано – рядовой, в книге Памяти – ефрейтор, а в последнем письме к жене Анастасии Николаевне дедушка писал, что служит артиллеристом и ведёт бой под Ленинградом... Возможно, это был 2-й Белорусский фронт Ленинградского направления. В похоронке, что вручили бабушке Анастасии Николаевне, указано, «...Ваш муж Захаров Сергей Петрович пропал без вести»... Но мы ждали его всю жизнь.

Великие труженики

Арзамазовы Семён Анисимович и Феодосия Сергеевна – мои родители, Ветераны Великой Отечественной войны, ударники трудового фронта. Во время войны мама с 8 лет трудилась в колхозе, потом на рыбозаводе, таская носилки с рыбой, выполняя самую трудную работу. Папа рыбак, охотник, с детских лет добывал на пропитание большой семьи, за высокие показатели и добытую дичь был награждён в колхозе красной материей на рубаху. Все папины братья ушли на фронт и не вернулись. Мои мама и папа великие труженики тыла.

Сергей СМЕТАНИН

СКУПО О ВОЙНЕ

Отец, Егор Фёдорович Сметанин родился 8 декабря 1925 года в д. Давыдовка Покровского района БАССР в многодетной рабочей семье. Со школьной скамьи был призван в армию, воевал на 3-м Белорусском фронте под Калининградом, вернулся в Башкирию с орденами и тяжёлым ранением, от которого хромал потом всю жизнь.

Окончив Сельскохозяйственный институт в Уфе, работал ветврачом в Стерлитамакском зерносовхозе, а на пенсию вышел будучи директором Ашкадарской птицефабрики, строительству и организации работы которой отдал около двадцати лет.

Тетрадь с рукописью отца попала мне в руки после его смерти в 2011 году. С грустью разбираясь в его наклонённом влево, почти вертикальном почерке, скопировал текст на компьютер и, перечитав несколько раз, понял, что нового для меня в этой рукописи ничего нет.

Слышал эти нехитрые сведения и истории, как от отца, так и от матери множество раз, знаю их почти наизусть:

«После войны в стране сложилась тяжёлая жизнь для всего народа. Разрушены и сожжены 1710 городов, 70 тысяч сёл, 6 млн. зданий (лишились крова 25 млн. человек). Погибло около 25 млн. лучших людей страны. 94 млн. ранено. Экономика страны упала на 45%. Подорвано сельское хозяйство. Нужно было поставить страну "на ноги" при недостатке продуктов питания и необходимых средств к существованию.

Студенчество вместе со всем народом переносило эти тяготы на себе. Хлеб 600 г. на день, сахар или конфеты 500 г. на месяц по карточкам, вот и всё, чем могла нас порадовать страна в это тяжёлое время. Чтобы не погибнуть с голодухи, мы трое фронтовиков (Колядин И. А., Сибряев И. В., и я — Сметанин Е. Ф.) покупали дополнительно на троих ещё одну хлебную карточку и на базаре покупали животный жир, которым сдабривали понемногу картошку, которую готовили сами для себя. Поэтому затируха (мука разболтанная в воде) два раза в день в студенческой столовой или жиденький суп, это была уже роскошь, что привлекало студентов, да плюс бесплатное общежитие в засыпанном опилками бараке.

15 руб. я получал за ордена, 36 руб. стипендия. В общей сложности 51 рубль это были немалые деньги. Кроме того ходили на заработки, разгружали вагоны, баржи с углём, дровами, известняком и другими грузами, за что договаривались получать оплату не деньгами, а товаром по госценам. Полученный на разгрузке вагонов товар продавали на рынке.

Все студенты что-то для себя варили, все были повара. В столовую ходили со своими ложками. Посуда в столовой была сделана из жестяных банок. Лучшей одеждой была новая фуфайка или солдатская шинель. Из дома, кроме картошки, взять было нечего (ни продуктов, ни денег). Поэтому в летние каникулы мы сколачивали бригаду и нанимались на работу в учебное подсобное хозяйство института, заготавливали силос, сенаж, скирдовали сено, солому и выполняли другие сельхозработы.

За работу в течение 2-х месяцев нас бесплатно кормили "до отвала", участникам войны, кроме всего, ежедневно выдавали по 0,5 литра молока, хлеб по своим карточкам».

В рукописи нет о войне почти ничего. Так вышло, что отец не любил вспоминать войну, возможно потому, что не так дол-

го ему довелось быть на фронте. Из его устных рассказов знаю, что ему пришлось после военного училища командовать людьми, которые по возрасту и жизненному и военному опыту гораздо превосходили его самого.

Егор стыдился своего мальчишеского «писклявого» дисканта (по совету старших офицеров он долгое время старательно вырабатывал у себя «командный» голос).

Однажды его подчинённый, причём пожилой солдат-миномётчик, поставил его в трудную ситуацию, украв буханку хлеба у товарищей. Вспылив, отец ударил его, хотя это категорически возбранялось уставом. Впрочем, на мой взгляд, он спас, таким образом, солдата от трибунала.

Ни слова не сказал отец о подвиге, который совершил и за который получил орден, умалчивал и о втором ордене.

Запомнилось только, что как-то, подняв солдат в атаку, Егор увидел, как одному из них снесло полчерепа, так что видны были мозги (зрелище не такое уж необычное для ветврача, но ветврачом он стал гораздо позже). Был случай, когда жизнь однополчанину спасла солдатская поясная пряжка, пуля, летевшая в живот, попала в ремень, именно в неё.

Более живописно выходило у фронтовика описание того, как будучи раненным в ногу, загипсованный по пояс, он страдал от того, что заживающая рана неимоверно чесалась, а почесать её не было никакой возможности. Рассказывал отец о воздействии обезболивающего, в качестве которого был применён какой-то наркотик, морфий или что-то подобное.

Тяжёлое впечатление осталось у отца от недоедания в период военной учёбы, которая пришлась на самый разгар военных действий. Говорил отец и о том, что первые подразделения на фронте старались комплектовать из людей, которые происходили из мест боевых действий или хорошо знали местность, но это помогало мало. Потери были большие как раз в них.

Разговаривая с детьми, отец порой шутил, что немецкая пуля попала ему в ягодицу и осталась там навсегда.

Вот, собственно, и все сведения, которые я почерпнул из отцовских воспоминаний о войне.

Сергей ТРОХИМЕНКО

Мой дед, Трохименко Фёдор Назарович, 1900 г. рождения. Участник Гражданской войны, участник Карело-Финской войны в 1940 г. получил тяжёлые ранения. Во время ВОВ находился в оккупации. В марте 1944 г. после освобождения правобережной Украины был призван в ряды Советской армии. Погиб зимой 1945 г. при освобождении Польши. Фотографии не сохранились.

Мой отец, Трохименко Михаил Фёдорович, 1925 г. рождения. Во время голода 1932–33г. из четверых детей выжил один. На момент начала ВОВ окончил 7 классов, попал в оккупацию. Несколько раз угоняли на работы в Германию, каждый раз убегал и возвращался домой. В конечном итоге был вырыт в погребке потайной ход, где отец прятался до марта 1944 г. После освобождения был призван в ряды Советской армии. Прошёл с боями Украину, Молдавию, Румынию. Был награждён медалями – «За Отвагу», «За Боевые Заслуги». Осенью 1944 г. в боях за город Яссы, был тяжело контужен. Вернулся из госпиталя домой уже в 1946 г. инвалидом третьей группы.

В начале 50-х годов отказался от группы инвалидности и вступил в КПСС. Всю жизнь проработал столяром на сахарном заводе.

Моя мама, Трохименко (Сакевич) Галина Антоновна, 1926 г. рождения. В 1941г. в возрасте 14-ти лет была угнана на принудительные работы в Германию и освобождена бойцами Красной Армии в апреле 1945 г. Родила и воспитала пятерых детей.

Нина ЛЕКСИНА

ГЕРОЙ В НАШЕЙ СЕМЬЕ

Светлой памяти отца, деда, прадеда, Силантьева Ивана Семёновича, участника Великой Отечественной войны, награждённого орденом Красной Звезды, посвящается.

Силантьев Иван Семёнович родился 14 мая 1901 года в селе Удельное Нечасово в Казанской губернии, учился в церковно-приходской школе. Рано умерла его мать, а позже, когда Иван Семёнович был призван на Гражданскую войну, скончался отец. Иван Семёнович воевал в Красной Армии: участвовал во взятии Крыма, переходил через Сиваш, освобождал полуостров от белогвардейцев (генерал Врангель).

Благополучно вернувшись в родное село, женился на Екатерине Дмитриевне Ильиной, став отцом 3 сыновей и 5 дочерей. И ещё двое сыновей родятся в военное и послевоенное лихолетье!

22 июня началась Великая Отечественная война, и в сентябре Иван Семёнович был призван в действующую армию. В январе 1942 г. он начал свой боевой путь в составе 1183 стрелкового полка, 356 стрелковой дивизии Брянского фронта, затем – 1-го Белорусского фронта (с 01.03.1944 г.). Боевой путь формирования пролегал через такие города, как Брянск, Гомель, Мозырь, Сосновый Бор и др. В одном из ожесточённых боев он получил первое ранение. За мужество и доблесть ему было присвоено звание ефрейтора. После выздоровления снова пошёл на фронт, вернувшись в свой полк, в котором он служил повозочным батарей 76 миллиметровых пушек. Воевал на передовой.

28 июня 1944 года во время атаки противника он совершил подвиг, который точно задокументирован: «На его батарее, по причине ранения, выбыли наводчик и стрелок, тогда Иван Семёнович прямой наводкой подбил два немецких танка, одну противотанковую пушку и уничтожил две роты противника. При выходе из окружения уничтожил ещё 4-х немцев личным оружием и вывел в полной сохранности двух коней».

За проявленный героизм, 8 июля 1944 года, он был награждён высшим солдатским орденом Красной Звезды. Шла война, многодетная семья Силантьевых голодала. Жена Екатерина Дмитриевна отекала от голода. Трудно теперь поверить, но Ивану Семёновичу был предоставлен отпуск, а от военкомата семье помогли продуктами.

В январе 1942 года родился 9-й ребёнок – сын Иван, названный в честь отца.

В октябре 1944 года Иван Семёнович получил тяжёлое ранение – ему ампутировали ногу. После лечения он был демобилизован, 8 мая 1945 года вернулся домой.

Этот мужественный человек, несмотря на инвалидность, не пал духом, а, наоборот, оставался полезным семье и родному колхозу: работал и сапожником, и забойщиком скота, и ремонтником конской упряжи. Даже протез для ноги он сделал себе сам, в послевоенные годы присланные «казённые» протезы не отличались совершенством.

Иван Семёнович построил после войны новый дом: в 1946 году родился десятый ребёнок – сын Александр.

В большой семье Силантьевых всегда царил мир и порядок, благодаря любви отца и матери. Шли годы, росли дети, рождались внуки (всего – 15), правнуки (32 – на сегодняшний день). Если у кого-то случалось несчастье, то вся семья приходила на помощь. Когда старшая дочь, Горбунова Анастасия Ивановна, ветеран войны и труда, овдовела, оставшись с пятерыми детьми (погиб муж Иван Дмитриевич), вся семья оказывала ей постоянную помощь.

Иван Семёнович никогда не рассказывал о войне, но когда встречался с ветеранами, от волнения на глазах его были слёзы. В тяжёлые послевоенные годы с утра до ночи взрослые работали, а мы – дети, внуки, занятые своими заботами, не всегда имели возможность расспросить отца и деда о его боевом пути, о войне, о чем приходится сожалеть теперь. Годы войны и трудные послевоенные годы сказались и на здоровье Ивана Семёновича: он скончался 12 мая 1967 года.

Все мы – дети, внуки, правнуки разъехались по всей России и за её пределами, но бережно храним память о наших славных

предках, подаривших нам жизнь и спасших нас от нацистского порабощения.

В первые послевоенные десятилетия сама тема войны на официальном уровне как будто оказалась «забытой», но тем лучше, что сейчас, спустя 75 лет, она вновь получила интерес у потомков славных героев.

Мы глубоко признательны проектам «Память Народа» и «Подвиг Народа», благодаря которым смогли узнать о свершённом подвиге нашего отца, деда и прадеда, о его боевом пути в годы войны.

Каждый год мы, дети, внуки, участвуя в шествии «Бессмертный полк», гордо несем портрет Силантьева Ивана Семеновича, героя нашей большой и дружной семьи.

Вечная память погибшим, вечная слава живым!

Использованные источники: семейный архив сыновей (Силантьева И. И., Силантьева А. И.). Силантьев Иван Иванович, сын, Силантьев Александр Иванович, сын, Лексина Нина Ивановна, внучка.

ДА РАЗВЕ ОБ ЭТОМ РАССКАЖЕШЬ...

Памяти матери, Горбуновой (Силантьевой) Анастасии Ивановны, Ветерана войны и труда (медали: «За доблестный труд», «Материнства» 2 степени), Бригадиря женской тракторной бригады во время Великой Отечественной войны

Близится празднование 75-летнего юбилея славной Победы в Великой Отечественной войне. В такие праздничные дни ветеранов всюду приглашают на встречи. Почётным гостем на подобных мероприятиях была и моя мама, Горбунова Анастасия Ивановна, в девичестве Силантьева. Ей было, что рассказать молодому поколению...

В 1941-м грянула Великая Отечественная война, маме шёл семнадцатый год. Помогая родителям по дому, воспитывая братьев и сестёр (была она старшей в семье), работая в колхозе (с. Удельное Нечасово, Тетюшского района Татарской АССР), лелеяла надежду – стать учительницей. Любила водиться с детьми. Планы с началом войны рухнули: пришлось сесть за руль трактора, а потом принять женскую тракторную бригаду.

Но сначала пришлось рыть окопы по правому берегу Волги (Татарстан, Тетюшский и др. р-ны), где возводились оборонительные линии. Оголтелый фашист рвался к Волге. Ждали добрых вестей с фронта – да только весточки неутешительные были: отступала с тяжёлыми боями Красная Армия и несла невосполнимые потери. Мама переживала за своего отца, Силантьева Ивана Семёновича, который с января 1941 года воевал на передовой, подвозил противотанковые снаряды. А дома осталась больная, в отеках от голода, мать и ребятишки мал мала меньше (8 малолетних детей).

Мужчин нет – старики, молодняк да солдатки держали трудовую фронт. Дневная норма была большая, на квартиры приходили только переночевать, а утром – к труду!

С окопных работ вернулись лишь в феврале 1942 года. Вызвали Анастасию, маму мою, в сельсовет и сказали, что на фронт её не пошлют: отец воюет, а она старшая в большой семье (в январе 42-го родился 9-й ребёнок, названный в честь отца-солдата Иваном). Недельку только помогла матери (ослабла та в родах) и направлена была в дальнее село осваивать сельскохозяйственную технику за кратчайшие сроки (6 месяцев), учиться работать на тракторе.

Жилось очень трудно, голодали. «Я отделяла от своего пайка хлеб, сушила его и откладывала, чтобы отнести домой младшим. Каждую субботу пешком шла домой, 24 километра, а ребятня меня уже поджидала, радуясь: «Вон наша няня идёт!» Самому маленькому нет и года. А рано утром в понедельник возвращалась назад в холодные мастерские, и снова пешком – 24 километра да ещё с тяжёлой ношей – несла на плечах картошку и капусту, чтобы прокормиться неделю. И так каждую субботу: в метель и мороз, распутицу и слякоть, в жару и ненастье бежала домой. Тонула, обмораживала руки и ноги, однаж-

ды в сильный буран едва не заблудилась, но Бог берёт – сквозь буранную мглу увидела купола церкви – знать, до дома уж рукой подать!» – не без волнения вспоминала, бывало, мама.

Оказалась она в учёбе толковой, проворной – самостоятельно села на трактор. Работали целыми сутками. Пахали и днём и ночью с молоденькой девчужкой-прицепщицей при свете фар. Позже прицепщиком стал работать у неё младший брат Семён. Если трактор ломался, разбирали его, находили поломку и несли запчасти в районную МТС. Транспорта не было – лучшая техника и справные лошади отправлялись на фронт. Тяжёлые детали насаживали на крепкую жердину и несли вдвоём.

С весны до глубокой осени жили в поле, в вагончике, экономили время. В деревню по субботам приходили – помыться в бане. Выйдут ко двору на лавочку, послушают, как молодняк в клубе веселится, – и спать. На рассвете – снова в поле. И удивительное дело: ни зависти, ни зла тогда меж людьми не было. Жизнь есть жизнь. Смеялись, шутили, даже песни пели порой. И ждали вестей с фронта!

По исполнению 18 лет маме предложили возглавить женскую тракторную бригаду. Дело ответственное, особенно в тяжёлую военную годину. А как откажешься? Кому легко тогда было? Одно слово – война! Была она решительная, ответственная, всегда умела подход к людям найти. А самое главное – научилась с трудностями справляться и верила в победу. Сама старалась и девчат подбадривала. Её бригада заняла тогда 2 место в районных соревнованиях, уступили 1 место бригаде мужчин!

Зимой маму послали в Казань. Там, в Кремле, вручили ей медаль «За доблестный труд» и памятные подарки, сказали много душевных слов, которые не забываются...

Так до 1947 года мама и её подруги пахали землю, сеяли, убирали урожай, стараясь изо всех сил помочь стране. При этом не уступали даже мужчинам и удерживали 2 место в районе по всем показателям. В 1945-м начали возвращаться с фронта солдаты, которые вливались в бригаду. В 1947-м году по личной просьбе маму освободили от занимаемой должности (отец, мой дед, пришёл с войны инвалидом, родился 10-й ребёнок в семье; нужно было помочь родителям).

В колхоз МТС направила механика, ему-то она и передала все дела. А сама ещё долго работала в родном коллективе учётчицей.

После войны мама вышла замуж за моего отца, Горбунова Ивана Дмитриевича, погибшего в 1959 году при выполнении служебных обязанностей. Рано овдовев, мама всю свою жизнь посвятила нам, своим пятерым детям, была награждена «Медалью Материнства» 2 степени. Замуж она больше не вышла. Мы, все пятеро её детей, стали учителями. Свою мечту она воплотила в нас!

В 2009 году мамы не стало. Вся жизнь её – притча: старшая была она в большой семье, с честью трудилась во время войны, одна поднимала пятерых детей: после гибели мужа, старшей дочери – 9 лет, а младшенькой – 9 месяцев было. Пережила смерть многих близких людей. Не сломилась духовно, была верующим человеком, благочестивой вдовой, опорой всем, кто нуждался в её помощи. До последнего дня была активной.

Никого не предав и не обогнав, Мама прожила достойную жизнь! Да разве об этом расскажешь...

(Источники: из семейного архива дочерей, Лексиной Н. И., Шитовой Т. И.)

Михаил РЯБИЙ

И В ТЫЛУ И НА ФРОНТЕ

Моя мама, Раиса Сергеевна Тургенева, начала трудовую деятельность во время войны в 14 лет. Профессия у неё была мирная, но ответственная – бухгалтер. Для того, чтобы ей было удобно работать за столом, на стул подкладывали несколько подушек – и тогда она дотягивалась до его края. Отец её, мой дед, Сергей Николаевич Тургенев, ушёл на фронт, сестра Ольга была студенткой мединститута, и младшей пришлось бросить школу и вместе с матерью кормить семью. Так

она связала свою жизнь с избранной профессией, окончив курсы главных бухгалтеров. Являясь труженицей тыла, о военной поре она вспоминала, как о самом страшном времени в своей судьбе и молила Бога, чтобы подобное в нашей жизни никогда не повторялось.

Из-за войны она так и не получила высшего образования, посвятив себя семье – моему отцу и мне, её сыну.

Мой отец, Михаил Кириллович Рябий, не считал себя полноценным ветераном Великой Отечественной. В 17 лет добровольцем попросился на фронт, но вместо него попал в одну из школ младших командиров на Дальнем Востоке, стал её комсоргом. Было это в 1942-м...

О той поре он не любил рассказывать, поскольку его война длилась всего месяц и началась она с освобождения южного Сахалина в августе 1945 года. Совершенно случайно узнал я об одном эпизоде. Захватили японский штаб – он тогда получил офицерское звание – нужны были надёжные вставки под новые погоны. Материала было достаточно – несколько вражеских знамён из первоклассного шёлка. В конце 1950-х, будучи уже гражданским человеком, юристом по образованию, побывал в столице, музее Советской Армии. Среди экспонатов увидел то японское знамя с двумя аккуратными вырезами для погон. Так я узнал о том, что ему тоже пришлось принимать участие в сражениях, хотя свою тогдашнюю профессию – военфельдшера – он всегда считал мирной. Однако доводилось и в бой солдат вести, и стрелять по захватчикам из пулемёта, и лечить потом поверженных врагов... Его участие в войне, кроме остальных наград, было отмечено медалью «За боевые заслуги». Название само говорит за себя.

Старший брат его Дмитрий погиб при форсировании Днепра, освобождая Украину. Он был командиром пулемётного отделения, гвардии сержантом. В последних боях 15 и 16 октября 1943 года пулемётным огнём уничтожил 35 гитлеровцев. Скончался от ран. Посмертно был награждён орденом Отечественной войны II степени. Отец гордился братом и жалел, что не смог в полной мере отомстить за него.

Вечная Слава и память героям Великой Отечественной войны, защитившим нас, наших детей и внуков от захватчиков!

Брат отца героически пал
В битве за Отечество.
Я о нём потом узнал,
Только боль не лечится!
Сколько дядей и отцов,
Братьев или дедов
Не вернулись в отчий кров,
Мать с отцом проведать...
И живым нам не понять
Горечь той Победы...
Эх, текло бы время вспять,
Миновав все беды...

Ирина РЯБИЙ

МОИ РОДНЫЕ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Когда началась война, мой дед, Иван Алексеевич Безденежных, погиб из-за несчастного случая в августе 1941 года. Не знаю, смог бы он воевать на фронте: возраст к тому времени был у него неподходящий. Другой дед, из сибирских крестьян, Иван Давыдович Беспрозванных, находящийся в разводе с бабушкой, избрал военную специальность и наверняка воевал. К сожалению, никаких сведений о нём бабушка после войны не смогла получить. Отчим моего отца работал на военном заводе и ценился как высококлассный специалист – фрезеровщик 6 разряда, поэтому его заявление об отправке на фронт завернули. По сути, и дед Илья Евсеевич Слепко, в будущем депутат Верховного совета СССР двух созывов, и бабушка –

Валентина Павловна (урождённая Петрова), являлись труженниками фронта. Баба Валя много рассказывала, как они пропадали на заводе, часто там ночевали, и она очень переживала о сыне: как бы он не связался с мальчишками, которые от голода бегали по рынкам, чтобы что-нибудь стянуть.

В моей семье на фронтах Великой Отечественной побывали двое: родной брат мамы, Василий Иванович Безденежных, и муж её старшей сестры, Надежды, Борис Николаевич Антюшин.

Дядю Васю в 1941 году на фронт не брали: и лет мало, вато, и мужчин с Дальнего Востока не спешили отправлять на запад: рядом была угроза от Японии. Он с нетерпением ждал 7 января – дня своего рождения. А после, приписав себе для надёжности лишний год, отправился в военкомат. Заявление было принято! Однако воевать ему пришлось не сразу: сначала отправили в пулемётно-стрелковое училище, затем была ещё одна школа, после которой в марте 1944 года он оказался на 3-м Украинском фронте в 105 стрелковой дивизии 9-ой армии в качестве командира разведроты в звании лейтенанта. Часто ему приходилось возглавлять рейды десантного отряда в тыл врага, имел ранение. За участие в боевых действиях он был награждён двумя орденами Красной Звезды, Орденом Отечественной войны 1-ой степени и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». После войны он продолжил службу в воздушно-десантных войсках. В должности командира поискового отряда по обнаружению и доставке в центр он руководил поиском первых космонавтов СССР. Имел инвалидность. Вышел в отставку подполковником.

Дядя Боря, год рождения 1922, был призван в армию в начале Великой Отечественной в качестве стрелка-радиста. Вылетал на боевые задания на маленьких фанерных самолётах, но длилось это недолго. Самолёт подбили, а он чудом выжил, несколько часов «проболтавшись» в Чёрном море пока не подобрала наши. После госпиталя попал в артиллеристы, был контужен: его так завалило землёй, – думал, что никогда не свет не выберется. А ещё до этого был серьёзно ранен: пуля, попав в голову, прошла насквозь (недалеко от глаза и вышла в рай-

оне уха). Заканчивал войну осенью 1945 года в Манчжурии. Его военные заслуги были отмечены орденами Красной Звезды и медалями, а также орденом Отечественной войны 1 степени, которым был награждён к 40-летию Великой Победы. Служил на Камчатке, затем в Крыму. Был комиссован из-за контузии.

Что знаем мы о войне? –
Погибли на ней миллионы, –
Их кости по всей земле...
А помнят ли всех поименно?!

И чувство своей вины
Острее в последние годы:
Мы чуть не лишились страны,
Попав на крючок «свободы»!

Учебник о главной Войне –
Зачем он на полке пылится? –
В беспамятной суете
Затёрлись былые страницы...

Умножилась ценность вдвойне
Победы, где мы едины!
Как наши отцы на войне –
Мы будем непобедимы!

Юрий ДВОРЯШИН

ПЕРЕД КЕМ В НЕОПЛАТНОМ ДОЛГУ

Чем дальше живу, тем чаще возвращаюсь в памяти в своё детство. Наверное, это свойство сознания каждого человека: всё время влечёт к себе тайна твоего существования. Зачем родился? Есть ли в этом какой-то высокий смысл? Не упустили ли в своей устремлённости к новым горизонтам жизни чего-то самого важного? И в этих моих раздумьях о днях минувших всё чаще всплывает светлое имя и скромный лик отца – Дворяшина Александр Никитовича.

Он прожил не короткую жизнь – 75 лет. И было в этой его жизни много разного – и грустного, и печального, и радостного. Были и запоздалые, уже послевоенные, но от этого не менее дорогие, Государственные награды: ордена Красной Звезды и Отечественной войны I степени, юбилейные медали. Было и горькое ощущение бытовой беспомощности, на которую обрекли его тяжелейшие ранения и контузия. Но, как я сейчас понимаю, всё главное в его судьбе сходило на тех нескольких месяцах, которые вознесли его, двадцатидвухлетнего молодого человека, к высшей степени человеческого деяния – личному участию в судьбе народа.

О войне он рассказывать не любил. Правдивые книги о ней читал с трудом, с длительными паузами, наступавшими вслед за приступами сильного волнения, со слезами и тяжёлым молчанием. На мои дотошные расспросы отвечал лаконично, нарочито безэмоционально, сообщая только о фактах. Сейчас я понимаю, что в этом его стремлении очистить свой рассказ от сугубо личных ощущений и чувств, было проявлением потребности офицера-фронтовика передать высшую, может быть, главную правду о том времени и о том поколении. Поэ-

тому и мне хотелось бы сказать лишь несколько слов о суровой и героической доле моего отца, одного из сотен тысяч наших фронтовиков, очень кратко, в жанре хроники. Так будет правдивее.

Мой отец – Дворяшин Александр Никитович – родился 9 сентября 1919 г. в селе Красное, Буденовского района, Воронежской области в семье крестьянина Дворяшина Никиты Ивановича. Закончил 10 классов средней школы. В сентябре 1939 года поступил в Могилёвское военное пехотное училище, которое в связи с начавшейся войной в ускоренном порядке закончил в июле 1941 года. Ему было присвоено звание лейтенанта. 21 июля 1941 года был переведён в распоряжение 72-го запасного полка, расположенного в г. Пугачёве, и утверждён в должности командира взвода 82-миллиметровых миномётов.

В ноябре 1941 года был направлен в 53-ю стрелковую бригаду (командующие: генерал-майор Раковский В. С. (30.10.1941– 00.01.1942), генерал-майор Гаврилов М. Ф. (16.01.1942 – 21.03.1942) в должности командира миномётной роты. Первоначально расположившаяся в районе г. Коломны, после разгрома немцев под Москвой, 53-я стрелковая бригада в декабре 1941 года была переведена в распоряжение Волховского фронта и вошла в состав 2-й ударной армии.

Неизбывной болью отзывался в памяти отца этот путь к передовой. Их эшелон был разбомблен немецкой авиацией. Многие из друзей отца, с которыми он сроднился ещё в училище, крепкие, молодые ребята, растерзанные взрывами бомб, умирали у него на глазах, а он ничем не мог им помочь. Так начинался его крестный путь в рядах обречённого на неоднократные разгромы воинского соединения.

Трагическая участь 2-й ударной армии чаще всего всплывает в памяти в связи с предательством его командующего. На самом деле 2-я ударная армия до этого события, то есть до весны 1942 года, прошла по всем кругам ада. Исследователи её истории сообщают следующее: «53-я стрелковая бригада в составе войск 2-й ударной армии приняла участие в Любáнской наступательной операции, осуществление которой началось 7 января 1942 года. В операции принимали участие четыре армии Волховского фронта, которые превосходили противника в жи-

вой силе в 1,5 раза, в орудиях и миномётах в 1,3 раза. Но всё это превосходство сводилось на нет нехваткой боеприпасов, которых имелось всего четверть боекомплекта. 2-я ударная армия имела полный комплект личного состава, но у них почти совсем отсутствовали прицелы для орудий, а также телефонный кабель и радиостанции, что затрудняло управление войсками. Во 2-ю ударную армию не прибыла армейская артиллерия, не сосредоточилась даже та авиация, что была в наличии на фронте, не были накоплены запасы боеприпасов. Мало того, те соединения, которые прибыли, испытывали значительный недостаток в оружии, средствах связи, транспорте, продовольствии. Тем не менее, наступление началось по всей 150-километровой полосе фронта, и везде безуспешно, развиваясь практически по одному и тому же сценарию.

Ветеран одной из дивизий 2-й ударной армии вспоминал: «Батальоны ожесточённо сражались... Скрученные от холода пехотинцы лежали в своих снежных окопах, канониры стояли у своих орудий. Час за часом проходили в высшей боевой готовности. В коротких паузах между боями ухаживали за ранеными, пополняли боеприпасы, восстанавливали порванные линии связи. Потом с криком «Ура!» приходила новая волна атакующих через широкий Волхов. Немецкие пулемёты молотили нападающих, артиллерия и миномёты расстреливали их заградительным огнём, нападающие залегали. Убитых и раненых становилось всё больше, они покрывали речной лёд».

После первой неудавшейся попытки форсировать реку Волхов наступление войск фронта возобновилось 13 января 1942 года. По свидетельству участника, «четыре армии под сплошным пулемётным огнём, устилая Волхов трупами, рванулись к западному берегу». Переправившись через Волхов, после ожесточённых боёв, 53-я бригада сосредоточилась на южном фланге горловины прорыва 2-й ударной армии.

Именно в это время, в середине января 1942 года, выведя оставшихся бойцов своей роты из готового сомкнуться кольца окружения, отец был тяжело ранен. Разорвавшийся недалеко снаряд мгновенно и едва ли не насовсем оборвал его связь с жизнью. Сам он, конечно, не помнил, как это произошло. Об этом ему рассказали санитары медсанбата, когда к нему

вернулось ещё зыбкое сознание. Его состояние после взрыва было столь тяжёлым, что жизнь висела на волоске. В суматохе боя, не обнаружив в нём признаков жизни, его почти бездыханное тело положили среди убитых красноармейцев, и только пробежавший мимо подчинённый ему взводный расслышал лёгкий стон и велел перенести его в операционную. В чудом сохранившемся медицинском заключении того времени констатировано: «В январе 1942 года на фронте от разрыва снаряда был одновременно ранен в правую половину лица с повреждением верхней и нижней челюстей и тяжело контужен. Около двух суток находился без сознания». В течение десяти месяцев находился на излечении в госпиталях.

А после этого, едва придя в себя, – снова в строй. С августа 1942 по июль 1943 года служил в 105 запасном полку командиром миномётной роты. В июле 1943 года демобилизован по состоянию здоровья. Инвалид Отечественной войны 2-й степени. Умер в мае 1994 года. Похоронен на сельском кладбище. На могиле – фамилия, имя, отчество, годы жизни и в правом верхнем углу золотая звёздочка, как светлый маячок в бушующем море отечественной истории.

Лилия ТАКТАШЕВА

ГОРЬКИЙ ПРИВКУС ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Я – дочь фронтовика. Родилась за год до войны. Так что в детстве пришлось испытать все тяготы военного и послевоенного времени. Мне было всего полтора года, когда моя семья при эвакуации попала под бомбёжку. Но этот кошмар настолько врезался в моё детское сознание, что я аж до шести лет боялась салюта. Жили мы в столице Таджики-

стана – городе Сталинобаде (ныне Душанбе). По праздникам во всех столицах производился артиллерийский салют. При первых залпах я с криком – «Немчи, немчи пришли», пряталась под кровать, и никакими уговорами нельзя было меня выманить оттуда.

Многое пережила моя мать. Она одна поднимала на ноги троих детей, потому что отец не вернулся с войны. Нет, он не погиб. После военного кошмара он попал в застенки сталинских лагерей. Был обвинён в антисоветской пропаганде и репрессирован. Мама была женой фронтовика, а стала женой врага народа, а мы – детьми врага народа. Правда мама долгое время скрывала это от нас. Говорила, что отец остался служить на границе.

После шести лет Колымы отец вышел на свободу с «волчьим билетом». Это значит, что какое-то время ему запрещалось жить в крупных городах. Года два он жил и работал в районе. И лишь потом он смог вернуться к семье.

В отце каким-то образом уживались суровость и любовь к прекрасному. Он был хорошим художником-пейзажистом. С восьми лет оставшись сиротой, он жил у родственника – художника. И от него отец и научился этому искусству. Работал маслом по холсту. В основном он делал копии великих художников, которые быстро раскупались. Он мог бы только на этом зарабатывать хорошие деньги, но тогда это считалось тунеядством. Одну картину он написал специально для меня и подарил на День рождения. Она хранится до сих пор.

Надо сказать, отец был не рад моему рождению. Ждал мальчика. Но любил он меня потом больше чем сестру и брата. У нас с ним было какое-то духовное родство.

– Ах, ты моя Лильча-саранча, – так ласково журил он меня за какие-то проступки. (Пишу сейчас и плачу).

Колыма исковеркала его жизнь, но не сломила его свободолюбивый дух. Он так и остался борцом за правду и справедливость.

Через шесть лет его снова арестовали и осудили по той же статье на четыре года. Видимо не до конца испил он свою горькую чашу. Тогда эта репрессивная машина задела и меня. Как сейчас помню. У нашего девятого класса шёл урок лите-

ратуры. В класс заходят директор школы и человек в военной форме. Директор спросила:

– Зиновьева здесь?

– Да, – ответила я.

– Выходи с портфелем.

Меня посадили в машину и привезли в какое-то здание.

Допрашивали спокойно, не кричали. В основном спрашивали, что говорил отец про власть, про партию. Помню, как на второй вопрос ответила: «Он говорил, что партия должна быть ленинской». Я не считала, что это может повредить отцу. Раз комсомол ленинский, то и партия должна быть ленинской – так думала я. На остальные вопросы отвечала – не слышала, не помню, не знаю... Хотя, конечно, и слышала, и помнила. Отец и дома не скрывал своих политических взглядов, а уж за пределами дома и подавно. «Из-за своего языка попался», – говорила мать. Она была ортодоксальной коммунисткой.

Мои отношения с одноклассниками после вызова меня с урока складывались вполне нормально. Через несколько дней учитель истории спросила, почему меня не было на уроке. Я молчала и все молчали. И только один, (я даже помню его фамилию – Вовка Маслов), крикнул: «Да её перед вашим уроком арестовали». Я обозвала его дураком, ударила портфелем и выбежала из класса. На следующий день все вели себя так, как будто ничего не было. Учительница не сказала мне ни слова. С Вовкой мы не стали врагами.

Из тюрьмы отец вышел через два года. Был полностью реабилитирован, восстановлен в звании и правах. В Душанбе он не вернулся. У них с мамой ещё до суда были прерваны отношения. Только я посылала ему посылки в тюрьму.

Остался он жить в городе Фрунзе (ныне Бишкек). После выхода ему сразу дали квартиру и денежную компенсацию. Он даже мне прислал немного денег.

Когда распался Советский Союз, папа очень переживал оттого, что ему приходится доживать свой век на чужбине, где он чувствует себя чужаком. «Увы, – писал он мне. – Россия забыла о тех фронтовиках, которые волею судьбы оказались в ближнем зарубежье. Нет им ни почестей, ни уважения...»

Приехать жить ко мне в Мегион он не мог в силу своего возраста и здоровья. Успокаивало лишь то, что с ним жила женщина. Корю себя за то, что я редко навещала отца. В апреле 1995 года я написала стихотворение, посвящённое отцу, отправила ему. Он был растроган до слёз и в ответном письме прислал мне небольшую вырезку из газеты «Вечерний Бишкек» со статьёй о нём. Вот в ней-то и была раскрыта история, как во время ожесточённого боя майор Порфирий Тимофеевич Зиновьев в 1943 году вынужденно взял на себя командование полком, насильно отстранив от него растерявшегося, (а может струсившего), вышестоящего по званию офицера. Они победили в том бою, но офицер Зиновьев попал на заметку к чекистам. Он прошёл всю войну, но после Победы его встретили не счастливые объятия семьи, а безжалостные холодные тиски НКВД.

Мы с отцом больше не увиделись. В декабре 1995 года его не стало.

Галина ХОРОС

ЭТО В ЧЕСТЬ НЕЁ Я НАЗВАНА ГАЛИНОЙ

Оносова Галина Николаевна, военный врач, подполковник медицинской службы. Родилась 18 января 1911 года в Тугулымском районе Свердловской области.

Моя бабушка. Это в её честь я названа Галиной.

В «Омской областной Книге почёта имени X съезда ВЛКСМ» врачу-комсомолке Галине Оносовой посвящена одна из 26 глав: «Девушка, побеждающая смерть».

«... Девушка, которая побеждает смерть», – так называют хантэ, – жители остяко-вогульской тундры, врача-комсо-

молку Галину Оносову. Три года назад комсомолка Оносова окончила медицинский институт. Она сама вызвалась ехать на Север.

... Вместе с товарищами в «красном чуме», под руководством окружной партийной и комсомольской организации, борется она с шаманством, терпеливо, осторожно, подчас рискуя собственной жизнью, учит культурному обиходу жителей тундры, проводит профилактическую и лечебную работу. Галина изучила язык хантэ, чтобы облегчить себе работу. Изучила их быт, предрассудки, суеверия, чтобы лучше бороться против некультурности и невежества.

Замечательный врач, агитатор, комсомолка Галина Оносова заслужила добрую славу в хантейских чумах.

... Живая, интересная девушка, любящая волейбол, Пушкина, стихи, хорошую книжку. Вместе со своими товарищами она живёт интересной, содержательной жизнью, всюду организуя, разъясняя, агитируя. Девушка, побеждающая смерть, несущая культуру в далёкие чумы возрождающегося народа. Девушка, полная смелости, отваги, воли, энергии, любви к своему делу – настоящая комсомолка.

С гордостью заносим её имя на страницы Книги Почета имени X съезда комсомола».

В Книге «Милосердие» (2015), повествующей о становлении системы здравоохранения в Ханты-Мансийском автономном округе, Галина Николаевна Оносова упоминается как «врач-просветитель, в воспоминаниях о Толькинском «красном чуме» Ларьякского (Ниженевартовского) района открывший такие страницы истории врачевания, о которых теперь никто и помыслить не может».

Незадолго до начала Второй мировой войны поступила в Ленинградскую Военно-медицинскую академию.

В рядах Красной Армии – с 1939 года.

23 июня 1941 года призвана на Калининский (впоследствии – Первый Прибалтийский) фронт, в 4-ю Ударную Армию.

Работала начальником терапевтического отделения полевого подвижного госпиталя № 628.

Как следует из сохранившихся документов, за образцовое

выполнение боевых заданий командования и проявленные доблесть и мужество награждена Орденом «Красная Звезда», двумя медалями «За боевые заслуги», другими правительственными наградами.

Дважды представлена к награждению медалью «За отвагу».

В наградных листах отмечено: «Оносова Галина Николаевна работает в госпитале с июня 1941 года. За период своей работы много раз спасала от смерти тяжелейших больных и возвращала их в действующие части. С любовью ухаживает за ранеными.

Провела всю работу по эвакуации раненых во время особенно интенсивных бомбёжек в августе 1941 и марте 1942 годов. Дело своё любит и работает, не считаясь со временем и тяжестью обстановки.

Исключительно заботлива и внимательна к раненым. Не знает отдыха, всегда готова выполнить любое задание. Наряду с этим, очень большое внимание уделяла подготовке терапевтических кадров, кропотливо и настойчиво, передавая молодым врачам, весь свой богатый теоретический и практический опыт лечения больных».

После окончания Великой Отечественной войны служила в военном госпитале города Симферополь, затем – в военном санатории города Алушта.

... До сих пор помню аромат крымских яблок, которые бабушка Галя присылала в морозный Ханты-Мансийск в аккуратных фанерных ящичках. Приезжая в гости, рисовала для меня бумажных кукол с кудрявыми волосами («Букли, букли!..»), в платьях по моде из её молодости («Буфы, буфы!..»), участвовала в играх и домашних спектаклях, устраиваемых подрастающими внуками, всячески оберегала безмятежность нашего детства.

Она никогда не говорила с нами о войне.

Г. Н. Оносова умерла 11 ноября 1978 года. Похоронена на военном кладбище Симферополя.

ВАКУЛИН Фёдор Васильевич

Родился в 1900 году в деревне Луго-Филинск (Ханты-Мансийский район ХМАО – Югры) шестым ребёнком в семье церковного служителя и акушерки. С детства обучался тонкостям рыбалки, охоты, был отличным стрелком, досконально знал окружающую природу.

Революционные события, Гражданская война не обошли стороной сибирскую глубинку. В 1919 году Фёдор Вакулин был призван в Северный экспедиционный отряд Александра Лепехина, а в 1920 был направлен на польский фронт. Демобилизован в 1922 году.

В 1924 году, женившись, переехал с семьёй в село Самарово. Работал мастером на смоляном заводе в районе Полуденной горы до начала Великой Отечественной войны.

С 1 августа 1941 года мобилизации подлежало всё мужское население в возрасте до 55 лет.

20 сентября 1941 года Ханты-Мансийским окружным военным комиссариатом Фёдор Васильевич был призван на Калининский фронт в должности стрелка.

В 1942 году в ожесточённом бою получил тяжёлое ранение и контузию, с поля боя его подобрал неподающим признаков жизни. В деревню Луго-Филинск, где у Фёдора Вакулина оставались жена и пятеро детей – среди них и моя мама – пришла «похоронка»...

Его продолжали ждать – надеялись на чудо.

Родному брату деда, Александру Вакулину, так и не суждено было вернуться домой с фронта.

Рядовой войны, мой дед, стрелок-красноармеец 1-го батальона 1-й роты воинской части № 1210 Фёдор Васильевич Вакулин выжил, после продолжительного лечения в госпитале был демобилизован по инвалидности и потере трудоспособности.

Был представлен к награде, но по какой-то причине она не была вручена. Долгие годы, как высшую награду, хранил личный подарок своего командира – золотую брошь в форме стрелы.

В нашей семье в память о деде хранится реликвия – Книжка красноармейца.

Ф. В. Вакулин ушёл из жизни в 1972 году. Похоронен в селе Тевриз Омской области.

Дмитрий СЕРГЕЕВ

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ У МОРЯ

Предложение отца поехать с ним на море было довольно неожиданным. «Никогда мы с тобой раньше не отдыхали вместе, – сказал он. – И, может, уже не придётся». Ему давно перевалило за шестьдесят, а я был уже взрослым самостоятельным человеком. Но так сложилось, что мы действительно никогда не ездили с ним в места отдыха, не загорали у моря, никогда подолгу не говорили от души и, может быть, потому не всегда понимали друг друга, во всяком случае, я его часто совершенно не понимал.

Ранним утром мы ехали в электричке к Азовскому морю. За окном, прерываемая небольшими посадками и увенчанная зубьями терриконов, расстилалась пёстрая вблизи и желтовато-зелёная поодаль донецкая степь. Отец сидел напротив, у окна, щурясь от яркого утреннего солнца. Только теперь я заметил, как сильно он постарел за последние годы.

Отец ушёл на фронт в сорок первом, когда ему не было восемнадцати. Из довоенного времени он помнил свою деревню, школу и страшный голод тридцатых годов на территории Курской области. Отец попал в артиллерию и сразу же угодил в серьёзную переделку. Батарея, в которой он служил, была почти полностью уничтожена, его орудие тоже было разбито, конная тяговая сила частично погибла, частично разбежалась и носилась по полю, шалея от стрельбы и взрывов. Пехотная часть, занимавшая оборону на этом же участке, была рассеяна наступавшими немцами. Вместе со своим сослуживцем после долгих блужданий по незнакомой местности отец примкнул

к пехотному командиру, пытавшемуся собрать своих солдат. Так он оказался в пехоте, с которой и прошёл всю войну. Заканчивать бои ему пришлось в Австрии.

Пройдя путь от рядового до младшего лейтенанта, после войны отец остался в армии и был направлен в Берлин для дальнейшей службы. Через некоторое время демобилизовался, но в гражданской жизни себя не нашёл – он практически не знал её – и снова вернулся в армию, отправившись в гарнизон, расположенный на далёком Курильском острове Шумшу. Но в пятидесятых, как и большинство выдвигенцев войны, не имевших специального образования, попал под грандиозное сокращение советских войск. Несмотря на потерянные для учёбы годы, он сумел успешно окончить филиал Днепропетровского университета и почти до конца дней своих работал учителем истории в маленьком городке в Донбассе...

Большую часть пути мы молчали, слушая перестук колёс, и лишь изредка перебрасывались короткими фразами, делясь впечатлениями о чём-нибудь привлёкшем внимание за окном. Помнится, когда мы с сестрой были ещё детьми, он читал нам Пушкина и Лермонтова, благодаря чему их стихи и прозу мы знали с дошкольного возраста. Иногда он мог увлечь нас интересной игрой или чем-нибудь полезным, например, рисованием. Рисовал отец хорошо, но при этом исключительно деревенские пейзажи или войну. С годами наше общение становилось более редким и лаконичным. Современной жизни, по крайней мере, на уровне нашего быта он не признавал. Кажется, он так и не смог к ней привыкнуть и во многом жил какими-то своими воспоминаниями и представлениями.

Поезд остановился. Сонные пассажиры оживились, оглядывая местность, – какая там станция? Перед нашим вагоном полная женщина в ярком платке продавала белую черешню. В другое время это обстоятельство, возможно, не навяло бы на меня никаких воспоминаний. Но тогда вдруг вспомнилось: в конце пятидесятых отца свалил туберкулёз в тяжёлой

форме. В больнице к нему относились уже, как к умирающему, и разрешили маме при посещении мужа взять с собой детей. Меня и сестру к отцу не подпустили, а посадили на белые табуреты у противоположной стены. Отец лежал в белой палате, на стоявшей у окна железной кровати, накрытый чем-то белым. Очень худой и тоже какой-то белый, едва узнаваемый, он смотрел на нас и улыбался. В тот день мы принесли ему белую черешню. И этот момент навсегда врезался мне в память, хотя смысла происходящего я тогда так и не понял. Помнили отец тот день? Наверное. Но мы на эту тему никогда не говорили. Он вообще не любил сентиментальных разговоров. Помнится, провожать меня в армию вместе с другими родственниками он не поехал. И лишь на следующий день, надев военную форму (в то время он, кроме истории, преподавал и военное дело) и ордена, которые надевал крайне редко, пришёл в областной военкомат, где я ожидал отправки на место службы, спросил, куда распределили, пожал руку, сказал: «Служи, как положено». И всё.

Но вот за окном показалось поросшее травами устье Кальмиуса, а дальше – желтеющая отмелями зеленоватая поверхность моря. Мы расположились в небольшой, простенько обставленной комнате из выделявшихся областным отделом профобразования для отдыхающих учителей в общежитии для учащихся, ушедших на летние каникулы. До моря было близко, и мы дважды в день спускались на пляж по длинной каменной лестнице, вдоль которой располагались торговцы фруктами, ягодами и прочими дарами садов и огородов, уже, казалось, пропитавшими своими запахами каждую ступеньку. Мы с удовольствием купались в море, но оба не любили долго вылёживаться под солнцем. Больше предпочитали прогулки по вечернему берегу. И вспоминая эту нашу поездку, я, прежде всего, вижу один из таких южных вечеров. Солнце уже почти закатилось, окрасив горизонт в жёлто-розовые тона. Свежий влажный ветер выгонял на берег лёгкую шуршащую волну. Мы шли вдоль очерчиваемой пенными гребешками линии моря и молчали. Каждый, наверное, думал о своём, но почему-то казалось, что об одном и том же.

Остался у меня в памяти и тесный ресторанчик, оформленный в морском стиле, со свисающими с потолка рыбацкими сетями, в который мы порой заходили поужинать. Брали бутылку хорошего вина, отец слегка расслаблялся и вдруг начинал с увлечением что-нибудь рассказывать. Он умел прекрасно говорить и, наверное, смог бы писать. Когда-то он мечтал написать книгу о войне, и была уже готова первая глава, которую он рассказывал наизусть. Думаю, в голове он уже держал и остальной сюжет, но до написания дело так и не дошло. Постепенно отец забыл и о первой главе. И когда в полумраке, очерченном сетями и блестящими рыбами, я напомнил ему о его писательских планах, он ответил с какой-то безысходностью в голосе: «Если бы даже я и написал, этого всё равно никто и никогда не опубликовал бы». И мне вдруг стало его жаль.

Отец всегда много читал и много думал. Часто он уходил в себя и не сразу слышал, когда его окликали. Мог подолгу смотреть в экран телевизора и не знать, о чём передача. Что-то всегда беспокоило его. Человек далеко не пролетарского происхождения, он на фронте вступил в партию и до конца дней своих оставался преданным её идеалам. У отца была реальная возможность пойти работать в партийные органы, но он ею не воспользовался, более того – отказался наотрез, причём, в очень жёсткой форме. А когда мне в студенческие годы предложили поработать внештатным инструктором горкома комсомола с дальнейшей перспективой устройства туда на постоянную работу, отец недовольно сказал: «Ты пошёл в университет учиться? Вот и учись. И нечего ерундой заниматься». Почему-то он страшно не любил партийно-комсомольскую номенклатуру. Об этом я и спросил его в тот вечер.

– Они всё испортили, – сухо сказал он. – Теперь кому-то придётся начинать сначала.

– Почему? – удивился я.

– Потому что никакие они не коммунисты.

– А кто же они? – осторожно полюбопытствовал я.

– Просто приспособленцы, – ответил отец, и резко перевёл разговор на другую тему.

Больше мы к этому разговору не возвращались. А на следующий день мы переходили вброд заболоченный залив. За ним располагался поросший густыми травами и облюбованный птицами остров, удивлявший своей яркой зеленью на фоне воды и песка. К нему от пляжа по скрытой под тонким слоем воды по песчаной косе, уходившей далеко в море, цепочками тянулись люди, словно идя по воде – зрелище было завораживающим. Но коса вела в обход, а через залив было рукой подать. «Мы ходим на остров вброд», – похвастались нам местные подростки, и отец сразу же загорелся идеей перейти залив.

Во время войны ему довелось переплыть Дон, и, видимо, теперь захотелось испытать, есть ли ещё силы на марш-бросок через водную преграду. Мы рискнули, но уже шагов через тридцать я об этом пожалел. Ноги до колен, а порою и выше проваливались в ил, при этом вода доходила то до пояса, то до плеч – идти было трудно, а плыть невозможно. Я то и дело оглядывался на отца. Он был бледен, сосредоточен и тяжело дышал. Наверное, местные подростки знали более лёгкий путь.

– Тяжко? – забеспокоился я. – Может, вернёмся?

– Мне тяжело?! – возмутился отец. – Да я старый солдат! Я так весь день идти могу. Ты не смотри, что я молчу, – это я шаги считаю.

В отце всегда угадывалась какая-то скрытая внутренняя сила, огромный неизрасходованный потенциал. Я вдруг подумал, что он мог бы прожить совсем другую, лучшую жизнь, в которой мог бы себя

полнее воплотить. Наверное, он и сам всегда осознавал это. И только четыре года, прошедшие на войне, не вызвали у него никаких сомнений, придавая глубокий смысл всей жизни, заставляя всё время возвращаться к ним в мыслях и разговорах.

Отец исключительно редко болел, но однажды начал жаловаться на боль в боку, при этом наотрез отказываясь сходить в больницу. Когда же он туда попал, диагноз был, как приговор – рак лёгких. Теперь я думаю, что он был болен уже тогда, когда мы переходили с ним залив. Его выписали из больницы в мае девяносто первого, предрекая смерть в ближайшие два месяца. Моя мама отпаивала его настоем трав. Он быстро встал на ноги. По утрам устраивал себе прогулки, ходил за продуктами на базар или по магазинам и вёл образ жизни здорового человека. Даже заставить его бросить курение оказалось никому не под силу.

В тот год я приехал к родителям осенью. Провожая меня, отец всё время отнимал у меня чемодан и собирался ехать в аэропорт. И лишь в последний момент на автобусной остановке он побледнел и, сознавшись, что не очень хорошо себя чувствует, отказался от этой затеи. Но с первого раза я тогда не улетел. Рейс периодически откладывали, и я вновь и вновь возвращался домой, будто судьбе было угодно, чтобы я снова увиделся с отцом. Каждый раз мы прощались всё более формально, словно не веря, что это уже окончательно. Когда я уходил последний раз, отец проводил меня до двери:

– Извини, если что было не так.

– А что здесь могло быть не так? – удивился я. – Всё нормально.

– Да нет, я не об этом, – ответил он. – Я вообще...

Несмотря на тайну, окружавшую его болезнь, он, я думаю, догадывался о ней, как и о том, почему вдруг я приехал поздней осенью, а не, как обычно, летом.

Прожив весь девяносто первый год, и глубоко пережив распад Союза, отец умер в Крещение – 19 января 1992 года. Утром он, как обычно встал, проделал свой утренний моцион, позавтракал и прилёг читать газету. Потом вдруг отложил её, вышел в прихожую и там упал. Услышав крик мамы, собрался с силами и встал. Он, кажется, так и умер стоя и, уже мёрт-

вый, повалился на пол, увлекая, за собой маму, пытавшуюся его удержать.

Прилетев в тот же день, я поехал заказывать гроб, но в степном городе при разрушенных развалом государства экономических связях и прервавшихся поставках древесины не оказалось досок. Я пытался найти их в железнодорожном и строительном училищах, где ранее работал отец, но тщетно – обещали машину, физическую и прочую помощь, но только не доски. В похоронном бюро сказали, что многие люди хоронят своих близких в полиэтиленовых мешках, и рекомендовали поступить таким же образом. Пришлось мобилизовать всех друзей и знакомых, чтобы, наконец, сделать гроб.

В день похорон мороз достигал двадцати градусов, что в сочетании с сильным степным ветром делало погоду довольно мерзкой. Озябшие музыканты играли коротко. После нескольких кратких речей, сказанных посиневшими от холода людьми, гроб опустили в могилу. Я ещё успел подумать, что отец, наверное, не одобрил бы крест на его крышке, но другие родственники считали, что это необходимо. Плохо поддававшийся лопатам грунт сдвинули трактором.

С тех пор прошло множество лет, и многие события той давней поры уже забылись. А десять дней, однажды проведённых с отцом на море, навсегда остались одним из моих самых ярких воспоминаний о нём. И ещё – где-то в старых маминых альбомах хранится фотография, где мы стоим с ним на берегу ясным солнечным днём, и у наших ног плещется тёплое Азовское море.

1995 г.

УЧАСТНИКИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ -
РОДНЫЕ И БЛИЗКИЕ
АВТОРОВ «ЭРИТУРА»

Ермаков
Михаил Сергеевич

Петрунин
Алексей Степанович

Антюшин
Борис Николаевич

Безнежных
Василий Иванович

Рабий
Михаил Кириллович

Тургенева
Райса Сергеевна

Седомин
Селиверст Семёнович

Юрченко
Георгий Матвеевич

Михайловский
Леонид Сергеевич

Трохименко
Фёдор Назарович

Протопопов
Илья Дмитриевич

Пудов
Георгий Николаевич

Антонов
Иван Гаврилович

Тарасов
Иван Александрович

Тарасов
Михаил Семенович

Тарасов
Виктор Семенович

Дашинский
Аркадий Степанович

Дунчик
Михаил Михайлович

Оносова
Галина Николаевна

Вакулин
Фёдор Васильевич

Силантсев
Иван Семёнович

Горбунова (Силантсева)
Анастасия Ивановна

Луцкий
Артём Феодосьевич

Гаврилов
Александр Васильевич

Кацнельсон
Ефим Семёнович

Сметанин
Егор Фёдорович

Гостев
Николай Прокофьевич

Плюгин
Константин Семёнович

Дворяшин
Александр Никитович

Новицкий
Станислав Иосифович

Акимов
Григорий Васильевич

Акимов
Константин Семёнович

Булатов
Трофим Петрович

Кердан
Пётр Иванович

Кутлугалиев
Хурмат Бахтиганеевич

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ВОЙНА В ДОКУМЕНТАХ
И ФОТОГРАФИЯХ

Саломин
Селиверст Семёнович

Бармин
Никифор Иванович

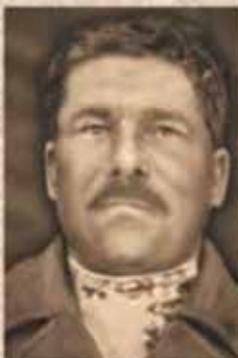

Бармин
Фёдор Иванович

Радченко
Владимир Фелорович

26. артиллерийский Саломин в наступательных боях с 1 по 20 марта 1947 г.
проявил мужество и отвагу.
23.4.47. Саломин во главе группы разведчиков все разведки в р-не
западной окраины г.р. Коммунар, где обнаружены отступающие колонны
противника, Саломин с группой разведчиков завязал бой где убито
было 12 немецких солдат, Колонна была захвачена до подхода
наших танков и была разгромлена.
Возвращаясь в западном Саломин тайно вооружил группу немцев
в Коммунаре 25-30.4.47, где был взятлан и освобожден в результате чего
было убито 12 солдат и 1 офицер в плен 5 немецких солдат

Кузнецов
Василий Петрович

Вторушин
Михаил Степанович

Сенченко
Федор Иванович

26. артиллерийский Саломин в наступательных боях с 16 по 30.4.47 г. проявил
мужество и отвагу.
Саломин во главе отряда все время движения в главном
долом, своевременно доносит командованию где находится заслонка
противника.
25.4.47. в р-не Нейкишин Саломин в 3-х разведках разведкой
маршрут по которому двигалась вся бригада. Дойдя до моста
Саломин обнаружил 2 противотанковые пушки и танки и
пушки которые держали под обстрелом мост. Саломин
обойдя пушки с тыла и забросил гранаты. Дви Саломин
уничтожил один расчет и захватил 2 пушки и 1 танк.
2. Движение в правительственной награды ордена Славы 3-го

Дашников
Аркадий Степанович

НАГРАДНОЙ АКТ

1. Фамилия, имя и отчество **ДОШНИКОВ Аркадий Степанович**
2. Звание **гвардии сержант** 3. Должность, часть **командир отделения**
65 отдельной Гвардейской разведывательной роты 53 Гвардейской
стрелковой Краснознаменной дивизии 8 Прибалтийского фронта
Представляется к **ордену КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ**
4. Год рождения **1920 г.** 5. Национальность **БЕЛОРУСС** 6. Порт-рождения **чл. КПСЗ**
7. Участие в гражданских войнах, революционных боях, действиях по защите СССР и отечественной войны (год, место) **с 22.6.41 г. на западном фронте, с апреля 1944г. на северном фронте, с марта 1943 г. на ЮФ, в Прибалтийском фронте**
8. Участие в военных и оборонных отечественной войны имеет **два раны**
9. С какого времени в Красной Армии **сентябрь 1940 г.** 10. Служил в РКК при **сволавокомком разведкомкоматом Минской области БССР**
11. Чем ранее награждался (за какие отличия) **не награждался**
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи

4. Краткое, конкретное описание личного боевого подвига или заслуг

В апреле 1944 г. группа разведчиков в количестве 6 человек под командованием гвардии сержанта ДОШНИКОВА А.С. получила задачу вскрыть группировку противника перед фронтом дивизии и дойти языка в районе реки Мдем. Гвардии сержант ДОШНИКОВ, проникнув в тыл врага с группой, сделал засаду на дороге, через некоторое время на дороге показались группы немецких солдат и офицеров, которые направлялись на левый фланг наших частей.

В завязавшемся бою 19 солдат противника были уничтожены и два солдата взяты в плен, в этом бою гвардии сержант ДОШНИКОВ лично уничтожил 8 солдат противника.

Гвардии сержант ДОШНИКОВ А.С. достоин дружественной награды - ордена КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ.

КОМАНДИР РОТЫ ОГТР
ГВАРДИИ КАШТАН

ВЕРИЩЕВ /

" " КНИИ 1944 г.

Командир (подпись)

Приказ № 24193
42-й Воздушной Армии Запасной Армии Запасной Армии
Воздушной армии Сухопутной армии
2 мая 1951 г. 1951 г. Воздушной армии
От имени Президиума Верховного Совета СССР Народного

Медаль «За отвагу»

476 номера

Антимина Григорий Алексеевич - рядовой 1-го класса
В связи с окончанием службы Февр. 27.55. В связи с окончанием службы на территории Германии и ордена за отвагу и ордена за отвагу
4-й класс ордена

1946 г. рождения, чл. ВЛКСМ, русский, в РККА с 1943 г. участником Великой Отечественной войны РККА, ордена за отвагу 1945 г. награжден орденом
Домашний адрес

Бондурова Леонид Васильевич - лейтенант 1-го класса
В связи с окончанием службы Февр. 27.55. В связи с окончанием службы на территории Германии и ордена за отвагу и ордена за отвагу
4-й класс ордена

1921 г. рождения, чл. ВЛКСМ, русский, в РККА с 1943 г. участником Великой Отечественной войны РККА, ордена за отвагу 1945 г. награжден орденом
Домашний адрес

476 номера
Бармин
Фёдор Иванович

Барин Евгений Васильевич - лейтенант 1-го класса
В связи с окончанием службы Февр. 27.55. В связи с окончанием службы на территории Германии и ордена за отвагу и ордена за отвагу
4-й класс ордена

1907 г. рождения, русский, в РККА с 1943 г. участником Великой Отечественной войны РККА, ордена за отвагу 1945 г. награжден орденом
Домашний адрес

Барин Фёдор Иванович - лейтенант 1-го класса
В связи с окончанием службы Февр. 27.55. В связи с окончанием службы на территории Германии и ордена за отвагу и ордена за отвагу
4-й класс ордена

1907 г. рождения, русский, в РККА с 1943 г. участником Великой Отечественной войны РККА, ордена за отвагу 1945 г. награжден орденом
Домашний адрес

Борисов Александр Григорьевич - рядовой 1-го класса
В связи с окончанием службы Февр. 27.55. В связи с окончанием службы на территории Германии и ордена за отвагу и ордена за отвагу
4-й класс ордена

Михайловский
Леонид Сергеевич

1. Гвардии старший лейтенант Михаил Михайлович Михайловский	Гвардии старший лейтенант Михаил Михайлович Михайловский
2. Гвардии старший лейтенант Михаил Михайлович Михайловский	Гвардии старший лейтенант Михаил Михайлович Михайловский
3. Гвардии старший лейтенант Михаил Михайлович Михайловский	Гвардии старший лейтенант Михаил Михайлович Михайловский
4. Гвардии старший лейтенант Михаил Михайлович Михайловский	Гвардии старший лейтенант Михаил Михайлович Михайловский

ИМЕНА НА ОТЛИЧИЕ

1. Гвардии старший лейтенант Михаил Михайлович Михайловский	Гвардии старший лейтенант Михаил Михайлович Михайловский
2. Гвардии старший лейтенант Михаил Михайлович Михайловский	Гвардии старший лейтенант Михаил Михайлович Михайловский
3. Гвардии старший лейтенант Михаил Михайлович Михайловский	Гвардии старший лейтенант Михаил Михайлович Михайловский
4. Гвардии старший лейтенант Михаил Михайлович Михайловский	Гвардии старший лейтенант Михаил Михайлович Михайловский

ИМЕНА НА ВОИНСКИХ СЛУЖБАХ

1. Гвардии старший лейтенант Михаил Михайлович Михайловский	Гвардии старший лейтенант Михаил Михайлович Михайловский
2. Гвардии старший лейтенант Михаил Михайлович Михайловский	Гвардии старший лейтенант Михаил Михайлович Михайловский

29.10.44 Группа разведчиков во главе со ст. серж. Медведевым была поставлена задача разведать и засечь в районе разведчики внезапно столкнулись с немцами, погнав в калюже кид. Как вышло немцы рванувшись пулеметы наперекрестки воюющей дороги и у черны, с целью отбросить переодеть шоссейную дорогу. На се ст. серж. Михайловский впереди группы немцев до ст. серж. и стали говорить что-то по-русски, вероятно хотели пленить его. Но Михайловский не растерялся, три гранаты бросил в группу немцев. В воздухе взлетели пыль и дымы. В этой схватке Михайловский был ранен немцами, а также ранены с собой убоялись. Тогда Михайловский обрел убежище в автоматах, бросился на помощь своим товарищам. Сражаясь с ними так Михайловский полон убитыми орудиями пулемет и повозку с установой пулемета. Там короткой и жаркой схваткой разведчики вернулись в эскадру.

7.04.45 года в районе Мамонт при наступлении ст. серж. Михайловский переломил ситуацию и в рукопашном бою в пригороде уничтожил немцев. Таким образом ст. серж. Михайловский уничтожил важнейшие объекты врага. В результате и успешность продвижения в рукопашном бою

М. Курзев
Два Белы. Тарушана 1937 19 апр 1937.

Мамыял, Корукал муг. кесеря
Тарушана 1937 19 апр 1937.

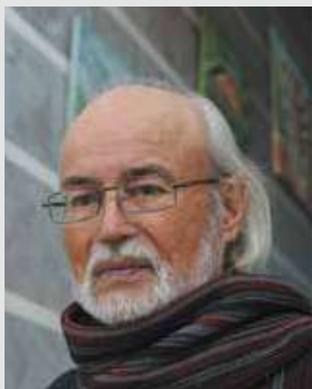

Вторушина
Екатерина Антоновна

Давыдов К.
армия 1943.
Л. Светлов

МАСТЕРСКАЯ ХУДОЖНИКА

ГЕННАДИЙ
РАЙШЕВ

Заслуженный деятель культуры ХМАО, заслуженный художник России, член-корреспондент Российской академии художеств. Почётный гражданин города Карпинска, почётный гражданин ХМАО. Почётный академик Академии искусств и художественных ремёсел им. Демидовых. Лауреат премии «Звезда утренней зари» депутатской Ассамблеи народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Награждён Золотой медалью, медалью «Шувалов», орденом «За служение искусству» Российской академии художеств, Золотой медалью «Духовность. Традиции. Мастерство» ВТОО Союз художников России.

Родился 18.11.1934 в д. Сивохребт Самаровского района Остяко-Вогульского автономного округа. Отец Райшев Степан Миронович, охотник и рыбак ханты, мать Конева Евгения Фёдоровна, из рода русских сибирских старожилов. В 1937 репрессирован отец (расстрелян в 1938).

В 1948–1954 годы учился в Сургутской средней школе, где преподавал известный педагог А. С. Знаменский, продолжатель династии сибирских просветителей Знаменских, оказавший большое влияние на формирование мировоззрения художника. В 1959 окончил филологический факультет Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, там же вечернее отделение художественно-графического факультета. Посещал натурные классы Института живописи,

скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, музейные коллекции Русского музея и Эрмитажа.

В 1974 принят в Союз художников СССР.

С 1962 жил в г. Карпинске, Свердловской области, с 1998 живёт в г. Ханты-Мансийске.

1996 – учрежден филиал Ханты-Мансийского краеведческого музея «Мастерская художника Г. С. Райшева», преобразованный в 2001 в учреждение культуры ХМАО «Галерея-мастерская художника Г. С. Райшева» (ныне филиал Государственного художественного музея).

В 2011 году открыто для посетителей здание Галереи-мастерской по специальному проекту под руководством народного художника России С. В. Горяева.

Основная коллекция находится в Галерее-мастерской художника Г. С. Райшева (около 20 тысяч ед. хранения). Произведения хранятся в Государственной Третьяковской галерее, Российской академии художеств, крупные коллекции – в музейных собраниях Тюмени, Екатеринбурга, Сургута, Тобольска, а так же в других городах Урало-Сибирского региона; в многочисленных частных коллекциях России, США, Венгрии, Финляндии, Франции, Германии и др.

Избранные выставки с участием Г. С. Райшева

Участник областных и городских художественных выставок Свердловского отделения Союза художников, региональных «Урал социалистический» (ныне «Большой Урал»), республиканских, всесоюзных, международных, выставок Российской академии художеств.

1989 Москва. Манеж. Вторая республиканская выставка «Художники автономных республик, областей и национальных округов РСФСР», персональная экспозиция.

1995 Москва. Государственная Третьяковская галерея. Выставка произведений, выдвинутых на соискание Государственной премии Российской Федерации; персональная экспозиция.

1999 Москва. Государственный исторический музей, филиал Музей современной истории России. «Северная цивилизация на пороге XXI века. Мифология. Быт. Культура».

2004 Москва. Государственный Исторический музей. Персо-

нальная экспозиция на выставке «Земля Тюменская», посвященной 60-летию Тюменской области.

2008 Санкт-Петербург. Государственный Русский музей. «Сибирский миф. Голоса территорий. Сибирские художники XX–XXI вв.»; персональная экспозиция.

Персональные выставки

1988 Свердловск. Музей изобразительных искусств; Тюмень. Музей изобразительных искусств; Ретроспективная выставка 1960–1980-х годов. Живопись. Графика.

1991 Секешферхервар. Галерея современного искусства Музея имени короля Иштвана; Будапешт. Дом советской культуры и науки. Венгрия. Живопись.

1992 Венгерский культурный центр. Москва. Живопись.

1994, 1996 Екатеринбург, Тюмень. Музей изобразительных искусств. Ретроспективная выставка живописи 1959–1994 годов. С 1996 – выставки в Галерее-мастерской художника Г. С. Райшева. Ханты-Мансийск.

1999 Москва. Выставочный зал редакции журнала «Наше наследие». Живопись 1990-х годов.

1999 Йоэнсуу. Художественный музей. Финляндия. Живопись.

2002 Москва. Государственная Дума РФ. В рамках презентации Ханты-Мансийского округа.

2005 Тюмень. Музей изобразительных искусств. Ретроспективная выставка «Графика. Книжная иллюстрация. 1960-е – 2000-е годы».

2006 Ханты-Мансийск. Государственная библиотека Югры. Иллюстрации по мотивам русской классики (А. Пушкин, Н. Гоголь, М. Лермонтов, И. Бунин, П. Бажов, П. Ершов).

2012 Санкт-Петербург. Концертный зал Государственного Мариинского театра «Музыкальное приношение», в рамках творческого проекта «Год Мариинского театра в Югре».

2014 Париж. Штаб-квартира ЮНЕСКО. «Югорская легенда»: Графика. 1960-е – 1980-е».

Литература:

Геннадий Райшев. Хантыйские легенды / Сост. и авт. вступ. ст. Г. В. Голынец. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1991. – 192 с.

Геннадий Райшев. Живопись. Графика / Сост. и авт. вступ. ст. Н. Н. Фёдорова; науч. ред. Ю. Я. Герчук. – М.: Журнал «Наше наследие», 1998. – 144 с.

Геннадий Райшев. Диалог со зрителем. Беседы в мастерской художника. Ч. 1-3. / Сост. и авт. вступ. ст. Л. Г. Лазарева – Ханты-Мансийск: ГУППИ «Полиграфист», 2001–2002.

Геннадий Райшев. Графика / Сост. и авт. вступ. ст. Г. В. Голынец. – Екатеринбург: ООО «Издательский дом «Пакрус», 2004. – 344 с.

Райшев Г. С. «Сибирские бывальщины» / ред.-сост., предисл. Н. Н. Фёдорова, ил. Г. С. Райшев. – Ханты-Мансийск, 2013. – 64 с.

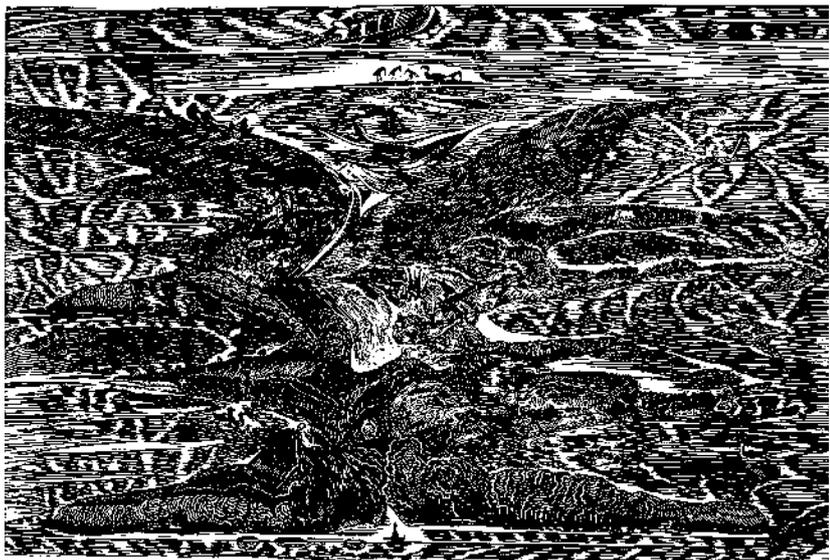
Геннадий Райшев. Живопись. 1960-е–2010-е / Авт.-сост., текст Н. Н. Фёдорова. – Екатеринбург, Изд-во Баско, 2014. – 380 с.

Творчество Г. С. Райшева в контексте современной культуры. 1960–2010-е годы: мат-лы межрегион. конф. 17-19 ноября 2014 / БУ «Государственный художественный музей», филиал «Галерея-мастерская Г. С. Райшева»; отв. ред. Н. Н. Фёдорова – Ханты-Мансийск: ООО «Принт-Класс», 2015. – 172 с.

Список иллюстраций к статье о Г. С. Райшове

(список приводится в соответствии с нумерацией иллюстраций в тексте)

1. Миша Лемпин. Серия «Мужички салымские». 1972. Линогравюра. 41x31
2. Земля предков. 1972. Линогравюра. 50x75
3. Лес. 1972. Линогравюра. 44x33
4. Старый глухарь. 1972. Линогравюра. 44x33
5. Фрагмент экспозиции произведений 1980-х г. Галерея-мастерская Г. С. Райшева
6. Югорская легенда. 1986. Х., м. 200x300
7. Российская песня. 1991. Х., м. 200x400
8. Земля. Две осины. 2006. ДВП, м. 55x45
9. Мозаика Г. С. Райшева «Пространство Сибири» на фасаде Галереи-мастерской Г. С. Райшева. 2004–2010 гг.
10. На обложке: Г. С. Райшев. «Богатырь на холме». Из триптиха «Переключка богатырей». 1980.

Земля предков. 1972. Линогравюра. Илл. 2

МНОГОЛИКИЙ МИР ГЕННАДИЯ РАЙШЕВА

«Я писал по любви к этому многоликому, многоцветному миру по имени Моя Земля и Мой Край⁷»

Более пяти десятилетий Геннадий Райшев совершает свой путь художника. На каждом этапе этого пути он открывает для себя и для нас мир, соотнося собственную почву, без которой не может быть искусства, с универсалиями бытия, с планетарным осознанием мира. «Очень важно иметь своё место, с которого можно обозревать землю и иметь связь с космосом», – эту мысль художник не однажды высказывал и претворял в разных состояниях художественного обобщения.

Поселения Сивохребт («Налимий яр» с хантыйского), где родился и провёл детство художник, уже нет – большая вода разрушила высокий берег реки. Но ему суждено было возродиться в многочисленных сюжетах художника, связанных с ландшафтом и «жизненным миром» этого локуса, ставших точкой отсчёта в по-

⁷ Здесь и далее – записи бесед автора с Г. С. Райшевым

стижении бытия. Самые яркие впечатления детства – «бесконечной широты пространства» воды, неба, леса, наполненные жизнью природы и людей. В этих местах, при впадении реки Салым в Обь, издавна жили охотники и рыбаки ханты. Иртышские ханты Райшевы и русские старожилы Коневы переселились сюда, в отдалённые места, во времена гражданской войны. Здесь пришлось пережить новые социальные явления: в четырёхлетнем возрасте будущего художника потеря

Миша Лемпин. Серия «Мужички салымские». 1972. Линогравюра. Илл. 1

отца, репрессированного в 1937; трудное выживание семьи «врага народа» в войну и послевоенное время, когда пришлось оставить школу и заняться охотничьим промыслом. Но тогда же происходило познание природы, уклада жизни обрусевшей хантыйской деревни и окрестных поселений. Позже в Сургутской школе-интернате – встреча с неординарным педагогом А. С. Знаменским, потомком сибирских просветителей, заложившим широту мировоззрения – основу для образования в Ленинграде, на северном отделении педагогического института, где сформировались многие писатели и учёные – соученики Ю. Шесталов, А. Тарханов, В. Санги и др. Всё это, включая ленинградскую художественную среду конца 1950-х годов (выставки европейского авангарда и музейные коллекции, посещение Академии художеств, обучение на вечернем художественно-графическом отделении института) – составляющие метапространства формирования художника.

Уже в начале пути Райшев обращается к двум истокам, к которым имеет генетическую принадлежность – древнехантыйской и русской сибирской культурам, исследуя обе стилиевые линии, что само по себе в сибирском искусстве представляет единичное явление. Но главное, он обращается к природе как первооснове, среде обитания человека, этноса, через Природу, как целое, постигая универсалии бытия.

Художественная система мастера определилась выходом на собственное понимание пространственного изображения «природы, в которой жил... Я человек, родившийся в большом пространстве. И очень много думал, как сделать его в картине...» В автобиографической картине «Возвращение» (1974) человек в хантыйской лодке-долбленке погружен в стихию воды и бликующего света. «Я увидел в самой природе эту связь волны, блеска волны, весла, лодки – всё это один и тот же модуль. Эти музыкальные ритмы – как ноты, ими можно пользоваться, разрабатывая большие, серьёзные, сложные композиции»⁸. Идея слитности человека и природы находит здесь выражение образно-метафорическое и структурированное. Модулем волны сотворяется изобразительная ткань, ритмика предметных форм, «музыкальное живое ощущение пространства».

«Речное пространство», ставшее первоосновой построений, получило развитие в известных линогравюрах 1970-х годов. В «Земле предков» предметом изображения становится материк земли, омываемый водами, подобно образу космогонических обско-угорских мифов, хозяевами прибрежных вод выступают салымские «рыбачки в лодках» (Илл. 1, 2). Следующий этап знакового освоения ландшафта – образы сакрального пространства («Путешествие к священному острову». 1974). Остров в виде лодки изображён в огромном водно-небесном пространстве, выстроенном восходящими радиальными линиями, обращёнными к Верхнему миру. Рождаются живописные картины, имеющие выход на «круговое пространство» («Остров куликов», «Сломанные нарты», «Болотная баба» и др.) – основа последующих построений планетарного характера. Остров земли, или «пятая земля», осознаётся как часть большого пространства, наполненного в равной степени мифологическими и современными планетарными мотивами (серия «Югорское пространство» 1988). А предметы, изображённые в таком пространстве, становятся его знаковым выражением, метафорой, подобно первопредметам, наделённым в фольклорной традиции множеством смыслов.

⁸ Геннадий Райшев. Живопись. Графика / Автор-сост. Н.Н. Федорова. – М.: Изд. журнала «Наше наследие», 1998. С. 117.

Лес. 1972. Линогравюра.

Старый глухарь. 1972. Линогравюра.

Художник структурирует мир, видит его во взаимосвязях, сотканным из первооснов, создавая изобразительную систему, которую мыслит как «параллельную природе». Найденная универсальная система родственна фольклорно-орнаментальной по своей знаковости. «Меня не удовлетворяет узнавание только для глаза, более интересует момент жизни не глазной, а внутренней – здесь образ концентрированный, ёмкий. Отбрасывая многое внешнее, найдёшь малое, и в нём истину», – говорит о своём методе художник.

Речное пространство перетекает в небесное, сменяется лесным (Илл. 3, 4). Появляется своего рода жанр «путешествия» – человека, или птицы, или некоего мифического существа над лесом, о котором слышал в детстве; природа наполняется поразительным богатством цветов и ритмов. Автор признаётся, что ландшафтные серии картин писал на основе памяти детства («Солнечный мальчик», «Дятел над бором», «Вечерний луч», «Над лесом идущий» – 1978 г. и более поздние работы). Панорамные композиции сменяются «крупными планами», в природной стихии рождаются неожиданные образы-лицетворения этого пространства: девушки-черёмухи, женщины-морозки, «травяные» мужики, бабы, утки; дух леса, хозяин реки... Эти фольклорные образы, схожие с реально живущими обитателями изображаемых мест, стали теперь узнаваемыми

Югорская легенда. 1986. Х., м.

и близкими нам. А в 80-е годы изобразительные средства воспринимались столь же необычными, как и сами образы (Илл. 5).

Образы, создаваемые Райшевым, феноменальны по своей первозданности, жизненной полноте, «где всё взаимопроникает и взаимовозбуждает». Автор не однажды говорил, что ассоциации и чувствования его окрашены детскими впечатлениями «первовидения», обращением к «древнему чистому восприятию», связанному с генетической памятью, подчёркивая важность обращения к этим «источникам» и находя возможности переложения на изобразительный язык. Все свои находки и открытия Райшев трансформирует и переосмысливает в последующих работах: «С каждым годом художник... смотрит на мир с разных расстояний, не с позиций, а именно – расстояний...», и эти временные сдвиги создают новую содержательную многослойность образов.

В создаваемом художником мире параллельно сосуществуют, нередко пересекаясь, разные временные измерения: природно-мифологическое, историческое, время жизни человека и планетарное, космическое. Это проявляется через бытие этносов, в сибирском варианте рассматриваемых Райшевым в двух вариантах – обско-угорском и русском сибирском. Их типологическая разность на контрасте и взаимодополняемости даёт модель пространственно-временных связей человека и природной среды (охотни-

че-рыболовецкой культуры и земледельческой), культурно-стилевых особенностей, а в целом – гармонию как многообразие.

Связующим звеном в монументальных циклах 80-х – 90-х годов выступает Время, всё объединяющее в потоке жизни. Предстояние народа на первоначальном холме Земли, омываемом водами, рождается в вариантах эпической «Югорской легенде» (Илл. 6). В архаически-знаковых силуэтах людей узнаются характерные реальные персонажи, представляющие этнические обско-угорские типы, их одежды, особенную пластику поз и движений. Легенду о древних временах большого потопа художник слышал изустно, и люди, изображённые на берегу – знаемые художником и по родным местам, и по многим поездкам в разные поселения югорской земли. Принцип изображения «от знака до живого», имеющий связи с живой традицией культовой скульптуры, орнамента и в целом выражающий идею «живой архаики», становится ключевым для Райшева («На семи холмах», «Изначальное», «Под лучами Нуми-Торума» и др.).

Русский цикл более «приближен» во времени и также имеет свою природно-фольклорную основу. Здесь есть обращение к мифологическому началу, выход на песенную драматургию, на память детства и предметный мир традиционного быта – всё это даёт очень широкий спектр пространственно-временных связей, жанрового многообразия, поисков новых средств. В се-

Фрагмент экспозиции произведений 1980-х г. Галерея-мастерская Г. С. Райшева

риях работ предстаёт время предвоенных и военных лет, связанных с детством художника, имеющее выходы на архетипические образы и вместе с тем на современное осознание таких явлений, как война, тоталитаризм. Причудливо соединяется реальное и фантазийно-фольклорное в «сибирских бывальщинах», слышанных в детстве. Этот источник творчества воссоздан в сериях разных лет, а также в литературной форме – рассказах, опубликованных с собственными иллюстрациями⁹.

Знаковый цикл «Российские песни» 90-х годов, имеющий множество воплощений, связан с песенно-музыкальной драматургией (Илл. 7): «Вся наша жизнь каким-то образом концентрируется и выливается именно в мелодии, в песне. И начинается движение, жизнь, ритм, цвет... В русской песне существует высочайший и беспредельный полет в ту свободу, к которой вечно стремится человек...»¹⁰. Дерево, соединяющее землю и небо, сюжетный мотив дороги, поля – архетипические «песенные» образы этого цикла, в целом характерные для российского пространства. В монументальной «Российской песне» 1992 года выведена целая панорама народных образов-типов в разном временном, включая «предковое», состоянии.

Создавая полифоническую модель мира, Райшев обращается к разным изобразительным возможностям, считая, что «нужно свободно мыслить средствами». На основе постоянного синтеза он приходит к полистилизму, полифоническому авторскому стилю, в целом характерному для художников – создателей «личных стилей» искусства новейшего времени. Всецело объединяющим в мире художника выступает ритмическое, музыкальное начало как универсальное проявление гармонии. Звуками природы наполнены его пейзажные работы (многочисленные варианты мотивов «трель дятла», «звуки моего бора», «звук кукушки»); композиции 2000-х годов – импровизации «музыки пространств», в т. ч. соотносительно с гармонией Баха, Моцарта, Бетховена, Кандинского. В трёхчастном монументальном полиптихе «Музыкальная интерпретация средствами живописи. Детство. Зрелость. Мудрость» (2013) осознаётся жизнь человека. И в целом музыкаль-

9 Райшев Г. С. Сибирские бывальщины / Ред.-сост., предисл. Н. Н. Федорова; ил. Г. С. Райшев. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир», 2013. – 64 с.: ил.

10 Геннадий Райшев. Живопись. Графика / Автор-сост. Н.Н. Федорова. – М.: Изд. журнала «Наше наследие», 1998. С. 40.

Российская песня. 1991. Х., м.

но-ритмическое начало лежит в основе пространственных построений, от малых до монументальных форм, включая масштабное мозаичное панно «Пространство Югры» (Илл. 9) на фасаде здания Галереи-мастерской Г. С. Райшева.

Земля. Две осины. 2006. ДВП, м.

Период творчества 2000–2010-х годов связан с выходом на общечеловеческое планетарное измерение. Многие серии 2000-х годов объединены космологическими мотивами. Особое место среди них занимает монументальный триптих «Человек и Космос» (2002), объединённый спиралевидным композиционным построением. В бесконечном движении Вселенной Земля не различается среди многочисленных планет, но в каждой части триптиха («Восхождение», «Падение», «Страдание») есть знаковое присутствие человека, вписанное в общий космический ритм. «Мы чувственное начало Вселенной», – говорит художник. Во многих работах «предметом» изображения многогранно выступает планета Земля. Редкостное соединение земного и вселенского наблюдаем мы у Райшева: космической энергией пронизано всё земное, а изображая космос, он «вселяется» в него, наполняя теплом живой планеты (Илл. 8).

Опыт созидания Геннадием Райшевым художественной картины мира глубоко индивидуален и вместе с тем отражает развитие современного искусства и гуманитарной мысли. Соединяя часть и целое в подвижное состояние жизни, выстраивая многомерную модель бытия, он в своих поисках близок идее всеединства, объединяющей мыслителей разных времён.

Творчество Геннадия Степановича Райшева долгое время, до первой масштабной выставки 1988 года, было известно узкому кругу зрителей и специалистов, будучи не признаваемым официальным искусством. По настоянию общественности и поддержке руководства в 1996 году в Ханты-Мансийске была открыта мастерская художника, где получило место хранения огромное количество выставочных работ. Вскоре они были востребованы, и мастерская перешла в статус Галереи-мастерской. Сейчас Галерея-мастерская – известная музейная институция, включающая действующую мастерскую художника и выставочные экспозиции.

Целостную картину мира, воссоздаваемую художником, впервые призвана отразить экспозиция «Человек. Природа. Космос» в недавно выстроенном эксклюзивном здании Галереи-мастерской Г. С. Райшева. Пространственный архитектурный облик здания, созданный под руководством С. В. Горяева, вдохновлён творчеством Райшева (Илл. 9). Не только пластический объём, мозаика фасада, но и внутренняя планировка большого выставочного зала связаны с идеей пространства. Это позволило создать многоярусную экспозицию с крупномасштабными произведениями, которые составляют основные блоки – обско-угорского и русского сибирского пространства, а также выход на тему человек и космос.

Построенные на основе диалога культур, диалога искусств, творчество и деятельность Райшева в условиях «открытого» музея дают пример живого развития культурного ландшафта. Здесь получил реализацию долгосрочный выставочный проект «Геннадий Райшев: Диалоги», задуманный универсальным по своему наполнению. Диалогом искусств были первые значимые выставки проекта: «Музыкальное приношение» – диалог музыки и изобразительного искусства (экспонировалась в Мариинском театре в 2012 году по приглашению маэстро Гергиева); выставка-презентация графики по мотивам героического

Мозаика Г. С. Райшева «Пространство Сибири» на фасаде Галереи-мастерской Г. С. Райшева. 2004–2010 гг.

эпоса манси «Песни святых покровителей» (впервые изданного в 2010) – синтез слова и изображения и др.

Книжная графика – одна из значимых граней творчества художника. В разное время экспонировались выставки графики по мотивам литературной классики: «Одиссеи» Гомера, карело-финского эпоса «Калевала», произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Бунина, Бажова, Ершова, а также современных обско-угорских писателей и поэтов Шесталова, Айпина, Вагатовой, Омельчука и др. В проекте «Диалоги с Райшевым» участвуют художники, творчество которых созвучно Райшеву, в том числе в рамках пленэра.

Наследие художника хранится во многих музеях, но наиболее полно представлено в Галерее-мастерской, на родине Райшева. Действующая мастерская художника, экспозиции его произведений и в целом творчество мастера стали важнейшей частью самобытного культурного ландшафта региона, способствуя диалогу культур в сибирском, российском и общечеловеческом пространстве.

Н. Н. Фёдорова
Галерея-мастерская художника Г. С. Райшева,
член российской Ассоциации искусствоведов (АИС),
Союза художников России.

АЛЕКСАНДР ЛИВН

Ливн Александр Валентинович родился 18 ноября 1959 года в городе Грозном, учился в ДХШ (1972–1978).

Окончил Кубанский государственный университет, факультет художественной и технической графики (1979–1985 г.) у А. И. Фурсова, Г. В. Беды городе Краснодар. ФПК – Всероссийской Академий живописи, ваяния и зодчества (1996 г.), Дом творчества «Челюскинская» СХ (2000 г.) г. Москва.

Член Союза художников России с 2000 года. Член международной ассоциации изобразительных искусств – АИАП ЮНЕСКО.

График, монументалист, педагог.

Участник городских, окружных, областных, региональных, краевых, всероссийских выставок.

Работы находятся в государственном музее-заповеднике М. Ю. Лермонтова «Тарханы», Тюменском музее изобразительных искусств, доме творчества «Челюскинская» СХ, Башкирском государственном художественном музее им. М. В. Нестерова, частных коллекциях России и за рубежом.

Лучшее художественное произведение – 2000 года. Номинация графика, премия им. Г. А. Бусыгина, областная выставка СХ ТМИИ города Тюмень.

Организовал в Нижневарттовском районе отделения ИЗО искусств: ИЗО студия (1985 г.), ДШИ

п.Новоаганск (1993 г.), ДШИ р.п. Излучинск (ДХШ 1997 г.). Преподавал в художественно-графическом факультете Нижневарттовского государственного университета городе Нижневарттовск, был заведующим кафедрой декоративно-прикладного искусства.

Жил и работал в р.п. Излучинск. Трагически погиб в 2004 году.

По решению Учёного совета Нижневарттовского государственного университета одному студенту факультета искусств и дизайна, получающему повышенную стипендию, за достижения в научно-исследовательской деятельности и за достижения в области декоративно-прикладного искусства назначается стипендия члена Международной ассоциации изобразительного искусства – АИАП ЮНЕСКО, члена Союза художников России, доцента Ливна Александра Валентиновича. Извечные темы в творчестве Александра Ливна.

«Русь». Декоративное панно/мозаика. Фойе ср. школы п. Зайцева Речка. 1996 г.

АЛЕКСАНДР ЛИВН – ОДИН ИЗ САМЫХ РОМАНТИЧНЫХ ХУДОЖНИКОВ ЮГОРСКОЙ ЗЕМЛИ.

Ливн – мастер монументальных панно, произведений станковой живописи и графики, иллюстраций, эстампов, акварелей. Кажется бы, слишком много увлечений для одного человека. Известно, что очень трудно отойти от языка монументальных форм к языку камерных полотен. Но Ливну это удаётся. И везде он остаётся тонким лириком.

Александр начинал свой творческий путь на юге. В 1985 году он закончил факультет художественной и технической графики Кубанского государственного университета. Тогда же сформировался круг его интересов.

После переезда на Север он продолжает работать над созданием монументальных панно. Постепенно художник находит свой индивидуальный творческий язык. Это и тонкая стилизация детского рисунка, и умение органично соединять символику и реальность, и чётко выстроенное композиционное решение.

Художник и смелый экспериментатор. За это его качество говорит одна из работ — мозаичное панно «Югра» (1995), украшающее деревянное здание этнографического музея посёлка Аган. Здесь «сплелись» казалось бы несоединимые материалы. Что может быть недолговечнее дерева в архитектуре, и что может быть прочнее мозаики в монументальной живописи? Художник превращает это противоречие в художественный эффект. Пик шамана, бубен-Вселенная, тотемные знаки животных, увековеченные на панно, созвучны первобытному материалу здания.

Но Ливн и традиционалист. Он не боится использовать определённые штампы, выработанные столетиями. Самый известный среди них — персонификация. На его панно «Времена года» (1996) человеческие фигуры представляют разные сезоны. Но и здесь этот приём смотрится свежо. Эффект происходит за счёт своеобразного композиционного решения. Временной круг начинает не фигура Юноши, символизирующего Весну, а Женщина-Лето. Она помещена слева, а именно слева направо европейцы приучены «прочитывать» картину. Далее мы видим золотую Осень жизни, представленную перед нами в виде отдыхающих Женщины и Мужчины. А следующая за ними фигура Старушки-Зимы замыкает круговорот жизни тематически, а не композиционно. Мы следуем за мыслью художника и обращаем внимание на изображённого ближе к центру Юношу. Так начинается новая жизнь...

«Югория. Лабаз». Литография, нижняя часть. 2000 г.

«Мифология. Пан». Офорт, акватинта, листы 1, 2. 2000 г.

Мозаика – техника, любимая на Руси церковными живописцами. И художник Ливн также обращается к религиозной тематике. Причём, панно на библейский сюжет помещает не на стену церкви, а на стену другого храма – храма науки. «Преображение» (1997) украшает среднюю школу посёлка Излучинска. В центре панно изображена фигура Христа в окружении апостолов. А по сторонам запечатлены Адам и Ева. Адам символизирует созерцательное, творческое начало, Ева – действенное. Она – хранительница очага, усмирительница животных. Адам и Ева здесь выступают ещё и как язычники, чьи потомки создали прекрасный миф о Христе. Так переплетаются в одном произведении множественные начала жизни.

Привлекает художника и языческий мир северных народов. Среди произведений на эту тему интересно мозаичное панно «Медведь» (1998). Маленький мир северных народов уютен и праздничен. Медведь здесь не просто тотемный образ, а полноправный член общины, защищающий её от невзгод. Своими «объятиями» он охраняет этот хрупкий мир, где поют взрослые, играют дети, отдыхают собаки. В работе нет морализирующего подтекста – «Берегите мир малых народов». Зритель сам приходит к этому выводу, глядя на прекрасное единение людей и природы, изображённое художником.

Художника-монументалиста Александра Ливна не привлекают сложные коллизии нашего времени, его больше интере-

суют извечные темы – легенды о мироздании, семейный уют, романтические отношения людей, мир естества.

Эти же темы находят отражение и в его станковой живописи. «Время одуванчиков». Полотно создано в 1999 году. Его язык одновременно и современен, и обнаруживает близость к творчеству И. Босха – знаменитого живописца Нидерландов XV века, прозванного «первым сюрреалистом». Заставляет задуматься уже само название, передающее настроение хрупкости бытия. Картина наполнена реальными предметами, которые, взаимодействуя друг с другом, каждый раз рожают новый ассоциативный ряд. В верхней части композиции изображён предмет, который можно принять и за краюху хлеба, и за сказочный островок земли, и за летучий корабль с вёслами... Тут же изображён деревенский натюрморт с неизменными чугунками и ведрами. Что это – ностальгия по быту предков или желание остановить уходящий быт?

В нижней части композиции изображена хантыйская семья, плывущая в лодке. Казалось бы, где единство? Но всё соединяют лестницы, ведущие вверх, в небо. Гармония установлена. Здесь запечатлена не фантазмагория, а нечто более философское – поиск смысла жизни.

«Метаморфозы. Утро. Рассвет». Цв. литография.

«Югория. Ермак». Левая часть. Автолитография. 2000 г.

В портретах художник обращается к традициям передвижников. Наиболее интересен среди них – «Портрет друга» (1987).

Всю стремительность натуры художника, вольнолюбивость показывают его акварельные листы. Здесь он словно стремится поспеть запечатлеть мгновенное состояние природы: порыв ветра («Летний этюд», 1997), первые лучи неяркого солнца («Весенний этюд», 1996)...

Но, несмотря на любовь к живописи, всё же особое место в творчестве мастера занимает графика.

Здесь художник не изображает в единой композиции всю полноту замысла, как это было в его монументальных произведениях. При созерцании графических листов он, напротив, позволяет зрителю остановиться, задуматься, рассмотреть внимательно каждую деталь, прочувствовать её. Отсюда камерность и серийность его графики.

Художник выступает здесь не только как творец, но и как ремесленник. Он сам изготавливает свои гравюры. Уважение к труду эстампа проявляется буквально во всём, даже в такой детали, как тиснёная монограмма художника на бумаге.

«Югория. Кучум». Правая часть. Автолитография. 2000 г.

«Югория» (2000). Автолитография. Открывает серию лист с изображением Ермака. Здесь есть дух ухарства, свободы, быстроты. Замыкает серию изображение Кучума, старого немощного властителя Сибири. Битвы нет. Но её исход ясен даже по символической характеристике героев. В центре серии по вертикали выстраиваются три листа. Здесь наиболее важен лист с изображением легендарной Золотой бабы – Сорни-Най. Она и быль, и легенда. Окружают её листы с характеристикой реального быта: «Бубен», «Пабаз» «рассказывают» о жизни ханты, рисуют перед нами устройство, среду обитания жителей Сибири.

Не избежал художник и увлечения античностью. Её мифология притягивает, образы стали настолько знакомыми, особенно для европейского сознания, что отказаться от них практически невозможно. И Ливн начинает работать над серией, носящей также название «Мифология» (2000. Офорт, акватинта). Здесь интересен лист «Пан». На первом плане изображена нимфа Сиринга, чьей красотой прельстился хранитель леса. Контуры обнажённого тела нимфы совершенны, они также певучи, как пинии античных ваз. Её отражение в воде зовёт и пле-

няет. Сам же воздыхатель прячет свой страшный лик Силена. Очаровывает мир только его игра на свирели.

Художник работает и как иллюстратор книг. Среди них рисунки к сборнику стихов и прозы литераторов Нижегородского региона «Кедровая грива» (1998), оформление книги Н. Зинченко «И возвестила земля» (2000).

Но иногда литературное произведение рождает желание создать не иллюстрации, а станковые произведения, где образы, созданные писателем, как бы пропущены через внутренний мир художника. Таковым произведением стала графическая серия (1998), созданная А. В. Ливном по мотивам повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель». Мерно тянущаяся череда рисунков ассоциируется с бесконечными русскими дорогами, одним из главных героев этого произведения писателя. Художник, вслед за Пушкиным, словно ведёт неторопливый рассказ, переданный уже средствами графики.

Интересно композиционное решение серии. Оно зеркально. «Знаковые пейзажи» России – одинокий верстовой столб да убогий вид провинциального городка, на фоне «холодного» Петербурга – начинают и завершают серию. Они словно «стискивают» быт русской жизни, отображённый художником в портретах героев и центральной сюжетной композиции. Здесь

«Югория. Бубен». Верхняя часть. Автолитография. 2000 г.

«Олень». Эскиз фасада ДК п. Варьеган. Бумага, гуашь. 1998 г.

и непредсказуемость женской судьбы, и страдания «маленького человека», и снобизм властителей... Художник изобразил и самого Пушкина. Он показан им не просто наблюдателем со стороны, а одним из действующих героев этой драмы прошлого, которая лишь в незначительных деталях отличается от коллизий сегодняшнего дня...

Художник никогда не останавливался на достигнутом, он любил экспериментировать. Это, например, можно было наблюдать в новой (на тот момент) серии «Ловцы снов» (2000, цветная автолитография) мы видим, насколько претерпел изменения его художественный почерк. Образы стали монументальнее, лишившись мешающей им детализации, которая прочно привязывала их к реальному миру. Перейдя в новое качество, они в то же время не утратили своей связи с действительностью, а стали более ёмкими, философскими...

Трагический случай оборвал полёт, но даже то, что создано на взлёте поражает своей цельностью, глубиной мысли, особой, только Александру Ливну свойственной эстетикой, новизной.

Наталья Мутья, искусствовед

ХАНТЫ-МАНСИЙСКАЯ ОКРУЖНАЯ
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ»
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД «ДОРОГА ЖИЗНИ»

ЭРИНТУР

(ПОЮЩЕЕ ОЗЕРО)

Окружной литературно-художественный альманах

Главный редактор Валерий Михайловский
Ответственный редактор Валентина Рыбакова
Корректор В. Неёлова
Дизайн, вёрстка – Анастасия Евменова

Подписано в печать 05.03. 2020. Формат 60X84/16.
Бумага офсетная «Светокопи». Печать офсетная.
Печ. л. 36
Отпечатано в типографии «Любавич»
Санкт-Петербург, ул. Менделеевская, 9
Телефон/факс: 8 (812) 603-25-25, 8 (812) 333-96-06